КРИМИНАЛЬНАЯ КЛАССИКА

ТОМАС ХАРРИС

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

ВЕРШИНА ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАСТЕРОВ ЖАНРА

Молчание ягнят

Томас Харрис

Аннотация
Томас Харрис. Молчание ягнят
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61

Аннотация

ВТОРОЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ

Один из самых культовых триллеров XX века. Его сенсационная экранизация с Энтони Хопкинсом и Джоди Фостер получила пять премий «Оскар».

Мы все безумцы – или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер – блестящий психиатр, но мир может считать себя в безопасности только до тех пор, пока он будет находиться за стальной дверью одиночной камеры в тюрьме строгого режима. Доктор Лектер – убийца. Он – гурман-людоед. Клэрис Стерлинг – курсант академии ФБР. Она восприимчива к чужой беде, и именно это определяет все ее поступки.

Судьба заставляет героев действовать совместно в деле о поимке Буффало Билла – опаснейшего маньяка-убийцы…

«Настоящий учебник по искусству создания напряженного сюжета, абсолютный шедевр, который плавно стремится к своей

кульминации… Харрис, наверное, лучший на сегодняшний день автор, работающий в этом жанре».

The Washington Post

«Последние два десятилетия 19 века в детективном жанре властвовал Конан Дойл со своим Шерлоком Холмсом. Век спустя тех же высот в жанре достиг Томас Харрис».

Guardian

«Гипнотическая фигура доктора Ганнибала Лектера – культового антигероя современной литературы – встает со страниц романа в полный рост».

Publishers Weekly

Томас Харрис
Молчание ягнят

Thomas Harris
THE SILENCE OF THE LAMBS
Copyright © 1988, by Yazoo Fabrications Inc

© Бессмертная И., Данилов И., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

1

Отдел психологии поведения ФБР занимается расследованием серийных убийств и находится в самом нижнем — полуподземном — этаже Академии ФБР в Квантико[1]. Когда Клэрис Старлинг, раскрасневшись от быстрой ходьбы, вошла в приемную, там не было ни души. Клэрис взглянула на свое отражение в дверном стекле. В волосах запутались травинки, на форменной куртке курсанта академии — зеленые пятна травяного сока: на стрельбище отрабатывали бросок на землю под огнем при захвате бандитской группы.

Она слегка взбила волосы и отряхнулась. Не было нужды наряжаться, чтобы хорошо выглядеть, — она прекрасно это знала. Руки пропахли порохом, но мыть их было некогда: в повестке, подписанной начальником отдела Крофордом, стояло: «Немедленно».

В заваленных бумагами комнатах отдела Крофорд был один. Он стоял у чьего-то стола, разговаривая по телефону, и Клэрис впервые за

[1] Сноски: 1

В Квантико (шт. Мэриленд) находится база морской пехоты; на территории базы расположена Академия ФБР.

весь год смогла разглядеть его как следует. То, что она увидела, ее сильно встревожило.

Обычно Крофорд выглядел подтянутым и спортивным, он был похож на инженера средних лет, в свое время преодолевшего тяготы учебы в колледже успешной игрой в бейсбол: ловкий кетчер, стойкий и яростный, когда надо преградить путь противнику. Теперь он сильно сдал: тощая шея торчала из оказавшегося слишком широким воротника сорочки, под покрасневшими глазами набухли темные мешки. Всем, кто хоть изредка держал в руках газету, было ясно: отделу психологии поведения чертовски не везет. Клэрис Старлинг очень не хотелось думать, что Крофорд пьет: в этой конторе такое и представить себе было невозможно.

Крофорд закончил разговор резким «нет!» и раскрыл папку с ее документами, которую все это время держал под мышкой.

— Старлинг, Клэрис Эм, — сказал он. — Доброе утро.

— Здравствуйте, — ответила Клэрис.

Улыбка ее была вежливой, не более того.

— В общем-то, ничего особенного не произошло. Надеюсь, срочный вызов не очень вас перепугал?

— Нет.

«Вот и неправда», — подумала Старлинг.

— Ваш инструктор говорит, что вы прекрасно работаете, в первой пятерке в классе.

— Хотелось бы надеяться. Разве вам докладывают о таких вещах?

— Я сам спрашиваю о вас время от времени.

Старлинг была поражена: она уже было решила про себя, что Крофорд просто паршивый вербовщик, равнодушный и двуличный, как все они. Она впервые встретила Крофорда, когда он приезжал читать лекции в Университет штата Виргиния. Его блестящие лекции и семинары по криминологии сыграли не последнюю роль в ее решении поступить в Академию ФБР. Пройдя конкурс, Клэрис написала ему коротенькую записку, но так и не получила ответа, и все эти три месяца, что она проучилась в Квантико, он совсем не обращал на нее внимания.

Старлинг была не из тех, кто просит об одолжении или навязывается в друзья, но то, как повел себя Крофорд, смутило ее и огорчило. Теперь, снова встретившись с ним, она с сожалением отметила, что он нравится ей по-прежнему.

Однако что-то у него было не в порядке. Крофорда отличала, помимо мощного интеллекта и

образованности, какая-то особая одаренность во всем — Клэрис заметила это сначала по обостренному чувству цвета и фактуры ткани, что явно сказывалось на его одежде, ничем другим, впрочем, не выделявшейся из принятого в ФБР стиля. Сейчас он был по-прежнему опрятен, но все на нем обвисло, словно он таял.

— Тут одна работка подвернулась, и я подумал о вас, — сказал он. — Не настоящая работа, скорее интересное поручение. Сбросьте-ка бумаги Берри вон с того стула и садитесь. Вы пишете в своем заявлении, что хотели бы работать в нашем отделе, когда окончите курс обучения.

— Да.

— Вы изучали криминологию и судебную медицину, но у вас нет опыта оперативной работы. Нам нужен по меньшей мере шестилетний стаж практической работы.

— Мой отец был начальником полицейского участка. Я эту жизнь знаю.

Крофорд едва заметно улыбнулся:

— Ну, я бы сказал, что вы действительно знаете основы психологии и криминологии, ведь вы специализировались — и блестяще — именно по этим предметам; за вас и практика в психиатрической больнице. Сколько времени вы там

проработали?

— Два лета.

— А ваша адвокатская лицензия — она все еще действительна?

— Еще два года. Я получила ее до того, как вы приехали в наш университет, чтобы вести семинары. До того, как я решила пойти сюда.

— Окончив, вы как раз попали в полосу безработицы, правда?

Старлинг кивнула в ответ:

— Впрочем, мне повезло: я вовремя сообразила пройти конкурс на должность младшего научного сотрудника, и меня оставили в университетской лаборатории — заниматься судебной медициной. А потом открылась вакансия в вашей академии.

— Вы ведь мне написали, что приняты в академию, верно? И я, кажется, не ответил? Не ответил, я помню. А надо было.

— Ну, у вас ведь были и более важные дела.

— Вы слыхали о ППОТП?

— Это Программа профилактики особо тяжких преступлений. Я читала об этом в «Бюллетене правоохранительных органов». Там писали, что вы работаете над базой данных, но программа еще не введена в действие.

Крофорд кивнул.

— Мы составили опросник. Включили всех известных в наше время преступников, совершавших серийные убийства. — Он протянул ей толстую пачку листков в хлипкой бумажной обложке. — Тут есть раздел для следователей, и для жертв — если кто-то выжил — тоже. Голубые листки — для убийцы, если таковой пожелает ответить, а на розовых — те вопросы, которые должен задавать убийце ведущий опрос, отмечая не только его ответы, но и реакцию. Куча писанины.

Писанина. Клэрис Старлинг почувствовала, как просыпается в ней карьеризм и, словно охотничий пес, принюхивается и делает стойку. Сейчас ей предложат работу, может быть, сплошное занудство вроде введения необработанных данных в новую компьютерную систему. Конечно, соблазнительно сразу попасть в отдел психологии поведения на любую должность. Но Клэрис прекрасно знала, что происходит, если женщина начинает с секретарской работы: ярлычок «секретарша» пристанет — его не отлепить до конца дней своих. Сейчас придется выбирать. Нужно сделать правильный выбор.

Крофорд молча ждал. Кажется, он задал ей

какой-то вопрос. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить.

— Какие тесты вам приходилось проводить? Миннесотский многопрофильный или Роршах?

— Да, обычно ММП, тест Роршаха не приходилось, — ответила она. — Еще проводила ТАТ, а детям давала Гештальт-тест Бендер[2].

— Вы как, не из пугливых?

— Вроде нет.

— Понимаете, мы попытались опросить и обследовать всех осужденных за серийные убийства — таких тридцать два случая, — чтобы создать базу данных для психологического профилирования нераскрытых убийств. Многие — большинство — согласились отвечать на вопросы, я думаю, в значительной мере из желания покрасоваться — они просто не могут без этого. Двадцать семь согласились вполне охотно, четверо — со смертными приговорами и подавшие апелляции — отказались наотрез, что вполне

---

[2] Сноски: 2

Перечислены личностные тесты, используемые в психологическом обследовании. ММП — Миннесотский многопрофильный опросник, после специальной обработки ответов на вопросы которого психолог дает заключение по профилю личности. ТАТ — тематический апперцепционный тест — представляет собой двадцать карточек с изображениями, по которым испытуемый должен составить рассказ. Гештальт-тест Бендер состоит из девяти простых фигур, которые должен скопировать обследуемый.

понятно. Но с одним — а именно он и нужен нам более всего — у нас полный провал. Я хочу, чтобы за него взялись вы. Завтра нужно поехать к нему в психбольницу.

Сердце Клэрис Старлинг подпрыгнуло от радости, а потом чуть было не ушло в пятки.

— Кто этот человек?

— Психиатр, доктор Ганнибал Лектер, — ответил Крофорд.

Последовало молчание. Оно всегда наступало, если это имя упоминалось в мало-мальски цивилизованном обществе.

Не в силах пошевелиться, Старлинг не сводила с Крофорда глаз.

— Ганнибал-Каннибал? — наконец произнесла она.

— Да.

— Ну что ж… Ладно. Хорошо. Я рада, что… такая возможность… Только я хочу вам сказать… Интересно, почему именно я?

— Главным образом потому, что вы оказались под рукой, — ответил Крофорд. — Не думаю, что он согласится пойти нам навстречу. Он уже отказался, правда, не прямо, а через директора больницы. Но мне необходимо заявить, что квалифицированный специалист побывал у него

и просил его лично ответить на наши вопросы. Причины? Вас они не должны интересовать. В отделе сейчас нет никого, кому я мог бы поручить это дело.

— Я знаю, у вас тут дел нераскрытых… Буффало Билл…[3] да еще эти убийства в Неваде, — сказала Старлинг.

— Точно. Старая история — недостает свежих трупов.

— Вы сказали — завтра. Торопитесь? Это имеет какое-нибудь отношение к расследуемому делу?

— Нет. Хотелось бы, чтоб имело.

— А если он упрется? Мне все равно представить вам психологическое обоснование?

— Да нет. Я уже по горло завален такими обоснованиями по поводу доктора Лектера, к которому абсолютно невозможно найти подход, и все они совершенно не похожи друг на друга. — Крофорд вытряхнул на ладонь две таблетки витамина С и приготовил себе стакан «алка-зельцер»[4] — за-

---

[3] Сноски: 3

Буффало Билл — прозвище Уильяма Фредерика Коди (1846–1917), американского охотника, данное ему за то, что за один день он убил и освежевал рекордное число бизонов (буффало). Был армейским разведчиком. Впоследствии занялся шоу-бизнесом, разъезжая по всей стране и показывая представления о Диком Западе.

[4] Сноски: 4

«Алка-зельцер» — средство против изжоги, тошноты и т. п.

пить. — Смешно, знаете ли: Лектер — психиатр и сам пишет статьи в психиатрические журналы — статьи потрясающие! — но никогда ни словом не обмолвится о собственных отклонениях от нормы. Он как-то сделал вид, что согласен на проведение некоторых тестов, — их предложил директор больницы, Чилтон. Лектер согласился посидеть с манжеткой для измерения кровяного давления, надетой на пенис, пока ему показывали всякие картины — про крушения и гибель людей. А потом Лектер первым опубликовал то, что сам узнал о Чилтоне, выставив директора на посмешище. Он ведет серьезную переписку со студентами и учеными, отвечая на их вопросы, касающиеся областей психиатрии, не связанных с его собственным случаем, и это все. Если он откажется разговаривать с вами, напишете обычную докладную. Мне нужно знать, как он выглядит, как выглядит его камера, чем он занят. Хочу почувствовать тамошнюю атмосферу, так сказать. Посмотрите, какую прессу ему приносят. Я имею в виду не обычные газеты и журналы, а бульварную макулатуру. Они обожают Лектера даже больше, чем принца Эндрю[5].

---

[5] Сноски: 5

Принц Эндрю — младший брат принца Чарльза, наследника английского престола; в то время частый герой скандальных происшествий.

— Кажется, какой-то грязный журнальчик предложил ему пятьдесят тысяч долларов за кулинарные рецепты? — спросила Старлинг. — Я помню что-то в этом роде.

Крофорд кивнул:

— Я почти уверен, что «Нэшнл тэтлер»[6] купил кого-то в больнице, и как только я договорюсь о вашем посещении, им сразу станет об этом известно.

Крофорд наклонился над столом так, что его лицо оказалось всего футах в двух от ее собственного, и пристально смотрел на нее сквозь полулинзы очков.

— Теперь слушайте меня очень внимательно, Старлинг. Готовы?

— Да, сэр.

— Будьте очень осторожны с Ганнибалом Лектером. Доктор Чилтон, директор психиатрической больницы, объяснит вам их правила обращения с пациентом. Не отклоняйтесь от них. Не отклоняйтесь от них ни на йоту, как бы вам этого ни хотелось. Если Лектер и станет с вами разговаривать, он пойдет на это лишь ради того, чтобы разузнать о вас. Это та самая любознательность,

---

[6] Сноски: 6

«Нэшнл тэтлер» — «Национальный сплетник»; пародия на название желтой американской газеты «Нэшнл инкуайрер».

с которой змея разглядывает птичье гнездо. Вы не хуже меня знаете, что при опросе приходится не только идти вперед, но и отступать, и повторяться, а иногда и отвечать на вопросы самому. Не говорите ему ничего существенного о себе, никаких подробностей. Не нужно, чтобы в его памяти остались факты вашей личной жизни. Вы ведь знаете, что он сделал с Уиллом Грэмом.

— Я читала об этом. Тогда же, когда это произошло.

— Он вспорол Уиллу живот ножом для резки линолеума, когда Уилл нагнал его и попытался схватить. Поразительно, что Уилл вообще остался в живых. Помните Красного Дракона? Лектер натравил Фрэнсиса Долархайда на Уилла и его семью. Знаете, какое у Уилла теперь лицо? Будто его этот чертов Пикассо рисовал. И все из-за Лектера. В больнице Лектер изуродовал медсестру. Делайте свое дело спокойно, только не забывайте ни на минуту, кто перед вами.

— А что он такое? Вы-то знаете?

— Я знаю одно: он — чудовище. Больше о нем никто ничего не может сказать наверняка. Может быть, вам удастся выяснить. Выбрав вас, я ведь не кота в мешке покупал, Старлинг. Вы задали мне парочку неглупых вопросов, когда я преподавал

в вашем университете. Я покажу докладную за вашей подписью директору, если она будет достаточно ясной, сжатой и четко организованной. Я так решил. И не забудьте: докладная должна быть на моем столе в девять ноль-ноль в воскресенье. Все, Старлинг. Действуйте.

Крофорд улыбнулся ей одними губами. Глаза его были совершенно мертвы.

2

Доктор Фредерик Чилтон, пятидесятидвухлетний директор Спецбольницы штата Мэриленд для невменяемых преступников, сидит за широким длинным столом, на котором нет ни одного тяжелого или острого предмета. Одни сотрудники больницы иногда называют этот стол крепостным рвом, другие и представления не имеют, что такое крепостной ров. Когда Клэрис Старлинг появилась в кабинете, доктор Чилтон и не подумал приподняться из-за стола.

— У нас тут побывало множество агентов ФБР, но я что-то не припомню ни одного столь же привлекательного, — произнес он, удобно развалившись в кресле.

Старлинг сразу поняла, отчего блестит протянутая ей ладонь — Чилтон только что приглаживал смазанные бриолином волосы, — и постаралась поскорее высвободить свои пальцы из его руки.

— Вы ведь мисс Стерлинг?

— Старлинг, доктор, «а» в середине. Спасибо, что согласились уделить мне время.

— Не знал, не знал, что ФБР принялось за хо-

рошеньких девушек, как и за все остальное, впрочем, ха-ха!

Он показал в улыбке прокуренные зубы. Это была специально отработанная улыбка: предполагалось, что она подчеркнет значимость сказанного.

— Бюро стремится улучшить свою работу, доктор Чилтон. Оно совершенствуется.

— Вы пробудете в Балтиморе несколько дней? Здесь можно хорошо провести время, нисколько не хуже, чем в Нью-Йорке или Вашингтоне. Если знать город, разумеется.

Клэрис отвела глаза, чтобы не видеть его улыбки, и сразу же ощутила, что он отметил это, почувствовав ее отвращение.

— Я совершенно уверена, что Балтимор — замечательный город, но у меня строгие инструкции: я должна повидать доктора Лектера и сегодня же доложить о результатах лично.

— А не могу ли я позвонить вам в Вашингтон как-нибудь потом, чтобы не терять связи?

— Разумеется, доктор. Как любезно, что вы подумали об этом. Этой программой руководит спецагент Джек Крофорд, вы всегда можете связаться со мной через него.

— Ясно, — сказал Чилтон. Его бледное лицо

пошло красными пятнами, отчего невероятного цвета рыже-коричневые волосы его показались Клэрис еще более отвратительными. — Ваше удостоверение, будьте добры.

Он не предложил ей сесть, она так и стояла перед ним, пока он лениво просматривал ее служебное удостоверение. Затем вернул его и поднялся из-за стола.

— Все это не займет у вас много времени. Идемте.

Старлинг сказала:

— Я так поняла, что вы меня сначала проинструктируете, доктор Чилтон.

— Я могу сделать это на ходу. — Он обогнул стол и взглянул на часы. — Мне некогда, у меня через полчаса обед.

Черт возьми, как ты не разобрала сразу, что это за тип? Может, он вовсе не такое уж ничтожество, может, он все-таки хоть что-нибудь знает, что-нибудь полезное. Что, от тебя убудет, если ты пококетничаешь чуть-чуть, хоть тебе это и не так уж хорошо удается?

— Доктор Чилтон, вы сами назначили мне именно этот час, так вам было удобнее, и обещали уделить мне некоторое время. Из беседы с доктором Лектером я, возможно, узнаю нечто

такое, о чем мне нужно будет посоветоваться с вами, обсудить некоторые из его ответов.

— Вряд ли, вряд ли, я очень в этом сомневаюсь. О, совсем забыл, мне нужно позвонить по телефону. Вы пока идите, а я догоню вас в приемной.

— Можно, я оставлю здесь пальто и зонтик?

— В приемной. Отдайте Элану, он их уберет куда-нибудь.

Элан был облачен в нечто пижамоподобное — такая одежда выдавалась пациентам больницы. Он протирал пепельницы полой рубахи. Забирая из рук Клэрис пальто, он надул щеки и поцокал языком.

— Спасибо, — сказала она.

— Всегда пожалуйста, — ответил Элан. — А ты часто какаешь?

— Что вы сказали?

— Какие они у тебя выходят? Дли-и-ин-ные?

— Дайте-ка я повешу все это где-нибудь сама.

— Тебе же ничего там не мешает, между ногами, — ты можешь вот так наклониться и посмотреть, как они у тебя вылезают и меняют ли цвет от воздуха. Ты что, никогда так не делаешь? Правда, похоже, вроде у тебя вырос длинный коричневый хвост, а?

Элан вцепился в пальто и не хотел отпускать.

— Доктор Чилтон велел вам явиться к нему в кабинет, немедленно, — сказала Старлинг.

— Ничего подобного, — произнес у нее за спиной доктор Чилтон. — Повесь пальто в шкаф, Элан, и не вынимай его оттуда в наше отсутствие. Я кому сказал! У меня была секретарь-машинистка, работала в приемной полный рабочий день. Но сокращение бюджета… Пришлось мне ее лишиться. Теперь та девушка, что привела вас ко мне, приходит печатать на три часа в день, а потом вот — Элан. Куда подевались все секретари-машинистки, а, мисс Старлинг? — Чилтон сверкнул в ее сторону очками. — Вы вооружены?

— Нет, я не вооружена.

— Можно мне заглянуть в вашу сумочку? И в чемоданчик тоже.

— Но вы видели мои документы.

— В них говорится, что вы всего лишь курсант. Ну-ка, разрешите, я проверю ваши вещи.

Клэрис Старлинг вздрогнула, когда за ее спиной сомкнулись тяжелые стальные двери и щелкнул вставший на место засов. Чилтон шагал чуть впереди по крашенному в зеленый цвет больничному коридору, пропитанному запахом лизола. Было слышно, как где-то в отдалении тоже захлопываются двери. Старлинг сердилась на себя

за то, что позволила Чилтону сунуть нос в свою сумку и в атташе-кейс, но подавила гнев: нужно было сосредоточиться. Все шло нормально. Умение владеть собой не подвело ее и на этот раз: оно было ей надежной опорой, словно прочное каменистое дно под быстрыми водами реки.

— С Лектером масса хлопот, — проговорил через плечо Чилтон, — каждый день дежурному приходится убить не меньше пятнадцати минут только на то, чтобы вскрывать бандероли, которые он получает. Мы попробовали было аннулировать подписку или хотя бы сократить количество изданий, которые он получает, но он написал жалобу, и суд вынес решение в его пользу. А письма, которые он получал! Их количество было просто невероятным. Слава богу, поток уменьшился: в газетах теперь пишут о других, не менее интересных созданиях. Какое-то время казалось, что каждый студентишка в Америке, работающий над дипломом по психиатрии, хочет получить совет у Лектера и сослаться на него в дипломной работе. Медицинские журналы все еще публикуют его статьи, но это исключительно из анормального интереса к имени автора.

— Он написал интересную статью о пристрастиях к хирургическим вмешательствам в журнале

«Клиническая психиатрия». Во всяком случае, мне так показалось, — сказала Старлинг.

— Ах вот как? Мы сами пытались здесь его изучать. Мы думали: вот прекрасная возможность сделать вклад в науку, ведь это редкая удача — заполучить такого живьем.

— Какого — такого?

— Он же чистейший социопат, это ясно с первого взгляда. Но абсолютно непроницаем, слишком умудрен и опытен для стандартных тестов. И господи, как же он нас ненавидит! Он считает, что я послан ему как некий мститель… А Крофорд это здорово придумал — послать к Лектеру вас.

— Что вы хотите этим сказать, доктор Чилтон?

— Вы молодая женщина, можете его завести с полоборота — так, кажется, это у вас называется? По-моему, Лектер не видел женщины уже несколько лет. Правда, он мог заметить какую-нибудь из уборщиц. Мы, как правило, женщин сюда не пускаем. В местах заключения от них только лишние неприятности.

«А пошел бы ты, Чилтон…»

— Я с отличием окончила Университет штата Виргиния, доктор. Вряд ли он похож на институт благородных девиц.

— Тогда вы, по-видимому, способны усвоить

кое-какие элементарные правила: не протягивайте ничего за решетку; не касайтесь решетки; не давайте ему ничего, кроме мягкой бумаги. Никаких карандашей, никаких ручек. У него имеются собственные фломастеры. На бумагах, что вы ему передаете, не должно быть ни скрепок, ни проволочных скобок, ни булавок. Все предметы передаются и поступают от него через выдвижной поднос-кормушку. Никаких исключений и отступлений от правил. Не берите у него ничего, если он попытается протянуть вам что-нибудь через решетку. Вы поняли меня?

— Я поняла вас.

Они миновали еще две двери; коридор теперь освещался лампами дневного света. Общие палаты остались позади: пациенты этого отделения не могли находиться вместе, здесь не было окон, лампы в потолке забраны толстой сеткой, словно в машинном отделении корабля. Доктор Чилтон задержался под одной из них. Когда смолк звук шагов, до слуха Старлинг донесся натужный хрип — чей-то голос сорвался на крике.

— Лектера никогда не выпускают из камеры без смирительной рубашки и намордника, — сказал Чилтон. — Я хочу показать вам, почему это необходимо. Он вел себя совершенно безупречно

в первый год заключения, готов был всячески сотрудничать с нами. Меры безопасности по отношению к нему были несколько ослаблены; как вы понимаете, это было еще при прежнем директоре. Восьмого июля тысяча девятьсот семьдесят шестого года, во второй половине дня, он пожаловался на боль в груди, и его отвели в диспансер. Смирительную рубашку немного распустили — чтобы легче было снять кардиограмму. Когда сестра наклонилась над ним, он сделал с ней вот это… — Чилтон протянул Клэрис потрепанную фотографию. — Врачам удалось спасти ей зрение — только один глаз. Все это время датчики не были отсоединены — кардиограмма снималась. Он сломал ей челюсть, добираясь до языка. И пульс его оставался нормальным, не выше восьмидесяти пяти, даже когда он ее язык проглотил.

Старлинг не знала, что страшнее: эта фотография или быстрый взгляд похотливых глазок Чилтона, суетливо метавшихся по ее лицу. Ей показалось — давно не поенный, жадный кочет торопливо склевывает слезы с ее щек.

— Я держу его здесь, — произнес Чилтон и нажал кнопку у массивных двойных дверей из бронированного стекла. Огромный дежурный впустил их в спецблок.

Старлинг приняла трудное решение и задержалась в дверях.

— Доктор Чилтон, — сказала она, — нам совершенно необходимо получить результаты этого теста. Если доктор Лектер считает вас своим врагом, если у него такая навязчивая идея — как вы сами только что сказали, — может быть, нам больше повезет, если я подойду к нему одна, как вы думаете?

У Чилтона дернулась щека.

— Ну что ж, прекрасно. Могли бы предложить это еще в моем кабинете, я не стал бы тратить зря время и отправил бы с вами дежурного.

— Я могла бы предложить вам это в кабинете, если бы вы проинструктировали меня именно там.

— Не думаю, что мы с вами еще увидимся, мисс Старлинг… Барни, когда она закончит с Лектером, позвоните, пусть кто-нибудь проводит ее обратно.

Чилтон ушел, так больше и не взглянув на нее. И она осталась наедине с огромным бесстрастным дежурным, бесшумными часами за его спиной и закрытым сетчатой дверью шкафом с газовыми баллончиками, смирительными рубашками, намордниками и пистолетом-транквилизатором.

На крюке, вбитом в стену, висело что-то вроде длинной трубы с рогаткой в виде буквы «U» на конце — прижимать к стене буйных.

Дежурный смотрел на нее.

— Доктор Чилтон предупредил вас, чтоб не прикасались к решетке?

Голос у него был высокий и хриплый.

— Да, предупредил.

— Тогда ладно. Пройдете все камеры, его — последняя справа. Будете идти по коридору, держитесь середки и ни на что не обращайте внимания. Вот, отнесите ему почту, чтоб было с чего начать. А может, у вас рука легкая… — Казалось, дежурный находит все это весьма забавным. — Просто положите письма и газеты на поднос, он сам откатится в камеру. А назад из камеры просто потяните его за шнур, или Лектер сам толкнет его обратно. Вы не бойтесь, до вас он дотянуться не сможет: снаружи поднос останавливается далеко от решетки.

Дежурный дал ей два пухлых журнала — их ничем не скрепленные страницы вываливались из обложек, — три газеты и несколько вскрытых писем.

Коридор тянулся вперед метров на двадцать пять — тридцать, камеры шли по обеим его сто-

ронам. Стены некоторых были обиты войлоком, в дверях — смотровые окна, узкие и длинные, словно бойницы. Были и обычные тюремные камеры, отделенные от коридора прочной решеткой, заменяющей переднюю стену. Клэрис Старлинг краем глаза замечала темные фигуры заключенных в камеры людей, но старалась не смотреть в их сторону. Она прошла почти половину пути, когда мужской голос просипел ей вслед:

— Ты чего тут развонялась? От тебя п…дой несет!

Она и виду не подала, что слышит, шла вперед не оборачиваясь.

В последней камере горел свет. Клэрис пошла ближе к левой стороне коридора, чтобы иметь возможность заглянуть в камеру издали, понимая, что стук каблуков заранее возвещает о ее приближении.

3

Камера доктора Лектера расположена на значительном расстоянии от остальных; напротив нее — один только шкаф, да и в других отношениях она совершенно уникальна. Передняя стена, как и в других камерах, — решетка из мощных прутьев, но внутри, за этой решеткой, на таком расстоянии, чтобы человек не мог дотянуться, еще одна преграда — толстая нейлоновая сеть, от стены до стены и от пола до потолка. За этой сетью Старлинг разглядела привинченный к полу стол, заваленный бумагами и книгами в мягких обложках, и стул с прямой спинкой, тоже прочно закрепленный на месте.

Сам доктор Ганнибал Лектер полулежал на койке, с головой уйдя в изучение итальянского издания журнала «Вог». Он держал нескрепленные страницы журнала в правой руке, а левой откладывал прочитанные в сторону. У доктора Лектера на левой руке было шесть пальцев.

Клэрис Старлинг остановилась на некотором расстоянии от решетки, точно посередине небольшого холла.

— Доктор Лектер.

Голос вроде бы звучит нормально.

Он поднял голову, оторвавшись от журнала. На какое-то головокружительное мгновение ей показалось: от его пристального взгляда исходит странное жужжание. Но это от волнения шумело у нее в ушах.

— Я Клэрис Старлинг. Могу ли я поговорить с вами?

Ее тон, поза, расстояние, на котором она остановилась, — все было воплощенная учтивость.

Доктор Лектер размышлял, прижав палец к плотно сжатым губам. Затем не торопясь поднялся на ноги и легко прошел вперед по клетке, встав у самой сети, но не замечая ее, будто это он сам, по своей воле, выбрал расстояние, на котором следовало остановиться.

Он был невысок ростом, пластичен; в его руках, в движении плеч чувствовалась гибкая сила.

«Как у меня самой».

— Доброе утро, — произнес он, словно только что отворил ей дверь собственных апартаментов.

В хорошо поставленном голосе — чуть слышный скрежет, будто скрежет ржавого металла, — возможно, результат долгого молчания. Глаза

доктора Лектера карие, с красноватым оттенком, почти вишневого цвета, и, когда отражают свет, в них загораются красные огоньки. Создается впечатление, что эти огоньки искрами слетаются к зрачкам.

Казалось, эти глаза вбирают в себя Старлинг целиком.

Она подошла чуть ближе к решетке и почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Доктор, у нас возникли проблемы с психологическим профилированием. Я пришла просить у вас помощи.

— «Мы» — это отдел психологии поведения в Квантико. Значит, вы из команды Джека Крофорда.

— Да.

— Могу я посмотреть ваши документы?

Клэрис этого совершенно не ожидала.

— Я уже показывала свое удостоверение… В кабинете…

— Вы имеете в виду Фредерика Чилтона, доктора наук?

— Да.

— А вы попросили его предъявить вам документы? Уверяю вас, в его документах об образовании вы вряд ли найдете обширный материал для

чтения. А с Эланом вы познакомились? Очаровательное существо. Не правда ли? С кем из них вы предпочли бы побеседовать?

— Пожалуй, с Эланом.

— Вы вполне можете оказаться репортером, подосланным ко мне Чилтоном. Я просто обязан посмотреть ваши документы.

— Хорошо.

Она подняла запаянное в пластик служебное удостоверение.

— Мне отсюда не видно. Перешлите его через кормушку, будьте добры.

— Не могу.

— Потому что он твердый.

— Да.

— Позовите Барни.

Дежурный подошел, постоял, подумал.

— Доктор Лектер, я разрешу передать вам удостоверение. Но если вы его не вернете, как только я попрошу вас это сделать, если придется всех вокруг беспокоить, чтобы получить его обратно, я буду ужасно огорчен. А если вы меня огорчите, вас свяжут и вы будете лежать так до тех пор, пока у меня не улучшится настроение. Кормление через трубку, подгузники и резиновые штаны — их меняют два раза в день, в общем, обычная

процедура. И почту вашу задержу на целую неделю. Ясно?

— Разумеется, Барни.

Пропуск поехал внутрь камеры, и Лектер поднес его к свету.

— Курсант? Здесь сказано — курсант. Джек Крофорд посылает курсанта интервьюировать меня?

Он постучал пластиковым краем удостоверения по мелким белоснежным зубам, потом медленно вдохнул его запах.

— Доктор Лектер, — напомнил Барни.

— Разумеется, Барни. — Он положил удостоверение на поднос, и Барни вытащил карточку наружу.

— Да, я сейчас прохожу курс обучения в Академии ФБР, — сказала Старлинг. — Но мы ведь обсуждаем не ФБР, мы говорим о психологии. Разве вы сами не сможете судить, разбираюсь я в предмете или нет, во время нашей беседы?

— Ммм, — произнес доктор Лектер. — В самом деле… Вы удачно вывернулись… Барни, вам не кажется, что следовало бы предложить стул офицеру Старлинг?

— Доктор Чилтон ничего не говорил про стул.

— Где же ваши хорошие манеры, Барни?

— Принести вам стул? — спросил ее Барни. — Только ведь он никогда… ну, обычно тут никто надолго не задерживается.

— Спасибо. Если можно.

Барни достал складной стул из запертого шкафа, того, что прямо напротив камеры, поставил его перед ней и ушел.

— Ну-с, — произнес Лектер, усаживаясь у стола боком, чтобы быть лицом к ней, — так что же вам сказал Миггз?

— Кто?

— Многократник Миггз, в камере немного дальше по коридору. Он ведь вас обругал. Что он сказал?

— Он сказал: «От тебя п…дой несет».

— Понятно. Но этого запаха я не чувствую. Вы пользуетесь кремом для лица «Эвиан» и иногда духами «L'Air du Temps»[7]. Но сегодня вы специально не надушились. Ну и как вы относитесь к тому, что сказал Миггз?

— Он настроен враждебно, но причины его враждебности мне неизвестны. Это ужасно. Он враждебен к людям, люди враждебны к нему. Замкнутый круг. Петля.

---

[7] Сноски: 7
«Дух времени» *(фр.).*

— А вы враждебны к нему?

— Мне жаль, что он ненормален. А помимо этого, он мало что значит. Как вы узнали про духи?

— Пахнуло из вашей сумочки, когда вы доставали пропуск. Прелестная сумочка.

— Спасибо.

— Вы взяли сюда самую лучшую, верно?

— Да.

Так оно и было. Она долго копила деньги, чтобы купить по-настоящему красивую и удобную сумку, и это была самая лучшая из всех ее вещей.

— Она гораздо лучше смотрится, чем ваши туфли.

— Может быть, со временем они ее догонят.

— Не сомневаюсь.

— Эти рисунки на стенах — вы сами их рисовали, доктор Лектер?

— Вы полагаете, я приглашал сюда декоратора?

— Тот, что над раковиной, — это какой-то европейский город, правда?

— Это Флоренция, вон там — палаццо Веккьо и Дуомо — вид с форта Бельведер.

— И все это вы рисовали по памяти?

— Память, офицер Старлинг, — это единственное, что заменяет мне вид из окна.

— А там, я вижу, распятие? Но средний крест пуст.

— Это Голгофа, после снятия с креста. Карандаш и фломастер «Мэджик маркер», на оберточной бумаге. Это на самом деле то, что получил разбойник, которому был обещан рай, когда убрали пасхального агнца.

— Что же именно?

— Ему переломали ноги так же, как и его сотоварищу, который издевался над Христом. А вы что, никогда не читали Евангелия от Иоанна? Тогда посмотрите на картины Дуччо[8]: он пишет очень точные распятия. Кстати, как поживает Уилл Грэм? Как он выглядит?

— Я не знаю Уилла Грэма.

— Вы знаете, кто он. Протеже Джека Крофорда. Он работал до вас. Как его лицо?

— Я никогда с ним не встречалась.

— Попробуем подытожить былые достижения. Как, офицер Старлинг, нет возражений?

Помолчав секунду, она очертя голову бросилась в атаку:

— Лучше попробуем достичь новых итогов. Я принесла вам…

---

[8] Сноски: 8

Дуччо ди Буонинсенья (1255–1319) — итальянский живописец, основатель сиенской школы живописи XIV в.

— О нет, нет… Это глупо и неправильно. Никогда не пытайтесь ответить остротой на остроту. Послушайте, попытка понять остроту и ответить на нее в том же духе заставляет собеседника совершить в уме поспешный и не относящийся к предмету беседы поиск, резко нарушающий настрой. Ведь успех беседы зависит от настроения, от той атмосферы, в которой она протекает. Вы начали прекрасно, вы были учтивы сами и правильно воспринимали ответную учтивость, вы добились ответного доверия, сказав правду, какой бы неловкой она ни была, о том, что вам крикнул Миггз, а затем ни с того ни с сего грубо перешли к опроснику, неостроумно сострив мне в ответ. Так у вас ничего не выйдет.

— Доктор Лектер, вы опытный психиатр-клиницист. Неужели вы могли подумать, что я настолько тупа, что попытаюсь надуть вас, подыгрывая вашему настроению? Поверьте, это не так. Я всего лишь прошу вас взглянуть на опросник. Вам решать — отвечать на эти вопросы или нет. Но что плохого может случиться, если вы хотя бы взглянете на него?

— Офицер Старлинг, вам приходилось в последнее время читать публикации отдела психологии поведения?

— Да.

— Мне тоже. ФБР — вот идиоты! — отказывается посылать мне «Бюллетень правоохранительных органов», но я все равно получаю его от букинистов. Кроме того, Джон Джей присылает мне «Новости» и психиатрические журналы. Они делят людей, совершающих серийные убийства, на две группы: одних числят по разряду организованных, другие у них дезорганизованные. Что вы сами по этому поводу думаете?

— Ну, это… самая основа различий, очевидно, они считают…

— Упрощенчество это, хотели вы сказать, иного слова тут не подберешь. На самом деле психология, как наука в целом, пока еще пребывает во младенчестве, а в вашем отделе психологии поведения она на уровне френологии[9]. Отправляйтесь на любой из факультетов психологии любого из университетов и взгляните на студентов и преподавателей: никакого профессионализма, сплошные энтузиасты-любители и прочие не обладающие собственной индивидуальностью

---

[9] Сноски: 9

Френология — учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга, якобы различаемых путем непосредственного ощупывания внешнего рельефа человеческого черепа.

профаны. Далеко не лучшие университетские умы. Организованные и дезорганизованные — вот уж поистине «самая основа различий», плодотворнее ничего придумать не могли.

— А как бы вы изменили эту классификацию?

— И не подумал бы менять.

— Кстати, о публикациях: я прочла ваши статьи о пристрастиях к хирургическим вмешательствам и о левосторонней и правосторонней лицевой симптоматике.

— Да? Первоклассные статьи, — сказал доктор Лектер.

— Я тоже так считаю. И Джек Крофорд говорил мне о них то же самое. Это одна из причин, почему Крофорд так стремится заручиться вашим…

— Крофорд Стоик стремится заручиться? Он, должно быть, занят по горло, если вынужден обращаться за помощью к курсантам академии.

— Он действительно занят и хочет…

— Занят делом Буффало Билла?

— Думаю, да.

— Да нет же, офицер Старлинг. Не «думаю, да». Вы совершенно точно знаете: он занят именно Буффало Биллом. Я подумал, что Джек Крофорд вполне мог послать вас ко мне расспросить об этом деле.

— Нет.

— Значит, вы не пытаетесь исподволь подобраться к этой теме?

— Нет, я пришла потому, что нам очень нужна ваша…

— А что вам известно о Буффало Билле?

— Не очень много. Об этом все вообще знают очень мало.

— Только то, что было в газетах?

— Думаю, да. Доктор Лектер, у меня не было доступа к секретным материалам по этому делу. Я всего лишь…

— Сколько женщин на счету у Буффало Билла?

— Полиция обнаружила пятерых.

— И со всех он содрал кожу?

— Да, с верхней части тела.

— Я ничего не нашел в газетах по поводу этого его имени. Вам известно, почему его называют Буффало Биллом?

— Да.

— Расскажите.

— Расскажу, если вы согласитесь взглянуть на опросник.

— Только взглянуть. Так почему же?

— Это началось с дурной шутки в отделе по расследованию убийств в Канзас-Сити.

— Ну?..

— Его прозвали Буффало Биллом, потому что он не только убивал, но еще и… свежевал… туши.

Клэрис Старлинг вдруг обнаружила, что выглядит в собственных глазах уже не перепуганной девчонкой, а неумной и пошловатой особой. И первый облик казался ей теперь меньшим из двух зол.

— Перешлите мне опросник.

Старлинг положила голубые странички на поднос и отправила его в камеру. Молча ждала, пока Лектер бегло просматривал листки, потом небрежно бросил их обратно.

— О, офицер Старлинг, неужели вы полагаете, что меня можно с легкостью вскрыть столь жалким, тупым инструментом?

— Вовсе нет. Я полагаю, что вы могли бы поделиться с нами своими идеями и, как человек проницательный и знающий, помочь в этом исследовании.

— И что, по-вашему, могло бы подвигнуть меня на это?

— Любопытство.

— По поводу чего?

— По поводу того, почему вы здесь. По поводу того, что с вами случилось.

— Со мной ничего не случилось. Случился я. Вы не можете свести меня всего лишь к некоторому комплексу воздействий. Вы променяли понятия добра и зла на бихевиористику[10]. Ради психологии, офицер Старлинг, вы с точки зрения морали обрядили всех и каждого в резиновые штаны с подгузниками. Ведь никто ни в чем не виноват. Взгляните на меня, офицер Старлинг. Можете вы мне в лицо заявить, что я — зло? Я — зло, офицер Старлинг?

— Я думаю, что вы — разрушитель. Эти два понятия для меня равнозначны.

— Зло всего лишь разрушительно? Тогда бури — зло, если все так просто, и огонь, да еще и град к тому же. Все то, что агенты страховых компаний валят в одну кучу под рубрикой «Деяния Господни».

— Сознательно совершаемое…

— Я — для собственного удовольствия — коллекционирую рухнувшие церкви. Вы не видели недавнюю передачу о церкви в Сицилии? Потрясающе! Фасад храма рухнул во время специально заказанной мессы и похоронил под собой шестьдесят пять бабусь. Это зло? Если да, кто же его

---

[10] Сноски: 10
Бихевиористика — наука о человеческом поведении.

совершил? Если Он — там, наверху, Он просто наслаждается подобными деяниями, офицер Старлинг. И тиф, и лебеди — от одного творца.

— Я не могу найти вам объяснение, доктор Лектер, но я знаю, кто мог бы это сделать.

Он прервал ее, подняв ладонь. Клэрис заметила, что рука у него очень красива, а средних пальцев — два, совершенно одинаковых, но это не нарушает изящества кисти. Редчайшая форма полидактилии[11].

Когда он заговорил снова, тон его был мягок и приветлив:

— Вам хотелось бы меня квантифицировать[12], разложить на составные. Разве не так, офицер Старлинг? Вы преисполнены амбиций и уверенности в себе. А знаете, как вы выглядите, на мой взгляд, вы — с вашей дорогой сумкой и дешевыми туфлями? Вы самая настоящая деревенщина, правда тщательно отмытая и отчищенная; пробивная деревенская бабенка, у которой все же есть некоторый вкус. Глаза у вас — как дешевые камушки, что дарят на день рождения: никакой

---

[11] Сноски: 11

Полидактилия — многопалость, развитие добавочных пальцев у человека или животного.

[12] Сноски: 12

Квантифицировать — здесь: определить в простейших терминах.

глубины, поверхностный блеск, так и загораются, когда вам удается получить хоть крошечный, да ответ. Но за всем этим кроется ум. Вы из кожи вон лезете, только чтобы не походить на собственную матушку. Хорошее питание дало вам внешность получше — удлинило костяк, облагородило лицо, но ведь вы всего на одно поколение отошли от угольных шахт, офицер Старлинг. Вы из каких Старлингов? Из Западной Виргинии или из Оклахомы, а? Надо было монетку подкинуть, чтобы решить, куда податься — в колледж или в армию, во вспомогательные части. Как думаете? Сказать вам что-то очень личное о вас самой, а, курсант Старлинг? Там, дома, в вашей комнате, вы прячете нитку золотых бусин, тех, что каждый год добавляют по одной, и, изредка бросая на них взгляд, вздрагиваете — такими уродливыми и липкими они кажутся вам теперь, верно? Все эти надоевшие «спасибо вам», за которыми обычно следуют такие невинные поглаживания и поцелуйчики, от которых чувствуешь себя противно липкой, зато добавляется лишняя бусина… Скучно. Ску-у-у-ш-но. Это ужасно — быть умной, курсант Старлинг. Это может столько всего испортить. Да еще — вкус. Тоже злая штука. Когда вы будете вспоминать эту беседу, вспомните

и о глупом животном, получившем по физиономии, когда вы пытались от него отделаться. «И если эти бусы стали казаться уродливыми и липкими, что еще покажется таким же на пути вперед и вверх?» — думаете вы по ночам. Разве я не прав? — закончил доктор Лектер тоном, добрее которого и представить себе было бы невозможно.

Старлинг подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы видите многое, доктор Лектер. Я не стану отрицать ничего из того, что вы сказали. Но вот вопрос, на который вы должны ответить мне сейчас же, хотите вы этого или нет: хватит ли у вас сил направить эту вашу высоковольтную проницательность на себя самого? Очень тяжко выстоять под такими лучами. Я имела возможность убедиться в этом в последние несколько минут. Так как же? Взгляните на себя и напишите правду о том, что вы увидели. Разве смогли бы вы отыскать более подходящий или более сложный объект? Или вы боитесь себя?

— Вы человек очень твердый, офицер Старлинг. Правда?

— Не кремень.

— И вам очень не хочется думать, что вы — как

все, правда? Это вас уязвляет. Еще бы! Нет, вы совсем не как все, офицер Старлинг. Вы только боитесь быть такой. У вас какие бусины, семимиллиметровые?

— Да.

— Позвольте мне дать вам совет. Достаньте тигровый глаз, несколько просверленных камушков от рассыпавшихся бус, и нанижите их вперемежку с вашими золотыми бусинами: одну через две или две через три, как вам самой покажется лучше. Тигровый глаз отразит цвет ваших собственных глаз и блеск волос. Вам случалось получать открытки в День святого Валентина?

— Ага.

— Сейчас у нас Великий пост, до святого Валентина осталась всего неделя… Ммм, вы ждете открыток?

— Никогда не знаешь точно…

— Да, верно… Никогда не знаешь… Я вот думал о Дне святого Валентина. Вспоминается одна забавная вещь. Пожалуй, я могу сделать вас очень счастливой в этот день, Клэрис Старлинг.

— Каким образом, доктор Лектер?

— Прислав вам замечательную открытку-«валентинку». Надо подумать. А теперь извините меня. Всего хорошего, офицер Старлинг.

— А как же исследование?

— Знаете, во время переписи один счетчик попытался меня квантифицировать. Я съел его печень с бобами и большим бокалом «Амарона». Отправляйтесь-ка назад, в свою академию, малышка Старлинг.

Ганнибал Лектер, вежливый до самого последнего момента, не мог повернуться к ней спиной: он отступил назад от нейлоновой сети и лишь затем направился к койке, на которую и лег, бесстрастный и отрешенный, словно каменный крестоносец на могильной плите.

Старлинг вдруг почувствовала себя опустошенной, как после кровотечения. Она провозилась дольше, чем требовалось, укладывая бумаги в атташе-кейс, потому что боялась, как бы ее не подвели дрожащие колени. Отвратительное чувство провала, досада на себя овладели ею. Старлинг сложила стул, на котором сидела во время беседы, и прислонила его к запертой дверце шкафа. Опять идти мимо Миггза. Барни — очень далеко — что-то читал. Чертов Миггз! Нисколько не страшнее, чем проходить мимо бригады строителей или грузчиков на улицах города. А это ей приходилось делать ежедневно. Она зашагала назад по коридору.

Сбоку — совсем рядом — Миггз просипел:

— Я прокусил себе руку, чтобы подохну-у-у-уть. Видишь, сколько крови?

Следовало вызвать Барни, но, перепугавшись, Клэрис посмотрела в камеру, увидела, как Миггз встряхнул рукой, и, не успев отвернуться, ощутила на щеке и шее теплые брызги. Она отошла от камеры, убедилась, что это не кровь, а сперма, и услышала, что ее зовет доктор Лектер. Голос доктора Лектера звучал теперь иначе: режущий ухо металлический скрежет слышался гораздо явственнее.

— Офицер Старлинг!

Он встал с постели и кричал ей вслед, а она шла прочь по коридору, шарила в сумке, отыскивая салфетки. А в спину ей неслось:

— Офицер Старлинг!

Клэрис уже овладела собой, словно встав на холодные стальные рельсы собственной воли. И шла вперед, к двойным бронированным дверям.

— Офицер Старлинг!

В голосе теперь звучали совсем иные ноты.

Она остановилась.

«О господи, почему я так хочу добиться от него ответа?»

Миггз сипел что-то ей вслед, она не слушала.

Клэрис снова стояла перед клеткой Лектера, и глазам ее предстало редкостное зрелище: доктор волновался. Она знала: он чувствует этот запах, он ведь чувствует любой запах.

— Мне очень жаль, что это случилось. Невоспитанность, грубость — несказанно безобразны.

Казалось, убийства, совершенные им, сделали его неспособным на грубость более мелкого масштаба. «А может быть, то, что меня вот так отметили, странным образом возбуждает его», — подумала Старлинг. Она не могла понять, в чем дело. Красноватые искры в его глазах слетались во тьму зрачка, словно светлячки во тьму пещеры.

Что бы это ни было, господи, пусть оно сработает!

Она подняла атташе-кейс.

— Пожалуйста, сделайте это для меня.

Видимо, она опоздала: он снова был спокоен.

— Нет. Но я сделаю так, чтобы вы не жалели, что приходили сюда. Я дам вам что-то совсем другое. Я дам вам то, что вы больше всего любите, Клэрис Старлинг.

— Что же это, доктор Лектер?

— Продвижение по службе, разумеется. Это получится прекрасно… Я очень рад… День святого

Валентина — какие ассоциации! — Улыбка, обнажившая мелкие белоснежные зубы, могла быть вызвана чем угодно. Он говорил так тихо, что она с трудом смогла расслышать его слова. — Поищите свои «валентинки» в машине Распая. Вы слышите? Поищите свои «валентинки» в машине Распая. А теперь уходите: я не думаю, что Миггз сможет сделать это еще раз — не успеет, хоть он и сумасшедший, а, как вы полагаете?

4

Клэрис Старлинг была возбуждена и вымотана до предела, держалась лишь усилием воли. Кое-что из сказанного о ней Лектером было правдой, кое-что лишь походило на правду. Несколько секунд там, перед клеткой, она ощущала, как чуждое сознание обшаривает ее мозг, словно медведь, забравшийся в летний домик, грубо скидывая и валя в кучу разложенные по полочкам вещи.

Ее злило то, что он сказал о ее матери; нужно перестать злиться, ведь она на работе.

Она сидела в своем стареньком «пинто» напротив больницы и старалась дышать как можно глубже. Окна машины запотели, и она почувствовала себя огражденной, укрытой от любопытствующих прохожих.

Распай… Она помнила это имя. Он был пациентом доктора Лектера и стал одной из его жертв. Старлинг успела лишь просмотреть дело Лектера: у нее был всего один вечер на весь этот огромный материал. Распай — имя одного из многих убитых. Нужно вникнуть в детали.

Первым ее побуждением было мчаться сломя голову в отдел и взяться за это дело, ни секунды не промедлив. Но она прекрасно понимала, что это ощущение безотлагательности — результат ее собственного возбуждения. Дело Распая было закрыто много лет тому назад. Никому не грозила никакая опасность. Времени вполне хватит. И лучше получить достаточно информации и хороший совет, прежде чем идти дальше и браться за дело по-настоящему. Конечно, Крофорд может его отобрать у нее и отдать кому-то из сотрудников. Придется рискнуть.

Старлинг попыталась дозвониться ему по междугородному, но он, как выяснилось, в этот момент выпрашивал в подкомиссии Конгресса дополнительные бюджетные ассигнования.

Разумеется, она вполне могла более подробно ознакомиться с делом в отделе по расследованию убийств Балтиморского департамента полиции. Но убийство — преступление вне юрисдикции федеральных правоохранительных органов, и балтиморцы наверняка вырвут это дело у нее из рук, тут и сомневаться нечего.

Она отправилась назад, в Квонтико, в отдел психологии поведения, с его уютными клетчатыми, как дома, занавесками и серыми папками дел,

в которых таился ад. Последняя секретарша ушла, давно стемнело, а Клэрис все сидела, прокручивая бесконечный микрофильм с делом Лектера. Старенький, сопротивляющийся изо всех сил аппарат затухал и вспыхивал в затемненной комнате, словно блуждающий огонек, пока у нее перед глазами проходили слова и снимки, отбрасывая бегущие тени на ее напряженное лицо.

Распай Бенджамин Рене (рост, вес, 46 лет, первая флейта Балтиморского филармонического оркестра) был постоянным пациентом доктора Ганнибала Лектера, когда тот имел в Балтиморе психиатрический кабинет.

22 марта 1975 года Распай не явился на концерт оркестра, а 25-го его тело было обнаружено в маленькой сельской церкви недалеко от Фолз-Черча, штат Виргиния. Мертвый Распай сидел на церковной скамье во фраке и белом галстуке, остальная одежда отсутствовала. Вскрытие показало, что Распай был убит ударом острого орудия в сердце, а поджелудочная и зобная железы удалены.

Клэрис Старлинг, которая с детства знала о приготовлении мясных полуфабрикатов несколько больше, чем ей хотелось бы знать, сразу же вспомнила: эти органы шли как «сладкое мясо». В

Балтиморском отделе по расследованию убийств считали, что они фигурировали в качестве основного деликатеса в меню обеда, который Лектер давал в честь президента Филармонического общества Балтимора и дирижера Балтиморского оркестра вечером того дня, когда исчез Бенджамин Распай.

Доктор Ганнибал Лектер заявил, что ему ничего не известно о подобных вещах. Президент и дирижер утверждали, что совершенно не помнят, что подавалось на обед, хотя доктор Лектер славился изысканностью своего стола и публиковал многочисленные статьи в изданиях для гурманов.

Впоследствии стало известно, что президент Филармонического общества лечится от анорексии (отсутствия аппетита) и алкоголизма в специальном санатории в Базеле.

Распай был девятым в списке известных балтиморской полиции жертв Лектера.

Распай умер, не оставив завещания, и тяжба из-за наследства между его родственниками несколько месяцев занимала первые страницы газет, пока интерес к этой истории не ослаб.

Родственники Распая объединились с родственниками других пациентов, ставших жертвами лечившего их доктора, и подали в суд, требуя

уничтожения медицинских карт пациентов и магнитофонных пленок с записями, сделанными свихнувшимся психиатром. Невозможно даже представить, утверждали они, какие компрометирующие тайны могли выболтать пациенты, а медицинская карта — документ. Иск родственников был удовлетворен.

Суд назначил адвоката Распая, Эверетта Йоу, распорядителем оставшегося имущества.

Старлинг придется обратиться к адвокату за разрешением осмотреть машину. Но вполне возможно, что, стремясь сберечь репутацию покойного клиента, адвокат уничтожит улики, если у него будет для этого достаточно времени. Нет. Она предпочитает напасть неожиданно, но для этого ей нужен совет и соответствующие полномочия.

Клэрис была одна в отделе и могла сейчас делать что угодно. Она разыскала номер домашнего телефона Крофорда. Гудка она так и не услышала: в трубке неожиданно прозвучал его голос, очень тихий и ровный:

— Джек Крофорд.

— Это Клэрис Старлинг… Надеюсь, я не оторвала вас от обеда… — Ответом ей было молчание. Но нужно было продолжать. — Сегодня Лектер

сказал мне кое-что касающееся дела Распая, я сейчас в отделе, уточняю детали. Лектер говорит, что-то есть в машине Распая. Мне нужно связаться с его адвокатом, чтобы получить к ней доступ. А завтра — суббота и занятий нет, так я хотела спросить вас…

— Старлинг, вы способны хотя бы припомнить, что я просил вас сделать с информацией, полученной от Лектера?

Голос Крофорда был спокоен до ужаса.

— Представить вам доклад к девяти ноль-ноль в воскресенье.

— Вот и выполняйте, Старлинг. Все.

— Хорошо, сэр.

Жало долгого гудка, казалось, впилось ей в ухо, и яд от этого жала разлился по всему лицу: горели щеки, жгло глаза.

— Ну, мать твою, дерьмец старый! — сказала она сквозь зубы. — Старый вонючий сукин сын! Тебя бы тот Миггз обхлюпал — я бы на тебя посмотрела.

Отмытая до блеска и облаченная в казенную ночную рубашку с эмблемой Академии ФБР, Старлинг второй раз переписывала свой доклад, когда из библиотеки вернулась Арделия Мэпп — соседка по комнате в общежитии академии.

Круглая, шоколадно-коричневая, восхитительно нормальная физиономия Арделии показалась Клэрис самым желанным зрелищем за весь этот день.

Арделия Мэпп сразу же заметила, какое у подруги усталое лицо.

— А что ты делала сегодня, девочка?

Мэпп всегда задавала вопросы таким тоном, словно ее вовсе не интересовало, что ей ответят.

— Обольщала одного психа, а другой меня малафейкой обхлюпал с ног до головы.

— Ну, знаешь, хотела бы я иметь время для светской жизни. Чертова академия! И как ты все успеваешь — и общаться, и заниматься?

Старлинг вдруг обнаружила, что не может удержаться от смеха. Арделия Мэпп тоже смеялась — недолго, ровно столько, сколько и заслуживала ее нехитрая шутка. А Клэрис не могла остановиться и, слыша себя словно издалека, все смеялась и смеялась. Сквозь слезы Арделия Мэпп казалась ей странно постаревшей, а в улыбке ее сквозила беспредельная печаль.

5

Джек Крофорд — ему недавно исполнилось пятьдесят три — сидит у себя дома, в спальне, в глубоком кресле с подголовником, и читает при свете неяркой лампы с низко опущенным абажуром. Сидит он лицом к двум широким кроватям, под ножки которых подставлены кирпичи, так что кровати высотой походят на больничные. Одна из них — его, на другой неподвижно лежит его жена, Белла. Ему слышно, как она дышит — тяжело, ртом. Уже два дня, как она не шевелится. Два дня ничего не говорит.

Вдруг дыхание ее прерывается. Крофорд поднимает глаза от книги, вглядывается над полулинзами очков, откладывает книгу. Но дыхание возобновляется: Белла дышит — сначала легкий трепет, затем вдох и выдох. Крофорд встает, кладет ладонь на лоб жены; сейчас он измерит ей давление, проверит пульс. За долгие месяцы болезни Беллы он научился делать это не хуже любого медика.

Он не хочет оставлять ее одну ночью — вот почему его кровать стоит рядом с ее кроватью.

Во тьме ночной он протягивает руку, чтобы коснуться ее руки, — вот почему его кровать так же высока, как и кровать Беллы.

Если не считать высоты кроватей да еще небольших изменений в системе канализации, необходимых для удобства жены, Крофорду удалось добиться, чтобы спальня сохранила свой обычный вид, а не превратилась в больничную палату. В комнате — цветы, не слишком много; никаких лекарств на виду: Крофорд освободил шкафчик для белья перед дверью и заполнил его лекарствами и необходимыми медицинскими приспособлениями и аппаратами, прежде чем привез Беллу домой из больницы. (Второй раз в жизни перенес он ее на руках через порог этого дома, и мысль об этом чуть было не лишила его мужества.)

Ветер с юга принес тепло; окна открыты; виргинский воздух свеж и мягок; слышно, как во тьме окликают друг друга лягушки.

Спальня блистает чистотой, но ковер немного замахрился. Джек не хочет пользоваться здесь шумным пылесосом, предпочитая механическую щетку, а она много хуже. Он проходит на цыпочках к шкафу и зажигает свет. На внутренней стороне дверцы — два планшета. На одном он

отмечает давление и частоту пульса Беллы. Его записи перемежаются с записями медсестры, которая приходит днем. Колонки записей занимают множество страниц, отмечая бесчисленные дни и ночи. На другом планшете дневная сестра записывает, какие лекарства давались Белле.

Крофорд может теперь сам вводить ей любые лекарства, если ночью возникнет такая необходимость; по совету медсестры он практиковался, сначала делая уколы в лимон, а потом — в собственное бедро, прежде чем привез жену из больницы. Сейчас он стоит над ней вот уже минуты три, глядя в любимое лицо. Прелестный муаровый шарф тюрбаном окутывает ее волосы. Белла настаивала на этом — пока могла. Теперь на этом настаивает он сам. Джек смачивает ей губы глицерином и снимает какую-то крошку из уголка ее глаза большим пальцем. Она неподвижна. Еще не время повернуть ее на бок.

Встав перед зеркалом, Крофорд говорит себе, что он не болен, что он не должен отправиться под землю вместе с Беллой, что он здоров. Поймав себя за этим занятием, он испытывает жгучий стыд.

Снова усевшись в кресло, он никак не может вспомнить, о чем же он только что читал. Он ощу-

пывает лежащие рядом книги, пытаясь найти ту, что еще хранит тепло его руки.

6

Утром в понедельник Клэрис Старлинг обнаружила в своей ячейке для писем такую записку от Крофорда:

К. С.

Займитесь машиной Распая в свое свободное время.

Получите в отделе кредитную карточку для междугородных телефонных переговоров. Свяж. со мн., прежде чем установите контакт с адвокатом или отправитесь куда-либо. Доложите о результатах в среду, в 16.00.

Директор получил доклад по Лектеру за Вашей подписью. Вы хорошо поработали.

Дж. К.
Нач. ОПП/Сектор 8

Настроение Клэрис Старлинг резко улучшилось. Она прекрасно понимала, что Крофорд сейчас подкидывает ей незначащее дело, словно полудохлую, не способную уже бегать мышь — неопытному котенку. Но он ведь хочет научить ее

работать. Он хочет, чтобы у нее получалось. Для нее это значило гораздо больше, чем вежливость и учтивый тон.

Распай был убит восемь лет назад. Какие улики могли сохраниться в его машине после всех этих лет?

Она знала по опыту собственных родителей, что машины дешевеют с невероятной скоростью, поэтому суд разрешает наследникам продавать их сразу же, с тем чтобы полученные деньги были отданы на хранение до утверждения завещания. Не похоже, чтобы распорядители имущества, даже если это дело было столь запутанным и спорным, хранили машину Распая все восемь лет.

Возникала еще одна проблема — время. С перерывом на обед у Старлинг было всего час пятнадцать свободного времени на то, чтобы успеть позвонить по межгороду в рабочие часы. Докладывать Крофорду нужно в среду. Стало быть, у нее на все — три часа сорок пять минут, да и то растянутые на три дня. За это время нужно найти машину; кроме того, она может использовать те часы, что тратит на подготовку к занятиям, а потом нагонять по ночам.

Клэрис была на хорошем счету у преподавате-

лей курса следственной процедуры и рассчитывала, что сможет получить у них консультации по вопросам общего характера.

В обеденный перерыв в понедельник сотрудники Балтиморского окружного суда трижды просили ее не вешать трубку, а потом напрочь о ней забывали. Зато в часы, обычно посвященные домашней подготовке, она попала наконец на человека, вполне дружелюбно настроенного, и он поднял для нее документы по делу об имуществе Распая.

Служащий подтвердил, что разрешение на продажу машины было выдано, и сообщил Старлинг марку и номер кузова машины, а также имя нового владельца.

Во вторник она убила половину обеденного перерыва, пытаясь найти обладателя машины. За оставшуюся часть времени ей удалось выяснить, что Автотранспортное управление штата Мэриленд не имеет возможности разыскать автомобиль по номеру кузова, а только по регистрационному номеру или по последнему номерному знаку.

В тот же вторник после обеда ливень загнал всех в помещение, прервав занятия на стрельбище. В теплом конференц-зале от взмокших от

дождя и пота курсантов повалил пар. Сам такой же мокрый, Джон Бригем, преподаватель огневой подготовки, бывший офицер морской пехоты, решил проверить твердость руки Старлинг, для чего заставил ее перед всем классом нажимать на спусковой крючок револьвера «смит-вессон-19» столько раз, сколько успеет за шестьдесят секунд.

Ей удалось сделать семьдесят четыре выстрела левой и, сдув прядь волос, упавшую на глаза, начать все сначала правой, пока кто-то из курсантов вел счет. Она стояла, собрав в кулак всю свою волю, четко видя мушку, менее четко (как и следовало) — целик и наскоро сооруженную мишень. Где-то посередине упражнения — минута еще не прошла — Клэрис заставила себя подумать о другом, чтобы не чувствовать боли, и вдруг разглядела мишень. Это была благодарность за отличную работу, выданная отделом охраны правопорядка Междуштатной торговой палаты Джону Бригему, ее теперешнему преподавателю.

Едва шевеля губами, в то время как кто-то вел счет револьверным щелчкам, она задала Бригему вопрос:

— Как отыскать последний регистрационный номер машины…

…шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь…

— …если имеется только серийный номер…

…семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один…

— …и марка? Если нет последнего номерного знака?

…восемьдесят девять, девяносто. Время!

— Хорошо, — произнес Бригем. — Хочу, чтобы все взяли себе на заметку: твердая рука — важнейшее условие в прицельной боевой стрельбе. Некоторые джентльмены в нашем классе беспокоятся, как бы я кого из них не вызвал следующим. Их беспокойство вполне оправданно — результат Старлинг значительно выше среднего. А почему? Она работает. Она укрепляет кисть, работая с любыми сопротивляющимися сжатию предметами, теми, что всегда под рукой. Большинство из вас вообще не привыкли сжимать ничего тверже собственных… — Всегда начеку, в попытках удержаться от такой родной, принятой в морской пехоте терминологии, он смолк, подыскивая подходящий эвфемизм, и наконец произнес: — Только и умеете, что собственные угри давить. Нечего улыбаться, Старлинг, вы тоже не больно-то хороши. Ваша левая… Мне надо, чтоб вы

и левой делали не меньше девяноста к концу обучения. Быстро встать парами и вести счет поочередно, раз-два. Отставить, Старлинг, вас не касается. Подойдите сюда. Какие еще сведения о машине у вас имеются?

— Только номер кузова и марка, вот и все. И имя предыдущего владельца.

— Ладно, слушайте. Легче всего проср… сорвать все дело, пытаясь найти машину по регистрационным номерам или отыскать то одного владельца, то другого. Только запутаетесь в разных штатах. Ну, по правде говоря, полиция порой так и делает, да и в компьютеры заложены только регистрационные номера и последние номерные знаки. Все привыкли пользоваться именно этими данными.

Громкое щелканье учебных револьверов с синими рукоятками заполнило зал, так что Бригем басил прямо ей в ухо:

— Есть способ попроще. Р. Л. Полк и К° — вы знаете, они издают городские справочники — выпускают еще регистрационные списки автомобилей, указывая марку и соответствующий номер кузова. Больше нигде этого не найдете. Продавцы машин руководствуются ими, делая рекламу. С чего это вы решили меня об этом

спросить?

— Так вы же работали в отделе правопорядка МТП, ну я и подумала, что вам наверняка приходилось отыскивать машины, и не один раз. Спасибо вам.

— Услуга за услугу, Старлинг. Разработайте свою левую до должного уровня, и пусть эти неженки в брюках краснеют от стыда.

В часы домашней подготовки, забравшись снова в телефонную будку, Старлинг едва могла записывать полученную информацию — так дрожали пальцы. У Распая был «форд». Недалеко от Университета штата Виргиния находился автомагазин, владелец которого многие годы терпеливо приводил в порядок ее дряхлый «пинто» — насколько мог. Теперь, столь же терпеливо, он просматривал списки Полка и К° по ее просьбе. Когда он снова подошел к телефону, он смог назвать ей имя и адрес человека, последним зарегистрировавшего машину Распая.

«Клэрис Старлинг лучше всех. Клэрис Старлинг ждет успех. А ну-ка прекрати молоть чепуху и позвони этому человеку! Он должен быть дома, посмотрим, посмотрим, где это Арканзас-Сити, Дитч, дом номер 9. Джек Крофорд никогда в жизни не позволит мне туда поехать, но я, по крайней

мере, смогу узнать, кого он туда послал».

Никто не снял трубку ни в этот раз, ни в следующий. Гудок звучал странно, очень далеко, сдвоенным бип-бип, словно телефон там был спаренный. Клэрис попробовала позвонить поздно вечером — с тем же результатом.

В среду, в обеденный перерыв, в трубке наконец раздался мужской голос:

— Из Канады опять старые песни передают.

— Здравствуйте, я звоню, чтобы…

— Мне не нужны алюминиевые рамы, и я не собираюсь жить в городке жилых автоприцепов во Флориде. Что еще вы можете предложить?

Старлинг услышала такой привычный говорок жителя арканзасских холмов, что сразу приободрилась: она и сама могла говорить так с кем угодно, стоило лишь захотеть, а время поджимало.

— Ага, сэр, если б вы могли меня выручить, я б вам была благодарна не знаю как. Мне бы найти мистера Ломекса Бардуэлла. Меня зовут Клэрис Старлинг.

— Старлинг какая-то звонит, — крикнул он кому-то в глубину дома. — А чего вам надо от Бардуэлла?

— Я от Среднеюжной районной станции об-

служивания автомобилей марки «форд». Ему полагается малый гарантийный ремонт, бесплатно.

— Ну я Бардуэлл. А я-то решил, вы мне чего-нибудь всучить хотите, по льготной-то междугородке. Только поздновато будет для малого ремонта, мне нужен большой. Я с женой ездил в Литл-Рок, а когда выезжал с Саутленд-Молл, знаете?

— Ага.

— Ну, там чертова железяка проткнула картер, масло вытекло на дорогу. А грузовик — знаете, фирма такая — «Оркин», машина с нашлепкой наверху? Ну, он въехал в масло, и его развернуло.

— Господи помилуй!

— Сбил фотобудку-автомат, стекла все повываливались. Хозяин будки еле вылез, шатался, ничего не соображал, пришлось его с дороги силком оттаскивать.

— Ну и ну, скажу я вам! Ну и что же с ней случилось?

— С кем что случилось?

— С машиной.

— Ну, я сказал Бадди Сипперу со склада утиля, мол, отдам ее за полсотни, только чтоб сам забрал. Думаю, он ее уже разобрал.

— А вы мне телефончик его не дадите, мистер

Бардуэлл?

— А он-то вам на что? Если кому чего и следует тут получить, так мне. Не ему же?

— Прекрасно понимаю вас, сэр. Я ведь только делаю, что велят, а мне велели до пяти разыскать эту машину. У вас есть его телефон, простите, сэр?

— Книжку никак не найду. Давно куда-то задевалась. Знаете, как это, когда у тебя внучат куча. На центральную позвоните, у них должен быть. Спросите склад утиля Сиппера.

— Много вам обязана, мистер Бардуэлл.

На складе утиля подтвердили, что машина уже разобрана и пущена под пресс, чтобы пойти в переплавку. Мастер проверил по спискам серийный номер машины и сообщил его Старлинг.

«Эх ты, мышка из сраного домишка! — подумала Старлинг, не вполне еще освободившись от арканзасской манеры выражаться. — Тупик. Ничего себе «валентинка»!»

Она прижалась лбом к холодному телефонному аппарату. Арделия Мэпп заглянула в будку и, придерживая одной рукой у бедра пачку книг, другой протянула ей баночку апельсинового сока.

— Спасибо, Арделия. Мне надо еще один звонок провернуть. Если успею вовремя, нагоню тебя в

кафешке, идет?

— А я так рассчитывала, что тебе удастся отделаться от этого невозможного диалекта! — сказала Мэпп. — Читай побольше, детка, книги помогут. Я лично больше никогда не пользуюсь красочным patois[13] родимого микрорайона. Только начни говорить, словно горячей картошкой рот набив, тут все и скажут — место тебе с последними дураками.

И Мэпп закрыла дверь в будку.

Старлинг понимала — придется сделать попытку получить дополнительную информацию от Лектера. Если ей удастся договориться с Чилтоном, может быть, Крофорд разрешит ей снова посетить психбольницу. Она набрала номер Чилтона, но ей так и не удалось прорваться через секретаршу.

— У доктора Чилтона совещание с коронером[14] и заместителем районного прокурора, — сказала секретарша. — Он уже беседовал с вашим начальством, и ему нечего вам сообщить. Всего

---

[13] Сноски: 13

Patois — диалект определенного района, значительно отличающийся от литературного языка.

[14] Сноски: 14

Коронер — следователь, производящий предварительное дознание и определяющий, была ли смерть насильственной.

хорошего.

7

— Ваш приятель Миггз умер, — сказал Крофорд. — Вы все мне рассказали, Старлинг?

Лицо Крофорда казалось безмерно усталым, но малейшее изменение тона мгновенно отражалось на нем. Клэрис вдруг подумала: как сова, что топорщит перья на горле от принятого острым слухом сигнала, и жалости в этом лице — как у совы.

— Как?

Все внутри у нее застыло, нужно было как-то справиться с этим.

— Незадолго до рассвета проглотил собственный язык. Чилтон полагает, что Лектер уговорил его сделать это. Ночной дежурный слышал, как Лектер о чем-то говорил Миггзу — очень тихо. Лектер многое знал о Миггзе. Разговаривал с ним довольно долго, но дежурный не мог расслышать о чем. Потом Миггз довольно долго плакал, а затем смолк. Вы все мне рассказали, Старлинг?

— Да, сэр. Если сравнить мой доклад с записями — все, почти дословно.

— Чилтон звонил и жаловался на вас… — Кро-

форд подождал немного и, казалось, был доволен, что она не задает вопросов. — Я сказал, что нахожу ваше поведение вполне удовлетворительным. Чилтон пытается избежать расследования по делу о нарушении гражданских прав.

— А должно быть такое расследование?

— Разумеется, если родственники Миггза потребуют этого. Отдел защиты гражданских прав расследовал тысяч восемь дел в нынешнем году. Рады будут добавить Миггза к тем, кто уже есть у них в списках. — Крофорд внимательно посмотрел ей в лицо: — Как вы? Нормально?

— Не знаю, как к этому отнестись.

— Никак. Не следует особенно расстраиваться из-за этого. Лектеру просто хотелось позабавиться. Он прекрасно понимает, что никто ему ничего за это по-настоящему сделать не сможет, так что почему бы и нет? Чилтон на какое-то время отберет у него книги и стульчак, лишит сладостей. — Крофорд сложил руки на животе, сплел пальцы, оттопырив большие, и уставился на них, словно сравнивая. — Лектер ведь расспрашивал вас обо мне, верно?

— Он спросил, очень ли вы заняты. Я ответила «да».

— И это все? Вы не опустили ничего личного,

опасаясь, что мне неприятно будет это читать?

— Нет. Он сказал, что вы стоик. Но я об этом написала.

— Да, помню. Больше ничего?

— Нет, я ничего не пропустила. Вы ведь не думаете, что я выдала ему какие-то сплетни, поэтому он и говорил со мной?

— Нет.

— Я не знаю о вас ничего, что касалось бы вашей личной жизни, да если бы и знала — не стала бы это ни с кем обсуждать. Если вы мне не верите, давайте сейчас выясним это раз и навсегда.

— Я вам верю. Следующий вопрос.

— Вы же что-то такое подумали или…

— Переходите к следующему вопросу, Старлинг.

— Намек Лектера про машину Распая ни к чему не привел. Она ушла под пресс четыре месяца назад из дома номер девять по улице Дитч в Арканзас-Сити и отправлена в переплавку. Может быть, если я опять пойду и поговорю с ним, он еще что-нибудь мне скажет?

— Вы все до конца выяснили?

— Да.

— Почему вы решили, что автомобиль, на котором ездил Распай, был его единственной

машиной?

— Только эта машина была зарегистрирована, он не был человеком семейным, я предположила…

— Ага, ну-ка подождите. — Крофорд поднял палец, указывая на некий невидимый глазу, но явно обнаружившийся в воздухе между ними принципиально важный предмет. — Вы предположили. Вы предположили, Старлинг. Глядите.

Крофорд написал «предположили» на листе большого блокнота. Старлинг знала, что многие преподаватели переняли эту манеру у Крофорда, но и виду не подала, что этот прием ей известен.

— Если вы что-то предположили, выполняя дело, порученное вам мною, то вы предварительно, с самого начала, — Крофорд подчеркнул последние четыре слога, — по-ло-жи-ли — и на дело, и на себя, и на меня. — Он откинулся назад, довольный поучительной, хотя и грубой шуткой. — Распай коллекционировал автомобили, знали вы об этом?

— Нет. И распорядители все еще хранят их?

— Не знаю. Как вы думаете, сможете сами выяснить?

— Смогу.

— С чего начнете?

— С душеприказчика.

— Помнится, балтиморский юрист, китаец, верно?

— Эверетт Йоу, — сказала Старлинг, — он есть в телефонном справочнике Балтимора.

— А вы задумались хоть на минуту о том, что нужно получить ордер на осмотр машины Распая?

На этот раз что-то в тоне Крофорда заставило Клэрис вспомнить о гусенице-всезнайке у Льюиса Кэрролла.

Но она не решилась парировать достаточно резко.

— Поскольку Распая нет в живых и его ни в чем не подозревают, то, если мы получим разрешение его душеприказчика осмотреть машину, этот обыск будет иметь законную силу и плоды его могут быть приняты в качестве доказательства при решении других юридических вопросов, — процитировала она.

— Точно, — сказал Крофорд. — Вот что я вам скажу. Я предупрежу нашу контору в Балтиморе, что вы приедете. В субботу, Старлинг, в свободное от занятий время. Отправляйтесь, вкусите от плодов, если таковые обнаружатся.

Крофорд попытался — довольно успешно — не

смотреть ей вслед, пока она шла к двери. Из корзины для ненужных бумаг он двумя пальцами извлек комок розоватой плотной бумаги. Расправил его на столе. Это о его жене. Изящный почерк. Стихи.

Как знать философам, что меж собой гадают,

В каком огне сей бренный мир сгорит,

Не тот ли это жар, что день за днем сжигает

Досель нетленную красу ее ланит?

Мне искренне жаль, что Белла больна, Джек.

Ганнибал Лектер

8

Эверетт Йоу вел черный «бьюик» с вымпелом «Университет Де Пола» на заднем стекле. Под тяжестью водителя «бьюик» чуть осел на левый бок, отметила Клэрис, следуя за ним на служебном «плимуте» под проливным дождем. Было почти совсем темно; день, посвященный расследованию, подошел к концу; другого дня у нее для этого не будет. Она пыталась справиться с нетерпением, постукивая пальцами по рулевому колесу в такт дворникам; машины, следовавшие из Балтимора по 301-му шоссе, еле ползли.

Йоу был умен, толст и одышлив. Старлинг наугад дала ему лет шестьдесят. Пока что он был вполне сговорчив. Не его вина, что день потерян: вернувшись под вечер из деловой поездки в Чикаго, где пробыл неделю, он прямо с самолета явился к себе в контору, чтобы встретиться с Клэрис.

Роскошный «паккард» Распая был поставлен на хранение задолго до смерти хозяина, объяснил Йоу. У него не было номерного знака — Распай никогда на нем не ездил. Адвокат видел машину

один только раз, на складе, под чехлом, когда составлял опись имущества вскоре после того, как его клиент был убит. Если следователь Старлинг согласится «немедленно и откровенно сообщить» обо всем, что она там обнаружит такого, что может повредить интересам его покойного клиента, он покажет ей автомобиль, сказал Йоу. Нет необходимости получать ордер на обыск и приглашать понятых.

Старлинг с удовольствием вела служебный «плимут», данный ей всего на один день. Особенное удовольствие вызывало наличие в машине телефона сотовой связи; к тому же она стала обладательницей нового удостоверения, выданного ей Крофордом. В нем говорилось только: «Следователь ФБР», а срок его, как она заметила, истекал через неделю.

Они направлялись к мини-складам Сплит-Сити, милях в четырех от Балтимора. Тащась по мокрому шоссе вместе с еле движущимся потоком машин, Старлинг взялась за телефон, чтобы выяснить хоть что-нибудь об этих складах. К тому времени, как впереди высветились ярко-оранжевые буквы:

МИНИ-СКЛАДЫ СПЛИТ-СИТИ

ключ всегда у вас,

у нее уже были кое-какие факты.

Мини-склады Сплит-Сити имели лицензию Федеральной торговой комиссии, выданную на имя Бернарда Гэри. Лицензия давала право на транспортировку грузов из штата в штат. Три года назад Бернард Гэри едва избежал суда по обвинению в транспортировке краденого, и его лицензия подлежала пересмотру.

Йоу свернул под ярко светящуюся вывеску и, остановившись у ворот, предъявил ключи прыщеватому юнцу в полувоенной форме. Юный страж записал номера их машин, отворил ворота и так нетерпеливо махнул им, чтобы они проезжали, словно у него была куча гораздо более важных дел.

Сплит-Сити — мрачное место, насквозь продуваемое всеми ветрами. Как воскресный рейс Ла-Гуардиа — Хуарес[15], обслуживающий тех, кто стремится побыстрее оформить развод, эти склады — воплощение индустрии обслуги, порождение безумного броуновского движения, охватившего все население страны: большая

---

[15] Сноски: 15

Хуарес — город в Мексике на границе с Техасом, где развод оформляется в течение одного дня. В США на это требуется гораздо больше времени.

часть складов занята разрозненными предметами обихода распавшихся семей. Складские боксы заполнены мебелью, стоявшей ранее в гостиных, чайными сервизами, не очень чистыми матрацами, игрушками и фотографическими отпечатками судеб, которые не состоялись. В балтиморской окружной полиции существует сильное подозрение, что, помимо всего этого, в Сплит-Сити укрывается от суда весьма ценное имущество, какое могло бы послужить возмещению убытков при вынесении постановлений о банкротстве.

Сплит-Сити походит на какой-то военный городок: тридцать акров длинных строений, разделенных брандмауэрами на боксы размером с хороший индивидуальный гараж; у каждого бокса — закатывающаяся наверх дверь. Цены вполне умеренные, и порой имущество хранят там годами. Хорошая охрана. Склады окружены высокой двойной оградой с двумя рядами фонарей, внутри которой двадцать четыре часа в сутки ходит патруль с собаками.

У двери в бокс номер 31, принадлежавший Распаю, собралась горка мусора — промокшие листья вперемешку с обрывками газет, бумажными стаканчиками, обертками от конфет. Мощный

засов с обеих сторон запирали массивные висячие замки, левый замок был к тому же опечатан. Эверетт Йоу неловко нагнулся, рассматривая печать. Старлинг держала зонт и включенный фонарь, иначе он ничего не рассмотрел бы в рано наступивших сумерках.

— Не похоже, чтобы кто-то открывал дверь после меня за эти пять лет, — сказал он. — Видите, оттиск нотариальной печати на пластике не поврежден. В то время я и понятия не имел, что родственники покойного окажутся такими несговорчивыми и затянут дело о наследстве на столько лет.

Теперь Йоу держал зонт и светил фонарем, пока Старлинг фотографировала замок и печать.

— У мистера Распая в городе был кабинет-студия, от которого я отказался, чтобы не пришлось платить за аренду, — сказал он. — Я перевез сюда всю обстановку и поместил вместе с автомобилем и другими вещами, которые хранились здесь до того. Мы привезли сюда пианино, книги и ноты и еще, кажется, кровать.

Йоу попробовал вставить ключ в замок.

— Холодно, — сказал он, — замки, скорее всего, замерзли.

Ему трудно было одновременно наклоняться и

дышать. Он попробовал присесть — колени его громко хрустнули.

Старлинг обрадовалась, что замки хромированные, стандартного типа. Выглядели они устрашающе, но она знала, как легко выдернуть из такого замка медный цилиндрик при помощи стального шурупа и молотка-гвоздодера: отец показывал ей, как это делают домушники, когда она была совсем девчонкой. Трудность заключалась лишь в том, где найти шуруп и гвоздодер, ведь ее «пинто» с багажником, вечно полным всяческого барахла, остался дома.

Она пошарила в сумке и извлекла баллончик со специальным средством, которым пользовалась, чтобы оттаивать замки на дверях своего «пинто».

— Хотите отдохнуть минутку в машине, мистер Йоу? Посидите, согрейтесь, а я сама попробую с ними справиться. Заберите зонтик, дождь совсем слабый.

Старлинг подвела служебный «плимут» поближе к двери, чтобы осветить фарами поле деятельности. Достала из машины щуп, капнула масла в замочные скважины и побрызгала туда же из баллончика, чтобы масло побыстрее растворилось. Мистер Йоу улыбался и одобрительно

кивал ей из своей машины.

«Хорошо иметь дело с умным человеком, — думала Старлинг, — можно работать, не вызывая вражды».

Уже совсем стемнело. В резком свете фар служебной машины Клэрис чувствовала себя беззащитной, выставленной напоказ, мотор «плимута» работал вхолостую, и ослабший ремень вентилятора завывал прямо ей в ухо. Она не забыла запереть машину — ведь мотор работал. Мистер Йоу выглядел вполне безобидным, но ей вовсе не улыбалось оказаться вдруг расплющенной в лепешку о железную дверь.

Замок лягушкой подпрыгнул у нее в руке и улегся на ладони, тяжелый и скользкий. Второй замок, успевший оттаять, почти не сопротивлялся.

Дверь не желала подниматься. Старлинг тянула вверх ручку, пока не потемнело в глазах. Йоу вышел из машины — помочь, но дверная ручка была слишком мала, а грыжа его — слишком велика, чтобы помощь оказалась сколько-нибудь существенной.

— Я мог бы вернуться на следующей неделе, вместе с сыном. Или позвать рабочих… — предложил адвокат. — Мне бы очень хотелось как

можно скорее попасть домой.

Но Старлинг вовсе не была уверена, что ей самой когда-нибудь снова удастся попасть сюда. Крофорду будет гораздо проще поднять трубку и поручить все это дело балтиморской конторе ФБР.

— Мистер Йоу, я быстро! У вас в машине нет домкрата?

Клэрис подвела домкрат под ручку двери и всей тяжестью налегла на рычаг. Дверь отвратительно взвизгнула и приподнялась на полдюйма. Казалось, она прогибается вверх в самом центре. Но вот она подалась вверх еще на полдюйма, и еще, и вот уже можно подложить под нее запасное колесо, чтобы она снова не опустилась, пока Клэрис подставляет домкрат мистера Йоу и свой собственный под дверь с обеих сторон. Перебегая от одного домкрата к другому, она — дюйм за дюймом — подняла дверь фута на полтора; теперь дверь окончательно застряла, и, как ни налегала Старлинг на рычаги двух домкратов, ничего больше сделать не удалось.

Мистер Йоу подошел и заглянул вместе с Клэрис под дверь. Наклоняться ему было трудно: более двух секунд в наклонном положении выдержать он не мог.

— Мышами пахнет, — сказал он. — Меня заверили, что на складе используют крысиный яд. По-моему, это даже оговорено в контракте. «Грызунов у нас практически нет», — сказали мне. Но я их слышу. А вы?

— И я слышу, — ответила Старлинг.

В луче фонаря она смогла разглядеть картонные коробки и одно колесо: широкая шина с белой боковиной виднелась из-под чехла. Шина была спущена.

Клэрис подала «плимут» назад так, чтобы свет фар хотя бы немного осветил пространство под дверью, и вытащила резиновый коврик.

— Вы собираетесь лезть туда, офицер Старлинг?

— Мне необходимо посмотреть, мистер Йоу.

Адвокат вынул носовой платок.

— Могу я предложить вам совет? Завяжите обшлага брюк вокруг щиколоток поплотнее. Чтобы предотвратить вторжение грызунов.

— Спасибо большое, сэр, это замечательная мысль. Мистер Йоу, если вдруг дверь захлопнется… ха-ха… или что-нибудь случится неожиданное, не откажите в любезности позвонить по этому номеру. Это наша контора в Балтиморе. Они знают, что я сейчас здесь, с вами, и будут

встревожены, если вскоре не получат от меня известий, понимаете?

— Конечно. Разумеется. Разумеется, понимаю.

Он вручил ей ключ от «паккарда».

Старлинг положила резиновый коврик на мокрую землю перед дверью и легла на него, прикрывая пачкой пластиковых мешков для сбора вещественных доказательств объектив камеры. Она лежала на спине, обшлага брюк плотно завязаны у щиколоток носовыми платками — мистера Йоу и ее собственным. Дождевая пыль садилась на лицо, в носу свербело от запаха плесени и мышей, и в голову ей, как это ни абсурдно, вдруг пришло латинское изречение.

В первый же день ее занятий в академии преподаватель судебной медицины четко выписал на доске известный принцип римского врача: «Primum non nocere. Прежде всего не навреди».

Только он наверняка произнес это не в гараже, полном долбаных мышей.

И вдруг — голос отца, как он когда-то говорил, держа руку на плече ее брата: «Раз не умеешь играть без рева, Клэрис, тогда марш домой».

Старлинг застегнула воротник блузы, втянула голову в плечи, скользнула под дверь и оказалась прямо под задней частью кузова. «Паккард»

стоял почти вплотную к левой стене гаража. Картонные коробки сложены справа, заполняя все пространство, не занятое машиной. Старлинг с усилием протиснулась на спине в узкую щель так, что голова ее наконец высунулась в небольшой просвет между коробками и автомобилем. Она включила фонарь и скользнула лучом по отвесной стене коробок. Множество пауков заплели паутиной все вокруг. В основном здесь — паук-кругопряд. Концентрические круги сетей, испещренных высохшими, плотно замотанными липкой нитью останками паучьих жертв.

«Ну, единственный, кого надо бы опасаться, — это коричневый паук-волк, а они живут в норках, — успокаивала себя Старлинг. — Остальные не больно-то кусаются, а если и кусаются, то не больно».

Должно найтись местечко, чтобы встать на ноги у заднего крыла. Она протискивалась, протискивалась и наконец выбралась из-под машины, почти упершись носом в белобокую шину. Колесо было все в лепешках засохшей грязи. И все же можно было разобрать название фирмы: «Гудъир». Осторожно, стараясь не удариться головой, Клэрис поднялась на ноги в узком пространстве. Руку она держала перед

лицом, отводя паутину. «Интересно, если носишь вуаль, ощущаешь то же самое?»

Снаружи послышался голос мистера Йоу:

— Порядок, мисс Старлинг?

— Порядок, — откликнулась она.

Ее голос вызвал панику среди невидимых обитателей этого места, какое-то существо пробежало внутри пианино, вызвав к жизни каскад высоких нот. Свет фар из-под двери освещал ее ноги почти до колен.

— Значит, вы отыскали пианино, офицер Старлинг? — окликнул ее мистер Йоу.

— Это не я.

— О!

Автомобиль был огромный — высокий и длинный. Из описи мистера Йоу Клэрис знала, что это «паккард»-лимузин, модель 1938 года. Он был накрыт ковром, ворсистой стороной вниз. Она пробежала по ковру лучом фонаря.

— Это вы укрыли машину ковром, мистер Йоу?

— Нет, она была уже укрыта, когда я ее впервые увидел, и я так ее и оставил — я не переношу пыли, — сказал мистер Йоу в щель под дверью. — Это Распай так ее укрыл. Я лишь убедился, что автомобиль на месте. Мои грузчики поставили пианино к стене, закрыли, сложили коробки

рядом с автомобилем и ушли. Я платил им повременно. В коробках главным образом ноты и книги.

Ковер был тяжелый и толстый, и когда она потянула его за край, облака пыли закружились в луче ее фонаря. Клэрис чихнула раз, другой. Встав на цыпочки, она с трудом завернула ковер на крышу высокой старой машины. Задние окна были затянуты занавесками. Ручка двери покрыта пылью. Пришлось перегнуться через коробки, чтобы до нее дотянуться. Ухватившись за самый кончик, Старлинг попыталась нажать на ручку. Заперто. В задней двери нет замочной скважины. Придется передвинуть кучу коробок, чтобы добраться до передней двери, а куда их двигать? Места чертовски мало. Она заметила небольшую щель между занавеской и стойкой заднего окна.

Старлинг снова перегнулась через коробки, прижалась лбом к стеклу и попыталась осветить фонарем внутренность «паккарда». Все, что ей поначалу удалось увидеть, было собственное отражение; потом она догадалась прикрыть фонарь сверху ладонью, как козырьком. Тонкий луч света, утративший яркость из-за слоя пыли на оконном стекле, перебегал по сиденью. Вот стал виден раскрытый альбом; цвета еле различимы

в тусклом свете, но Клэрис разглядела «валентинки», наклеенные на альбомные листы. Старые, кружевные открытки, рельефно выступающие на плотной бумаге.

— Ну, спасибо большое, доктор Лектер.

Она произнесла эти слова вслух; ее дыхание возмутило пыль на подоконнике и затуманило стекло. Протирать стекло не хотелось, пришлось подождать, пока оно снова станет достаточно прозрачным. Луч двинулся дальше, осветил упавший на пол скомканный плед и отразился в чуть запылившихся мужских лаковых туфлях. Над туфлями — черные носки, над носками — фрачные брюки, явно надетые на чьи-то ноги. «Никто не входил в эту дверь все пять лет… тихо, тихо, держись, девочка!»

— Ох, мистер Йоу! Мистер Йоу, послушайте!

— Да, офицер Старлинг?

— Мистер Йоу, похоже, в этой машине кто-то сидит.

— О господи! Может, вам лучше выйти оттуда, мисс Старлинг?

— Да нет, пока нет, мистер Йоу… Вы только подождите там, не уходите, пожалуйста, прошу вас!

«Вот сейчас надо думать. Сейчас важно все как

следует продумать. Важнее, чем все, что ты придумываешь по ночам. Это не какая-то там ерунда вроде той, что ты шепчешь себе в подушку. Усеки это и делай все правильно. Ты не должна повредить или уничтожить улики. Но ведь мне нужна помощь. А страшнее всего — поднять ложную тревогу. Если наша здешняя контора всполошится и пошлет сюда полицейских зазря — все, кранты. Что я вижу? Что-то похожее на ноги. Мистер Йоу не привез бы меня сюда, если б знал, что в машине — мертвяк». «Мертвяк» — это была чистая бравада. Она даже ухитрилась улыбнуться сама себе. «Никто здесь не был со времени последнего посещения Йоу. Так. Значит, коробки ставили уже после того, как это — что бы оно ни было — попало в машину. А это означает, что я могу двигать коробки, ничего важного не повредив».

— Вы здесь, мистер Йоу?

— Да. Нам следует вызвать полицию или достаточно вас одной, офицер Старлинг?

— Вот это я и хочу выяснить. Вы только подождите там, пожалуйста.

Проблема с коробками. Можно до белого каления дойти. Как с кубиком Рубика. Она пыталась двигать их, держа фонарь под мышкой. Уронила его — раз, другой и наконец решилась положить

фонарь на крышу машины. Пришлось переставлять коробки за спину. Некоторые, самые невысокие, соскальзывали под кузов автомобиля. Подушечка большого пальца горела: заноза или чей-то укус — разбираться некогда.

Теперь можно заглянуть сквозь пыльное стекло передней двери в кабину шофера на той стороне, за передним пассажирским креслом. Паук заплел паутиной пространство между рулем и переключателем скоростей. Стекло в перегородке между передним и задним сиденьями было поднято.

Клэрис пожалела, что не смазала маслом ключ от «паккарда», прежде чем лезть под дверь гаража. Но когда она вставила ключ в скважину, замок легко открылся. В узком пространстве дверь открылась едва на треть; она ударилась о коробки с глухим стуком, опять вызвав панику среди мышей и новый каскад звуков из пианино. Затхлый запах плесени и химикалий ударил в нос. Знакомый запах, только никак не вспомнить, откуда она его знает.

Наклонившись и вытянув руку, она смогла опустить стекло перегородки за шоферским сиденьем и осветить фонарем заднюю кабину. Белая вечерняя сорочка с запонками первой высветилась в луче; быстро вверх — к лицу; ни-

какого лица нет; снова вниз — белая манишка, запонки, атлас лацканов, колени, молния на брюках расстегнута; снова вверх — галстук-бабочка, воротник, из воротника — белый обрубок шеи манекена. Но выше, над шеей, — еще что-то, плохо отражающее свет. Какая-то ткань. Колпак, как раз там, где должна быть голова, — большой, черный, закрывающий что-то вроде клетки с попугаем. Бархатный, подумала Старлинг. Предмет стоял на фанерной полочке, выступающей над шеей манекена и уходящей назад, в глубь отделения для мелкой клади.

Клэрис сделала несколько снимков с переднего сиденья, устанавливая фокус при свете фонаря и зажмуриваясь при каждом щелчке лампы-вспышки. Затем вылезла из машины и распрямилась. Стоя в темноте, промокшая, вся в паутине, она размышляла, что же следует делать.

Было совершенно ясно, чего не следует делать: не следует приглашать спецагента Балтиморского отдела ФБР посмотреть на манекен с расстегнутыми штанами и на альбом с «валентинками».

И раз уж она решила влезть на заднее сиденье и снять колпак с этой штуки, ей не хотелось слишком долго задумываться над этим. Потянув-

шись через перегородку, Клэрис отперла заднюю дверь и передвинула несколько коробок, чтобы ее открыть. Ей показалось, что она потратила на это уйму времени. Запах, когда дверь наконец открылась, был гораздо сильнее. Она наклонилась внутрь и осторожно, за уголки, подняла альбом с «валентинками» и, перенеся его на крышу «паккарда», аккуратно уложила на пластиковый мешок для вещественных доказательств. Другой такой же мешок она расстелила на заднем сиденье.

Рессоры «паккарда» застонали, когда Старлинг влезла внутрь, а манекен слегка сдвинулся с места, когда она села с ним рядом. Правая рука его соскользнула с колена и легла на сиденье. Клэрис коснулась пальцем белой перчатки — рука была очень твердая. Очень осторожно она отогнула край перчатки — кисть руки была сделана из какого-то белого синтетического материала. Под брюками что-то торчало. На мгновение ей припомнились дурацкие шутки в старших классах школы.

Под сиденьем что-то тихонько заскреблось. Тихонько, нежно, словно лаская, ее рука коснулась бархатной ткани. Колпак легко скользнул по гладкой округлой поверхности. Когда Старлинг

нащупала наверху большую круглую пробку, она догадалась, что это такое, поняла — это лабораторная банка для препаратов, и знала, что найдет в этой банке. В ужасе, но не колеблясь ни минуты, Клэрис стянула колпак прочь.

Голова в банке была отсечена точно под челюстью и смотрела прямо ей в лицо; глаза побелели от спирта, в котором голова хранилась. Рот раскрыт, язык слегка высунут и совсем серый. За эти годы спирт испарился настолько, что голова легла на дно сосуда и разложившаяся макушка шапкой выступала над жидкостью. По-совиному наклоненная к телу, она тупо уставилась на Старлинг. И даже дрожащий луч фонарика был не в состоянии хоть как-то преобразить эту застывшую маску смерти.

Теперь Старлинг принялась анализировать собственные ощущения. Она была довольна. Она была радостно возбужденна. На мгновение она задумалась: достойные ли это чувства. Сейчас, в этот миг, сидя в старом автомобиле с мертвой головой и скребущимися под сиденьем мышами, она могла мыслить вполне четко — и была горда этим.

— Ну что ж, Тото, — произнесла она вслух, — мы

уже не в Канзасе[16].

Ей всегда хотелось произнести именно эти слова в трудный момент, но теперь, когда ей удалось это сделать, она почувствовала, как неуместно они звучат, и обрадовалась, что никто ее не слышит. Хватит. Надо дело делать.

Она осторожно оперлась на спинку сиденья и огляделась.

Когда-то для кого-то это был привычный мир, кем-то избранный и созданный и отделенный в чьем-то сознании тысячами световых лет от потока машин, катящих по шоссе номер 301.

Засохшие цветы свисали из крохотных хрустальных ваз на колонках по обеим сторонам сиденья. Складной столик лимузина был опущен и накрыт полотняной скатертью. На нем сквозь слой пыли поблескивал хрустальный графин. Паутина протянулась от графина к короткой свече, стоящей с ним рядом.

Старлинг попробовала представить себе Лектера, сидящего рядом с ее теперешним компаньоном и поднимающего к губам бокал. Может быть, показывающего ему альбом с «валентинками».

---

[16] Сноски: 16

С такими словами обращается к своей собаке Тото девочка Дороти, героиня сказки Л. Ф. Баума «Волшебник из страны Оз», когда смерч уносит ее из Канзаса в волшебную страну.

А что еще? Работая как можно осторожнее, стараясь не сдвинуть фигуру с места, она обыскала манекен — может, найдется что-нибудь, что поможет опознать голову. Ничего. В кармане фрака она нашла куски ткани: брюки укорачивали по росту. Костюм, по-видимому, был совсем новый, когда его надели на манекен.

Она потрогала торчавший под брюками предмет. Слишком твердый даже для старших классов школы. Пальцами она раздвинула расстегнутую ширинку и посветила фонарем: дилдо, искусственный пенис; полированное дерево, инкрустации. И размер вполне подходящий. «Я, наверное, глубоко порочна», — подумала она.

Аккуратно поворачивая сосуд, она осмотрела голову с боков и сзади — нет ли там ран. Ран не было видно. На стекле виднелось название фирмы, поставляющей лабораторное оборудование.

Размышляя о мертвом лице в сосуде, Клэрис подумала, что оно помогло ей узнать нечто такое, что она запомнит на всю жизнь. Целенаправленно осматривать это лицо, с языком, изменившим цвет в том месте, где он касался стекла, было не так страшно, как видеть во сне Миггза, проглотившего собственный язык. Ей казалось, она сможет безбоязненно встретиться лицом к лицу с

чем угодно, если только сумеет сделать по этому поводу что-нибудь полезное. Клэрис Старлинг была еще очень молода.

За те десять секунд, что ее микроавтобус с передвижной телеустановкой пристраивался у склада, Джонетта Джонсон успела вдеть в уши сережки, напудрить прелестную, шоколадного цвета физиономию и оценить ситуацию. В результате перехвата радиосообщений балтиморских полицейских Джонетта со своей командой успела приехать в Сплит-Сити до появления патрульных машин.

Однако все, что телевизионщикам удалось увидеть в свете ярких фар их машины, была Клэрис Старлинг, стоящая перед дверью в гараж с электрическим фонарем в одной руке и жалким, крохотным удостоверением следователя ФБР в другой. Намокшие под дождем волосы слиплись, несколько прядей прилипли ко лбу.

У Джонетты Джонсон был особый нюх на новичков. Она выбралась из машины — операторы с камерами следовали за ней по пятам — и приблизилась к Старлинг. Ярко загорелись прожекторы.

Мистер Йоу так глубоко укрылся в своем «бьюике», что у нижнего края оконного стекла виднелась лишь тулья его шляпы.

— Джонетта Джонсон, «Уорлд пикчерз — программа новостей». Это вы сообщили об убийстве?

Старлинг не очень-то походила на блюстителя закона и сама прекрасно сознавала это.

— Я следователь ФБР. Здесь совершено преступление. До появления представителей городских властей я не имею права никого допустить…

Ассистент оператора ухватился за нижний край двери, пытаясь ее поднять.

— Прекратите, — сказала Старлинг. — Это я вам говорю, сэр. Остановитесь. Отойдите, будьте добры. Я не в игрушки с вами играю. Лучше помогите мне.

Ей сейчас очень не хватало формы, значка — хоть чего-нибудь такого.

— Ладно, Гарри, брось, — сказала Джонетта. — Знаете, следователь, мы готовы всячески сотрудничать с вами. Откровенно говоря, вся эта петрушка очень дорого стоит, и я просто хочу знать, держать ли мою команду здесь до приезда других ответственных лиц. Может, скажете мне — что, там действительно убитый? Камеры выключены, все останется между нами. Скажите мне, и мы подождем. Мы будем паиньками, обещаю вам. Ну как, идет?

— На вашем месте я бы подождала, — посоветовала Старлинг.

— Спасибо. Вы не пожалеете, — сказала Джонетта Джонсон. — Послушайте, у меня есть кое-какая информация о мини-складах Сплит-Сити. Может, она вам пригодится. Вы не посветите мне на планшет? Посмотрим, может, сейчас прямо и отыщем.

— Машина «Уорлд Ай-ТВ новости» у ворот, Джони, — сообщил Гарри, тот, что пытался открыть дверь.

— Посмотрим, может, сейчас отыщу, следователь, да вот! Примерно два года тому назад здесь был скандал, когда они попытались доказать, что занимаются перевозками и складированием. Они что, лапшу на уши вешали?

Джонетта что-то слишком часто посматривала за плечо Старлинг.

Старлинг оглянулась и увидела, что оператор лежит на спине, голова и плечи уже скрылись под дверью, а ассистент сидит рядом с ним на корточках, готовясь просунуть под дверь и камеру.

— Эй! — крикнула Старлинг. Она упала на колени на мокрую землю рядом с оператором и потянула его за рубашку. — Вам нельзя туда. Эй! Я же сказала вам — туда нельзя!

Оба парня не переставая уговаривали ее, мягко, просительно:

— Мы же ничего не тронем, мы ведь профессионалы, ты только не волнуйся. Да полиция все равно нас впустит. Все будет нормально, ничего страшного, правда, девуля.

Эта их манера уговаривать — словно дуру девчонку на заднем сиденье машины — совершенно лишила ее самообладания.

Она бросилась к домкрату с одной стороны двери и принялась работать ручкой. Дверь пошла вниз с режущим слух скрипом. Клэрис снова взялась за ручку. Теперь край двери коснулся груди оператора. Тот не шелохнулся. Убедившись, что он и не собирается вылезать, Старлинг выдернула ручку из гнезда и подошла с ней к распростертому на земле парню. Теперь поле битвы освещали прожекторы уже нескольких телекомпаний. В яростном свете ламп она забарабанила ручкой домкрата по железной двери прямо над оператором, осыпая его пылью и ржавчиной.

— Уделите мне минуту внимания, — сказала она. — Вы не желаете слышать. Разве не так? Вылезайте оттуда. Немедленно. Еще секунда, и вы будете арестованы за сопротивление представителю власти.

— Полегче, детка, — сказал ассистент оператора и положил руку ей на плечо.

Она резко повернулась к нему. За слепящей стеной света кто-то выкрикивал какие-то вопросы, но их заглушили сирены.

— Прочь руки и отвали, подонок!

Она встала ногой на щиколотку оператора и снова повернулась лицом к его ассистенту, по-прежнему сжимая в руке рычаг домкрата. Она не замахнулась на парня. Теперь было уже все равно. Она и так выглядела отвратительно на телевизионных экранах.

9

Запахи в отделении для буйных в полутьме казались еще отвратительнее; за спиной работал включенный без звука телевизор, и тень Старлинг упала на брусья решетки: Клэрис стояла у клетки доктора Лектера.

Она ничего не могла разглядеть во тьме за решеткой, но не хотела просить дежурного включить свет со своего поста. Осветилось бы все отделение сразу, а она знала, что полицейские из Балтиморского отделения много часов подряд при полном свете орали на Лектера, требуя ответов на свои вопросы. Доктор отказался отвечать, только сложил для них из бумаги курочку, принимавшуюся клевать, когда нажимали ей на хвост. Старший офицер группы со злостью раздавил курочку в больничной пепельнице, выйдя в холл и кивком показав Старлинг, что она может теперь войти.

— Доктор Лектер?

Было так тихо, что она слышала свое дыхание и дыхание тех, дальше по коридору; только в камере Миггза никто не дышал. Камера Миггза

была ужасающе пуста. Старлинг ощущала тишину этой камеры всей кожей, словно сквозняк.

Она знала: Лектер наблюдает за ней из темноты. Прошло минуты две. Спина и ноги болели после схватки с дверью гаража, одежда еще не просохла. Она села на пол, подложив пальто и поджав под себя ноги, поодаль от решетки, и, приподняв воротник блузы, уложила на него мокрые испачканные волосы, чтобы они не липли к шее.

У нее за спиной, на экране телевизора, проповедник беззвучно воздевал руки горе.

— Доктор Лектер, мы оба знаем, почему я здесь. Они полагают, вы станете отвечать на мои вопросы.

Тишина. По другую сторону коридора кто-то засвистел: «Через море на Гебриды…»

Минут через пять она сказала:

— Странное было чувство, когда я входила туда. Мне хотелось бы когда-нибудь поговорить с вами об этом.

Старлинг подскочила, когда из клетки Лектера выкатился поднос. На нем — чистое, аккуратно сложенное полотенце. Она и не слышала, как Лектер ходил по камере.

Клэрис мгновение смотрела на полотенце, потом, чувствуя, что роняет себя, взяла его и при-

нялась вытирать волосы.

— Спасибо, — выговорила она.

— Почему вы не спрашиваете меня о Буффало Билле?

Его голос прозвучал очень близко, на уровне ее лица. «Он, должно быть, тоже сидит на полу».

— Вам что-то о нем известно?

— Возможно, но мне нужно взглянуть на его дело.

— У меня нет его дела, — сказала Старлинг.

— У вас и этого дела не будет, когда они вас до конца используют.

— Я знаю.

— Вы могли бы достать материалы о Буффало Билле. Рапорты и снимки. Мне хотелось бы на них взглянуть.

«Еще бы вам не хотелось!»

— Доктор Лектер, вы сами все это затеяли. Пожалуйста, расскажите мне об этом человеке из «паккарда».

— Вы обнаружили там целого человека? Странно. Я видел только голову. Как вы полагаете, откуда взялось остальное?

— Ну хорошо. Чья это голова?

— А что вы можете сказать?

— Они успели сообщить только предваритель-

ные данные: мужчина, белый, лет двадцати семи, зубы лечил и в Америке, и в Европе. Кто он?

— Возлюбленный Распая. Распая со слюнявой флейтой.

— Каковы были обстоятельства… Как он умер?

— Обиняками разговариваете, офицер Старлинг?

— Нет, я спрошу вас об этом несколько позже.

— Сэкономлю-ка я вам время: я его не убивал. Это Распай. Он обожал моряков. Этот был из Скандинавии, Клаус… не знаю фамилии. Распай мне ее не сообщил.

Голос Лектера раздавался теперь откуда-то снизу. Может быть, он теперь не сидит, а лежит на полу, подумала Старлинг.

— Клаус сошел на берег со шведского судна в Сан-Диего. Распай в это время преподавал там на летних курсах при консерватории. Он совершенно потерял голову из-за этого шведа. Молодой человек прекрасно знал, с какой стороны хлеб маслом намазан, и сбежал с корабля. Они купили какой-то ужасный автоприцеп и, словно сильфиды, носились нагишом по лесам. Распай сказал, что Клаус ему изменял и он его задушил.

— Распай сам вам сказал об этом?

— О да. Я был связан врачебной тайной: ведь он

поведал мне об этом во время лечебного сеанса. Я думаю, он лгал. Он был весьма склонен приукрашивать факты. Ему так хотелось казаться романтичным и опасным. Вполне возможно, что швед скончался от асфиксии во время каких-нибудь банальных эротических забав. Распай был слишком слабым и дряблым, чтобы задушить молодого моряка. Вы обратили внимание, как высоко Клаус подрезан? Под самую челюсть. Возможно, для того, чтобы скрыть странгуляционную борозду. Вполне возможно, что он был повешен.

— Понятно.

— Мечта Распая о счастье рухнула. Он упаковал голову Клауса в спортивную сумку и возвратился на восток.

— А что он сделал со всем остальным?

— Похоронил в горах.

— Он показал вам эту голову в автомобиле?

— О да. В процессе лечения он пришел к убеждению, что может рассказывать мне абсолютно обо всем. Он часто отправлялся в гараж посидеть с Клаусом в машине и даже показывал ему «валентинки».

— А потом и сам Распай… умер. От чего?

— Откровенно говоря, мне до смерти надоело

его нытье. Да и для него самого это было наилучшим исходом. Лечение не давало результатов. Я полагаю, у большинства психиатров временами бывают один-два пациента, которых они были бы не прочь передать в мои руки. Я никогда раньше не говорил об этом, а сейчас мне уже наскучила эта тема.

— А обед, который вы дали в честь руководителей оркестра?

— А разве с вами такого не бывало, когда перед приходом гостей у вас нет времени сходить в магазин? Поневоле обходитесь тем, что у вас есть в холодильнике, Клэрис. Могу я называть вас Клэрис?

— Да. Я думаю, тогда и я буду называть вас…

— Доктор Лектер. Это более всего соответствует вашему возрасту и положению, — ответил он.

— Хорошо.

— Что же вы почувствовали, входя в гараж?

— Страх.

— Отчего?

— Там полно мышей и пауков.

— У вас есть какой-то способ, которым вы пользуетесь, когда хотите приободриться, вернуть самообладание? — спросил доктор Лектер.

— Насколько я знаю — ничего такого, что бы

помогало. Кроме желания достичь поставленной цели.

— Какие-нибудь воспоминания или картины возникают в вашем мозгу в таких случаях независимо от вашей воли?

— Может быть. Я как-то не задумывалась над этим.

— Что-нибудь из вашего детства?

— Мне надо вспомнить.

— Что вы почувствовали, когда узнали о судьбе моего покойного соседа — Миггза? Вы меня о нем не спросили.

— Я собиралась это сделать.

— Вас обрадовало это известие?

— Нет.

— Опечалило?

— Нет. Это вы его уговорили?

Доктор Лектер тихонько засмеялся:

— Вы хотите спросить меня, офицер Старлинг, подстрекал ли я мистера Миггза к «преступному» самоубийству? Не глупите. И все же в этом есть некая весьма приятная симметрия — Миггз проглотил свой, оскорбивший вас, язык. Вы согласны со мной?

— Нет.

— Офицер Старлинг, вы мне солгали. Впервые

солгали мне. Tristement, сказал бы Трумэн[17].

— Президент Трумэн?

— Это не имеет значения. Как вы думаете, почему я вам помог?

— Не знаю.

— Вы нравитесь Джеку Крофорду, верно?

— Не знаю.

— Это, может быть, тоже неправда. А вам понравилось бы, если бы вы ему нравились? Скажите, вы испытываете желание угодить ему и беспокоит ли вас это? Вы опасаетесь этого желания?

— Все хотят нравиться, доктор Лектер.

— Не все. Как вы думаете, Джек Крофорд хочет вас? Я знаю — ему сейчас очень трудно. Как вы думаете, он представляет себе… визуально… сценарно… как он спит с вами?

— Доктор Лектер, мне абсолютно неинтересна эта тема, и, кроме того, вы задаете мне вопросы, которые мог бы задавать Миггз.

— Уже не может.

— Это вы внушили ему, чтобы он проглотил язык?

— Вы так грамматически правильно строите

---

[17] Сноски: 17

Доктор Лектер имеет в виду американского писателя Трумэна Капоте, автора известных романов «Завтрак у Тиффани» (1958) и «Обыкновенное убийство» (1966).

вопросы, совсем как в вашем опроснике. А тут еще ваше прекрасное произношение… Так и несет трудовым потом. Вы, несомненно, нравитесь Крофорду, он считает, что профессионально вы вполне компетентны. Разумеется, странная последовательность событий не ускользнула от вашего внимания, Клэрис: вы получили помощь и от Крофорда, и от меня. Вы говорите, что не знаете, почему Крофорд помогает вам. Знаете ли, почему помог я?

— Нет, скажите мне.

— Вы полагаете, что мне приятно смотреть на вас и думать, как бы я съел вас, какой у вас был бы вкус?

— А это действительно так?

— Нет. Мне нужно получить от Крофорда кое-что, и я хочу выменять у него это. Но он не хочет прийти повидаться со мной. Он не желает просить меня помочь с делом Буффало Билла, хотя прекрасно понимает — еще не одна молодая женщина погибнет, если этого Билла не остановить.

— Я не могу этому поверить, доктор Лектер.

— Мне нужно от него совсем немного. Это очень просто. Он может это сделать.

Лектер медленно повернул реостат — в клетке зажегся свет. Теперь в ней не осталось ни книг, ни

рисунков. Не было даже стульчака. В наказание за смерть Миггза Чилтон забрал из камеры все, кроме самого необходимого.

— Я прожил в этой комнате восемь лет, Клэрис. Я знаю, меня никогда, ни за что не выпустят отсюда живым. Мне нужен вид из окна — это все, чего я прошу. Мне нужно окно, из которого я мог бы видеть дерево или хотя бы воду.

— Разве ваш адвокат не подавал ходатайства?..

— Чилтон поставил в холле телевизор, настроив на канал, передающий исключительно религиозную программу. Как только вы уйдете, дежурный включит звук на полную мощность, и мой адвокат ничего не может с этим поделать, ведь отношение суда ко мне теперь переменилось. Я хочу, чтобы меня перевели отсюда в федеральную больницу, вернули книги, и я хочу, чтобы был вид из окна. Я дам за это хорошую цену, Клэрис. Крофорд может это сделать. Попросите его.

— Я могу передать ему все, что вы сказали.

— Он не обратит внимания. А Буффало Билл не остановится. Подождите, вот он оскальпирует одну, и посмотрите, как вам это понравится. Ммм... Я скажу вам одну вещь про Буффало Билла, хоть и не видел дела, и через многие годы, когда его на-

конец поймают — если смогут, разумеется, — вы убедитесь, что я был прав и мог бы помочь. Мог бы спасти несколько жизней. Клэрис…

— Да?

— Буффало Билл живет в двухэтажном доме, — сказал доктор Лектер и выключил в камере свет.

Больше он не сказал ни слова.

10

Клэрис Старлинг, прислонившись к игорному столу (занятия шли в учебном казино ФБР), пыталась сосредоточиться на проблемах отмывания денег в игорных заведениях. Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как она представила свой отчет в Балтиморскую окружную полицию. Печатала отчет (двумя пальцами!) машинистка, прикуривавшая одну сигарету от другой. «Попробуй, может, сумеешь открыть вон то окно, если дым тебе мешает». Потом Старлинг отправили назад в Квантико, напомнив, что убийство не подпадает под юрисдикцию федеральных органов.

Вечером в воскресенье по всем телеканалам прошла сцена битвы с телеоператорами, и Старлинг не сомневалась, что села в хорошую лужу. И за все это время — ни слова от Крофорда, ни слова из Балтиморского отделения ФБР. Как будто она просто бросила свой отчет в выгребную яму.

Казино, где она сейчас стояла, было тесным и маленьким: оно когда-то разъезжало в автоприцепе, пока не было конфисковано ФБР. Теперь его использовали как учебное пособие для курсантов

академии. Узкая, не очень длинная комната была набита полицейскими из самых разных мест. Старлинг уже отказалась — с благодарностью — от нескольких стульев, предложенных ей поочередно двумя техасскими рейнджерами и детективом из Скотленд-Ярда.

Остальные курсанты ее группы находились сейчас на другой стороне здания академии, в «спальне, где совершено преступление на сексуальной почве», отыскивая волосы преступника на ковровом покрытии, взятом из настоящего мотеля, и в «банке города N», пытаясь обнаружить отпечатки пальцев. Но Старлинг провела такое количество часов, разыскивая вещественные доказательства и отпечатки пальцев, когда специализировалась по криминологии в университете, что теперь ее послали на эту лекцию — часть курса для приезжих сотрудников правоохранительных органов.

Она подумала: может, есть и другая причина, почему ее отделили от остальных; может, прежде чем выгнать, тебя изолируют от сокурсников?

Опершись локтями о стол для игры в кости, Старлинг снова попыталась вникнуть в то, что говорилось об отмывании денег в игорных заведениях. Вместо этого в голову ей лезли мысли

о том, как не любит ФБР, когда его сотрудники появляются на телеэкранах, если речь не идет об официальных пресс-конференциях, разумеется.

Доктор Ганнибал Лектер был лакомым куском не только для радио и телевидения, но и для газет, и балтиморская полиция с радостью сообщила репортерам фамилию Клэрис. Снова и снова видела она себя такой, какой предстала перед зрителями вечерних ТВ-новостей в воскресенье. Вот она — «Старлинг из ФБР» — в Балтиморе, грохающая ручкой домкрата по железной двери гаража над вползающим под эту дверь оператором. А вот «Агент ФБР Старлинг» угрожающе поворачивается к ассистенту оператора с той же ручкой домкрата, зажатой в кулаке.

Соперничающая с этой компанией «Уорлд пикчерз», которой так и не удалось отснять собственный фильм, объявила, что подает в суд на «Старлинг из ФБР» и на само Бюро за нанесение телесных повреждений, потому что телеоператору в глаза попали пыль и кусочки ржавчины, когда Старлинг колотила по двери.

Джонетта Джонсон в передаче «От моря и до моря» выступила с заявлением, что Старлинг отыскала останки убитого в гараже благодаря «непонятной и внушающей ужас связи с

человеком, которого медицинские и судебные авторитеты считают ЧУДОВИЩЕМ!». Не оставалось сомнений, что у «Уорлд пикчерз» был в больнице собственный источник информации.

«НЕВЕСТА ФРАНКЕНШТЕЙНА!» — вопил с книжных прилавков в супермаркетах «Нэшнл тэтлер».

От ФБР комментариев в печати не последовало, но Клэрис не сомневалась, что в самой конторе их было предостаточно.

За завтраком один из ее сокурсников, молодой человек, от которого вечно несло дешевым лосьоном, назвал ее «наша Мелвин Пелвис»[18], бездарно обыграв имя Мелвина Первиса, гуверовского агента номер один в тридцатые годы. Арделия Мэпп ответила молодому человеку что-то такое, от чего он побледнел и ушел, оставив на столе недоеденный завтрак.

Неожиданно Старлинг обнаружила, что ею овладело странное безразличие — она больше ничему не удивлялась. Целый день и целую ночь она ощущала вокруг себя звенящую тишину, словно водолаз, опустившийся глубоко в море. Теперь она решила защищаться, если только

---

[18] Сноски: 18
Пелвис *(лат.)* — таз у человека и большинства позвоночных.

представится случай.

Преподаватель вращал колесо рулетки, давая пояснения, но ни разу так и не выпустил из рук шарика. Глядя на него, Клэрис ни на минуту не усомнилась, что за всю свою жизнь этот человек никогда так и не решился выпустить из рук шарик рулетки. Но сейчас он, кажется, еще что-то сказал. «Клэрис Старлинг». «При чем тут Клэрис Старлинг? Это же я!»

— Да? — сказала она.

Преподаватель указал подбородком на дверь за ее спиной. Ну вот, началось. Парка[19], прядшая нить ее судьбы, испуганно замерла. Но оказалось, что это всего лишь преподаватель огневой подготовки Бригем, заглянувший в дверь казино. Когда он понял, что Старлинг его увидела, он жестом вызвал ее в коридор.

Она подумала было, что ее выгоняют, но потом решила, что сообщать об этом не входит в обязанности Бригема.

— По коням, Старлинг. Где ваша полевая форма? — спросил он ее в коридоре.

— У меня в комнате, в корпусе «В».

Ей пришлось ускорить шаг, чтобы держаться

---

[19] Сноски: 19

Парка — в римской мифологии богиня судьбы, прядущая и обрезающая нить человеческой жизни.

с ним вровень. Бригем нес следственный чемоданчик со всем необходимым для обнаружения отпечатков пальцев и прочего — большой, не учебный, которым пользовались на занятиях, а настоящий — и небольшой парусиновый мешок.

— Вы отправляетесь с Джеком Крофордом, сегодня. Возьмите все нужное на сутки. Может, вернетесь раньше, но возьмите на всякий случай.

— Куда?

— Охотники на уток в Западной Виргинии обнаружили в Элк-ривер труп рано на рассвете. Похоже, дело рук Буффало Билла. Помощники шерифа должны доставить труп куда надо. Это где-то у черта на рогах, и Джек не собирается ждать, чтоб эти парни сообщили ему детали. — Бригем остановился у входа в корпус «В». — Ему нужен кто-нибудь, кто может снять отпечатки с топляка, не говоря уж ни о чем другом. Вы здорово вкалывали на лабораторке, так что сможете, верно?

— Ага-а-а. Дайте-ка я проверю, все ли на месте.

Бригем открыл чемоданчик и держал его так, пока она вынимала лотки. Пробирки, ампулы, шприцы и иглы — все было на месте, не было лишь фотоаппарата.

— Мне понадобится «Поляроид CU-пять», мистер Бригем, и пленки, и батарейки к нему.

— Из подсобки? Заметано. Держите.

Он протянул ей парусиновый мешок. Взяв его в руку и почувствовав, сколько он весит, Клэрис поняла, почему за ней пришел именно Бригем.

— Вам ведь еще не выдали табельное оружие?

— Нет.

— Нужно бы полностью экипироваться. Тут вот ствол, вы такой на полигоне пристреливали; здесь еще сбруя и все остальные причиндалы. Это мой револьвер. Был в деле, но я его как следует вычистил. Пощелкайте вхолостую вечерком у себя в номере, если будет возможность. Я достану фотоаппарат и буду ждать в машине за корпусом ровно через десять минут. И вот что. «Голубое каноэ» — не президентский самолет, и там негде оправиться. Так что не забудьте кой-куда сбегать, пока время есть, мой вам совет. Раз-два, Старлинг.

Она попыталась у него что-то спросить, но он уже ушел. «Должен быть Буффало Билл, если Крофорд сам едет. Черт его знает, что это за «Голубое каноэ»? Стоп. Когда складываешься, думай о том, что складываешь». Старлинг уложилась быстро, ничего не забыв.

— Как?.. — начала она, садясь в машину.

— Нормально. — Бригем ответил, не дав ей договорить. — Ручка чуть выпирает из-под пиджака, да и то если приглядываться, а так все о'кей.

Короткоствольный револьвер удобно устроился в плоской кобуре у нее под пиджаком, прижавшись к ребрам, а скорозарядное устройство — на поясе с другого бока.

Бригем вел машину к служебному аэродрому Квонтико на предельно допустимой скорости. Неожиданно он откашлялся и сказал:

— В нашей работе на полигоне есть свой плюс — никакой политики.

— Да?

— Вы правильно не дали этим шкетам впереться в гараж в Балтиморе. Переживаете из-за ТВ, да?

— А надо?

— Мы ведь просто разговариваем, вдвоем, между собой, верно?

— Верно.

Бригем помахал морскому пехотинцу-регулировщику в ответ на его приветствие.

— Джек вас берет с собой сегодня. Это такой знак доверия, что всем все сразу будет ясно и понятно. Ну, если, скажем, — продолжал он, — кто-нибудь

из Инспекции личного состава вызовет вас на ковер и начнет бурчать, вроде у него кишка с кишкой разговаривает, — понимаете меня?

— Угу.

— Крофорд своих в беде не бросает. Крофорд дал понять где надо, что вы должны были не пустить их туда. Он ведь вас туда голенькой отпустил, ну, я хочу сказать, без таких знаков власти, которые и олуху видны. Он про это тоже сказал. Да и парни из балтиморской окружной хороши — сколько времени ехали. Ну и конечно, сегодня Крофорду нужен помощник, а если б он к Джимми Прайсу послал, за кем-нибудь из лаборатории, ему б ждать пришлось не меньше часа. Так что все так сложилось, что только вам и работать, Старлинг. И должен вам сказать: работка с топляком — это не на пляже загорать. И это не в наказание вам, но если кому-то из других отделов вздумается понять именно так, пусть себе. И еще: Крофорд — он здорово все понимает, только много говорить не любит, вот я вам и объясняю, что к чему… А раз вы с Крофордом работаете, вы наверняка знаете, что у него дома. Знаете ведь, верно?

— Да нет, не знаю.

— У него есть о чем думать и помимо Буффало Билла. У него жена, Белла, совсем плоха. Она… ну,

можно сказать, в безнадежном состоянии. Он забрал ее из больницы, и она лежит дома. Если б не Буффало Билл, Джек взял бы отпуск по семейным обстоятельствам.

— Я правда не знала.

— У нас это не обсуждается. Не говорите ему, что вы, мол, сожалеете или как там еще, от этого ему не легче… им хорошо было вместе…

— Спасибо, что вы мне сказали.

Бригем посветлел лицом, когда они въехали на поле аэродрома.

— В конце курса огневой подготовки я собираюсь произнести парочку речей: мне есть что сказать. Смотрите не пропустите, Старлинг, это важно.

Машина виляла между ангарами — Бригем выбирал кратчайший путь.

— Обязательно.

— Послушайте, то, чему я учу, может, вам никогда и не пригодится. Надеюсь, что не пригодится. Но у вас есть способности, Старлинг. Если придется стрелять, у вас получится как надо. Упражняйтесь.

— Обязательно.

— Никогда не кладите оружие в сумочку.

— Хорошо.

— Потренируйтесь у себя в номере перед сном, как его побыстрей выхватить. Найдите самое удобное положение.

— Обязательно.

Почтенного возраста двухмоторный «бичкрафт» стоял на взлетной полосе служебного аэродрома Квонтико. Дверь была открыта. Один из пропеллеров уже вращался, волнуя траву за полосой.

— Так это его зовут «Голубым каноэ»?

— Точно.

— Такой маленький и такой старый?

— Очень старый, — весело сказал Бригем. — Управление по борьбе с наркотиками захватило его тыщу лет назад на юге Флориды, когда он шлепнулся в болото. Ну, сейчас-то он в полном порядке, механики здорово поработали. Надеюсь только, никто наверху не узнает, что мы его используем: нам полагается только автобус.

Он подъехал к маленькому самолету и взял вещи Старлинг с заднего сиденья. Произошло некоторое замешательство, руки были заняты, но он все же ухитрился одновременно вручить ей вещи и крепко пожать руку.

А затем, неожиданно для самого себя, Бригем вдруг сказал:

— С богом, Старлинг.

Странно было услышать такое от офицера морской пехоты. Да и сам он не понимал, откуда это вдруг взялось, и почувствовал, как жарко стало лицу.

— Спасибо… Спасибо большое, мистер Бригем.

Крофорд сидел в кресле второго пилота, без пиджака, в темных очках. Он повернулся к Старлинг, услышав, как пилот захлопнул дверь.

Глаза его были скрыты за темными стеклами очков, и она подумала, что совсем его не знает. Крофорд показался ей бледным и жестким, словно корень, вывернутый на поверхность отвалом бульдозера.

— Устраивайтесь и читайте, — сказал он.

Толстая папка с делом лежала позади него на сиденье. На обложке значилось: БУФФАЛО БИЛЛ. Старлинг крепко прижала папку к себе: самолетик вдруг взревел, дернулся и покатился по взлетной полосе.

11

Края взлетной полосы расплылись и исчезли. На востоке блеснул луч солнца, отразившись от вод Чесапикского залива. Крохотный самолетик лег на курс.

Клэрис Старлинг смогла разглядеть внизу академию и вокруг нее здания военно-морской базы Квонтико. На полигоне крохотные фигурки морских пехотинцев, вдруг поднявшись с травы, бросились бежать. Довольно беспорядочно.

Вот как, оказывается, все это выглядит сверху.

Как-то раз, после вечерних занятий на стрельбище — отрабатывали навыки стрельбы в темноте, — Клэрис возвращалась домой. Задумавшись, она медленно шла по опустевшим проулкам, а в небе над ней рокотали самолеты. Но вот их рокот смолк, и в наступившей вдруг тишине в черном небе зазвучали, перекликаясь, голоса — это десантники отрабатывали ночные прыжки с парашютом. Они окликали друг друга, спускаясь на землю сквозь ночную тьму. И Клэрис подумала: а что чувствует человек, ожидая, что вот загорится сигнал у двери самолета и нужно

прыгать? Что он чувствует, бросаясь в воющую тьму за бортом?

Может быть, то, что чувствует сейчас она?

Она раскрыла папку.

Насколько им было известно, этот Билл совершил пять убийств. По меньшей мере пять, а может, и больше, за последние десять месяцев. Он похищал женщину, убивал и сдирал с нее кожу. (Старлинг поспешно просмотрела протоколы вскрытия, чтобы по результатам анализов убедиться, что он сначала убивал их, а потом делал все остальное.)

Покончив с очередной жертвой, он сбрасывал ее тело в воду там, где течение было достаточно быстрым. Каждый новый труп обнаруживали в какой-нибудь другой реке, вниз по течению от пересечения нескольких шоссе из разных штатов. Все знали, что Буффало Билл переезжает с места на место. Это было практически все, что знали о нем представители закона, действительно все, кроме, пожалуй, того, что у него был по крайней мере один револьвер. Судя по пулям, извлеченным из тел убитых им женщин, это был револьвер тридцать восьмого калибра, видимо «кольт» (на всех пулях были следы шести левых нарезов), и парень предпочитал специальные

мощные патроны — «магнум-357».

Речная вода уничтожала отпечатки пальцев, смывала волоски и волокна, не оставляя никаких следов убийцы, никаких улик.

Он почти наверняка был белым и мужского пола: белым, потому что серийные убийства преступник совершает обычно в пределах своей этнической группы; мужского пола — потому что серийные убийства, совершаемые женщинами, в наше время практически неизвестны. Ведущие колонки криминальных новостей одной из центральных газет озаглавили свой материал в ведущей городской газете строкой из кошмарного стихотворения Э. Э. Каммингса[20] «Буффало Билл»: «...как нравится тебе твой синеглазый мальчик, о Леди Смерть?»

Кто-то, может и сам Крофорд, приклеил этот заголовок к внутренней стороне папки с делом Буффало Билла.

Не было обнаружено прямой связи между местом похищения жертвы и местом, где ее труп сбрасывали в воду.

---

[20] Сноски: 20

Каммингс Эдвард Эстлин (1894–1962) — американский писатель, первоначально привлекший к себе внимание изощренной техникой письма и экспериментами с типографским оформлением публикаций, а также скандальной откровенностью языка и острой сатиричностью произведений.

В нескольких случаях труп находили достаточно быстро, чтобы можно было определить время смерти, и полиция выяснила еще одно характерное обстоятельство: Билл не сразу убивал своих жертв. Женщины оставались в живых еще неделю, а то и десять дней после того, как были похищены. Это означало, что у него есть место, где их держать, где он может действовать, не привлекая ничьего внимания. Это означало, что он не бродяга и имеет постоянное место жительства. Он вроде ядовитого паука в черной дыре люка. И у него есть нора. Неизвестно где.

Он убивал не сразу. Это казалось страшнее всего: ведь целую неделю, а то и дольше каждая из них знала, что ее убьют.

Двух он повесил. Трех застрелил. Не было следов изнасилования или нанесения увечий до наступления смерти, и в протоколах вскрытия не было отмечено никаких «специфических повреждений половых органов», хотя патологоанатомы утверждают, что в тех случаях, когда трупы пробыли в воде слишком долго, обнаружить такие повреждения было бы практически невозможно.

Все жертвы были найдены обнаженными. В двух случаях у дороги, недалеко от места похище-

ния, обнаружили принадлежавшие похищенным вещи, причем верхнее платье на спине было разрезано, как погребальная одежда.

Старлинг заставила себя просмотреть и фотографии. Из всех мертвецов, с которыми приходится иметь дело, утопленники — с физиологической точки зрения — хуже всего. Кроме того, в них есть еще и что-то глубоко трагичное, как и в любой жертве убийства на улице. Унизительность положения, в котором оказалась жертва, разрушительное воздействие стихий, неделикатность чужих равнодушных глаз — все это вызывает гнев, если только твоя работа позволяет тебе испытывать гнев.

Довольно часто, если убийство совершено в доме, свидетельства о недостойном поведении убитого, о жертвах жертвы — избитая жена, изувеченные дети — словно толпятся вокруг, нашептывая тебе, что уж этот-то получил по заслугам; во многих случаях так оно и бывает.

Но эти женщины — чем они заслужили такое? Их находили среди пустых пивных банок и бутылок, промасленных пакетов от бутербродов, среди столь привычной нам грязи и мерзости, не просто без одежды — без кожи. У тех из них, что погибли в холодную погоду, лица сохранились

почти нетронутыми. Старлинг напомнила себе, что рты этих жертв искажены не от боли — это впечатление создавалось оттого, что рыбы и черепахи успели потрудиться над ними. Буффало Билл сдирал кожу с торса, обычно не трогая нижнюю часть тела и ноги.

Было бы не так тяжко смотреть на них, уговаривала себя Клэрис, не будь в кабине так жарко и не ползи этот чертов самолет как улитка; да тут еще пропеллеры завывают неровно, словно один из них ввинчивается в воздух не так, как другой, а проклятое солнце сквозь исцарапанное окно впивается в висок ноющей болью.

Его можно поймать. Старлинг ухватилась за эту мысль, с ней легче было высидеть в невозможной, становящейся все теснее и теснее кабине крохотного самолетика с кипой устрашающих фактов в папке на коленях. Она поможет остановить это чудовище. И тогда чуть липнущую к пальцам блестящую папку положат на место, задвинут ящик и защелкнут замок.

Она задумалась, уставившись Крофорду в затылок. Если она хочет остановить Буффало Билла, она на верном пути. Если его вообще можно поймать, то только в этой команде. Крофорд сумел взять трех преступников, совершивших серий-

ные убийства. Не без потерь, это правда. Уилл Грэм, самая классная гончая в своре Крофорда, о нем в академии ходили легенды; теперь он живет и пьет во Флориде, и на его лицо невозможно смотреть — так говорят о нем в конторе.

Наверное, Крофорд почувствовал ее пристальный взгляд. Он выбрался из кресла второго пилота, перешел в салон и, сев рядом с Клэрис, пристегнул ремень. Пилот легким движением выровнял самолет. Когда Крофорд снял темные очки и взглянул на нее сквозь бифокалы[21], Старлинг снова почувствовала, что перед ней человек, которого она давно знает.

Бросив взгляд на папку с делом Буффало Билла, Крофорд снова всмотрелся в лицо Клэрис, и нечто — какая-то тень — промелькнуло в его глазах. Будь у него более выразительная физиономия, можно было бы предположить, что это тень сожаления и сочувствия.

— Я зажарился, а вы? — сказал он. — Бобби, тут чертовски жарко, — окликнул он пилота.

Бобби что-то где-то повернул, и салон заполнил холодный воздух. Несколько снежинок, покру-

---

[21] Сноски: 21

Бифокалы — здесь: очки с двухфокусными линзами; верхняя часть такой линзы обычно предназначается для дальнего, нижняя — для ближнего видения.

жившись, опустились на волосы Старлинг.

Теперь перед ней был Джек Крофорд, вышедший на охоту. Глаза его смотрели ясно и холодно, как смотрит в окно морозный зимний день. Крофорд раскрыл папку там, где была карта центральных и восточных штатов. Места, где обнаружены тела жертв, отмечены на карте россыпью точек, очертаниями слегка напоминающей созвездие Орион — такой же ничего не говорящей и неправильной формы.

Крофорд вынул из кармана ручку и поставил новую точку — отметил место, куда они теперь направлялись.

— Элк-ривер, шестью милями ниже федерального шоссе номер семьдесят девять, — сказал он. — Тут нам повезло. Тело запуталось в рыболовных снастях. Полагают, она не так уж долго пробыла в воде. Теперь ее везут в Поттер, в окружной центр. Надо выяснить, кто она такая, и в темпе, чтобы разыскать свидетелей похищения. Мы разошлем отпечатки полис-факсом, как только их получим. — Крофорд откинулся назад и взглянул на Старлинг через нижнюю часть очков. — Джимми Прайс говорит, вы умеете работать с топляками.

— По правде говоря, мне не приходилось ра-

ботать с целым утопленником, — ответила Старлинг. — Я снимала отпечатки пальцев с рук, которые мистеру Прайсу присылают по почте фактически ежедневно. Довольно много было и рук утопленников.

Те, кто никогда не работал под началом Джимми Прайса, считают его милейшим человеком, хоть и малость скуповатым. На самом же деле он мерзкий старикашка, как все скупердяи. Джимми Прайс заведует отделом дактилоскопии Центральной лаборатории ФБР в Вашингтоне. Старлинг проходила у него практику в качестве младшего научного сотрудника по оперативно-следственной процедуре.

— Ох этот Джимми! — сказал Крофорд, и глаза его потеплели. — Как там называют эту работку?

— Не работка, а работник называется «лабораторная крыса», хотя некоторые предпочитают называться Игорь[22] — по надписи на резиновых фартуках, которые там выдают…

— Вот-вот.

— Там советуют делать вид, будто препарируешь лягушку.

— Понятно.

---

[22] Сноски: 22

Намек на имя полусумасшедшего горбуна, ассистента доктора Франкенштейна, в фильме Дж. Уэйла по роману Мэри Шелли.

— Потом вручают пришедшую по почте посылку. И все наблюдают. Некоторые даже прибегают из кафетерия в надежде, что тебя сейчас вывернет наизнанку. Да, я могу работать с топляком, без проблем. Фактически…

— Прекрасно. Теперь смотрите сюда. Первая известная нам жертва была обнаружена в Блэкуотер-ривер, штат Миссури, недалеко от Лоун-Джека. Июнь прошлого года. Мисс Биммел. Нам сообщили, что она пропала из Белведера, штат Огайо, пятнадцатого апреля, за два месяца до того, как нашли труп. Нам не так уж много удалось выяснить: понадобилось еще около трех месяцев, только чтобы установить ее личность. Вторую жертву он захватил в Чикаго в третьей декаде апреля. Ее нашли в реке Уобаш, в центре города Лафайетт, штат Индиана, всего через десять дней после похищения, так что мы могли точно определить, что с ней произошло. Следующей была белая женщина чуть старше двадцати лет; она сброшена в Роллинг-Форк около шоссе номер шестьдесят пять, в тридцати пяти милях от Луисвилла, что в Кентукки. Ее так и не опознали. Потом эта женщина — Варнер, похищенная в Эвансвилле, штат Индиана, которую он сбросил в Эмберасс, чуть ниже федерального шоссе номер

семьдесят в Восточном Иллинойсе. Оттуда он подался на юг и бросил еще один труп в реку Конасога, пониже Дамаска, в Джорджии. Это рядом с шоссе номер семьдесят пять, тоже федеральным. Это была мисс Киттридж из Питтсбурга — вот ее фотография на выпускном вечере. Ему просто дьявольски везет: никто никогда не видел, как он их похищает. И кроме того, что он бросает трупы в воду всегда неподалеку от федеральных шоссе, никакой четкой модели нам выявить не удалось.

— А если проследить все самые насыщенные транспортом маршруты в обратном направлении от тех мест, где он сбрасывал трупы в воду, они нигде не сходятся в одну точку?

— Нет.

— А если… допустить… что он избавляется от трупа и похищает новую жертву во время одной и той же поездки? — спросила Старлинг, старательно избегая запретного слова «предположить». — Сначала он сбрасывает труп в реку, верно? На всякий случай, вдруг попадется, похищая следующую жертву. Тогда, если его схватят, максимум, что ему грозит, — обвинение в разбойном нападении, и, признав себя виновным, он получит минимальный, а то и условный срок. Это если у него в машине не найдут труп. Что,

если провести векторы в обратном направлении от каждого места похищения через то место, где он сбросил тело жертвы в воду в предыдущий раз? Вы уже пробовали, да?

— Хорошая мысль. Только ему в голову она тоже приходила. Если он и совершает это за одну и ту же поездку, то ездит зигзагами. Мы провели компьютерный анализ, имитируя его маршруты: сначала к западу по федеральным шоссе, потом на восток, потом варьируя самые разные направления, опираясь на наиболее точные даты похищений и сбросов в воду. Ввели эти данные в компьютер, и его понесло: Билл обитает на востоке, заявляет он. Цикл Билла не зависит от лунного цикла, не соотносится со сроками проведения съездов и конференций в близлежащих городах, сообщает он далее. Ничего существенного, за что можно зацепиться. Билл работает с оглядкой на нас, Старлинг.

— Вы считаете, он слишком осторожен, чтобы свернуть себе шею?

Крофорд кивнул:

— Вот именно. Он научился выстраивать свои взаимоотношения с нами, и я не питаю больших надежд на то, что он в конце концов свернет себе шею. Суицидом тут и не пахнет.

Крофорд налил из термоса воды в чашку и передал пилоту. Еще одну налил для Клэрис, а себе приготовил алка-зельцер.

Самолет пошел вниз, и Клэрис почувствовала, как внутри у нее все устремилось вверх, к горлу.

— И вот еще что, Старлинг. Мне нужен не только ваш первоклассный профессионализм. Я жду от вас гораздо большего. Вы немногословны, это хорошо, я и сам такой. Но никогда не ждите, пока соберете новые факты, если хотите мне что-то сообщить. Глупых вопросов не бывает. Вы можете заметить то, чего не заметил я, и мне нужно знать, что именно привлекло ваше внимание. Может быть, у вас есть особый дар — видеть. Мы с вами получили неожиданную возможность проверить, так ли это.

Вслушиваясь в его слова, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу, с трудом сохраняя на лице достаточно пристойное выражение, Старлинг думала: интересно, давно ли он решил подключить ее к разработке этого дела? Хочет подстегнуть ее стремление не упустить свой шанс? Он ведь руководитель, лидер и прекрасно знает все эти штучки, всю эту баланду про открытость и откровенность в отношениях с подчиненными.

— Когда много думаешь о нем, видишь места,

где он побывал, начинаешь вроде чувствовать его изнутри, — продолжал Крофорд. — Перестаешь постоянно его ненавидеть, как ни трудно в это поверить. Потом, если повезет, из всей известной тебе информации какая-то часть вдруг начинает беспокоить тебя, требует к себе внимания. Всегда сообщайте мне, если что-то потребует вашего внимания, Старлинг. И вот еще что. Преступление само по себе вещь запутанная, расследование же порой запутывает его еще больше. Не позволяйте сворам полицейских сбить вас с толку. Будьте самостоятельной, Старлинг, оберегайте свой взгляд на вещи. Прислушивайтесь к себе. Не позволяйте преступлению вторгаться в вашу жизнь, в то, что происходит вокруг, — оно должно быть отдельно от вас. Не пытайтесь навязать собственную модель этому парню. Будьте открыты восприятию иного — и он сам проявит себя. И еще: в этом расследовании — всякой твари по паре. Оно подлежит юрисдикции различных ведомств, во главе некоторых из них стоят люди, порой не очень-то везучие. Но и с ними нужно установить добрые отношения, чтобы от нас ничего не утаивали. Мы летим в Поттер, в Западную Виргинию. Я ничего не знаю о людях, которых мы там встретим. Может, они просто замечательные.

Но может случиться, что они примут нас как гастролеров-пенкоснимателей.

Пилот сдвинул с уха один наушник и проговорил через плечо:

— Последний заход, Джек. Ты остаешься в салоне?

— Ага, — ответил Крофорд. — Лекция окончена, Старлинг.

12

Ну вот и Поттер. Здание городского похоронного бюро — самый большой дом на Поттер-стрит, белый, каркасный, и полицейские власти округа Рэнкин, штат Западная Виргиния, используют его специальные помещения как морг. В качестве коронера выступает частнопрактикующий семейный врач, доктор Эйкин. Если он вынесет заключение, что причина смерти неясна, тело переправят в соседний округ, в Клакстонский региональный медцентр, где есть штатный патологоанатом.

Все это объяснил Крофорду помощник шерифа еще в полицейском фургоне, по дороге с аэродрома. Помощник шерифа вел машину, а Клэрис Старлинг сидела сзади. Ей пришлось прижаться к решетке, отделявшей помещение для арестованных от кабины, чтобы расслышать его слова.

В ритуальном зале начиналась служба. Пришедшие на похороны, в своих лучших, давно вышедших из моды костюмах, выстроились в ряд на тротуаре между тощими самшитовыми деревцами и группками стояли на ступенях, ожидая,

когда можно будет войти. Свежеокрашенный дом, крыльцо и ступени несколько покосились, и все — в разные стороны.

На стоянке позади дома, под облетевшим вязом, рядом с похоронными дрогами стояли два молоденьких помощника шерифа и один пожилой; с ними — двое из дорожной полиции. Было не очень холодно, даже парок изо рта не шел.

Старлинг вглядывалась в этих мужчин, пока фургон въезжал на стоянку. Достаточно было взглянуть — и она все о них знала. Она знала: в их домах нет встроенных шкафов, там стоят шифоньеры, и она знала, какая одежда в этих шифоньерах хранится. Она знала: у этих людей есть родственники, чья одежда висит в пластиковых мешках на стенах жилых автоприцепов. Знала, что старший из них вырос в доме с водопроводной колонкой у крыльца и выбегал за калитку к школьному автобусу, шлепая по грязи босиком, с ботинками на связанных шнурках через плечо, точно так, как когда-то ее отец. Она знала: они носили завтраки в школу в насквозь промаслившихся бумажных пакетах, потому что пакеты эти использовались не один раз, и, съев свой завтрак, они аккуратно складывали пакет и засовывали его в задний карман джинсов.

«Интересно, что знает о них Крофорд?»

На задних дверях полицейского фургона не было ручек изнутри; Старлинг обнаружила это, когда Крофорд вместе с водителем вышел из машины и направился к заднему крыльцу похоронного бюро. Пришлось барабанить по стеклу, пока один из помощников шерифа не обратил на нее внимание. Водитель вернулся и выпустил ее, лицо его побагровело от стыда.

Полицейские поглядывали искоса, пока она шла к крыльцу, где стоял Крофорд. Один из них сказал:

— Здрасьте, мэм.

Она кивнула всем и улыбнулась несколько тускловато, не на полную мощность, надеясь, что правильно рассчитала количество ватт.

Она почти уже дошла до крыльца, когда один из молодых помощников шерифа, с новеньким обручальным кольцом на пальце, почесал подбородок и произнес:

— Она вовсе не такая уж красотка, а задается на всю катушку…

— Ну, знаешь, если она думает, что выглядит на все сто, я, черт возьми, готов с ней согласиться, — ответил ему второй. — Глазки, носик — все на месте, ну прям противогаз «Марк-пять».

— Да нет, мне больше по вкусу хороший арбуз, если из холодильничка, — высказался пожилой, обращаясь в основном к самому себе.

Крофорд уже разговаривал с заместителем шерифа, подтянутым, небольшого роста человеком; он носил очки в стальной оправе и башмаки без шнуровки с резинками по бокам — такие в каталогах зовутся «Ромео».

Они прошли в тускло освещенный коридор похоронного бюро, где тихонько жужжал автомат с кока-колой и вдоль стен стояли случайные и абсолютно неуместные предметы: ножная швейная машина, трехколесный велосипед, рулон искусственной травы и полосатый парусиновый тент, навернутый на шесты. На стене висел не менее абсурдный рисунок сепией: святая Цецилия[23], опустившая руки на клавиши. Ее волосы, заплетенные в косу, венком обвивали голову, а на клавиши — неизвестно откуда, просто из воздуха — сыпались розы.

— Я высоко ценю вашу оперативность, шериф. Мы благодарны вам, что вы так быстро сообщили нам об этом, — сказал Крофорд.

---

[23] Сноски: 23

Святая Цецилия (ок. II в., Рим) — раннехристианская святая. Нелепость рисунка в том, что в ту эпоху не существовало клавишных инструментов.

Заместитель шерифа на эту удочку не попался.

— Это не мы. Вам звонил кто-то из окружной прокуратуры, — сказал он. — Я знаю, что шериф не звонил вам: шериф Перкинс сейчас находится в туристической поездке на Гавайях, вместе с супругой. Я сегодня беседовал с ним по телефону, в восемь часов утра — это три часа ночи по гавайскому времени. Он обещал связаться со мной позже, но успел сказать, что задача номер один — выяснить, из наших ли мест эта девушка. Бывает, знаете ли, что чужаки подкидывают нам своих. Мы этим займемся прежде всего остального. У нас уже было так — таскали труп за трупом, а они все аж из Финикс-Сити, из Алабамы.

— Тут мы вполне способны вам помочь, шериф. Если…

— Я связался по телефону с начальником оперативной службы Управления дорожной полиции штата в Чарльстоне. Он обещал прислать несколько человек из отдела расследования преступлений — сокращенно ОРП. Они сделают все, что надо.

Коридор постепенно заполнялся полицейскими, аудитория у заместителя шерифа оказалась весьма обширной. Он продолжил:

— Мы займемся вами, как только сможем, и

окажем всевозможное содействие, всевозможным образом поработаем вместе, но в данный момент…

— Шериф, это преступление на сексуальной почве имеет ряд аспектов, о которых мне хотелось бы поговорить с вами наедине, как мужчина с мужчиной, вы меня понимаете? — сказал Крофорд, легким кивком головы указав на Старлинг.

Он потеснил малорослого коллегу, буквально втолкнув его в захламленный кабинет на противоположной стороне небольшого холла. Старлинг осталась, изо всех сил стараясь не показать, что ее задела болтовня полицейских. Сжав зубы, она рассматривала святую Цецилию и, пытаясь улыбаться в ответ на ее неземную улыбку, подслушивала происходящий за дверью разговор: он шел на повышенных тонах. Затем последовала беседа по телефону. В коридор они вышли очень скоро, и пяти минут не прошло. Выражение лица у заместителя шерифа было довольно кислое.

— Оскар, — сказал он, — пойди в зал, вызови доктора Эйкина оттуда. Он вроде должен присутствовать на таких церемониях, но они, похоже, еще не начали. Скажи ему, Клакстон на линии.

Доктор Эйкин, коронер, явился в крохотный кабинет и взял трубку. Он разговаривал с патоло-

гоанатомом из Клакстона, поставив ногу на стул и постукивая по передним зубам ручкой бумажного веера. В результате этой весьма краткой беседы он был полностью готов к сотрудничеству.

Вот так, в бальзамировочной, с обоями в розах, огромных, словно кочаны капусты, и лепным потолком, в белом каркасном доме — а такие дома она помнила с детства и понимала, — Клэрис Старлинг воочию увидела первое прямое свидетельство художеств Буффало Билла.

Единственным современным предметом в этой комнате был ярко-зеленый пластиковый мешок с плотно задернутой молнией, в котором доставили труп. Он лежал на старомодном бальзамировочном столе с фаянсовым верхом; стеклянные дверцы шкафов, хранящих троакары и бесчисленные упаковки с составом для промывания брюшной полости, многократно отражали белый фаянс стола.

Крофорд принес из машины аппарат для передачи отпечатков, пока Старлинг раскладывала свое оборудование на сушилке у огромной двойной раковины в углу.

В комнату набилось слишком много народу: заместитель шерифа, несколько помощников шерифа — все вошли вместе с ними и не собира-

лись уходить. Это было неправильно.

«Почему Крофорд не выгнал их всех отсюда?»

Обои в комнате затрепетали и надулись от сквозняка: доктор включил огромную, старую, насквозь пропылившуюся вытяжку.

Клэрис Старлинг, стоя у раковины, почувствовала, что сейчас ей понадобится гораздо больше мужества, чем парашютисту, ожидающему команды прыгать. Ей сейчас нужен был пример из прошлого, воспоминание, которое помогло бы ей собрать всю свою волю. И такой образ возник в памяти, помогая ей и одновременно пронзая болью все ее существо.

Мать стоит у раковины, смывая кровь со шляпы отца, холодная вода из крана льется на шляпу; мать говорит: «Все обойдется, Клэрис. Пойди скажи сестре и братьям, пусть моют руки и садятся за стол. Нам нужно поговорить. Потом приготовим ужин».

Старлинг сняла шарф и повязала его вокруг головы, как это делают повитухи в горных селениях. Достала из чемоданчика пару хирургических перчаток. Когда она впервые за то время, что пробыла в Поттере, раскрыла рот, голос ее звенел гораздо больше обычного, так что Крофорд подошел к двери и прислушался.

— Джентльмены! Джентльмены! Прошу вашего внимания. Пожалуйста, помолчите минутку. Послушайте. Дайте мне теперь позаботиться о ней. — Натягивая перчатки, Клэрис подняла руки так, что каждый из присутствовавших мог их увидеть. — Есть вещи, которые мы просто обязаны для нее сделать. Вы доставили ее сюда, и я уверена, ее родные были бы благодарны вам за это, если бы знали. А теперь, прошу вас, выйдите все отсюда и дайте мне самой позаботиться о ней.

Крофорд видел, как они все вдруг уважительно примолкли и стали подталкивать друг друга к двери, переговариваясь шепотом: «Пошли, Джесс, выйдем во двор».

И Крофорд понял: настроение резко изменилось, ведь здесь лежала усопшая. И где бы ни родилась она, кем бы ни была, река принесла ее сюда, к ним, и пока она, беспомощная, лежит тут, в этой комнате, в этом доме, в этом городишке, Клэрис Старлинг вступает с ней в особые отношения. Крофорд понял, что здесь, в этой глухомани, Старлинг оказалась наследницей старух-ведуний, травниц, мудрых и стойких сельских женщин, которые из века в век делали все, что нужно, были хранительницами жизни, а когда жизнь подходила к концу, обмывали и

обряжали усопших.

Комната опустела, остались только Крофорд, Старлинг и доктор. И — труп. Доктор Эйкин и Старлинг переглянулись, как бы узнавая друг друга; оба испытывали странное смущение, смешанное с не менее странным чувством удовольствия от встречи.

Крофорд достал из кармана баночку с какой-то пахучей мазью и предложил обоим. Старлинг подождала, посмотрела, что предпримут доктор и Крофорд, и, когда тот и другой принялись втирать мазь в края ноздрей, последовала их примеру.

Она извлекала фотоаппарат из сумки, лежавшей на сушилке у раковины, стоя спиной к столу, когда услышала, как на мешке с телом жертвы расстегивают молнию. Уставившись на огромные розы на обоях, она несколько раз закрыла и открыла глаза, набрала в легкие побольше воздуха, выдохнула, повернулась и посмотрела на мертвое тело на столе.

— Им надо было надеть бумажные мешки ей на руки, — сказала она. — Я так и сделаю, когда мы закончим.

Очень осторожно, не доверяя автоматическому экспонометру, каждый раз устанавливая экспозицию вручную, Клэрис принялась фото-

графировать труп.

Убитая была молодой женщиной, широкобедрой, ростом около 168 сантиметров, как показали сделанные Старлинг обмеры. Часть тела, с которой была снята кожа, от пребывания в воде стала серой, но погода стояла холодная, и тело пробыло в воде явно не очень долго, всего несколько дней. Кожа была снята с трупа очень аккуратно; верхняя линия надреза проходила прямо под грудью, нижняя — у колен; ободрана была та часть тела, которую могли бы скрыть штаны и широкий пояс тореро.

Груди небольшие, и на грудине между ними — очевидная причина смерти: рваная рана в форме звезды шириной с ладонь. Голова круглая, кожа снята с черепа от бровей и верхнего края ушей до шеи ниже затылка.

— Доктор Лектер говорил, что он начнет снимать скальпы, — сказала Старлинг.

Крофорд стоял, сложив на груди руки, пока она фотографировала.

— Сделайте снимки ушей, — только и сказал он в ответ.

Потом обошел вокруг стола, прикусив губу. Старлинг стянула одну перчатку и провела пальцем по голени убитой. Кусок лесы с тройными

крючками — от рыболовных снастей, в которых запуталось тело и которые не дали быстрому течению унести его дальше, вниз по реке, — все еще обвивал ногу у самой ступни.

— Что вы видите, Старлинг?

— Ну, она не из этих мест: уши у нее проколоты в трех местах, на ногтях — остатки лака с блестками. Похожа на городскую. Волосы на ногах удаляла недели две тому назад. Видите, они довольно мягкие и плотно прижаты к коже. Я думаю, она натирала ноги специальным кремом для удаления волос. И подмышки. Пушок над верхней губой обесцвечен перекисью. Она очень следила за своей внешностью, но некоторое время у нее такой возможности не было.

— Что скажете о ране?

— Не знаю, — ответила Старлинг. — Я бы сказала, это выходное отверстие сквозной стреляной раны, только вот здесь, сверху, вроде бы ссадина или ожог, похоже на след дула.

— Отлично, Старлинг. Это контактное входное отверстие стреляной раны над грудиной. Газы, образующиеся при выстреле, расширяются между кожей и костью и разрывают кожу, вокруг пулевого отверстия образуется рана в форме звезды.

По ту сторону стены захрипел орган: в ритуаль-

ном зале началась служба.

— Насильственная смерть, — внес свою лепту доктор Эйкин и кивнул в сторону зала: — Я должен присутствовать хотя бы на части церемонии. Семья усопшего всегда рассчитывает, что я пройду с ним часть последнего пути. Ламар придет помочь вам, как только отыграет музыкальное сопровождение. Напоминаю: вы обещали сохранить достаточно улик для патологоанатома из Клакстона, мистер Крофорд.

— У нее на левой руке сорваны два ногтя, — продолжила Старлинг, когда доктор ушел. — Они обломаны по направлению вверх, до самого мяса, а под другими — грязь или какие-то твердые частицы. Можно взять немного как вещественное доказательство? На анализ?

— Возьмите образцы грязи и твердых частиц и соскоб лака с ногтей, — ответил Крофорд. — А им скажем, когда получим результаты.

Ламар, высокий и тощий органист и бальзамировщик похоронного бюро — на носу и щеках у него цвели розы от слишком частых возлияний, — вошел, как раз когда Старлинг выполняла указания шефа.

— Вы небось маникюршей раньше были, а? — спросил Ламар.

Они с облегчением отметили, что у погибшей не было следов ногтей на ладонях, — еще одно свидетельство того, что, как и другие до нее, она умерла прежде, чем преступник совершил все остальное.

— Вы считаете, ее нужно положить лицом вниз, чтобы снимать отпечатки, Старлинг? — спросил Крофорд.

— Так будет легче.

— Тогда сначала посмотрим зубы, а после Ламар поможет нам ее перевернуть.

— Только снимки или тест-карту тоже?

Старлинг присоединила к фотокамере устройство для фотографирования зубов, порадовавшись в душе, что все необходимое оказалось на месте.

— Только снимки. Без рентгена карта может ввести в заблуждение. А снимки помогут нам исключить парочку-другую пропавших женщин.

Гибкие пальцы органиста удивительно мягко и осторожно раскрыли молодой женщине рот, точно следуя указаниям Старлинг, и оттянули губы, когда Старлинг приблизила к ее лицу камеру, чтобы крупным планом снять передние зубы. Это было не так уж трудно, но ведь еще надо сфотографировать коренные, с нёбным рефлек-

тором, следя сбоку, по отсвету через щеку, чтобы стробоскоп, окаймлявший объектив, освещал полость рта. Она сама никогда этим не занималась, только видела, как показывали на занятиях.

Старлинг посмотрела, как «Поляроид» проявляет снимок, увеличила диафрагму и сделала новый. На этот раз получилось гораздо лучше. Просто очень хорошо.

— У нее что-то застряло в горле, — сказала Старлинг.

Крофорд взглянул на снимок. Сразу за мягким нёбом был четко виден темный цилиндрический предмет.

— Дайте мне фонарь.

— Когда труп из воды достают, у него во рту часто находят чего-нибудь… ну, там листья и всякое такое, — сказал Ламар, помогая Крофорду заглянуть в горло убитой.

Старлинг достала из сумки хирургический пинцет. Взглянула на Крофорда — он стоял по ту сторону стола. Крофорд кивнул. Всего секунда — и странный предмет был извлечен на свет божий.

— Что это — стручок? — спросил Крофорд.

— Ну нет, сэр, это кокон — жучиный или еще какой, — сказал Ламар.

Он оказался прав. Старлинг опустила кокон

в банку.

— Может, надо, чтоб агент из округа тоже посмотрел на эту штуку? — сказал Ламар.

Снять отпечатки не составило труда — ведь женщина лежала теперь ничком, а Старлинг была готова к самому худшему. Однако ей не пришлось прибегать ни к одному из наиболее тонких и трудоемких методов, требующих инъекций и специальных напальчников. Она снимала отпечатки пальцев на карточки, вставленные в специальное устройство, формой напоминавшее обувной рожок. Кроме того, Клэрис сняла и несколько отпечатков ступней на всякий случай — вдруг сохранились только отпечатки младенческих ступней, снятые еще в роддоме.

Высоко на плечах обнаружились два участка срезанной кожи в форме треугольника. Старлинг снова сделала снимки.

— Сделайте обмеры, — сказал Крофорд. — Он порезал спину девушке из Экрона, когда снимал с нее одежду; это был совсем неглубокий порез, царапина, но он полностью совпал с разрезом, сделанным на ее блузке, когда у дороги нашли одежду убитой. А треугольники — это что-то новое. Я такого еще не видел.

— У нее на щиколотке сзади что-то вроде ожо-

га, — заметила Старлинг.

— У пожилых такое часто бывает, — сказал Ламар.

— Что? — спросил Крофорд.

— Я СКАЗАЛ: У ПОЖИЛЫХ ТАКОЕ ЧАСТО БЫВАЕТ.

— Да я вас прекрасно слышу. Я просто хотел, чтобы вы объяснили. Что такое бывает у пожилых?

— Ну, пожилые, бывает, умирают с электрогрелкой и обжигаются. Если помрешь с грелкой, обязательно обожжешься, даже если она не очень горячая. Горишь под ней, коли ты помер. Кровь-то не циркулирует.

— Мы попросим патологоанатома в Клакстоне сделать анализы и посмотрим, посмертный ожог или нет.

— Похоже, глушитель.

— Что?

— ГЛУШИТЕЛЬ АВТОМ… глушитель автомашины. Тут как-то Билли Петри застрелили насмерть и засунули его в багажник, да? В его же собственный. А жена на этой машине двое или трое суток все ездила — мужа искала. Когда его сюда принесли, глушитель-то был горячий под багажником и обжег его, вот так же точно, только у него было

на бедре, — объяснил Ламар. — Я продукты в багажник и не кладу никогда, потому мороженое там тает.

— Это замечательная мысль, Ламар. Жалко, вы у меня не работаете, — сказал Крофорд. — А вы знаете тех ребят, что ее в реке нашли?

— Джаббо Фрэнклин и его брат Бубба.

— Чем занимаются?

— Драки устраивают в «Лосе» и над людьми издеваются, кто их и не трогает совсем. Коли кто просто зайдет в «Лося», просто так, рюмочку выпить с устатку, ведь целый день на горюющих смотришь, так сразу тебе: «А ну сядь-ка вон там, Ламар, да сбацай нам «Филипино-беби». И принуждают человека играть им этого «беби» сто раз без конца на старом грязном пианино, что в баре стоит. Пальцы к клавишам липнут. А Джаббо это обожает. «А ну, не знаешь слов, — говорит, — так выдумай, да чтоб на этот раз рифма была, черт бы тебя взял совсем». Он пособие ветеранское получает и на Рождество ездит в Управление по делам ветеранов войны — только тогда и просыхает. Я уж лет пятнадцать жду, что он вот-вот на этом столе окажется.

— Надо будет взять анализы на серотонин в местах, где крючки повредили кожу, — сказал

Крофорд. — Я предупрежу патологоанатома.

— А крючки-то слишком близко один к другому, — заметил Ламар.

— Что вы сказали?

— Эти Фрэнклины снасть ставили, а крючки слишком близко у них. Это нарушение. Может, они потому и не заявились до нынешнего-то утра.

— Шериф сказал, они на уток охотились.

— Да они что угодно могли ему сказать, — возразил Ламар. — Они вам скажут, что в Гонолулу с самим Дюком Кеомука в матче участвовали, вместе с Сателлитом Монро. Хотите — верьте, хотите — нет. Возьмут сачок для головастиков и позовут на бекасов охотиться, коли вы бекасов уважаете. Да еще семь верст до небес наплетут.

— Что же на самом деле было, как вы думаете, Ламар?

— Ну, Фрэнклины поставили эту снасть — это ихний перемет, и крючки на нем незаконные, — а потом стали его вытягивать, чтоб посмотреть, может, чего туда попало.

— Почему вы так думаете?

— Ну, эта… дама — она еще не готова, чтоб всплыть.

— Вы правы.

— Ну, если б они этот перемет не вытянули, они б ее ни в жисть не нашли. Они небось перепугались до смерти и удрали. А потом решили заявиться. Я так думаю, вам с охотничьим инспектором поговорить надо.

— Я тоже так думаю, — сказал Крофорд.

— Тыщу раз видел у них в машине такой телефон, с ручкой, а это штраф огромный, если в кутузку не засадят. Чтоб рыбу телефонить.

Крофорд вопросительно поднял брови.

— Магнето — рыбу глушить, — сказала Старлинг. — Глушат рыбу электротоком: провода в воду опустят и давай ручку крутить. Рыба всплывает, и остается только сачком подбирать.

— Точно, — сказал Ламар. — А вы что, из наших мест?

— Да такое где угодно можно увидеть.

Старлинг испытывала настоятельную потребность сказать что-нибудь, прежде чем они задернут молнию на пластиковом мешке, или сделать какой-нибудь подобающий случаю жест, как-то выразить сочувствие, выполнить последний долг… В конце концов она просто покачала головой и принялась укладывать вещественные доказательства в чемоданчик.

Вот теперь, когда трупа перед глазами больше

не было и не нужно было решать, что и как делать, все вдруг резко изменилось. Стоило ей на минуту расслабиться, как все, чем она только что занималась, дошло до ее сознания. Старлинг стянула с рук перчатки и повернула кран, в раковину полилась вода. Стоя лицом к стене, она подставила под воду кисти рук. Вода показалась отвратительно теплой. Ламар, взглянув на Клэрис, вдруг исчез из комнаты и вернулся с холодной как лед жестянкой содовой из коридорного автомата и, не распечатав, протянул ей.

— Нет-нет, спасибо, — сказала она, — боюсь, не смогу.

— Да вы не пейте, просто подержите вот тут, пониже шеи, а потом сзади, там, где выступ на затылке. От холодного полегче станет. Мне всегда помогает.

Когда Старлинг приклеивала к зеленому мешку сопроводительную записку для патологоанатома, полис-факс Крофорда уже стрекотал на столе в кабинете.

То, что на этот раз убитую обнаружили достаточно скоро после совершения преступления, было невероятной удачей. Крофорд считал необходимым установить личность жертвы как можно скорее и немедленно начать поиск сви-

детелей похищения там, где она жила. Такой метод доставлял всем массу хлопот, но зато дело двигалось быстро.

Крофорд всегда возит с собой полис-факс системы «Литтон» для передачи отпечатков. В отличие от служебных факсимильных аппаратов его полис-факс совместим с компьютерами в полицейских управлениях большинства крупных городов. Карта отпечатков, составленная Старлинг, еще не успела просохнуть.

— Загружайте вы, Старлинг, у вас пальцы полегче.

«Не размажьте, Старлинг», — хотел он сказать, и она справилась как надо. Это было совсем не просто — обернуть влажной, только что склеенной из отдельных элементов картой небольшой валик аппарата, пока в разных местах страны, в шести аппаратных, ждали люди.

А Крофорд связался по телефону с диспетчерской и аппаратной ФБР в Вашингтоне.

— Дороти, все на линии? Прекрасно, джентльмены, поставим скорость сто двадцать, чтоб все было четко и ясно. Проверили все — сто двадцать? Атланта, как у вас? Прекрасно. Дороти, начали.

И валик стал вращаться, медленно, чтобы карта вышла четкой и ясной, и отпечатки пальцев

и ступней погибшей женщины отправились одновременно в аппаратную ФБР и в аппаратные главных полицейских управлений всех восточных штатов. Если в Чикаго, Детройте, Атланте или в одном из других городов обнаружат, чьи это отпечатки, розыск свидетелей начнется через несколько минут.

Затем Крофорд передал снимки зубов жертвы, фотографии лица (голову девушки Старлинг задрапировала полотенцем на случай, если фотографии попадут в руки желтой прессы).

Когда Крофорд и Старлинг собрались уезжать, прибыли трое из отдела расследования преступлений Полицейского управления Западной Виргинии. Крофорд сердечно пожимал руки и раздавал карточки с номером телефона прямой связи Национального центра криминологической информации. Старлинг было интересно наблюдать, как быстро ему удалось найти с ними верный, «сугубо мужской» тон. «Они сразу выйдут на связь, если что узнают, это без проблем, пусть он и не сомневается». — «Ну что за вопрос, буду очень обязан». А может, вовсе и не «сугубо мужской», ведь на нее эта его манера тоже подействовала. Ламар помахал им рукой с крыльца, когда помощник шерифа увозил Крофорда и Стар-

линг в сторону Элк-ривер. Жестянка с содовой холодила пальцы. Он отнес ее в кладовку и там смешал себе восстанавливающий силы напиток.

13

— Высадишь меня у лаборатории, Джефф, — сказал Крофорд водителю. — Потом подождешь, пока офицер Старлинг закончит дела в Смитсоновском институте. Оттуда отвезешь ее в Квантико.

— Хорошо, сэр.

Они ехали по мосту через Потомак навстречу сплошному потоку машин: рабочий день закончился, и служащие покидали центр города.

Молоденький водитель, казалось, испытывал такое благоговение перед Крофордом, что, по мнению Старлинг, вел машину с излишней осторожностью. Она не винила юнца: курсанты академии знали назубок, как догмат веры, что агент из команды Крофорда, повинный в последнем ДТП, теперь занимается расследованием мелких краж на станции дальнего радиолокационного обнаружения где-то у Полярного круга.

Настроение Крофорда оставляло желать много лучшего. Прошло уже девять часов с тех пор, как он разослал отпечатки и фотографии убитой, а ее личность все еще не могли установить. Вместе

с сотрудниками Полицейского управления Западной Виргинии Крофорд и Старлинг до самого вечера обследовали набережную и мост через Элк-ривер, и все безрезультатно.

Старлинг слышала, как он договаривался по телефону из самолета о дежурстве ночной медсестры у себя на дому.

После «Голубого каноэ» простенький служебный седан ФБР казался восхитительно удобным и тихим; разговаривать было значительно легче.

— Я разошлю сообщения по компьютерной связи и введу данные в латентный дескриптор, когда доставлю эти отпечатки в Центральную картотеку, — сказал Крофорд. — А вы набросайте мне вводную с данными для компьютера. Вводную, не форму триста два. Знаете, как это делается?

— Знаю, — ответила Клэрис, еще как следует не понимая, о чем идет речь.

— Введите индекс и что там у нас есть новенького.

Через пару секунд она уже сообразила, что к чему. Хорошо, что Крофорд в этот момент вдруг заинтересовался ремонтными лесами вокруг памятника Джефферсону, мимо которого они проезжали.

Латентный дескриптор компьютера в Цен-

тральной картотеке ФБР делает выборку на основании характерных черт расследуемого преступления, сравнивая их с уже известными данными на преступников, проходивших по различным делам. Когда машина обнаруживает явные черты сходства, она выдает список имен подозреваемых и их отпечатки пальцев. Потом оператор сравнивает эти отпечатки с найденными на месте преступления. Отпечатков Буффало Билла еще не было в деле, но Крофорд хотел быть готовым заранее.

Компьютер требует краткой, четко сформулированной информации. Старлинг попыталась предложить что-то вроде: «Женщина, белая, восемнадцать — двадцать два, застрелена, нижняя часть торса и бедра лишены кожи…»

— Старлинг, дескриптор уже знает, что Билл убивает молодых белых женщин и обдирает торсы. Кстати, не стоит употреблять выражение «освежеваны»: это необычный термин, другие агенты вряд ли станут им пользоваться, а мы не можем быть уверены, что эта чертова штука прочтет синоним. Дескриптор знает, что Билл сбрасывает трупы в воду. Он не знает, что нового в этом деле. Что в нем нового, Старлинг?

— Это шестая жертва; она первая оскальпиро-

вана, первая с треугольниками вырезанной на плечах кожи, первая убита выстрелом в грудь, первая с коконом в горле.

— Вы забыли сорванные ногти.

— Нет, сэр, она вторая с сорванными ногтями.

— Правильно. Слушайте-ка, в этой вводной отметьте, что кокон — только для служебного пользования; мы потом используем эту информацию, чтобы исключить ложные признания.

— А не делал ли он этого и раньше? Я имею в виду кокон: не вкладывал ли он им кокон или само насекомое в горло? — сказала Старлинг. — Ведь так легко его не заметить во время вскрытия, особенно у топляка. Знаете как: патологоанатом видит явную причину смерти, в помещении жарко, хочется побыстрее закончить… А мы можем перепроверить?

— Если будет необходимо. Можете быть уверены — любой патологоанатом, естественно, скажет вам, что ничего не пропустил. Неопознанная из Цинциннати по-прежнему там, в морозильной полицейского морга. Я попрошу, чтоб на нее взглянули. Но остальные четверо уже захоронены. Решение об эксгумации обычно воспринимается людьми неприязненно. Нам пришлось так сделать с четырьмя пациента-

ми доктора Лектера, скончавшимися во время лечения. Нужно было проверить, от чего они умерли. Масса хлопот, и родственники недовольны. Я пойду на это, если надо будет, но сперва посмотрим, что вы выясните в Смитсоновском институте. Потом решим.

— Оскальпирована… Это ведь редкость, верно?

— Необычно, да, — ответил Крофорд.

— Но доктор Лектер говорил, что Буффало Билл начнет снимать скальпы. Откуда он узнал?

— Он не знал.

— Но он ведь сказал об этом.

— В этом нет ничего такого уж удивительного, Старлинг. Я тоже не удивился, увидев это. Я сказал бы, что это редкость, если бы не было дела Менгеля, помните? Он оскальпировал убитую им женщину. После него нашлись двое или трое подражателей. Когда газеты взялись обыгрывать сенсацию с Буффало Биллом, репортеры не раз подчеркивали, что этот убийца не снимает скальпов. В таких условиях вовсе не удивительно, если он примется делать это: он наверняка не пропускает ничего, что о нем пишут. Лектер просто строил догадки. Он же не сказал, когда это случится, так что ошибиться он не мог. Если бы мы поймали Билла, а скальпов он так ни одного

и не снял бы, Лектер мог заявить, что тот просто не успел это сделать.

— Доктор Лектер еще сказал, что Буффало Билл живет в двухэтажном доме. Мы это так и не обсудили. Как вы думаете, почему он это сказал?

— А вот это не просто догадка Он, скорее всего, прав и мог бы сам объяснить вам это, только ему хотелось вас подразнить. В этом и заключается его единственная слабость: он должен во что бы то ни стало выглядеть умным, умнее всех. И много лет ему это вполне удавалось.

— Вы сказали, чтобы я не стеснялась задавать вопросы, если чего-то не знаю. Ну вот — я задаю вопрос: почему он это сказал?

— Ну что ж. Двух своих жертв он повесил, так? Странгуляционные борозды расположены высоко, шейные позвонки смещены — явные признаки смерти через повешение. А доктор Лектер знает по собственному опыту, Старлинг, как трудно одному человеку повесить другого, если тот сопротивляется. Люди вешаются — вешают себя сами — на дверных ручках, сплошь да рядом. Вешаются сидя, это нетрудно сделать. Но очень трудно повесить другого человека, даже если он связан. Он обязательно обопрется на ноги, если найдет малейшую опору. Стремянка — это

всегда опасность, жертва никогда не полезет на стремянку с завязанными глазами, а если видит петлю — тем более. Это чаще всего делается на лестничной клетке. Ступеньки лестницы — это знакомо, это не опасно. Можно сказать жертве, что ведут в ванную или еще что-нибудь в этом роде. Ведут наверх, с закрытым лицом, накидывают петлю на шею и ногой сталкивают с верхней ступеньки, привязав другой конец веревки к перилам лестничной площадки. Единственный пригодный способ, если это в доме происходит. Один парень из Калифорнии ввел этот способ в обиход. Если бы у Билла не было в доме колодца лестничной клетки, он убивал бы их как-то иначе. А теперь, Старлинг, дайте-ка мне фамилии начальника полиции в Поттере и того, второго, из Полицейского управления штата, он там тоже какая-то шишка.

Старлинг отыскала их фамилии в своем блокноте при свете фонарика. Фонарик она держала в зубах.

— Прекрасно, — сказал Крофорд. — Когда пользуетесь спецсвязью, Старлинг, не забывайте обращаться к полицейским по фамилии. Они это ценят, настраиваются более дружелюбно. Ведь их знают наверху! Тщеславие не дает им забыть, что

надо позвонить и сообщить, если появится что-то новое. Ожог на щиколотке жертвы что-нибудь говорит вам?

— Зависит от того, посмертный ли он.

— А что, если посмертный?

— Тогда у него крытый грузовик, или фургон, или многоместный автомобиль — что-то длинное.

— Почему?

— Потому что ожог — поперек щиколотки.

— Джефф, выпусти-ка меня. Прямо здесь, не заезжай на стоянку. Оставайся в машине, только багажник открой. Пойдемте, покажете мне, Старлинг.

Старлинг вышла вместе с Крофордом и подождала, пока он забирал из седана полис-факс и атташе-кейс.

— Он погрузил труп в машину, достаточно большую, чтобы он лежал на спине, во весь рост, — сказала Старлинг. — Только так щиколотка жертвы могла оказаться на полу над выхлопной трубой. В багажнике вроде нашего жертва лежала бы на боку, скрючившись, и…

— Да, я тоже так это себе представляю, — сказал Крофорд.

Тут вдруг ей стало ясно, что он увел ее из маши-

ны, чтобы поговорить с ней с глазу на глаз.

— Когда я сказал начальнику полиции, что не хочу говорить с ним в присутствии женщины, вас это задело, верно?

— Конечно.

— Другого предлога не нашлось. Мне надо было его от слушателей увести.

— Я знаю.

— Тогда ладно.

Крофорд захлопнул багажник и пошел было прочь.

Но Старлинг не могла оставить это без ответа.

— Это очень важно, мистер Крофорд.

Нагруженный факсом и атташе-кейсом, он обернулся к ней и теперь слушал ее очень внимательно.

— Полицейские ведь знают вас, — сказала она, — они смотрят на вас и решают, как себя вести. Пример берут.

Она стояла, глядя ему в лицо. Потом пожала плечами и беспомощно раскрыла ладони. Так ведь оно и было. Она сказала правду.

Казалось, Крофорд бесстрастно взвешивает сказанное ею.

— Заметано, Старлинг. А теперь займитесь насекомым.

— Хорошо, сэр.

Она смотрела ему вслед: пожилой человек, нагруженный тяжелыми чемоданами, в помятой одежде, с грязными от речной глины манжетами, шел домой — к тому, что ждало его дома.

Сейчас она могла бы сделать ради него что угодно, даже совершить убийство.

Это был лишь один из многих талантов Крофорда.

14

Рабочий день в Национальном музее естественной истории при Смитсоновском институте давно закончился, но Крофорд успел предупредить по телефону, и вахтер ждал Старлинг у того входа, что с Конститьюшн-авеню.

Свет в закрытом музее был притушен, воздух — неподвижен. Только фигура вождя одного из племен южноамериканского побережья, стоявшая напротив входной двери, была такого огромного роста, что тусклая лампочка в потолке освещала смуглое лицо индейца.

Провожатый Старлинг, крупный темнокожий человек в опрятной форме вахтера Смитсоновского института, показался ей в свете мигающих над дверью лифта лампочек очень похожим на этого индейского вождя. Праздная фантазия принесла минутное облегчение, словно Клэрис удалось растереть занемевшую ногу.

Так называемый второй уровень здания закрыт для посетителей. Обширное помещение прямо над этажом, где находится огромное чучело слона, делят между собой отдел антропологии и

отдел энтомологии. Антропологи считают, что работают на третьем этаже. Энтомологи утверждают, что этаж четвертый. Некоторые ученые из сельскохозяйственного отдела заявляют, будто у них есть неоспоримые доказательства того, что этаж — шестой. И у каждой из полемизирующих фракций есть основания считать себя правой, поскольку старое здание достраивалось, надстраивалось и перестраивалось не один раз.

Старлинг шла за вахтером сквозь лабиринт тускло освещенных коридоров, уставленных по стенам высоченными деревянными шкафами с антропологическими образцами.

О содержимом шкафов можно было судить лишь по небольшим ярлыкам на ящиках.

— Тыщи людей тут, в этих ящиках, — сказал вахтер. — Сорок тысяч образцов.

Шагая по коридорам, он освещал фонариком номера на дверях кабинетов, а потом вел лучом по ярлыкам на ящиках.

Даякские носилки для детей и ритуальные маски сменились растительными тлями: они перешли из мира Человека в гораздо более древний и более упорядоченный мир Насекомых. Теперь коридор окаймляли металлические ящики, выкрашенные в бледно-зеленый цвет.

— Три миллиона насекомых — да еще пауков добавьте. И не валите пауков в одну кучу с насекомыми, — посоветовал ей вахтер. — Не то паучники наши вам проходу не дадут. Ну вот, видите кабинет, где свет горит? Только одна не уходите: если они не скажут, что проводят вас вниз, позвоните по этому добавочному в комнату охраны. Я приду за вами. — Он протянул ей карточку с номером телефона и ушел.

Старлинг стояла сейчас в самом сердце Энтомологии, в круглой ротонде, вознесенной высоко над чучелом слона. Впереди виднелась открытая дверь ярко освещенного кабинета и слышались голоса.

— Время, Пилч! — Мужской голос звенел от возбуждения. — Давай ходи! Время!

Старлинг остановилась в дверях. Двое мужчин играли в шахматы на лабораторном столе. Обоим около тридцати, один тонок и черноволос, второй толстый, с курчавой рыжей шевелюрой. Казалось, они совершенно поглощены игрой. Если эти двое и заметили появление Старлинг, то не подали виду. Если они и видели огромного жука-носорога, ползающего посреди шахматных фигур, то ничем не выдали и этого.

Но тут жук переполз за край доски.

— Время, Роден! — воскликнул черноволосый.

Рыжий сделал ход слоном и тут же повернул жука обратно. Тот начал свой извилистый путь в противоположном направлении.

— А если жук срежет угол, это будет означать, что время истекло? — вмешалась Старлинг.

— Разумеется, истекло, — сказал толстый громко, не поднимая глаз от доски. — Разумеется, истекло. А вы как играете? Вы что, позволяете ему ползти через всю доску? Да с кем вы играете — с копухой?

— Я привезла образец, о котором по телефону сообщил спецагент Крофорд.

— Подумать только, а мы и не слышали вашей сирены! — сказал толстый. — Мы тут всю ночь ждем, чтобы идентифицировать какого-то жука для ФБР, — ведь мы только и занимаемся что жуками. Но никто ничего нам не говорил об образце спецагента Крофорда. Образец следует показывать своему личному врачу, и притом наедине. Время, Пилч!

— Я с удовольствием вникну во все детали вашей работы когда-нибудь в другой раз, — ответила ему Старлинг, — но дело очень срочное, так что давайте займемся этим немедленно. Время, Пилч!

Черноволосый оглянулся на нее, увидел, что она стоит, прислонившись к притолоке, с чемоданчиком в руке. Он посадил жука на трухлявую деревяшку и опустил в коробку, прикрыв листом салата. Встав, он оказался очень высоким.

— Я Ноубл Пилчер, — сказал он. — А это Элберт Роден. Вам нужно идентифицировать насекомое? Мы рады помочь вам.

Продолговатое лицо Пилчера излучало дружелюбие, но черные глаза были слишком близко посажены, и один из них несколько косил, создавая впечатление, что он существует независимо от своего напарника. Все вместе делало Пилчера похожим на злого волшебника. И он явно не собирался обменяться с ней рукопожатием.

— А вы, должно быть…

— Клэрис Старлинг.

— Давайте посмотрим, что у вас там.

Пилчер поднял баночку к свету. Роден подошел посмотреть.

— Слушайте, где вы это взяли? Вы что, прикончили его из этой вашей пушки? А с мамочкой его вы успели познакомиться?

Старлинг пришло в голову, что было бы неплохо двинуть этому Родену локтем в челюсть.

— Ш-ш-ш, — сказал Пилчер. — Расскажите,

где вы его отыскали. Он что, был прикреплен к чему-нибудь — ветке, листу? Или вы нашли его в почве?

— Понятно, — сказала Старлинг. — Значит, вам никто ничего не сказал.

— Директор просил нас задержаться и определить жука для ФБР, — сказал Пилчер.

— Велел нам, — сказал Роден. — Велел нам задержаться.

— Да мы всегда это делаем — для таможни и для сельскохозяйственного отдела, — сказал Пилчер.

— Только не посреди темной ночи, — заметил Роден.

— Мне придется сообщить вам кое-какие подробности. Это касается расследуемого в настоящее время преступления, — сказала Старлинг. — Я имею право это сделать, если вы пообещаете не разглашать полученные сведения, пока расследование не закончится. Это важно. На карту поставлено несколько жизней, и уверяю вас — я знаю, что говорю. Доктор Роден, вы можете серьезно ответить: вы способны держать слово?

— Я не доктор. Вы что, будете брать подписку о неразглашении?

— Нет, если ваше слово вообще чего-то стоит. Вам придется дать расписку в получении, если

вы оставите образец у себя, только и всего.

— Конечно, я готов вам помочь. Не такой уж я бессердечный.

— Доктор Пилчер?

— Это верно, — откликнулся Пилчер. — Он не бессердечный.

— Слово?

— Я никому не скажу.

— Пилч тоже пока не доктор, — вмешался Роден. — В смысле образования статус у нас совершенно одинаковый. Но обратите внимание: он-то позволил вам называть его «доктор». — Роден уперся кончиком указательного пальца в подбородок, будто хотел подчеркнуть, как он возмущен недостойным поведением коллеги. — Расскажите все поподробнее. То, что вам могло показаться не важным, может оказаться жизненно важным для специалиста.

— Это насекомое было обнаружено в горле убитой женщины, непосредственно за мягким нёбом. Я не знаю, как оно туда попало. Тело убитой найдено в Элк-ривер, в Западной Виргинии; смерть наступила недавно, всего несколько дней назад.

— Это Буффало Билл, я по радио слышал, — сказал Роден.

— А про насекомое вы по радио слышали? — спросила Старлинг.

— Нет, но они назвали реку: Элк-ривер. Вы что, прямо оттуда? Поэтому так поздно?..

— Да, — ответила Старлинг.

— Вы ведь устали, хотите кофе? — спросил Роден.

— Нет.

— Воды?

— Нет.

— Кока-колы?

— Пожалуй, нет. Нам нужно узнать, где он скрывал эту женщину и где она была убита. Мы надеемся, что это насекомое имеет определенное место обитания или хотя бы что область его обитания достаточно ограниченна, понимаете? Или, может быть, оно спит на определенном виде деревьев... Нам нужно узнать, откуда оно. Я прошу вас хранить это в тайне, потому что, если преступник поместил насекомое туда специально, он один знает об этом, и мы сможем использовать этот факт, чтобы исключить ложные признания и сберечь время. Он уже убил по меньшей мере шестерых. Время поджимает.

— Вы что, думаете, он сейчас держит у себя какую-нибудь еще женщину, прямо сию минуту?

Пока мы рассматриваем это насекомое? — спросил Роден, уставившись на нее испуганными глазами.

Рот его приоткрылся, Клэрис видны были его зубы, и на какое-то мгновение молнией вспыхнула иная картина…

— Не знаю. — Это прозвучало довольно резко. — Не знаю, — повторила она более спокойно. — Он снова сделает свое дело, как только сможет. Боюсь, осталось недолго ждать.

— Ну, так и мы сделаем свое дело, как только сможем, — сказал Пилчер. — Вы не беспокойтесь, у нас это здорово получается, мы на этом собаку съели.

Тоненьким длинным пинцетом он извлек из банки коричневый предмет и поместил его на белый лист бумаги под лампой. Придвинул увеличительное стекло, укрепленное на гибком штативе. Насекомое имело удлиненную форму и было похоже на мумию. Мумию окутывала полупрозрачная оболочка, четко, словно саркофаг, повторяющая ее очертания. Конечности и крылья были плотно спаяны с телом: казалось, они лишь чуть намечены резцом. Было ясно видно «лицо» насекомого. Оно казалось преисполненным мудрости.

— Прежде всего, в нормальных природных условиях такие насекомые не могут внедряться в тело человека и, помимо того, не могут оказаться в воде, кроме как в результате непредвиденной случайности, — заявил Пилчер. — Не знаю, насколько хорошо вы знакомы с жизнью насекомых и что именно хотите от меня услышать.

— Ну, скажем, ни черта о них не знаю. Выкладывайте все подряд.

— Идет. Так вот, это куколка, незрелое насекомое, заключенное в кокон, в котором оно и будет оставаться, пока проходит стадии трансформации от личинки к взрослой особи, — пояснил Пилчер.

— Куколка в хитиновой оболочке, Пилч? — Роден смешно сморщил нос, поправляя очки.

— Думаю, да. Не в службу, а в дружбу, достань с полки справочник Чжу по незрелым насекомым. Ну ладно, значит, это крупное насекомое в стадии куколки. Большинство наиболее развитых форм насекомых проходят эту стадию. Очень многие переживают зиму именно в этом виде.

— Будешь с определителем работать или с микроскопом? — спросил Роден.

— С микроскопом.

Пилчер поместил кокон под линзу микроскопа

и склонился над ним с зубоврачебным зондом в руке.

— Ну, поехали. Нет выраженных респираторных органов в дорсоцефальной области, дыхальца на мезотораксе и еще несколько абдоминальных — давай начнем отсюда.

— Ммм, — произнес Роден, листая небольшой справочник. — Как насчет функциональных жвал?

— Не-а.

— А парные желобовидные лопасти челюстей в вентральной части?

— Во-во!

— А усики как расположены?

— Наравне с внутренним краем крыльев. Две пары крыльев, задние полностью скрыты, видны только три последних брюшных сегмента… Задний конец маленький, заостренный. Так… по-моему… лепидоптера.

— Именно это здесь и сказано, — подтвердил Роден.

— Это семейство включает и дневных, и ночных бабочек. Распространены на огромной территории, — сказал Пилчер.

— Если крылья намокли, трудновато будет, — сказал Роден. — Думаю, вы тут мне косточки

хорошо перемоете, пока меня нет.

— Обязательно, — ответил Пилчер. — Роден ничего парень, — проговорил он, как только тот вышел за дверь.

— Не сомневаюсь.

— Ну да? — Пилчера что-то явно забавляло. — Мы университет вместе кончали, работали и выбивали себе стипендии, где только могли. Ну, он получил одну работку — пришлось сидеть в угольной шахте, ожидая, пока там протон распадется. Просто он слишком долго просидел в темной шахте. Он ничего, только не надо про протоны с ним говорить.

— Так и быть, я попытаюсь обойти эту тему.

Пилчер отодвинулся так, чтобы свет не падал ему на лицо.

— Лепидоптера — очень большое семейство. Примерно тридцать тысяч дневных и около ста тридцати тысяч ночных бабочек. Мне хотелось бы вынуть ее из кокона. Это необходимо, если мы хотим ее точно определить.

— Ну что ж. А вы сможете вытащить ее целиком?

— Думаю, да. Смотрите, как раз перед смертью она начала выбираться оттуда собственными усилиями. В коконе образовалось неправильной

формы отверстие. Вот тут, видите? Тут придется повозиться.

Пилчер удлинил естественное отверстие в коконе и осторожно извлек насекомое. Тесно сложенные крылья промокли насквозь. Расправлять их было все равно что растягивать влажную, набухшую от воды бумажную салфетку. Рисунка на крыльях было не различить.

Явился Роден с пачкой книг.

— Готов? — спросил Пилчер. — Переднегрудные конечности не просматриваются.

— А щетинки?

— Нет щетинок, — ответил Пилчер. — Офицер Старлинг, вы не погасите свет?

Она ждала у стены рядом с выключателем, пока Пилчер зажжет электрический фонарик. Отойдя от стола, он осветил фонариком насекомое. Глаза куколки засветились в темноте, отражая яркий, тонкий, четко направленный луч.

— Совка, — сказал Роден.

— Возможно. Только какая? — ответил Пилчер. — Дайте свет, пожалуйста. Это ночница, офицер Старлинг, ночная бабочка. Сколько там ночниц, Роден?

— Две тысячи шестьсот… Описано две тысячи шестьсот.

— Но таких крупных не так уж много. Давай, твоя очередь воссиять, друг мой.

Жесткие рыжие патлы Родена полностью скрыли микроскоп.

— Нам теперь надо исследовать кожный покров насекомого, чтобы определить, к какому именно виду оно относится. Роден в этом разбирается гораздо лучше.

Клэрис вдруг ощутила, как в комнате повеяло добротой. Роден немедля отреагировал, затеяв яростный спор с Пилчером по поводу расположения наростов на теле личинки. Спор бушевал и дальше, когда дело дошло до расположения волосков на брюшке.

Наконец вердикт был вынесен.

— Erebus odora, — заявил Роден.

— Пошли посмотрим, — сказал Пилчер.

Они взяли насекомое и спустились на лифте на один этаж. Огромное квадратное помещение, расположенное прямо над чучелом слона, было целиком заполнено бледно-зелеными ящиками. Когда-то это был огромный, высоченный зал. Теперь здесь были сооружены «палубы», делившие его на два уровня, чтобы насекомым Смитсоновского института было где разместиться. Подошли к секции неотропиков и проследовали дальше

— к ночницам. Пилчер заглянул в свои записи и остановился перед ящиком, расположенным на уровне груди в стене таких же бледно-зеленых контейнеров.

— Тут надо соблюдать осторожность, — сказал он, выдвинув тяжелую металлическую дверцу ящика и опустив ее на пол. — Урони такую на ногу — будешь прыгать на одной не меньше месяца.

Пилчер провел пальцем сверху вниз по стоявшим внутри выдвижным лоткам, выбрал один и вынул его из ящика.

И Старлинг увидела в лотке крохотные высушенные яйца насекомого; гусеницу в пробирке со спиртом; кокон, снятый с куколки, очень похожей на ту, что привезла она, и взрослую особь: крупную коричнево-черную бабочку с размахом крыльев сантиметров пятнадцать, мохнатым тельцем и тонкими длинными усиками.

— Erebus odora, — сказал Пилчер, — ночница «Черная ведьма».

Роден уже торопливо перелистывал страницы.

— Вид тропический. Изредка появляется в Канаде. Осенью, — процитировал он. — Личинки питаются листьями акации и тому подобных растений. Распространение: Вест-Индия, юг

Соединенных Штатов, на Гавайях считается сельскохозяйственным вредителем.

«П…дец», — подумала Старлинг. Вслух она сказала:

— Черт-те что. Значит, они повсюду встречаются.

— Но не везде в одно и то же время. — Пилчер задумался, опустив голову и обхватив пальцами подбородок. — Слушай, Роден, а яйца они дважды в год откладывают?

— Секундочку… ага, на самом юге Флориды и в Южном Техасе.

— Когда?

— В мае и августе.

— Я вот что подумал, — сказал Пилчер. — Ваша особь несколько более развита, чем та, что у нас. И она незасохшая. Она начала проделывать отверстие в коконе. В Вест-Индии или на Гавайях это было бы понятно. Но у нас ведь зима. Здесь, у нас, она подождала бы еще три месяца, прежде чем вылезти. Если только она случайно не попала в теплицу. А может, кто-то ее специально вывел.

— Как — вывел?

— Ну, в особой клетке, в теплом помещении, кормил гусениц листьями акации, пока они не стали готовы закутаться в кокон. Не так уж это

трудно.

— Это что, хобби такое? Оно популярно? Если не говорить о профессионалах, многие этим увлекаются?

— Да нет, прежде всего энтомологи, стремящиеся получить идеальный образец. Может быть, некоторые коллекционеры. Еще есть ведь производители шелка, они разводят шелкопряда, но это совсем другой вид.

— У энтомологов должна быть своя периодика, профессиональные журналы, есть продавцы оборудования, — сказала Старлинг.

— Точно. Большинство публикаций приходят к нам сюда.

— Я вам подберу пачку, — сказал Роден. — Тут кое-кто подписывается в одиночку на некоторые бюллетени и требует с человека четверть доллара только за «поглядеть». К утру будет вам целая пачка.

— Я скажу, чтобы их завтра забрали, спасибо, мистер Роден.

Пилчер сделал фотокопии статей об Erebus odora и передал ей вместе с насекомым.

— Я провожу вас вниз, — сказал он.

Они ждали лифта.

— Большинство людей любят бабочек только

дневных, — сказал Пилчер. — А ночные гораздо интереснее… Занятнее.

— Они ведь разрушители.

— Некоторые. Даже многие. Но они живут совсем по-разному. Как мы все равно.

Помолчали один пролет.

— Есть, например, моли, которые живут исключительно слезами, — продолжал он. — Больше ничего не едят и не пьют.

— То есть как это — слезами? Чьими слезами?

— Слезами крупных наземных млекопитающих, размером примерно с человека. Старое определение моли — «все, что постепенно и беззвучно ест, потребляет или истощает любой другой предмет». И был соответствующий глагол, означавший «нести разрушение»… А вы что, только тем и занимаетесь, что ловите Буффало Билла?

— Всякий раз, как удается выкроить время.

Пилчер провел языком по зубам, не раскрывая рта. Язык двигался за губами, словно котенок, забравшийся под одеяло.

— А вы когда-нибудь выходите, чтобы съесть рубленый бифштекс с сыром и выпить пива или какого-нибудь смешного домашнего вина?

— В последнее время нет.

— Может, взять да и пойти сейчас вместе, а? Тут рядом.

— Нет, но я сама приглашу вас, когда покончим с этим делом. И мистер Роден, естественно, может присоединиться.

— Ничего естественного я в этом не вижу, — ответил Пилчер. И у самых дверей сказал: — Надеюсь, вы покончите с этим делом поскорее, офицер Старлинг.

Она поспешила к ожидавшей ее машине.

У себя на кровати Клэрис обнаружила половину шоколадного батончика и почту. Арделия Мэпп уже спала.

Старлинг взяла машинку и отправилась в прачечную. Там она поставила машинку на стол для чистого белья, вставила бумагу, копирку и принялась за меморандум об Erebus odora. Она продумала и выстроила в уме все, что хотела записать, еще в машине, по дороге в Квантико, и это не заняло много времени.

Потом она съела шоколад и написала записку Крофорду, предлагая сравнить введенные в компьютер списки подписчиков энтомологических публикаций со списками известных ФБР преступников и списками преступников в городах и районах, ближайших к местам похищений, плюс

файлы, содержащие имена совершивших тяжкие преступления и преступления на сексуальной почве в Метро-Дейд, Сан-Антонио и Хьюстоне — областях, где этот вид ночниц особенно распространен.

Было еще одно, о чем ей пришлось заговорить во второй раз: «Давайте спросим доктора Лектера, почему он подумал, что преступник начнет снимать скальпы».

Она передала бумаги ночному дежурному и с облегчением бросилась в кровать. Дневные голоса все еще звучали вокруг еле слышно, тише, чем дышала во сне Арделия Мэпп на кровати у стены напротив. В густой тьме пред глазами вставало крохотное мудрое лицо бабочки. Ее сверкающие в темноте глаза видели Буффало Билла.

Из космического тумана, оставленного пребыванием в Смитсоновском институте, выплыла последняя мысль, словно кода дня:

«По всему нашему миру, в той его половине, что теперь скрыта мглою ночи, я должна искать и найти существо, что живет слезами других».

15

Восточный Мемфис, штат Теннесси. Кэтрин Бейкер Мартин и ее самый близкий друг смотрят вечернюю передачу по телевидению у него дома, покуривая набитый гашишем кальян. Рекламные объявления все чаще прерывают программу, становясь все длиннее и длиннее.

— Слушай, жрать охота, а у меня дома воздушная кукуруза есть. Хочешь?

— Давай ключи, я схожу.

— Сиди. Мне все равно надо проверить, мать звонила или нет.

Она поднялась с кушетки, высокая, крупная девушка, широкобедрая, чуть полноватая, с правильными чертами лица и прекрасными густыми волосами. Нашла туфли под журнальным столиком и вышла на улицу.

В этот февральский вечер погода была сырая, но не холодная. Легкий туман с Миссисипи до половины скрывал машины на стоянке. Зато убывающий месяц в ясном небе, казалось, повис прямо над головой. Он был тонким и бледным, словно костяной рыболовный крючок. От взгляда

вверх голова у нее слегка закружилась. Не совсем твердыми шагами она отправилась через стоянку, держа курс к дверям собственной квартиры. Идти было недалеко — шагов сто, не больше.

Совсем рядом с домом припарковался коричневого цвета крытый грузовичок, втиснувшись между жилыми трейлерами и моторными лодками на прицепах. Она обратила на него внимание только потому, что на таких грузовичках часто доставляли подарки от матери.

Когда Кэтрин проходила мимо грузовичка, в тумане вдруг зажглась лампа. Это был торшер с абажуром, он стоял прямо на асфальте позади грузовика. Под торшером она увидела мягкое кресло с обивкой в красных цветах: яркие и крупные, они противились наплывающему на них туману. Эти два предмета обстановки стояли здесь словно в витрине магазина или на выставке мебели.

Кэтрин Бейкер Мартин зажмурилась и снова открыла глаза, но не остановилась. В голове у нее крутилось слово «сюрреализм», и она решила, что всему виной гашиш. Но с ней все в порядке. Просто кто-то въезжает, а может, выезжает куда-то. Въезжает. Выезж… Кто-нибудь вечно переезжает в этом районе. «Виллы Стоунхендж». Надо же придумать! Дрогнула занавеска в окне ее

квартиры, и Кэтрин увидела свою кошку: та выгибала спинку и прижималась боком к стеклу.

Она уже держала ключ в руке, но, прежде чем вставить его в замочную скважину, обернулась. Из задней двери грузовичка вылез мужчина. В свете лампы она разглядела, что рука у него закована в гипс и висит на перевязи. Она вошла в дом и заперла за собой дверь.

Кэтрин Бейкер Мартин заглянула в щель между занавесями и увидела, что мужчина пытается поднять кресло в грузовик с помощью здоровой руки, подталкивая кресло коленом. Кресло упало и перевернулось. Он поставил его на ножки, лизнул палец и попробовал стереть пятно жирной грязи с яркой обивки.

Она вышла на улицу.

— Давайте помогу. — Тон был выбран правильный — просто помогу, и все тут.

— Правда? Спасибо вам. — Странный, напряженный голос. И акцент. Явно не из этих мест.

Торшер освещал его лицо снизу, искажая черты. Но фигура его была четко видна. На нем были хорошо отглаженные брюки цвета хаки и рубашка из чего-то вроде замши, расстегнутая на веснушчатой груди. Подбородок и щеки — гладкие, как у женщины, ни волоска. Глаза над

высокими скулами только поблескивали в тени абажура. Он так же внимательно смотрел на нее, и она чувствовала это. Мужчин часто поражала ее статная фигура, когда Кэтрин оказывалась рядом; некоторые скрывали это более умело, чем другие.

— Прекрасно, — сказал он.

От него противно пахло, и она с отвращением заметила, что на замше рубашки курчавятся волоски — на плечах и под мышками.

Поднять кресло и поставить его на низко расположенный пол грузовичка было вовсе не трудно.

— Давайте продвинем его вперед, не возражаете?

Он забрался внутрь и с грохотом передвинул какие-то вещи, неглубокие тазы — такие можно подставить под машину, чтобы сливать масло, — и небольшую ручную лебедку, в просторечии — гробоподъемник.

Они протолкнули кресло внутрь, так что оно оказалось сразу за сиденьями.

— Вы прямо как по спецзаказу, верно? У вас какой размер? Четырнадцатый? — спросил он.

— Что?

— Вы не передадите мне вон ту веревку? Она у вас под ногами.

Она наклонилась посмотреть, и в этот момент он с размаху ударил ее по затылку закованной в гипс рукой. Кэтрин показалось, что она просто ушиблась; она подняла руку — пощупать ушибленное место, но на ее голову снова обрушился тяжелый удар, размозжив пальцы о череп, и снова — на этот раз страшная рука ударила над ухом, и снова, и снова. Не очень сильно — только чтобы лишить сознания. И Кэтрин Бейкер Мартин упала боком на кресло, а затем сползла на пол грузовика. Она так и осталась лежать на боку.

Мужчина наблюдал за ней пару секунд, затем стянул гипс с руки и снял перевязь. Быстро внес в грузовик торшер и закрыл задние дверцы.

Наклонившись, он оттянул воротник ее блузки и при свете фонарика разглядел указанный на ярлыке размер.

— Прекрасно, — произнес он.

Затем разрезал блузку сзади медицинскими ножницами, стянул ее и, завернув обнаженные руки девушки за спину, надел на нее наручники. Расстелив на полу прокладку для перевозки мебели, он перевернул Кэтрин на спину.

Бюстгальтера на ней не было. Он ощупал пальцами большие груди — они были тяжелые и упругие — и произнес:

— Прекрасно.

На левой груди виднелся розовый след поцелуя. Он лизнул палец и потер кожу, как только что проделал с грязным пятном на обивке кресла. Удовлетворенно кивнул, убедившись, что след исчезает, если слегка надавить. Перевернул ее ничком и осмотрел голову, разведя пальцами густые волосы на затылке. Скальп не был испорчен: подбитый ватой гипс не оставил следов.

Приложив два пальца к ее шее сбоку, он проверил пульс и счел, что пульс нормальный.

— Прекра-а-а-сно, — снова произнес он.

Ему предстоял довольно далекий путь к дому — его собственному двухэтажному дому, — и он решил, что не стоит надевать на нее рабочую форму прямо здесь.

Кошка Кэтрин Бейкер Мартин внимательно смотрела из окна, как отъезжает от дома коричневый грузовик. Красные огни его сходились все ближе по мере того, как он отъезжал все дальше.

На столике, за кошкиной спиной, зазвонил телефон. Включился автоответчик, поблескивая красными искорками. Звонила мать Кэтрин —

младший[24] член сената Соединенных Штатов от штата Теннесси.

[24] Сноски: 24

От каждого штата в сенат США избираются два сенатора. Срок пребывания сенаторов на посту — 4 года, однако они избираются не одновременно, а так, чтобы второй приходил в сенат на два года позже первого (для обеспечения преемственности). Избранный позже сенатор считается младшим.

16

В 1980 году, в золотой век терроризма, были установлены особые правила для обеспечения оперативного расследования похищений членов Конгресса и их родственников.

В 2.45 утра начальник Мемфисского отдела доложил в главную контору ФБР в Вашингтоне, что единственная дочь сенатора Рут Мартин исчезла.

В 3.00 утра два фургона без особых опознавательных знаков выехали из сырого подземного гаража отдела ФБР по Вашингтону и округу Колумбия в Баззардз-Пойнте.

Один фургон отправился к зданию, где располагались кабинеты сенаторов; здесь техники установили подслушивающие и записывающие аппараты на всех телефонах в кабинете сенатора Рут Мартин и «жучки» на всех расположенных поблизости таксофонах. Департамент юстиции разбудил самого младшего сенатора — члена Особой комиссии сената по разведке, чтобы должным образом предупредить об этом.

Вторая машина — «глаз-фургон» с оборудо-

ванием для наружного наблюдения, с окнами, прозрачными лишь изнутри, — встала на Виргиния-авеню так, чтобы беспрепятственно видеть фасад Уотергейт-Уэст — вашингтонской резиденции сенатора Рут Мартин. Двое из команды второго фургона отправились устанавливать свою аппаратуру на домашних телефонах сенатора.

Телефонная компания «Белл Атлантик» утверждает, что среднее время отслеживания телефонного звонка о выкупе, сделанного через любую телефонную станцию внутри страны, не может превышать семидесяти секунд.

Группа быстрого реагирования в Баззардз-Пойнте дежурила двумя командами сразу, на случай если похищенную привезут обменивать где-то в районе Вашингтона. Все переговоры по радио было приказано вести исключительно шифром, чтобы избежать перехвата и оберечь пункт обмена от появления вертолетов прессы: подобное нарушение правил со стороны газетчиков было явлением достаточно редким, но все же могло иметь место.

Группе освобождения заложников была объявлена готовность номер один, следующей была бы уже команда «По вертолетам».

Все надеялись, что похищение Кэтрин Бейкер Мартин — обычное профессиональное похищение ради выкупа. В этом случае ее жизнь была бы в большей безопасности.

Никто не произнес ни слова о совсем иной возможности.

Но незадолго до рассвета мемфисский полицейский, производивший обход Винчестер-авеню в связи с жалобами на частые ограбления, остановил старика с тележкой, подбиравшего жестяные банки и всякий мусор у края дороги. В тележке полицейский обнаружил женскую блузку, застегнутую спереди на все пуговицы. На спине блузка была разрезана вдоль, как погребальное платье. По метке прачечной определили, что блузка принадлежала Кэтрин Бейкер Мартин.

Выехав из своего дома в Арлингтоне в 6.30 утра, Джек Крофорд вел машину в южном направлении, когда телефон зазвонил снова, второй раз за две минуты.

— Девять — двадцать два — сорок.

— Сорок, на связи Альфа-четыре.

Крофорд углядел свободное место у обочины, поставил машину и заглушил мотор, чтобы ничто не отвлекало его от телефонного разговора: Альфа-4 — директор ФБР.

— Джек, вы в курсе по поводу Кэтрин Мартин?

— Ночной дежурный звонил мне минуту назад.

— Значит, вы знаете про блузку. Докладывайте.

— Баззардз-Пойнт — готовность номер один, — сказал Крофорд. — Я считаю — отменять не нужно, пока. Когда дадим отбой, телефонное слежение не будем прекращать. Разрезана блузка, не разрезана — уверенности, что это Билл, пока нет, а если это подражатель, он все же может позвонить насчет выкупа. Кто прослушивает телефоны в Теннесси, они или мы?

— Они. Полиция штата. Они неплохо справляются, Фил Адлер звонил мне из Белого дома, чтобы сообщить, что президент «весьма интересуется» этим делом. Нам очень нужен успех, Джек.

— Мне это тоже пришло в голову. Где сейчас сенатор Мартин?

— Едет в Мемфис. Звонила мне домой минуту назад. Можете себе представить.

— Да.

Крофорд был знаком с сенатором Рут Мартин по слушаниям о бюджете.

— Она использует все возможные рычаги давления.

— Трудно винить ее за это.

— Согласен, — сказал директор. — Я сказал ей, мы наизнанку вывернемся — уже выворачиваемся. Она… Она в курсе ваших домашних дел. Предложила служебный самолет «лир»[25]. Не отказывайтесь, возвращайтесь на ночь домой, если сможете…

— Хорошо. Сенатор — дама жесткая, Томми. Если она возьмется и тут руководить, здесь будет еще тот фейерверк.

— Знаю. Валите все на меня, если надо будет. Сколько в нашем распоряжении в лучшем случае? Шесть-семь дней? Джек?

— Не знаю. Если он запаникует, когда узнает, кто она такая, он может просто убить и выбросить ее в реку.

— Вы сейчас где?

— В двух милях от Квантико.

— Аэродром в Квантико может принять «лир»?

— Да.

— Через двадцать минут.

— Вас понял, сэр.

Крофорд дал отбой и включился в поток машин.

---

[25] Сноски: 25

«Лир» — небольшой комфортабельный реактивный самолет.

17

Не выспавшаяся после тревожной ночи, Клэрис Старлинг, в махровом халате и шлепанцах, с полотенцем через плечо, стояла у двери в ванную. Ванная была одна на четверых: Арделия и Клэрис делили ее с двумя курсантками из соседней комнаты.

Радионовости из Мемфиса заставили Клэрис на миг задержать дыхание.

— О господи! — выдохнула она. — О боже! НУ ЛАДНО, ЭЙ ТАМ, ВНУТРИ! БЕРУ ВАННУЮ ШТУРМОМ! ТРУСЫ НАДЕТЬ! РУКИ ВВЕРХ! ВСЕ НА ВЫХОД! ЭТА ТРЕВОГА НЕ УЧЕБНАЯ!

Она влезла в кабину душа и встала рядом с перепуганной соседкой.

— Выматывай, Грейси, и дай мне вон тот кусок мыла, будь добра.

Прислушиваясь к телефону, она упаковала в дорожную сумку смену белья и поставила у двери следственный чемоданчик с набором необходимых инструментов. Убедилась, что на коммутаторе знают: она у себя в комнате. Когда до начала занятий оставалось минут десять, никому

не говоря ни слова, Клэрис с сумкой и чемоданчиком явилась в отдел психологии поведения.

— Мистер Крофорд вылетел в Мемфис сорок пять минут назад, — сказала секретарша, источая сладость. — С ним Барроуз, а Стаффорд, который из лаборатории, отправился из Национального аэропорта.

— Я вчера передавала для него докладную. Он ничего для меня не оставил? Я Клэрис Старлинг.

— О, я знаю, кто вы. У меня тут три записки с вашим номером телефона, и, насколько мне известно, еще несколько лежат у него на столе. Нет, он для вас ничего не оставил, Клэрис. — Женщина взглянула на сумку и чемоданчик. — Мне передать что-нибудь от вас, если он позвонит?

— Может, он оставил свои координаты в Мемфисе?

— Нет, он будет звонить сам. Разве у вас нет занятий сегодня? Вы ведь еще пока не окончили академию?

— Нет. Нет, конечно.

Явиться в класс с опозданием было не очень-то приятно, а тут еще Грейси Питмэн, девушка, которую Старлинг выставила из душа. Грейси Питмэн сидела сразу за Старлинг. Путь к своему месту показался Клэрис ужасно долгим. Во

всяком случае, Грейси дважды успела состроить язвительную гримаску, поддразнивая Клэрис, пока та добралась до стула.

Пришлось просидеть без завтрака двухчасовую лекцию об исключениях при выдаче ордера на обыск и арест, прежде чем она смогла наконец подойти к автомату, чтобы выпить кока-колы.

В полдень она проверила свой почтовый ящик: ничего. В этот момент она подумала, и уже не в первый раз в своей не очень долгой жизни, что от крушения надежд во рту остается такой же привкус, как от противного лекарства, которое ей приходилось принимать в детстве.

Бывают такие дни, когда просыпаешься совершенно другим человеком. Сегодня был именно такой день — Старлинг это четко понимала. То, что она увидела вчера в похоронном бюро Поттера, вызвало тектонические подвижки в самом ее существе.

Старлинг изучала психологию и криминологию у отличных преподавателей. И в жизни ей приходилось сталкиваться с кое-какими малопривлекательными способами, которыми равнодушный мир походя крушит и ломает многое на своем пути. Но раньше она не знала, а теперь знает: время от времени семейство homo

sapiens порождает существа — в человеческом обличье, — единственное наслаждение которых состоит в том, что предстало перед ее глазами на фаянсе бальзамировочного стола в городе Поттер, штат Западная Виргиния. Первые попытки проникнуть в сознание подобного существа породили в душе Старлинг такой ужас, какого она никогда не испытывала на вскрытиях в анатомическом театре. Она понимала: от этого знания, от этого ужаса ей не избавиться никогда; она понимала: если ей не удастся очерстветь, набить мозоли, она не сможет жить с вечно кровоточащим сердцем.

Занятия, обычная школьная рутина, не помогали. Весь день происходящее вокруг казалось ей нереальным и отдаленным, словно скрытым где-то за горизонтом. Шум, разговоры, отдельные голоса доносились до нее издали, как порой ветер доносит шум огромного стадиона. Любое движение озадачивало: группы курсантов, проходящих по коридору, тени бегущих в небе облаков, уплывающий шум самолета.

После занятий Старлинг отправилась на спортплощадку. Пробежала несколько кругов — слишком много. Пошла в бассейн и плавала до тех пор, пока в голову не полезли мысли об

утопленниках. Тогда ощущение воды на коже показалось ей омерзительным.

В комнате отдыха вместе с Арделией Мэпп и десятком других курсантов Клэрис смотрела вечерние новости. Похищение дочери сенатора Мартин не было главным сюжетом передачи, но шло сразу за сообщением о переговорах по разоружению в Женеве. Показали пленку, отснятую в Мемфисе: указатель «Виллы Стоунхендж» в свете мигалки полицейской патрульной машины, стоянка… Репортеры стремились дать блицхронику, но сообщать было нечего, и они интервьюировали всех, кого возможно, в том числе и друг друга. В мигании вспышек, визге тормозов и треске радиопомех представители полицейских, городских и окружных властей, низко наклоняясь к непривычно многочисленным микрофонам, говорили что-то маловразумительное. Фоторепортеры перебегали с места на место, наклонялись пониже, приседали на корточки, пятились, натыкаясь на телекамеры, как только кто-либо из следователей входил или выходил из дверей квартиры Кэтрин Бейкер Мартин.

В комнате отдыха Академии ФБР прозвучал иронический приветственный клич, когда на телевизионном экране на миг в окне квартиры

возник Джек Крофорд. Старлинг криво усмехнулась.

Интересно, а Буффало Билл смотрит телевизор? Как ему нравится Крофорд? Знает ли он, кто это такой?

Окружающие полагали, что Билл телевизор смотрит.

Вот и сенатор Рут Мартин — в прямом эфире, передачу ведет Питер Дженнингс. Стоит одна в спальне своей дочери. На стене — у сенатора за спиной — вымпел Юго-Западного университета и плакаты: на одном — Уайл И. Койот[26], на другом — «Мы за равноправие женщин!».

Высокая женщина с сильным, не очень красивым лицом.

— Я сейчас обращаюсь к человеку, который похитил мою дочь, — сказала она. Подошла поближе к камере, заставив оператора неожиданно изменить фокус, и заговорила, как никогда раньше не стала бы говорить с террористом: — В вашей власти отпустить мою дочь, не причинив ей вреда. Ее зовут Кэтрин. Она очень добрый и все понимающий человек. Пожалуйста, отпустите ее. Пожалуйста, не причиняйте ей вреда. Именно вы

---

[26] Сноски: 26

Уайл И. Койот (Wile E. Coyote, при чтении созвучно wily coyote, т. е. «хитрый койот») — персонаж популярного мультфильма.

сейчас контролируете ситуацию. В ваших руках — власть. Вам решать. Я уверена: вы способны на любовь и сочувствие. Вы способны оберечь ее от всего, что может причинить ей вред. Вам сейчас представляется прекрасная возможность показать всему миру, что вы способны на великое добро, на великодушие, что вы можете отнестись к другому человеку лучше, чем другие люди отнеслись к вам. Ее зовут Кэтрин.

Глаза сенатора Мартин исчезли с экрана, сменившись любительским фильмом: малышка Кэтрин пытается ходить, уцепившись за пышную гриву красавца колли.

Голос Рут Мартин за кадром продолжал:

— Вы сейчас видите Кэтрин ребенком. Отпустите ее. Отпустите Кэтрин, не причинив ей вреда, где угодно, в любом месте нашей страны. Я обещаю вам поддержку и помощь. Более того — я стану вам другом.

Дальше пошли фотографии: Кэтрин Мартин восьми лет, за рулем яхты. Яхта поднята на блоках, отец Кэтрин красит корпус. Две недавние фотографии молодой женщины: одна — во весь рост, другая — лицо крупным планом.

И снова во весь экран — сенатор Мартин.

— Обещаю вам здесь, перед всей страной, свою

помощь во всем, когда она вам потребуется. Я могу помочь вам: я — сенатор Соединенных Штатов. Я — член Комитета по вооруженным силам страны. Я тесно связана с проектом СОИ, который мы называем в обиходе «Звездные войны». Если у вас есть враги, я выступлю против них. Если кто-то мешает вам, я сумею его остановить. Вы можете позвонить мне в любое время дня и ночи. Мою дочь зовут Кэтрин. Пожалуйста, докажите нам, что вы сильный человек, — закончила свое обращение сенатор Мартин, — отпустите мою дочь.

— Вот это да, — сказала Старлинг. — В сообразительности ей не откажешь. — Ее била дрожь, как замерзшую собачонку. — Господи, ну и обращение!

— При чем здесь «Звездные войны»? — сказала Мэпп. — Это что, если инопланетяне управляют сознанием Буффало Билла с дальней планеты, сенатор Мартин сможет его защитить? Она это имела в виду?

Старлинг кивнула:

— У многих шизофреников, а особенно у страдающих паранойей, бывает именно эта специфическая галлюцинация — что ими управляет чуждый разум. И если Билл настроен именно так, этот подход может заставить его раскрыться. Этот

выстрел был хорошо нацелен и сделан вовремя. Как она стояла перед камерой, а? По меньшей мере это может подарить Кэтрин несколько лишних дней. Может, у наших будет больше времени расследовать это дело. А может, и нет: Крофорд считает, его периоды будут сокращаться. Можно испытать этот ход. Можно — какой-нибудь другой.

— Чего бы я только не испытала на ее-то месте! А почему она все время повторяет: «Ее зовут Кэтрин»? Зачем повторять ее имя?

— Она пытается заставить Буффало Билла взглянуть на Кэтрин как на человека. Они считают, ему важно деперсонализировать жертву, взглянуть на нее просто как на предмет, прежде чем убить и содрать с нее кожу. Преступники, совершившие серийные убийства, во всяком случае некоторые, говорят об этом в интервью, которые дают в тюрьме. Они говорят — это все равно что с куклой работать.

— Ты думаешь, за этим обращением виден Крофорд?

— Может быть. А может, доктор Блум, вон он, видишь? — ответила Старлинг.

На экране шло интервью с доктором Эланом Блумом из Чикагского университета, записанное

на пленку несколько недель назад. Тема — серийные убийства.

Доктор Блум не желал сравнивать Буффало Билла с Фрэнсисом Долархайдом, Гэрретом Хоббсом или вообще с кем бы то ни было из известных ему преступников. Он не желал называть его Буффало Биллом. На самом деле интервью доктора Блума оказалось не таким уж содержательным, но доктор был известен как один из крупнейших, а может быть, просто единственный эксперт в этой области, и телевидение хотело продемонстрировать его зрителям.

В заключение передачи они дали в кадре крупными титрами последние произнесенные им слова:

«Нет ничего такого, чем мы могли бы пригрозить ему, ибо нет в мире страшнее того, с чем ему приходится встречаться ежедневно и ежечасно. Все, что мы можем сделать, — это попросить его прийти к нам. Мы можем обещать ему доброе отношение и облегчение страданий, и обещать это совершенно искренне и честно».

— Неплохо было бы, если б и нам пообещали облегчение страданий, — сказала Мэпп. — Черт возьми, мне такое облегчение вовсе не помешало бы. Поверхностная трепотня и ловкое запудрива-

ние мозгов. Обожаю такие вещи. Говорил-говорил и ничего не сказал. Но зато, может, и Билла не очень встревожил.

— Конечно, я могу заставить себя не думать об этой девочке из Западной Виргинии. Ненадолго, — сказала Старлинг, — на каких-нибудь полчаса удается выбросить из головы. А потом вдруг — как ребром ладони по горлу. Лак с блестками на ногтях… Сил нет. Надо как-то отвлечься.

Арделия Мэпп, порывшись в ворохе собственных увлечений, за обедом не только сумела увести Старлинг от мрачных мыслей, но и привести подслушивающих в восторженное замешательство сравнением неточных рифм в произведениях Стиви Уандера и Эмили Дикинсон[27].

Возвращаясь в свою комнату, Старлинг нетерпеливо выхватила конверт из ячейки для писем. Послание гласило: «Будьте добры, позвоните Элберту Родену». Внизу указан номер телефона.

— Это только подтверждает мою теорию, — заявила Старлинг, когда они обе с книгами в руках

---

[27] Сноски: 27

Стиви Уандер (род. 1950) — американский рок-музыкант; **Эмили Элизабет Дикинсон** (1830–1886) — американская поэтесса-затворница, известная романтическими и мистическими произведениями, написанными необычным языком; из 2000 стихотворений при жизни были опубликованы только семь; первый сборник издан посмертно в 1890 г.

уселись каждая на своей кровати.

— Что за теория?

— Знакомишься с двумя парнями, так? Звонит же тебе всегда не тот.

— Ну уж мне-то можешь об этом не рассказывать.

Зазвонил телефон.

Мэпп почесала кончик носа кончиком карандаша.

— Если это Страстный Бобби Лоуренс, скажи ему — я в библиотеке, ладно? Скажи, я ему завтра сама позвоню.

Звонил Крофорд, с самолета. Голос в трубке скрипел и скрежетал:

— Старлинг, соберите самое необходимое на двое суток. Встречаемся через час.

Ей показалось, он повесил трубку, — слышно было, как что-то потрескивает в пустоте. Потом вдруг голос зазвучал снова:

— Инструменты не понадобятся, только белье и одежда.

— Встречаемся где?

— В Смитсоновском.

Не успев повесить трубку, он уже разговаривал с кем-то еще.

— Джек Крофорд, — сказала Старлинг, швыряя

на кровать дорожную сумку.

Лицо Арделии Мэпп появилось над «Уголовно-процессуальным кодексом», который она читала. Прищурив один огромный темный глаз, она наблюдала, как Старлинг складывает вещи.

— Не хочу навязывать тебе свое мнение, — сказала она.

— Хочешь, — ответила Старлинг.

Она прекрасно знала, что за этим последует.

Мэпп специализировалась по правоведению в Университете штата Мэриленд, работая по ночам. В Академии ФБР она числилась второй по успеваемости в своей группе, а в отношении к учебе и книгам вообще просто не знала себе равных.

— Предполагается, что завтра тебе предстоит экзамен по уголовному праву, а еще через два дня — зачет по физподготовке. Убедись, что начальник Крофорд знает, что ты можешь остаться на второй год по его вине. Как только он скажет: «Хорошо поработали, курсант Старлинг», — не вздумай ответить ему: «Что вы, что вы, работать с вами — такое удовольствие!» Гляди прямо в его каменное, будто с острова Пасхи, лицо и говори: «Я рассчитываю, что вы лично позаботитесь, чтобы меня не оставили на повторный курс из-за

пропусков занятий». Я доходчиво объясняю?

— Я легко подгоню по уголовке, — сказала Старлинг, зубами пытаясь открыть заколку для волос.

— Точно. Только экзамен ты завалишь, потому что у тебя не было времени на подготовку. А кого интересует, почему у тебя его не было? Думаешь, не отправят на повторный? Брось, детка, шутки шутить. Они тебя вытурят поганой метлой, да еще с черного хода. На благодарность у людей память ох какая короткая, Клэрис. Пусть он сам скажет: «Никаких повторных курсов». Сейчас у тебя успеваемость — лучше некуда. Пусть он им скажет. И кроме того — мне в жизни не найти такой соседки по комнате. Кто еще сумеет выгладить все необходимое за минуту до начала занятий?

Старлинг вела свой дряхлый «пинто» по широкому, в восемь полос, шоссе, бросив машину, словно коня, в галоп: еще парочка миль в час — и подвески пойдут вразнос. Запахи горячего масла, плесневелой кожи, дребезжание под полом, жалобный вой сцепления вызывали в памяти смутные воспоминания о поездках с отцом в его пикапе, с сестрой и братьями, набившимися в кабину.

Теперь машину вела она сама, вела сквозь тьму, белые штрихи разделительных линий уходили вниз, отсчитывая: миг, миг, миг. У нее было время подумать. Страх мчался вместе с ней в машине, дыша ей в затылок; совсем недавние и более четкие воспоминания вытесняли из кабины сестру и братьев.

Было очень страшно: вдруг они уже нашли тело Кэтрин Бейкер Мартин? Ведь если Буффало Билл узнал, чья она дочь, он вполне мог запаниковать. Запаниковать и убить и бросить в реку с насекомым в горле.

Может, Крофорд везет это насекомое в Смитсоновский институт — идентифицировать. Иначе зачем она ему нужна в Смитсоновском? Но отвезти туда насекомое мог бы кто угодно, любой из агентов ФБР, даже просто посыльный. А Крофорд сказал: взять вещи на два дня.

Старлинг очень хорошо понимала, почему Крофорд не стал ничего объяснять по радиотелефону — его легко мог услышать всякий. Но неведение сводило ее с ума.

Она включила радио и отыскала станцию «Новости целый день». Переждала сводку погоды. Прослушала новости, но облегчения это не принесло: передача из Мемфиса была повторением

той, что прозвучала в семь часов. Пропала дочь сенатора Мартин. Ее блузку нашли разрезанной на спине, как обычно делает Буффало Билл. Свидетелей нет. Женщина, труп которой обнаружили в Западной Виргинии, так и не опознана.

Западная Виргиния.

Среди воспоминаний Клэрис Старлинг о похоронном бюро в Поттере было что-то прочное и сто́ящее: на него можно было опереться. Нечто непреходящее, светлое, в отличие от сделанных ею там мрачных открытий. Такое, что следовало сохранить. Теперь она сознательно вызвала в памяти это воспоминание и убедилась, что может удержать его, ухватиться, словно за талисман. В бальзамировочной, в Поттере, стоя у раковины, Клэрис нашла силы и опору в воспоминании, потрясшем и обрадовавшем ее: в воспоминании о матери. Старлинг давно привыкла опираться на благодатную память о покойном отце, на его жизненные принципы и советы, полученные, однако, не прямо, а в изложении собственных братьев. Теперь ее радовал и поражал этот щедрый дар, обретенный ею самой.

Она оставила «пинто» на стоянке под зданием Главного управления ФБР на углу Десятой улицы и Пенсильвания-авеню. Две телебригады рас-

положились на тротуаре, в свете прожекторов репортеры казались особенно выхоленными и вылощенными. Они брали интервью у проходящих на фоне здания, носящего имя Дж. Эдгара Гувера[28]. Старлинг обошла стороной ярко освещенное пространство и быстрым шагом направилась к Национальному музею естественной истории, всего в двух кварталах от конторы.

Свет горел лишь в нескольких окнах старого здания — высоко вверху. На полукруглой подъездной аллее стоял фургон балтиморской окружной полиции. Водитель Крофорда, Джефф, ждал за рулем новенькой машины наружного наблюдения, прямо за фургоном. Увидев Старлинг, Джефф проговорил что-то в микрофон, который держал в руке.

---

[28] Сноски: 28

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — с 1917-го сотрудник, а с 1924 года — директор ФБР.

18

Вахтер проводил Клэрис Старлинг на второй уровень над огромным чучелом слона. Дверь лифта отворилась, и глазам ее снова предстало тускло освещенное пространство то ли третьего, то ли иного — смотря как считать — этажа. Крофорд поджидал ее у дверей лифта в полном одиночестве, засунув руки в карманы дождевика.

— Приветствую, Старлинг.

— Здравствуйте, — ответила она.

Вахтеру за ее спиной он сказал:

— Здесь мы справимся сами, благодарю вас.

Они шагали бок о бок по коридору, мимо шкафов, ящиков и лотков с антропологическими образцами. Было полутемно: в потолке тускло светились лишь немногие лампы. Шагая в ногу с Крофордом, расслабив плечи и думая о своем, словно на прогулке в университетском городке, Старлинг вдруг почувствовала, что Крофорду хочется положить руку ей на плечо. Он и сделал бы это, если бы мог позволить себе коснуться ее.

Она ждала, что он скажет. Не дождавшись, она вдруг остановилась и повернулась к нему лицом,

как и он, засунув руки в карманы. Так они стояли некоторое время между ящиков с безмолвными костями, глядя друг на друга сквозь полутьму коридора.

Крофорд откинулся назад и оперся затылком о шкаф; втянув носом воздух, он произнес:

— Кэтрин Мартин, по всей вероятности, еще жива.

Старлинг кивнула и продолжала стоять, не поднимая на Крофорда глаз: может, ему легче будет говорить, если она не станет смотреть на него. Он вроде бы сохранял присутствие духа, но что-то, казалось, держит его в страшном напряжении. На минуту Старлинг подумала: может, у него жена умерла? А может, день, проведенный с матерью Кэтрин, так на него подействовал?

— В Мемфисе нам практически ничего выяснить не удалось, — сказал Крофорд. — Он, я думаю, захватил ее на стоянке. Никто ничего не видел. Она вошла в квартиру, а затем почему-то снова вышла на улицу. Она не собиралась пробыть там долго — дверь оставила открытой и подпорку опустила, чтоб дверь не захлопнулась. Ключи оставила на телевизоре. В квартире никто ничего не тронул. Я не думаю, что она там долго пробыла. Она даже до автоответчика в спальне не

успела дойти. Он все еще мигал, когда ее растяпа дружок вызвал наконец полицию. — Крофорд, сам того не замечая, опустил руку в лоток с костями и тут же резко ее выдернул. — Словом, Старлинг, она у него в руках. Телевидение и радио согласились не сообщать в вечерних новостях, сколько ей еще осталось, — доктор Блум считает, это только подстегнет преступника. Да для этого и парочки бульварных газетенок хватит.

Во время одного из предыдущих похищений одежда, разрезанная на спине, была обнаружена очень скоро, так что личность жертвы удалось установить, когда девушка была еще жива. Старлинг помнила эти сообщения: «Отсчет оставшихся дней» в черной рамке на первых полосах бульварных газет. Труп всплыл через восемнадцать дней.

— Так что Кэтрин Бейкер Мартин ждет в зеленой гостиной Буффало Билла, Старлинг, и у нас имеется в лучшем случае неделя. Это самое большее, что у нас есть. Блум считает, что периоды между похищением и убийством у него сокращаются.

Для Крофорда столь длинная речь была совершенно необычна. «Зеленая гостиная» показалась неуместным театральным штампом. Старлинг

все ждала, когда же он подойдет к сути дела. И наконец дождалась.

— И все же на этот раз, Старлинг, на этот раз нам, может быть, улыбнется удача.

Она взглянула на него исподлобья, веря и не веря.

— Мы нашли еще одно насекомое. Ваши знакомцы — Пилчер и… этот, второй…

— Роден.

— Они сейчас этим занимаются.

— Где оно было? В Цинциннати? Вы имеете в виду ту девушку в морге?

— Нет. Идемте, я покажу вам. Посмотрим, что вы скажете об этом.

— К энтомологам в другую сторону, мистер Крофорд.

— Я знаю, — ответил он.

Они завернули за угол и подошли к двери с надписью «Антропология». Сквозь матовое стекло лился свет и доносились голоса. Старлинг вошла.

Трое мужчин в белых лабораторных халатах работали у стола в центре комнаты под яростным светом бестеневой лампы. Старлинг не было видно, чем они заняты. Джерри Барроуз из отдела психологии поведения из-за спин мужчин смотрел, что они делают, и одновременно вел записи

в своем блокноте. В комнате стоял знакомый приторный запах.

Затем один из мужчин отошел, чтобы положить что-то в раковину, и все стало четко видно.

В лотке нержавеющей стали на рабочем столе лежал «Клаус» — отрезанная голова, которую она, Старлинг, обнаружила в боксе на складах Сплит-Сити.

— У Клауса в горле тоже оказалось насекомое, — сказал Крофорд. — Минуточку, Старлинг. Джерри, вы разговариваете с аппаратной?

Барроуз читал свои записи в телефонную трубку. Он закрыл микрофон ладонью и ответил:

— Ага, Джек, они там сейчас заканчивают с фотографиями по Клаусу.

Крофорд отобрал у него трубку:

— Бобби, не дожидайся, пока Интерпол раскачается. Возьмись-ка за факс и передай фотографии вместе с результатами медэкспертизы во все Скандинавские страны, в Западную Германию и Нидерланды. Не забудь сообщить, что Клаус, возможно, беглый матрос торгового флота. Скажи, что их органы здравоохранения могут затребовать сведения о переломах лицевых костей. Уточни: скуловых костей. Обязательно передай карты ротовой полости, как общую, так и деталь-

ную. Нам сейчас сообщат возраст, но подчеркни, что это приблизительные данные, так как приходится полагаться лишь на черепные швы. — Он возвратил трубку Барроузу. — Где ваши вещи, Старлинг?

— Внизу, в вахтерской.

— Насекомое обнаружили в Университете Джонса Хопкинса, — сказал Крофорд, когда они остановились у двери в лифт. — Они обследовали голову для балтиморской окружной полиции. В горле нашли то же, что у той девушки в Западной Виргинии.

— Точно как в Западной Виргинии.

— Помолчите. Они обнаружили его сегодня вечером, около семи. Балтиморский окружной прокурор позвонил мне в самолет. Они переслали все в Смитсоновский — Клауса и все прочее, — чтобы мы могли сами увидеть его in situ. Им также нужно узнать мнение доктора Эйнджела о возрасте Клауса и сколько лет ему было, когда он повредил скулу. Они консультируются в Смитсоновском, как и мы.

— Секундочку, мне надо разобраться. Вы хотите сказать, Буффало Билл мог убить Клауса? Столько лет назад?

— Вам это кажется притянутым за уши? Слиш-

ком удачным совпадением?

— В данный момент — да.

— Ну, пусть переварится чуть-чуть.

— Доктор Лектер сообщил мне, где найти Клауса, — сказала Старлинг.

— Да.

— Доктор Лектер сказал, что его пациент Бенджамин Распай утверждал, что это он убил Клауса. Но доктор Лектер сказал еще, что это, как он полагает, могла быть случайная эротическая асфиксия.

— Вот именно: он так сказал.

— Вы полагаете, вполне возможно, что доктор Лектер точно знает, как умер Клаус, и что ни Распай, ни эротическая асфиксия тут ни при чем?

— У Клауса в горле обнаружено насекомое. У девушки из Западной Виргинии в горле обнаружено насекомое. Я никогда и нигде не встречал ничего подобного. Не читал. Не слышал. О чем вы думаете?

— Я думаю о том, что вы сказали мне — взять вещи на два дня. Вы хотите, чтобы я порасспросила доктора Лектера, верно?

— С вами-то он разговаривает, Старлинг. — Лицо Крофорда было таким печальным, когда он произнес: — Я считаю, вы справитесь.

Она кивнула.

— Поговорим по дороге в больницу, — сказал он.

19

— У доктора Лектера много лет была обширная психиатрическая практика, прежде чем мы смогли уличить его в убийствах, — говорил Крофорд. — Он провел уйму психиатрических экспертиз для судов в штатах Мэриленд и Виргиния, да и в некоторых других, по всему Восточному побережью. Он видел столько психически ненормальных преступников, что нам с вами и не снилось. Кто знает, кого из них он пустил гулять по свету, просто так, для забавы? Поэтому он может быть в курсе. Это одна возможность. Кроме того, Распай был для него не только пациентом. Они приятельствовали. Да и на лечебных сеансах Распай многое ему рассказывал. Может, он от Распая узнал, кто убил Клауса.

Крофорд и Старлинг сидели лицом друг к другу на вращающихся креслах в фургоне наружного наблюдения. Машина летела на север по федеральному шоссе номер 93 в направлении Балтимора; до города оставалось тридцать семь миль. Джефф в водительской кабине явно получил указание гнать изо всех сил.

— Лектер предлагал мне свою помощь, но я не желал иметь с ним никакого дела. Он мне уже как-то помогал. Ничего толкового не сообщил, зато помог Уиллу Грэму получить несколько ножевых ран в лицо. Позабавиться захотел наш доктор. Но насекомое в горле у Клауса, насекомое в горле той девушки… Это нельзя оставить без внимания. Элан Блум никогда не слышал о столь специфическом приеме. Я тоже. А вы, Старлинг, когда-нибудь раньше встречали такое? Вы прочли массу литературы. Недавно изданной. Я поотстал.

— Нет, никогда. Другие предметы вкладывали, это да. Насекомых — нет.

— Прежде всего две вещи. Первое: мы исходим из того, что доктор Лектер действительно знает нечто конкретное. Второе: мы не должны забывать, что Лектер во всем ищет лишь возможность позабавиться. Всегда помните об этом. Он должен хотеть, чтобы Буффало Билла поймали, пока Кэтрин Мартин жива. Любые обещания льгот и развлечений должны основываться именно на этом. Пригрозить ему мы ничем не можем: у него отобрали книги и удобный стульчак. Так что он ничего не боится.

— А если просто обрисовать ему ситуацию и

предложить что-то, скажем, камеру с окном: он ведь об этом просил, когда предлагал помочь?

— Он предлагал помогать, Старлинг. Он не предлагал доносить. Донос не даст ему возможности покрасоваться. Вы сомневаетесь. Вам нужна правда. Слушайте: Лектеру некуда торопиться. Он наблюдает за происходящим, как за бейсбольным матчем. Если мы попросим его назвать убийцу, он станет тянуть время. Может, и согласится, но не сразу.

— Даже за вознаграждение? Если получит что-то такое, чего ему не дадут, если Кэтрин Мартин погибнет?

— Допустим, мы скажем ему, что знаем, что он располагает информацией, и ждем от него доноса. Он сочтет, что всего забавнее сыграть в забывчивость, притвориться, что пытается вспомнить, и будет тянуть так неделю за неделей, подогревая надежды сенатора Мартин. Ее дочь тем временем погибнет, а он потом будет так же мучить еще одну мать, потом еще одну, подогревая их надежды и каждый раз обещая, что вот-вот вспомнит. И это для него куда интереснее, чем получить возможность смотреть в окно. Он этим и живет. Этим питается. Я вовсе не считаю, что, становясь старше, мы делаемся

мудрее, Старлинг. Но мы учимся более успешно лавировать в адском пекле. Умение лавировать — вот что нам здесь понадобится более всего.

— Значит, доктор Лектер должен думать, что мы обращаемся к нему исключительно из-за его теоретических знаний и богатого опыта? — спросила Старлинг.

— Точно.

— Зачем же тогда вы мне все рассказали? Почему сразу не отправили расспросить его, когда я ничего не знала?

— Хочу, чтобы мы были на равных. Когда-нибудь вы будете поступать точно так же со своими подчиненными. Иначе нас с вами ненадолго хватит.

— Значит, не следует упоминать о насекомом в горле Клауса? О связи между Клаусом и Буффало Биллом?

— Нет. Вы пришли к нему снова, ведь его предсказание о том, что Буффало Билл начнет снимать скальпы, сбылось. Это произвело на вас глубочайшее впечатление. На самом деле он может знать, что ни я, ни Элан Блум не придаем этому ни малейшего значения. Но я считаю, что вы вполне можете сыграть на этом. Вам пообещали добиться кое-каких послаблений. Привилегий,

каких может добиться только лицо, наделенное высокими полномочиями. Сенатор Мартин. Лектер должен поверить, что ему нужно спешить, так как обещание утратит силу с гибелью Кэтрин. Если это случится, сенатор потеряет к нему всяческий интерес. И если Лектер потерпит неудачу, это случится потому, что он вовсе не такой знающий человек, вовсе не такой умный, чтобы оказаться способным выполнить то, что сам предложил сделать. А не потому, что скрыл что-то от нас, нам назло.

— А сенатор Мартин действительно утратит интерес?

— Лучше будет, если вы на суде, поклявшись на Библии, сможете показать, что не знали ответа на этот вопрос.

— Ясно.

Значит, сенатору Мартин ничего не сообщили. Чтобы принять такое решение, нужны были воля и мужество. Значит, Крофорд боится, что Рут Мартин может вмешаться и обратиться к доктору Лектеру. А это было бы непоправимой ошибкой.

— На самом деле ясно, вы полагаете?

— Да. Как он может навести нас на след Буффало Билла, не показав, что ему известны конкретные факты? Как он сумеет ответить нам, опираясь

«исключительно на теоретические знания и богатый опыт»?

— Не знаю, Старлинг. У него все рассчитано. Он долго думал: этого времени Буффало Биллу хватило на шесть жертв.

Телефон в машине зажужжал, замигал глазок: начались звонки, заказанные Крофордом через диспетчерскую ФБР.

Минут двадцать он беседовал с людьми, которых знал лично: с полицейскими чинами из Государственного полицейского управления Голландии, с лейтенантом шведской технической полиции и с шефом правительственных полицейских органов Дании, и весьма удивил Старлинг, легко перейдя на французский, когда разговаривал с ночным дежурным в Управлении бельгийской криминальной полиции. И каждый раз он делал особый упор на то, что опознать Клауса и всех, кто с ним связан, следует как можно скорее. Каждое из этих ведомств, несомненно, уже получило запрос по телексу Интерпола, но вот такие звонки старым друзьям гарантировали, что запросы не будут валяться без дела, пока у кого-то руки не дойдут ими заняться.

Старлинг видела: Крофорд предпочел эту машину из-за особой системы связи, обеспечивавшей

невозможность подслушивания. Но было бы легче и удобнее делать все это из собственного кабинета. Здесь ему приходилось вести записи на узеньком столике в тусклом свете бокового плафона, и его блокнот подпрыгивал каждый раз, когда колеса попадали на залитые гудроном стыки дорожного покрытия.

Служебный опыт Старлинг был невелик, но она прекрасно понимала, что для начальника отдела поездка в машине наружного наблюдения по поводу вроде сегодняшнего — дело вовсе не обычное. Ведь он мог прекрасно проинструктировать ее по радиотелефону. И она была счастлива, что он этого не сделал.

Старлинг чувствовала, что тишина и спокойствие, царившие в машине во время этой поездки, время, выделенное на то, чтобы задание выполнялось четко и без суеты, достались дорогой ценой. Телефонные беседы Крофорда убедили ее, что она не ошиблась.

Сейчас он говорил с директором ФБР. Директор был у себя дома.

— Нет, сэр. Они что, все уже прокатали? Сколько? Нет, сэр. Нет. Никаких подключений. Да, это моя рекомендация. Томми, я настаиваю. Я не хочу, чтобы ее разговор записывался. И доктор

Блум тоже так считает. Он застрял в чикагском аэропорту — туман. Вылетит, как только развиднеется. Хорошо.

Затем Крофорд звонил домой, разговаривал с ночной сиделкой — коротко, односложно. Закончив разговор, он с минуту сидел, глядя в окно фургона; рука с зажатыми в пальцах очками лежала на колене, а лицо его казалось странно обнаженным в бегущем свете встречных огней. Но вот он надел очки и повернулся к Старлинг:

— Нам дали на Лектера три дня. Если не добьемся результатов, за него примется балтиморская окружная. Они семь потов с него сгонят, пока не вмешается суд.

— В прошлый раз с них самих семь потов сошло. А доктор Лектер и лба ни разу не утер.

— Что он им подарил тогда? Бумажную курочку?

— Да, курочку.

Смятая курочка из плотной бумаги так и осталась у нее в сумке. Она разгладила птичку и заставила ее клевать.

— Я не виню балтиморцев — он ведь их заключенный. Если всплывет труп Кэтрин, им нужно будет доказать сенатору Мартин, что они сделали все возможное.

— А как сенатор Мартин?

— Молодцом, но ей очень трудно. Она умная, решительная женщина, весьма здраво мыслит. Вам, Старлинг, она может понравиться.

— А Университет Джонса Хопкинса и Балтиморский отдел по расследованию убийств смогут промолчать о насекомом в горле Клауса? Можем мы рассчитывать, что это не попадет в газеты?

— В ближайшие три дня не попадет.

— Представляю, каких трудов это стоило!

— Мы не можем доверять Фредерику Чилтону. Да и никому другому в этой больнице, — сказал Крофорд. — То, что известно Чилтону, — известно всему миру. Чилтон не может не знать о вашем появлении в больнице, но ваш приход туда вызван лишь желанием помочь балтиморской полиции закрыть дело Клауса. Это не имеет никакого отношения к Буффало Биллу.

— И я занимаюсь этим в такой поздний час?

— А я не даю вам другого времени заниматься этим. Теперь вот еще что. Сообщение о насекомом, обнаруженном в Западной Виргинии, появится завтра в утренних газетах. Контора коронера в Цинциннати вынесла мусор из избы, так что это уже не секрет. Можно использовать это в разговоре с Лектером. Как профессиональную

тайну. Да если бы и действительно тут была тайна, какое это может иметь значение, если он не знает, что мы нашли такое же в горле у Клауса?

— А что мы можем ему предложить?

— Я как раз это и прорабатываю, — ответил Крофорд и протянул руку к телефонной трубке.

20

Огромная ванная: белая плитка и окно в потолке; изящные формы итальянской арматуры, особенно выигрышные на фоне старого неоштукатуренного кирпича; замысловатый туалетный столик с зеркалом, обрамленный высокими вечнозелеными растениями и уставленный кремами, притираниями и прочей косметикой. Зеркало запотело — вода в душе была горяча. Из-под душа слышался странный голос — чуть выше тоном, чем мужской, но и не женский: исполнялась «Монеты за газеты» Фэтса Уоллера из мюзикла «Веду себя как надо». Иногда исполнитель выводил и слова:

Старые газеты вы хра-НИ-ТЕ,
Пусть растет гора, как не-БО-СКРЕБ,
ТА-ТАРАТА-ТА-ТА-ТАТА
ДАН-ДА…

Когда становились слышны слова, маленькая собачка начинала скрестись в дверь ванной.

Под душем стоял Джейм Гам, мужчина, белый, 32 года, 1 м 85 см, 92 кг, волосы каштановые, глаза

голубые, особых примет нет. Имя произносит как Джеймс, но без «с»: «Джейм». Настаивает, что именно так и следует его произносить.

Ополоснувшись разок, Гам принялся натирать грудь и ягодицы французским лосьоном для ванны «Friction des Bains», смазав предварительно ладони. Те части своего тела, которых ему не хотелось касаться, он смазывал при помощи губки для мытья посуды. Волосы на ногах чуть отросли и кололись, но он решил, что на этот раз и так сойдет.

Гам растерся мохнатым полотенцем докрасна и теперь смазывал тело душистым, смягчающим кожу кремом. Стенное, в человеческий рост, зеркало было задернуто занавесом для душа, спускавшимся с металлического карниза.

Губкой для мытья посуды Гам попытался спрятать пенис и яички между ногами. Отдернув занавес, он встал перед зеркалом, изогнув бедро. Было больно, но он не обращал на боль внимания.

— Сделай что-то ДЛЯ меня, радость ты моя, сделай что-то для меня, сделай ПОСКОРЕЙ!

Он пел, стараясь забрать повыше, ведь на самом деле голос у него был довольно низкий, и сейчас ему казалось, что получается вполне снос-

но. Гормоны в таблетках, которые он принимал — сначала премарин, а потом диэтилстилбестрол, — вряд ли могли повлиять на голос, но волосы на груди у него поредели, а грудные железы немного припухли. Бесконечные сеансы электрофореза освободили Гама от необходимости бриться — борода больше не росла — и изменили линию волос: теперь надо лбом они образовывали изящный треугольник. Но он все равно не был похож на женщину. Он был похож на мужчину, готового в драке использовать не только кулаки и ноги, но и ногти.

Была ли его манера вести себя результатом неумелых, но искренних попыток привлечь поклонников-мужчин или полной издевательства и презрения пародией, при мимолетном знакомстве сказать было бы невозможно, но иных знакомств, кроме мимолетных, у него не было.

— Что ты собира-а-есся сделать для меня-я-а?

Собачка снова поскреблась в дверь, услышав его голос. Гам облачился в халат и впустил ее в ванную. Поднял крохотного светлого пуделька на руки и поцеловал в жирную спинку.

— Да-а-а? Ты изголодалась, Прелесть, золотко мое? И я тоже.

Чтобы открыть дверь в спальню, Гам сунул

пуделька под мышку. Собачка пыталась выкрутиться — ей хотелось на пол.

— Мину-мину-точку, радость моя.

Свободной рукой он поднял с пола карабин «мини-14», лежавший подле кровати, и положил его на подушку.

— Сейчас. Сейчас-сейчас. Сию минуточку и поужинаем.

Чтобы достать ночную рубашку, он поставил пуделька на пол. Собачка шла за ним по пятам, когда он спускался вниз, в кухню.

Из микроволновой печи Гам извлек три готовых обеда: две порции «Обеда для голодного мужчины» и одну «Нежирной еды» для собаки. Пуделек жадно проглотил мясо и десерт, оставив нетронутыми овощи. От двух обедов Джейма Гама остались только косточки.

Потом он выпустил собачку через черный ход и, запахнув на груди халат, чтобы не простудиться, внимательно смотрел, как она присела в узкой полосе света, падавшей из раскрытой двери.

— Но ты же не сделала по-о большо-ому! Ну ладно-ладно, я не смотрю. — Но он подглядывал в щелку между пальцами. — О, мое совершенство, золотко мое, ты настоящая леди! Ну, идем скорей в постельку!

Мистер Гам любил ложиться в постель. Он делал это по нескольку раз за ночь. Вставать он тоже любил. Любил посидеть в какой-нибудь из многочисленных комнат своего дома, не зажигая огня, или даже поработать немного. Когда его одолевал творческий зуд.

Он погасил было свет в кухне, но передумал; в задумчивости поджав губы, он взирал на оставшийся после ужина беспорядок. Собрав три пустых подноса, он тщательно вытер стол. Повернув выключатель на лестничной площадке, Гам зажег свет в подвале и с подносами в руке стал туда спускаться. В кухне заскулила собака и носом открыла дверь на лестницу.

— Ладно-ладно, мышка-глупышка.

Он подхватил пуделька под мышку и понес вниз. Собачка вертелась, пытаясь понюхать подносы в другой руке хозяина.

— Вот и нет, вот и нет, хватит с тебя.

Он спустил ее на пол, и она пошла за ним через обширный, в несколько уровней, подвал.

В одном из подвальных помещений, в том, что прямо под кухней, был давно высохший колодец. Его каменный край, укрепленный современным колодезным кольцом из бетона, посаженным на цементное основание, поднимался над посыпан-

ным песком полом примерно на метр. Старинная деревянная крышка, толстая и тяжелая, чтобы ребенку было не под силу ее поднять, закрывала жерло колодца. В крышке, однако, была подъемная дверца, небольшая, чтобы можно было опустить вниз ведро. Она была открыта, и Джейм Гам сбросил в нее все, что оставалось на подносах. Косточки и остатки овощей исчезли в бархатной черноте колодца. Пуделек встал на задние лапки — служил, умоляюще глядя на хозяина.

— Нет-нет, ничего больше нет, ты и так стала жирнушка.

И Джейм Гам пошел прочь из подвала вверх по ступеням, шепча своей любимице:

— Жирнушка-свинушка, сладкий пирожок…

Он и виду не подал, что слышит крик, неизменно громкий и без малейших признаков безумия, несущийся из черной дыры колодца:

— ПРОШУ-У-У ВА-А-АС!

21

Клэрис Старлинг вошла в Спецбольницу штата Мэриленд для невменяемых преступников чуть позже десяти часов вечера. Одна. Она надеялась, что доктор Фредерик Чилтон в столь поздний час отсутствует, но он ждал ее в своем кабинете.

Доктор был облачен в английского покроя спортивный пиджак в крупную клетку. Парные шлицы и расклешенные полы создавали впечатление, что на Чилтоне — мини-юбка. Во всяком случае, так показалось Старлинг. Оставалось только надеяться, что разоделся он не ради нее.

Перед его столом в кабинете не было иной мебели, кроме привинченного к полу стула с прямой спинкой. Поздоровавшись, Старлинг остановилась у стула. Ее приветствие осталось без ответа. На столе Чилтона, рядом с установкой для увлажнения воздуха, на специальной подставке лежало несколько трубок, воздух в комнате был пропитан застоявшимся запахом табака.

Доктор Чилтон закончил осмотр коллекции миниатюрных локомотивов и повернулся к ней:

— Хотите чашечку кофе? Без кофеина?

— Нет, спасибо. Простите, что нарушаю ваши вечерние планы.

— Вы все пытаетесь разузнать побольше про эту голову? — спросил доктор Чилтон.

— Да. В Балтиморской окружной прокуратуре мне сказали, что они обо всем с вами договорились, доктор.

— О да. Я работаю в очень тесном контакте с местными властями, офицер Старлинг. Вы что, статью пишете или диссертацию?

— Нет.

— Вы когда-нибудь публиковались в профессиональных журналах?

— Нет, никогда. Это просто поручение: сотрудники Федеральной прокуратуры просили меня сделать это для Балтиморского отдела по расследованию убийств. Мы оставили у них на руках незакрытое дело и хотим помочь им подобрать концы.

Старлинг обнаружила, что неприязнь к Чилтону значительно облегчает вранье.

— Вы подключены, мисс Старлинг?

— Подключена?

— Есть ли при вас устройство с микрофоном, чтобы записывать, что скажет Лектер? Это полицейский термин — «подключить». Не сомне-

ваюсь, вы его слышали.

— Нет.

Доктор Чилтон достал из стола небольшой диктофон и вставил кассету.

— Тогда положите это в свою сумочку. Я отдам перепечатать и потом передам вам копию. Вы сможете использовать это для подтверждения своих записей…

— Нет, доктор Чилтон. Этого я сделать не могу.

— Господи, да почему же нет? Прокуратура и полиция Балтимора постоянно просят меня дать анализ всего, что скажет Лектер по поводу дела Клауса.

«Хорошо бы обойти Чилтона, — говорил ей Крофорд. — В принципе мы можем добиться от него чего угодно: предъявим судебное постановление, и все тут. Но тогда Лектер моментально пронюхает, что нам нужно. Он видит Чилтона насквозь, лучше, чем рентген».

— Федеральный прокурор считает, что сначала нужно попробовать подойти к нему неофициально. Если я запишу доктора Лектера без его разрешения, а он потом об этом узнает, это будет… Это положило бы конец рабочим контактам, которых удалось в какой-то мере достичь в прошлый раз. Вы, конечно, и сами согласитесь, что

это так.

— Да как он может об этом узнать?

«Да он в газете про это прочтет, как и про все остальное, что тебе станет известно, недоумок дерьмовый».

Она не ответила.

— Если эти материалы пойдут куда-то и ему придется подтвердить их как свидетельские показания, вы будете первым, кто их увидит, и я не сомневаюсь, что вас пригласят в качестве свидетеля-эксперта. Сейчас мы просто пытаемся заставить его навести нас на след.

— А вы понимаете, почему с вами он разговаривает, мисс Старлинг?

— Нет, доктор Чилтон.

Он обернулся и принялся внимательно разглядывать каждый диплом, каждый аттестат и патент из множества вывешенных в рамочках на стене за его спиной, словно проводил подсчет голосов. Но вот он снова очень медленно повернулся к Старлинг:

— Вы что, и вправду полагаете, что знаете, что вы делаете в данный момент?

— Разумеется, доктор Чилтон.

Что-то больно много «что».

Ноги у Старлинг дрожали — слишком много

было беготни в этот день. Ей вовсе не хотелось сражаться с Чилтоном. Нужно было оставить хоть что-то на Лектера.

— В данный момент вы являетесь в мою больницу, чтобы опросить моего пациента, и при этом отказываетесь сообщить мне полученную информацию.

— Я лишь выполняю данные мне инструкции, доктор Чилтон. Вот номер ночного дежурного Федеральной прокуратуры. Будьте любезны, либо обсудите с ним эту проблему, либо позвольте мне выполнить данное мне поручение.

— Знаете, мисс Старлинг, я тут не ключник. В мои обязанности не входит бегать сюда по ночам, чтобы впускать и выпускать посторонних. У меня был билет на фигурное катание — «Праздник на льду».

Он вдруг заметил, что сказал «билет», а не «билеты». И Клэрис мгновенно представила себе его жизнь, а он мгновенно это понял.

Она представила себе грязноватый холодильник в его кухне и остатки еды на подносе из-под готового обеда, съеденного в одиночестве; застывшие в неподвижности на много недель кучи белья и одежды, ожидающие, когда он о них наконец вспомнит и разложит по местам; она

ощутила всю боль его одиночества, его желтозубой улыбки и бесплодных попыток заглушить дурной запах изо рта. Но словно стальное острие, неожиданно ударившее из скрывавшей его рукояти, ее поразила мысль: нельзя его жалеть, нельзя щадить, нельзя продолжать разговор, нельзя отвести глаза. И она смотрела прямо ему в лицо и чуть выше вскинула голову, чтобы он видел, как она хороша, чтобы понял — она все о нем знает и знает, что ему некуда отступать, что он теперь не может дольше тянуть, не может даже продолжить разговор.

Он отправил ее в отделение с дежурным санитаром по имени Алонсо.

22

Идя с Алонсо по коридорам к самому дальнему из отделений и все дальше и дальше углубляясь в недра психбольницы, Старлинг ухитрилась почти не слышать ни лязганья дверей, ни воплей и стонов, хотя всей кожей чувствовала, как содрогается от них воздух. Атмосфера больницы давила на нее, словно она погружалась все глубже и глубже под воду.

Сознание, что сумасшедшие — здесь, рядом; мысль о том, что Кэтрин Мартин, связанная и в полном одиночестве, в руках одного из им подобных; что он, возможно, ходит вокруг нее, нащупывая в карманах свои страшные инструменты, — все это подгоняло Старлинг, придавало решимости. Но ей нужна была не только решимость. Тут нужно быть предельно спокойной и твердой, точно нацеленной и острой, словно скальпель хирурга. Нужно сохранять терпение, хоть время поджимает ужасно и следует спешить изо всех сил. Если доктор Лектер и знает ответ, ей придется нащупывать его среди неисчислимых ответвлений его мысли.

Старлинг вдруг осознала, что думает о Кэтрин Бейкер Мартин как о ребенке, чью фотографию она видела по телевидению: маленькая девочка в парусной лодке.

Алонсо нажал кнопку звонка в последней из тяжелых металлических дверей.

— Научи нас любви, научи равнодушию, научи нас спокойствию и тишине.

— Простите, вы что-то сказали? — спросил Алонсо, и Старлинг поняла, что говорила вслух.

Он передал ее огромному дежурному, отворившему им дверь. Клэрис заметила, что, повернув назад, Алонсо перекрестился.

— С возвращеньицем, — сказал дежурный и задвинул засовы.

— Привет, Барни.

Указательный палец Барни был заложен между страниц толстой книги в бумажном переплете: он боялся потерять страницу. Старлинг прочла название: «Разум и чувствительность», Джейн Остин. Сегодня Старлинг была настроена замечать все вокруг, до мельчайших деталей.

— Как вам освещение сделать? — спросил Барни.

В коридоре между камерами было почти темно. В дальнем конце ей виден был яркий свет, падав-

ший на пол из последней камеры.

— Доктор Лектер не спит.

— Как всегда. Он по ночам не спит, даже если свет потушен.

— Оставьте освещение как есть, пожалуйста.

— Идите посередине коридора, не касайтесь решеток, хорошо?

— Я хочу выключить телевизор.

С тех пор как она была здесь в последний раз, телевизор переставили. Теперь он стоял в самом конце, в небольшом холле, экраном к коридору, так что обитатели камер могли смотреть передачи, прислонившись головой к решетке.

— Это запросто. Выключите звук, только изображение оставьте. Некоторые из них любят на экран смотреть. Стул уже там, если он вам понадобится.

Старлинг пошла по слабо освещенному коридору одна. Она не заглядывала в камеры, мимо которых шла. Звук собственных шагов казался ей слишком громким. Из одной-двух камер слышался хлюпающий храп, в третьей кто-то приглушенно хихикал.

В камере умершего Миггза теперь был новый обитатель. Она видела длинные ноги, вытянутые на полу вдоль решетки, и голову, прижатую

к толстым железным прутьям. Проходя мимо, Старлинг посмотрела внимательнее. На полу, посреди обрывков чертежной бумаги, сидел человек. Лицо его было лишено всякого выражения. Широко раскрытые глаза отражали мелькание экрана, блестящая нить слюны протянулась от уголка рта к плечу.

Ей не хотелось заглядывать в клетку доктора Лектера, прежде чем станет ясно, что он ее заметил. Она прошла мимо, не повернув головы, и, ощущая странное покалывание между лопатками, подошла к телевизору и выключила звук.

На докторе Лектере была белая больничная пижама, белой была и камера и все в ней. Яркими пятнами выделялись лишь волосы и глаза доктора Лектера и красногубый рот на его лице, бледность которого из-за многолетнего пребывания взаперти почти сливалась с белизной, его окружавшей. Рот, волосы, глаза, казалось, парили в пространстве над белым воротничком сорочки. Лектер сидел у стола за нейлоновой сетью, не позволявшей ему приблизиться к решетке. Он набрасывал что-то на оберточной бумаге, используя в качестве модели собственную руку. Она видела, как он повернул руку и, с напряжением сжав пальцы, принялся рисовать внутреннюю сторо-

ну предплечья. Чтобы смягчить резкие линии, проведенные углем, он растирал их мизинцем, словно растушевкой.

Она подошла чуть ближе к решетке, и он поднял голову. Старлинг показалось, что все тени камеры сосредоточились в его глазах и треугольнике волос надо лбом.

— Добрый вечер, доктор Лектер.

Губы его разомкнулись, появился кончик языка, такой же красный. Язык коснулся верхней губы — точно в центре — и исчез.

— Клэрис.

Она расслышала металлический скрежет в его голосе и подумала: интересно, как давно он разговаривал с кем-нибудь в последний раз? Биты[29] молчания…

— Час поздний, а вы здесь, вместо того чтобы посвятить вечер академии, — сказал он.

— Для меня *это* вечерняя школа, — ответила она, жалея, что голос ее звучит не очень-то бодро. — Вчера я была в Западной Виргинии…

— Вы поранились?

— Нет, я…

— Но у вас свежая ранка, Клэрис.

---

[29] Сноски: 29
Бит — в теории информатики единица количества информации.

Тут она вспомнила.

— Ну да, я поцарапалась о бортик бассейна, когда плавала сегодня днем. — Пластырь на голени нельзя было увидеть под брюками, он просто чувствовал запах. — Я была в Западной Виргинии вчера. Они там обнаружили тело самой последней жертвы Буффало Билла.

— Не совсем самой последней, Клэрис.

— Почти самой последней.

— Да.

— Она была оскальпирована. Точно как вы сказали.

— Вы не возражаете, если я буду рисовать, разговаривая с вами?

— Нисколько, пожалуйста.

— Вы осматривали останки?

— Да.

— А прежние его опыты вы видели?

— Нет, только фотографии.

— Как вы себя чувствовали?

— Сначала мне стало не по себе. Потом я была занята.

— А потом?

— Почувствовала, как потрясена.

— И вы могли функционировать нормально?

Доктор Лектер потер уголек о край оберточной

бумаги, чтобы заострить кончик.

— Отлично. Я функционировала отлично.

— Для Джека Крофорда? Кстати, а он что, перестал выезжать на место преступления?

— Он был там.

— Клэрис, доставьте мне удовольствие — на одно мгновение, прошу вас. Наклоните голову вперед… Просто повесьте голову, словно спите. Еще секундочку. Спасибо, теперь уловил. Садитесь, если хотите. Вы говорили Джеку Крофорду о том, что я вам сказал, до того, как ее нашли?

— Да. Он… Ну, он фактически отмахнулся…

— А после того, как он увидел этот труп в Западной Виргинии?

— Он разговаривал с человеком из университета, который для него главный авторитет…

— С Эланом Блумом.

— Точно. Доктор Блум сказал: Буффало Билл подстраивается под образ, созданный журналистами; бульварные газетенки всячески обыгрывали идею, что вот-вот этот парень начнет снимать с жертв скальпы. Доктор Блум сказал: всем было ясно, что Буффало Билл именно так и поступит.

— Доктору Блуму было ясно, что Буффало Билл именно так и поступит?

— Так он сказал.

— Ему было ясно, но он предпочел промолчать. Интересно. А вы что думаете, Клэрис?

— Не могу сказать с уверенностью.

— Вы изучаете психологию, судебную медицину, криминологию. Там, где сливаются эти три потока, можно взять хороший улов. Каков ваш улов, Клэрис?

— Пока что рыбалка идет не очень успешно.

— Что эти науки говорят о таких, как Буффало Билл?

— Специальные исследования классифицируют это как садизм.

— Жизнь слишком скользкая штука, чтобы судить о ней по книгам, Клэрис. Злость представляется похотью, волчанка — крапивницей[30]. — Доктор Лектер закончил набросок левой руки, переложил уголь из правой в левую и принялся за набросок правой, действуя ничуть не менее успешно. — Вы имеете в виду исследования доктора Блума?

— Да.

— И моя персона там тоже исследуется?

— Да.

— И как он меня описывает?

---

[30] Сноски: 30

Волчанка — тяжелое заболевание, сочетающее кожную форму с системным поражением соединительной ткани и сосудов.

— Как чистый случай социопатии.

— Вы полагаете, доктор Блум всегда прав?

— Я все жду, когда проявится недостаточная глубина аффекта[31].

Доктор Лектер улыбнулся, обнажив в улыбке мелкие белоснежные зубы.

— Крупные специалисты окружают нас со всех сторон, Клэрис. Доктор Чилтон утверждает, что Сэмми — тот, что позади вас, — страдает гебефренией[32] и окончательно потерян для мира. Он поместил Сэмми в камеру покойного Миггза, так как полагает, что Сэмми уже сказал жизни последнее «прости». А вы знаете, как обычно развивается гебефрения? Не беспокойтесь, он вас все равно не услышит.

— Эти больные труднее всего поддаются лечению, — ответила она. — Обычно они безвозвратно уходят в себя или у них наступает дезинтеграция личности.

Доктор Лектер извлек что-то из-под листов оберточной бумаги и положил на передвижной

---

[31] Сноски: 31

Недостаточная глубина аффекта — один из симптомов некоторых психических заболеваний.

[32] Сноски: 32

Гебефрения — психическое заболевание, развивается в период полового созревания. Проявляется нелепостью поведения, разорванностью и вычурностью речи, галлюцинациями.

поднос. Старлинг подтянула поднос к себе.

— Только вчера Сэмми переслал мне это во время ужина, — сказал доктор Лектер.

Это был обрывок чертежной бумаги с надписью цветным карандашом:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ
Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССАМ
ЭСЛЕ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ

СЭММИ

Старлинг оглянулась. Сэмми по-прежнему сидел на полу, лицо его, как и прежде, было лишено выражения, голова опиралась на прутья решетки.

— Вы не могли бы прочесть это вслух? Он не услышит.

Старлинг начала:

— «Я хочу уйти к Иисусу, я хочу с Христом пойти, я смогу уйти с Иисусом, если буду хорошо себя вести».

— Нет-нет. Более жестко и ритмично, знаете, «Робин-Бобин Барабек…» — в таком темпе и ритме. Размер меняется, но напор тот же самый. — Лектер принялся тихонько отбивать такт ладонями: — «Робин-Бобин Ба-ра-бек скушал

сорок человек…» Напряженно, понимаете ли? Страстно. «Я хачу уйти к Иссуссу, я хачу с Хрестом пайти».

— Понятно, — сказала Старлинг, кладя обрывок бумаги назад на поднос.

— Да ничего вам не понятно. — Доктор Лектер вскочил на ноги, его невысокая фигура неожиданно приобрела гротескные очертания: он скорчился и присел, точно гном, подскакивая и отбивая такт ладонями; голос его звучал словно гидролокатор: — «Я ха-чу уйти к Иссуссу…»

За ее спиной неожиданно, словно рык леопарда, раздался низкий и звучный голос Сэмми; он стоял, вжимая посиневшее и напряженное лицо в решетку; вены на его шее вздулись, голос гремел:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ
Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССАМ
ЭСЛЕ БУДУ ХА-РА-ШО СИБЯ ВЕСТИ

Тишина. Старлинг вдруг обнаружила, что стоит на ногах, что стул ее опрокинулся, а бумаги валяются на полу.

— Прошу вас, — сказал доктор Лектер, теперь снова прямой, стройный и грациозный, словно

танцор. Он указывал ей на стул, прося садиться. Он и сам легко опустился на свой привинченный к полу стул и оперся подбородком о кисть руки. — Вовсе ничего вам не понятно, — повторил он. — Сэмми глубоко религиозен. Просто он разочарован в жизни, потому что Христос так запаздывает. Можно, я расскажу Клэрис, почему ты здесь, Сэмми?

Сэмми ухватился рукой за нижнюю часть лица, чтобы унять дрожание подбородка.

— Можно, Сэмми? — повторил доктор Лектер.

— А-га-а, — произнес Сэмми сквозь пальцы.

— Сэмми положил голову своей матушки на поднос для сбора пожертвований в баптистской церкви «Широкий путь», что в Труне. Они пели «Отдайте все лучшее Господу», а у него не было ничего лучше. — Затем Лектер проговорил, обращаясь к Сэмми: — Спасибо, Сэмми, все в полном порядке. Можешь смотреть телевизор.

Огромный человек опустился на пол и снова прижался головой к решетке точно в той же позе, что и раньше. Мелькавшие на телеэкране образы ввинчивались в его зрачки, на лице поблескивали теперь три серебряные полоски — слюна и слезы.

— Ну-с. Посмотрим, справитесь ли вы с его

проблемой, тогда, может быть, я попробую справиться с вашей. Quid pro quo. Он больше не слушает.

Старлинг пришлось довольно туго.

— Содержание стиха меняется от «уйти к Иисусу» до «пойти с Христом», — сказала она. — Это осмысленная последовательность: уйти к, прибыть, пойти с.

— Да, это линейная прогрессия. Мне особенно по душе то, что он знает, что «Иссусс» и «Хрест» — одно и то же лицо. Это значительный прогресс. Идея Бога, одновременно Единого в трех лицах, трудна для восприятия. Особенно для Сэмми, который вряд ли может разобраться, сколько лиц у него самого.

— Он видит причинную связь между своим поведением и целями, а это говорит о структурированном мышлении, — продолжала Старлинг. — О том же свидетельствует и способность справиться с рифмой. Его чувства не притуплены — он плачет. Вы полагаете, он шизофреник с признаками кататонии?[33]

---

[33] Сноски: 33

Кататония — состояние психического расстройства с преобладанием нарушений двигательной деятельности. Различают две формы кататонии: обездвиженность (ступор) и возбуждение. Характерна для шизофрении и различного рода психозов.

— Да. Вы чувствуете, как от него пахнет? Специфический запах пота, напоминающий козлиный, — это транс-три-метил-два-гексеновая кислота. Запомните: это запах, характерный для шизофрении.

— И вы убеждены, что это поддается лечению?

— Особенно сейчас, когда он выходит из фазы ступора. Как блестят его щеки!

— Доктор Лектер, почему вы считаете, что Буффало Билл не садист?

— Потому что в газетах пишут, что следы веревок обнаружены на кистях рук, а не на щиколотках. Вы заметили такие следы на щиколотках женщины, которую видели в Западной Виргинии?

— Нет.

— Клэрис, если кожу сдирают для развлечения, жертву подвешивают вверх ногами, чтобы кровяное давление в голове и груди поддерживалось как можно дольше и сознание сохранялось. Вам это не известно?

— Нет.

— Когда вернетесь в Вашингтон, пойдите в Национальную галерею и взгляните на Тициановo

«Наказание Марсия»[34], пока картину не отослали назад в Чехословакию. Замечательная вещь, особенно хороши у Тициана детали: посмотрите на Пана — как стремится помочь… и водичку в ведре подносит.

— Доктор Лектер, у нас возникли чрезвычайные обстоятельства и в то же время необычно благоприятные возможности.

— Для кого?

— Для вас — если нам удастся спасти эту девушку. Вы видели сенатора Мартин по телевидению?

— Да, я смотрел вечерние новости.

— Что вы думаете о ее заявлении?

— Неправильно построено, но безвредно. У нее дурные советчики.

— Она очень влиятельный человек, доктор Лектер. И очень решительный.

— Выкладывайте.

— Я считаю, вы обладаете не только знаниями

---

[34] Сноски: 34

Марсий *(греч. миф.)* — сатир, или силен. Подобрал брошенную богиней Афиной флейту и достиг в игре на ней высокого мастерства. Вызвав на соревнование в игре Аполлона (музыканта и покровителя искусств), проиграл и был наказан за дерзость — с него содрали кожу. На картине Тициана подвешен вверх ногами. Пан — божество стад, лесов и полей, как сатир и силен — демон стихийных плодоносных сил земли и, таким образом, существо, родственное Марсию, отсюда сарказм Лектера по его поводу.

и опытом, но и необычайной проницательностью. Сенатор Мартин дала понять, что если вы поможете нам вызволить Кэтрин живой и невредимой, она, в свою очередь, поможет вам получить перевод в федеральную больницу, и если там есть помещение с окном, вы его получите. Вас могут, кроме того, попросить анализировать письменные психиатрические заключения по профилю личности поступающих пациентов, короче говоря, вы получите работу. Но ослабления мер безопасности не обещают.

— Не верю, Клэрис.

— Напрасно.

— О, вам-то я верю. Но существует масса вещей, весьма характерных для человеческого поведения, о которых вы знаете нисколько не более того, как надо правильно сдирать с людей кожу. Вам не кажется, что, с точки зрения сенатора Соединенных Штатов, вы не совсем тот человек, которого следовало выбрать для подобного поручения?

— Меня выбрали вы, доктор Лектер. Вы сочли возможным говорить со мной. Вам хотелось бы поговорить с кем-нибудь другим? Или вы просто полагаете, что не способны помочь?

— Это звучит оскорбительно и неправдоподобно, Клэрис. Я не верю, что Джек Крофорд допустит,

чтобы какая бы то ни было реальная компенсация добралась до этой камеры и ее обитателя… Возможно, я и соглашусь сообщить одну вещь, которую вы сможете передать сенатору. Но я действую строго по принципу «оплата при доставке». Может, я соглашусь в обмен на информацию о вас самой. Да или нет?

— Сначала послушаем ваш вопрос.

— Да или нет? Кэтрин ждет. Прислушивается к вжиканью ножа об оселок. Как вы думаете, о чем бы она вас попросила?

— Послушаем ваш вопрос.

— Ваше самое худшее воспоминание детства.

Клэрис набрала в легкие побольше воздуха.

— Быстрей, быстрей. Меня не интересует ваша самая худшая выдумка.

— Смерть отца.

— Расскажите.

— Он был полицейским, начальником отделения. Как-то ночью он застал на месте преступления двух домушников-наркоманов. Они выходили из аптеки-закусочной через черный ход. Когда он вылезал из своего пикапа, у него заело дробовик, и они его убили.

— Заело?

— Он затвор не задвинул до конца, а дробовик

был очень старый, «ремингтон-870», и у него патрон перекосило. Когда такое случается, дробовик не стреляет, приходится его разбирать. Я думаю, он задел бегунком затвора о дверь пикапа, когда вылезал.

— Он умер сразу?

— Нет. Он был очень здоровый. Он протянул целый месяц.

— Вы навещали его в больнице?

— Доктор Лектер… Да.

— Назовите какую-нибудь деталь из тех, что вам ярче всего запомнились в той больнице.

Старлинг прикрыла глаза.

— Приходила женщина из соседней палаты. Пожилая. Одинокая. Читала ему наизусть последние строки «Танатопсиса»[35]. Думаю, она не знала, что еще ему сказать. Хватит. Теперь ваша очередь.

— Вы правы: обмен адекватный. Вы были откровенны, Клэрис, я всегда знаю, так ли это. Думаю, было бы замечательно узнать вас поближе в иных обстоятельствах, так сказать — в личной жизни.

— Quid pro quo.

---

[35] Сноски: 35

«Танатопсис, или Размышления о смерти» — поэма Уильяма Каллена Брайанта (1794–1878), американского поэта-романтика.

— Кстати, о жизни. Как по-вашему, эта девушка в Западной Виргинии физически была очень привлекательна?

— Она тщательно следила за своей внешностью.

— Не тратьте мое время на излишние увертки.

— Она была грузновата.

— Слишком крупна?

— Да.

— Убита выстрелом в грудь?

— Да.

— Вероятно, плоскогруда?

— Для ее роста и полноты — да.

— Но бедра широкие. Вместительные.

— Да.

— Еще что?

— В горле у нее обнаружили насекомое, специально помещенное туда. Об этом в прессе не сообщалось.

— Бабочка?

На мгновение у нее перехватило дыхание. Оставалось только надеяться, что он не заметил.

— Ночная, — сказала она. — Пожалуйста, объясните мне, как вы могли это предвидеть.

— Клэрис, я намерен сказать вам, зачем Буффало Биллу нужна Кэтрин Мартин, а затем пожелать

спокойной ночи. На данных условиях это будет моим последним словом. Вы можете сообщить сенатору Мартин, чего он хочет от ее дочери, и пусть она предложит мне что-нибудь поинтереснее… Или пусть ждет, пока Кэтрин всплывет где-нибудь в реке в один прекрасный день. Тогда сенатор убедится, что я был прав.

— Чего он от нее хочет, доктор Лектер?

— Он хочет сделать себе жилет с женскими грудями, — сказал доктор Лектер.

23

Кэтрин Бейкер Мартин находилась примерно шестью метрами ниже пола кухни. Тьма вокруг, казалось, гремела от стука ее сердца, от ее громкого дыхания. Порой страх всей тяжестью давил ей на грудь — так охотник убивает попавшую в капкан лисицу, становясь ей на грудь ногами. Иногда Кэтрин могла заставить себя подумать. Она понимала, что ее похитили, но не знала кто. Она понимала: это не сон. В полной темноте она слышала едва уловимый звук смыкающихся век, когда зажмуривала глаза.

Сейчас она чувствовала себя лучше, чем когда первый раз пришла в сознание. Ужасное головокружение почти совсем прошло, воздуха хватало. Она могла сообразить, где низ, где верх, и у нее было довольно четкое представление о положении собственного тела.

Плечо, бедро и колено затекли от лежания на цементном полу. Значит, эта сторона была низ. Верх был там, где ее укрывал тонкий стеганый матрас из грубой ткани, под который она забилась, когда в глаза ей ударил резкий слепящий

свет. Пульсирующая боль в голове прекратилась, и единственное, что сейчас по-настоящему болело, — это пальцы левой руки. Она была уверена, что безымянный сломан.

На ней был стеганый спортивный костюм на молнии — чужой. Костюм был чистый, от него пахло душистым смягчителем ткани. Пол, на котором она лежала, тоже был чистый, если не считать куриных косточек и кусочков овощного гарнира, которые ее похититель сбросил вниз некоторое время назад. Здесь, внизу, больше ничего не было, только матрас и пластиковое ведро для испражнений; к его ручке была привязана тонкая бечевка. На ощупь она казалась обычной кухонной бечевкой и уходила в темноту высоко, выше, чем Кэтрин могла дотянуться.

Ничто здесь не мешало свободе передвижения, только вот двигаться было некуда. Пол, на котором Кэтрин лежала, был овальный, площадью метра два на три, в центре — небольшой сток. Пол явно представлял собой дно глубокой закрытой шахты, гладкие цементные стены которой плавно сужались, уходя вверх.

Какой-то шум наверху — или это сердце так стучит? Шум наверху. Теперь шум слышался совсем ясно, прямо над головой. Темный тайник,

в котором сидела Кэтрин, находился в той части подвала, что прямо под кухней. Вот звук шагов по кухонному полу, вот льется вода. Вот явно собачьи коготки скребут линолеум. Потом ничего, до того момента, пока бледный диск желтоватого света не возник над откинутой дверцей в крышке колодца, — в подвале зажглось электричество. И вдруг ослепительный свет вспыхнул и в шахте, но на этот раз девушка поднялась и села в его яростных лучах, укрыв ноги матрасом, полная решимости осмотреться. Закрыв лицо руками, она пыталась смотреть сквозь пальцы, давая глазам привыкнуть к свету; тень ее плясала по стенам в лучах прожектора, опущенного на проводе в устье шахты высоко над головой.

Она отпрянула, когда пластиковое ведро дернулось, приподнялось и поехало вверх на своей тонкой бечевке, медленно вращаясь и раскачиваясь, поднимаясь все выше к свету. Пытаясь проглотить страх, она поперхнулась — слишком много воздуха попало в легкие, но все же сумела выговорить:

— Мои родные заплатят. Наличными. Мама сразу заплатит, без вопросов. Вот ее личный… Ой! — Какая-то тень, трепеща, слетела сверху: всего лишь полотенце. — Вот ее домашний теле-

фон: двести два…

— Вымойся.

Тот же странный голос, она уже слышала его: он говорил с собакой.

Еще одно ведро опустилось на бечевке. Запахло горячей мыльной водой.

— Все сними, вымойся с ног до головы, не то полью из шланга. — И собаке, видимо отвернувшись, так как голос стал слышен хуже: — Да уж, радость моя, оно у нас получит, польем его из кишки, да, золотко? Обяза-а-а-тельно.

Кэтрин Мартин услышала шаги и постукивание коготков по полу над подвалом. В глазах перестало двоиться, как двоилось поначалу, когда впервые зажегся свет. Теперь она могла видеть четко. Как высоко до верха? Прожектор висит на проводе — интересно, он крепкий? Может, она зацепит его костюмом? Или полотенцем? Ни черта тут не сделаешь! Стены были ужасно гладкие — гладкая труба, уходящая вверх.

Трещина в цементе — высоко, не дотянуться; больше никаких выбоин, не за что зацепиться. Она свернула матрас тугим рулоном и стянула полотенцем. Встала на него, пошатываясь, дотянулась до трещины и зацепилась ногтями, чтобы удержать равновесие. Прищурившись,

вглядывалась прямо в бьющий в глаза луч. Так. Прожектор со шторкой. Висит в полуметре от края. Если вытянуть руку, от кончиков пальцев до него будет еще метра полтора-два. С таким же успехом можно попробовать дотянуться до луны… А тут еще он возвращается… скользит под ногами матрас… равновесие не удержать… ломаются ногти о цемент… она спрыгивает с матраса, и что-то — какой-то лепесток — летит из трещины вниз мимо ее лица.

Что-то спускается вниз, мимо прожектора: резиновая кишка. На мгновение включается вода, холодная как лед. И угрожающее:

— Мойся. С ног до головы.

В ведре с мыльной водой плавает мочалка и пластиковая бутылка с лосьоном для кожи — дорогим, французским.

Пришлось подчиниться; от холода руки и ноги покрылись гусиной кожей, соски съежились, стало больно. Она присела у ведра с теплой водой, придвинувшись поближе к стене. Вымылась.

— Теперь вытрись и вотри в кожу крем, с ног до головы. С ног до головы.

Крем разогрелся от теплой воды, костюм прилипал к телу.

— Теперь вымой пол и собери мусор.

Она выполнила и это указание, подобрала куриные кости и зеленый горошек. Сложила в ведро, протерла пол там, где были жирные пятна. Что-то еще лежит у стены. Лепесток, что пролетел мимо лица из трещины в стене. Это ноготь. Женский ноготь с остатками лака с блестками. Обломанный низко, почти до основания.

Ведро поехало вверх.

— Мама заплатит без всяких вопросов, — сказала Кэтрин Мартин. — Она заплатит столько, что вы все станете богатыми людьми. Если это для организации — иранской, или палестинской, или «Черных пантер», она даст деньги и на это. Все, что вам надо сделать, — это…

Она отпрянула и вскрикнула: «Ох!» — когда рядом с ней опустилось на веревке ведро для испражнений. Теперь она сидела на свернутом матрасе, лихорадочно соображая, что же делать. Кэтрин уже не сомневалась, что похититель ее действует в одиночку, что он американец, белый. Она просто пыталась создать у него впечатление, что не знает, кто он, какого цвета и имеет ли сообщников; пусть думает, что у нее в памяти не сохранилась сцена на стоянке — ведь ее ударили по голове. Она надеялась, что он убедился: ее можно спокойно отпустить. Мозг ее напряженно

работал. Работал. Слишком хорошо работал.

Ноготь. Кто-то еще был здесь до нее. Женщина. Молодая. Где она теперь? Что он с ней сделал?

Если бы не удар, не потрясение, ей не понадобилось бы столько времени, чтобы вспомнить. Кроме того, она не сразу сориентировалась в ситуации. Но помог лосьон для кожи. ДЛЯ КОЖИ. Теперь она осознала, кто ее похититель. Знание ударило и обожгло страшнее страшного, страшнее всего на свете, и она кричала, кричала, срывая горло, кричала до кашля, и что-то горячее и соленое наполнило рот и вылилось на закрывавшие лицо руки, и засохло, липкое, на тыльной стороне ладоней, а она упала на развернувшийся матрас и, вцепившись пальцами в волосы, опираясь лишь на плечи и пятки, застыла в судороге отчаяния, аркой отбросившей тело от пола.

24

Монетка громко звякнула где-то глубоко внутри телефонного аппарата в грязноватой дежурке больницы. Старлинг звонила в машину наружного наблюдения.

— Крофорд.

— Я звоню из кабины таксофона в отделении для особо опасных, — сказала Старлинг. — Доктор Лектер спросил меня, не бабочка ли насекомое, обнаруженное в Западной Виргинии. Он не стал развивать эту тему. Он сказал: Буффало Биллу нужна Кэтрин Мартин, потому что, цитирую, «он хочет сделать себе жилет с женскими грудями». Доктор Лектер хочет адекватного обмена. Он хочет получить от сенатора Мартин «предложение поинтереснее».

— Он сам прекратил разговор?

— Да.

— Как вы думаете, скоро ли он заговорит снова?

— Думаю, он захочет новой встречи в ближайшие несколько дней, но я считаю, лучше неожиданно атаковать его прямо сейчас, если я

могу срочно получить какое-то предложение от сенатора Мартин.

— Вот именно — срочно. Эту девушку из Западной Виргинии опознали, Старлинг. Наши дежурные в Центральной картотеке полчаса назад получили из Детройта дактилокарту. Отдел по опознанию сличил отпечатки, они совпали с нашими тык в тык. Опознали по карте отпечатков пропавших без вести: Кимберли Джейн Эмберг, двадцати двух лет, пропала без вести в Детройте седьмого февраля. Мы уже обследуем ее район — ищем свидетелей. Патологоанатом в Шарлотсвилле утверждает, что смерть наступила не позднее одиннадцатого февраля, а возможно, и днем раньше, то есть десятого.

— Он продержал ее всего три дня, прежде чем убить, — сказала Старлинг.

— Периоды между похищением и убийством сокращаются. Да это и неудивительно. — Голос Крофорда звучал поразительно ровно. — Кэтрин Мартин в его руках уже двадцать шесть часов. Я считаю, если Лектер может что-то выдать, пусть сделает это в следующей же вашей беседе. Я сейчас в местной конторе ФБР, вас сразу переключили сюда. Я снял вам номер в мотеле Хо-Джо всего в двух кварталах от больницы, может, вы

захотите чуть-чуть вздремнуть попозже.

— Он не доверяет нам, мистер Крофорд, он уверен, что вы не позволите ему получить какие бы то ни было льготы. То, что он сказал о Буффало Билле, было сказано в обмен на чисто личные сведения обо мне самой. Не думаю, что есть прямая текстуальная связь между его вопросами ко мне и делом Буффало Билла… Вы хотите услышать, какие это были вопросы?

— Нет.

— Вы поэтому не хотели меня подключать? Думали, мне будет легче, проще рассказывать ему что-то, если никто больше не услышит?

— Есть ведь и иная возможность: что, если я доверяю вашим суждениям, Старлинг? Что, если я считаю, что вы мой лучший игрок, и я не хотел бы, чтобы вся свора крепких задним умом людишек висела на вашей шее? Зачем мне в таком случае было вас подключать?

— Понятно, сэр. — «Ну, ты не зря славишься умением обращаться с подчиненными, верно, мистер КроКодил?» — Что мы можем предложить доктору Лектеру?

— Кое-что я посылаю вам прямо сейчас, получите через пять минут, если только вы не хотите сначала немного отдохнуть.

— Да нет, лучше сделать все сразу, — сказала Старлинг. — Вы скажите им, пусть позовут к телефону Алонсо. Скажите Алонсо, я буду ждать его в коридоре, у секции восемь.

— Через пять минут, — повторил Крофорд.

Старлинг нетерпеливо мерила шагами потертый линолеум пола в дежурке, глубоко под землей. В тускло освещенной, неопрятной комнате она казалась единственным источником света.

Мы редко готовим себя к трудностям, прогуливаясь на природе — в лугах или на усыпанных гравием аллеях; обычно мы делаем это в последний момент, в каких-нибудь тесных и темных помещениях без окон, в больничных коридорах, в комнатушках вроде этой, с видавшей виды кушеткой и пластиковыми пепельницами с рекламой «Чинзано», с занавесями ядовитого цвета, закрывающими не окна, а голые бетонные стены. Мы готовимся, мы продумываем и заучиваем наизусть жесты, чтобы суметь повторить их даже в страхе, даже пред лицом самой Судьбы. Старлинг была достаточно взрослой, чтобы понимать это, и решила, что не даст этой комнате повлиять на себя. Она все ходила взад и вперед, жестикулировала и произносила фразы вслух, в

воздух перед собой.

— Держись, девочка, — говорила она, обращаясь к Кэтрин Мартин и к самой себе тоже. — Мы вовсе не такие плохие, как эта отвратительная комната. Мы гораздо лучше, чем все это перетраханное место. Мы сильнее и лучше, чем то помещение, где он тебя держит. Так помоги мне. Помоги мне. Помоги мне!

На какой-то миг она подумала о своих умерших родителях. Подумала: а не было бы им стыдно за нее сейчас? Лишь сам вопрос с минуту занимал ее мысли, она не задумалась ни о его соответствии моменту, ни над оценкой своих действий; она задала его вовсе не так, как это обычно бывает. Ответ был — нет, им не было бы стыдно за нее.

Она ополоснула лицо и вышла в холл.

Дежурный Алонсо ждал в коридоре с запечатанным пакетом от Крофорда. В пакете она обнаружила карту и письмо с инструкциями. Она быстро просмотрела инструкции при свете коридорной лампы и нажала кнопку звонка, чтобы Барни открыл ей дверь.

25

Доктор Лектер сидел у своего стола, просматривая полученную корреспонденцию. Старлинг почувствовала, что теперь ей стало легче подходить к его клетке, даже когда он на нее не смотрит.

— Доктор.

Он поднял палец, требуя тишины. Кончив читать письмо, он некоторое время размышлял, опершись подбородком о большой палец шестипалой левой руки, а указательный прижав к щеке у самого носа.

— Как бы вы отнеслись к этому? — спросил он, кладя документ на передвижной поднос.

Это было письмо из Патентного бюро Соединенных Штатов.

— Это про мои часы-распятие, — пояснил доктор Лектер. — Они не дают мне патента, но советуют получить авторские права на циферблат. Вот взгляните. — Он положил на поднос рисунок размером с обеденную салфетку, и Старлинг вытянула его на свою сторону. — Вы, возможно, обратили внимание, что на большинстве распя-

тий руки Распятого указывают, ну, скажем, на без четверти три или без десяти два, тогда как ноги — всегда на шести. На этом циферблате Иисус, как видите, на кресте, а Его руки движутся, указывая время, точно стрелки, так же как стрелки на всех известных диснеевских часах[36]. Ноги же остаются на шести, а наверху маленькая секундная стрелка вращается в нимбе. Что вы об этом думаете?

Анатомически набросок был очень точен. А голова — голова была ее собственная.

— Большинство деталей будет утрачено, когда рисунок уменьшится до размера ручных часов, — сказала Старлинг.

— Это верно, к сожалению. Но представьте себе настольные или стенные часы. Вы полагаете, стоит предлагать эту идею без патента, не опасаясь плагиата?

— Вам ведь придется покупать кварцевые часовые механизмы, верно? А они уже запатентованы. Не знаю точно, но мне думается, патент выдают только на уникальные механические устройства, в то время как графическое изображение защищается авторским правом.

---

[36] Сноски: 36

Часы, выполненные в виде персонажей фильмов Уолта Диснея так, что их руки играют роль стрелок.

— Вы ведь не юрист, правда? Они там, в ФБР, теперь, кажется, этого больше не требуют?

— У меня есть для вас предложение, — сказала Старлинг, открывая атташе-кейс.

Подошел Барни. Она снова закрыла атташе-кейс. Как она завидовала невероятному спокойствию этого огромного человека! По глазам видно было — он вовсе не дурак, более того, в их глубине светился недюжинный ум.

— Извините меня, пожалуйста, — сказал Барни. — Если вам придется сражаться с большим количеством бумаг, тут в шкафу есть небольшой рабочий стол вроде одинарной школьной парты, за ним у нас психоаналитики работают. Хотите?

«Буду выглядеть как школьница. Да или нет?»

— Мы могли бы поговорить сейчас, доктор Лектер?

Доктор поднял раскрытую ладонь в знак согласия.

— Да, Барни, спасибо, — поблагодарила Старлинг.

Теперь она сидела удобно, и Барни был достаточно далеко.

— Доктор Лектер, сенатор намеревается сделать вам замечательное предложение.

— Об этом буду судить я. Вам удалось так быст-

ро переговорить с ней?

— Да. Она не стремится ничего утаить. Она предлагает сразу все, что в ее силах и возможностях. Так что торговаться не имеет смысла. Здесь все, что она может предложить.

Старлинг подняла от бумаг голову.

Доктор Лектер, убийца, на счету которого девять жизней, глядел на нее, собрав пальцы щепотью под носом. В глазах — беспредельный мрак ночи.

— Если вы поможете нам найти Буффало Билла вовремя и вернуть Кэтрин Мартин живой и невредимой, вы получаете следующее: перевод в больницу Управления по делам ветеранов в Онейда-парке, штат Нью-Йорк, в камеру с видом на лес, окружающий здание больницы. Усиленные меры безопасности остаются. К вам будут обращаться с просьбами давать заключения по письменным психологическим тестам некоторых обитателей федеральных больниц, хотя, скорее всего, не из одного с вами лечебного заведения. Заключения вы будете делать вслепую. Никаких имен. Вы получите доступ к книгам — в разумных пределах.

Старлинг подняла голову.

Молчание тоже может таить насмешку.

— И самое лучшее, самое замечательное: на одну неделю в год вы сможете уезжать из больницы вот сюда.

Она положила на поднос карту. Доктор Лектер не пошевелился. Поднос остался снаружи.

— Плум-Айленд, — продолжала она. — Каждый день вы сможете гулять по берегу или купаться в океане. Надзиратели будут на расстоянии в семьдесят метров. Но это будет спецчасть. Все.

— А если я откажусь?

— Может быть, тогда вам разрешат повесить здесь занавеси, как в кафе. Может, это скрасит вам жизнь. Нам нечем вам пригрозить, доктор Лектер. То, что я вам сейчас предложила, — единственная возможность для вас увидеть свет дня.

Она не смотрела на него, дабы не встречаться с ним взглядом, испытывать, чей упорнее. Она не хотела противоборства.

— Кэтрин Мартин сможет прийти ко мне и рассказать о своем похитителе, только о нем, если я захочу опубликовать такую работу? И только со мной одним, эксклюзивно?

— Да. Считайте, договор подписан.

— Откуда вы знаете? Кем подписан?

— Я сама ее приведу.

— Если она захочет.

— Придется сначала спросить у нее самой.

Он втянул поднос на свою сторону.

— Плум-Айленд. Тут говорится: «Плум-Айлендский федеральный центр по изучению заболеваний животных (исследование болезней полости рта, копыт и т. п.)». Это ведь ящур? Звучит прелестно.

— Это только в одной части острова. Там прекрасный пляж и приятные окрестности. А весной туда прилетают и строят гнезда крачки.

— Крачки. — Доктор Лектер вздохнул. Он слегка откинул голову и коснулся алым кончиком языка самого центра алой верхней губы. — Если мы хотим продолжить этот разговор, Клэрис, я должен иметь что-то на своем счету. Quid pro quo. Я сообщаю какие-то вещи вам, а вы — мне.

— Идет, — сказала Старлинг.

Ей пришлось прождать целую минуту, пока он произнес:

— Гусеница становится куколкой в коконе. Затем она выходит из своей потайной переодевальни и возникает перед нашим взором в прекрасном обличье имаго. Вы знаете, что такое имаго, Клэрис?

— Взрослое крылатое насекомое.

— А еще что?

Она отрицательно помотала головой.

— Это термин из почившей в бозе веры в психоанализ. Имаго — это образ родителя, захороненный глубоко в подсознании с самого детства и связанный с инфантильным аффектом. Слово это означало восковое изображение — бюст предка, который древние римляне несли во время похоронной процессии… Даже флегматичный Крофорд должен увидеть некую символику в коконе насекомого.

— Ничего такого, на что можно было бы опереться, кроме перечня подписчиков на энтомологические журналы, чтобы проверить через латентный дескриптор, нет ли среди них известных нам лиц, совершивших преступления на сексуальной почве.

— Прежде всего давайте откажемся от прозвища Буффало Билл, оно только вводит в заблуждение и совершенно не имеет отношения к лицу, которое нас интересует. Для удобства будем называть его Билли. Я дам вам конспективное изложение своих соображений. Готовы?

— Готова.

— Символика кокона, куколки — превращение. Гусеницы, червя — в бабочку, дневную или ночную. Билли полагает, что хочет превратиться в

женщину. Делает себе костюм девушки из настоящих девушек. Поэтому его жертвы — крупные женщины, костюм должен быть впору. Количество жертв может означать, что он рассматривает последовательную смену костюмов как следующие одна за другой линьки. Он совершает все это в двухэтажном доме. Вы выяснили, почему в двухэтажном?

— Одно время он их вешал.

— Правильно.

— Доктор Лектер, мне никогда не удавалось соотнести транссексуализм с насилием. Транссексуалы обычно не агрессивны.

— Правильно, Клэрис. Иногда можно заметить пристрастие к хирургическим вмешательствам — косметическим в основном, транссексуалов вообще трудно удовлетворить. Вот это, пожалуй, и все. Билли не настоящий транссексуал, Клэрис, вы уже почти ступили на тот путь, на котором сможете его поймать. Сами-то вы видите это?

— Нет, доктор Лектер.

— Прекрасно. Тогда, разумеется, вы не против того, чтобы рассказать мне, что случилось после смерти вашего отца.

Старлинг опустила глаза на исцарапанную крышку школьной парты.

— Я не думаю, что вы отыщете ответ в ваших бумагах, Клэрис.

— Маме удавалось содержать нас всех вместе целых два года.

— Каким образом?

— Днем она работала горничной в мотеле, а по ночам — кухаркой в кафе.

— А потом?

— Меня отправили к двоюродной сестре матери. Она с мужем жила в Монтане.

— Только вас?

— Я была самая старшая.

— И город ничего не сделал для вашей семьи?

— Сделал. Чек на пятьсот долларов.

— Странно, что не было страховки. Клэрис, вы сказали, ваш отец задел бегунком затвора о дверь пикапа.

— Да.

— У него что, не было патрульной машины?

— Нет.

— Это было ночью?

— Да.

— У него не было пистолета?

— Нет.

— Клэрис, он работал ночью, ездил на пикапе, вооруженный только дробовиком… Скажите, а

у него, случайно, не было на поясе табельных часов? Такой штуки, с которой надо подъезжать к определенным столбам в городе, где привинчены специальные ключи, и надо вставлять эти ключи в часы, чтобы отцы города знали, что вы не спите на дежурстве. Скажите, были у него эти часы, Клэрис?

— Да.

— Так он был ночным сторожем, правда, Клэрис? Не был он никаким начальником полиции. Я увижу, если вы солжете.

— В документах говорится — начальник ночной полиции.

— Что с ними случилось?

— Случилось? С чем?

— С табельными часами. Что случилось с ними после того, как застрелили вашего отца?

— Не помню.

— А если вспомните — скажете мне?

— Да. Постойте. Мэр приезжал в больницу и попросил маму вернуть часы и значок. — Она и сама не знала, что помнит это. Мэр в домашнем костюме и солдатских ботинках, купленных на распродаже. Дерьмец. — Quid pro quo, доктор Лектер.

— Вам не показалось на секундочку, что вы все

это выдумали? Нет, если бы выдумали, вам не было бы так больно. Так мы говорили о транссексуалах. Вы сказали, что насилие и деструктивно-аберрантное поведение, по статистике, не являются типичными чертами транссексуалов. Верно. Помните, мы говорили с вами о том, что злость представляется похотью, а волчанка — крапивницей? Билли не транссексуал, Клэрис, но он считает себя таковым, пытается им быть. Я полагаю, он пытается быть еще кем-то.

— Вы сказали, это очень близко к пути, на котором мы его могли бы поймать.

— Существует три крупнейших центра, занимающихся хирургическим изменением пола: Университет Джонса Хопкинса, Университет штата Миннесота и Медицинский центр в Колумбусе. Я нисколько не удивился бы, узнав, что он подавал заявление об изменении пола в один из этих центров и получил отказ.

— На каком основании они могли бы отказать ему?

— Вы очень быстро реагируете, Клэрис. Первой причиной могла бы быть судимость. Это дисквалифицирует заявителя, если только совершенное им преступление не из разряда незначительных или имеющих отношение к проблеме измене-

ния пола. Переодевание мужчины в женское или женщины в мужское платье на людях — что-нибудь в этом роде. Если он успешно скрыл судимость по серьезному поводу, тогда его имя может обнаружиться в реестре диагнозов.

— Каким образом?

— Вам нужно знать, каким образом, чтобы просеять эти списки, верно?

— Да.

— Почему бы вам не спросить об этом доктора Блума?

— Я предпочитаю спросить об этом вас.

— Что вы получите за это, Клэрис? Продвижение по службе и повышение зарплаты? А кто вы сейчас? Просто агент? Что сегодня получает мелкий агент?

— Постоянный пропуск в контору, в частности. Как его имя может обнаружиться в реестре диагнозов?

— Как вам понравилась Монтана, Клэрис?

— Монтана? Очень.

— Как вам понравился муж двоюродной сестры вашей матери?

— Мы были очень разные.

— Какими они вам показались?

— Изможденными работой.

— У них были свои дети?

— Нет.

— Где вы жили?

— На ранчо.

— Овечьем ранчо?

— Там были и овцы, и лошади.

— Сколько вы там пробыли?

— Семь месяцев.

— Сколько лет вам было?

— Десять.

— Куда вы отправились оттуда?

— В лютеранский детский дом в Бозмене[37].

— Скажите мне правду.

— Я говорю вам правду.

— Вы только скачете вокруг правды. Если вы устали, мы поговорим ближе к концу недели. Мне и самому несколько наскучило все это. Или вы предпочитаете поговорить сейчас?

— Сейчас, доктор Лектер.

— Хорошо. Ребенка, девочку, отсылают прочь от матери на ранчо в Монтану. Овцы и лошади. Девочка скучает по матери, ей интересны животные…

Доктор Лектер развел ладони, приглашая Стар-

---

[37] Сноски: 37

Бозмен — город в штате Монтана.

линг продолжить.

— Это было замечательно. У меня была собственная комната с индейским ковриком на полу. Мне позволили ездить на лошади, ее водили по двору под уздцы, а я ехала на ней — она не очень хорошо видела. Со всеми лошадьми там что-то было не в порядке. Хромые. Больные. Некоторые выросли с детьми, и они так, знаете, тихонько ржали мне вслед по утрам, когда я выбегала к школьному автобусу.

— А потом?

— Я нашла в амбаре что-то странное. У них там была кладовка. Я думала сначала, это какой-то старинный шлем или каска. А потом сняла его с полки, а на нем надпись: «Устройство для гуманного забоя лошадей. У. У. Гринер». Это было что-то вроде металлической шапки в форме колокола, и наверху — такой паз для патрона. Похоже, тридцать второго калибра.

— Они откармливали лошадей для бойни на этом ранчо, Клэрис?

— Да.

— И убивали прямо там же?

— Тех, что на клей и удобрения. В грузовик можно уложить шесть, если они убитые. Тех, что шли на собачьи консервы, они увозили живьем.

— А та, на которой вы ездили по двору?

— Мы сбежали вместе.

— И как далеко зашли?

— Не дальше, чем собираюсь зайти, пока вы не объясните про реестры диагнозов.

— Вы знакомы с процедурой тестирования мужчин, подавших заявление о хирургическом изменении пола?

— Нет.

— Было бы неплохо, если бы вы принесли мне копию режима тестирования хотя бы одного из этих центров. Но для начала сойдет и так: батарея тестов обычно включает векслеровские шкалы интеллекта для взрослых[38], тест «Дом — дерево — человек»[39], Роршах, тест представления о себе и еще парочку; разумеется, ТАТ и ММП в том чис-

---

[38] Сноски: 38

Векслеровские шкалы интеллекта для взрослых — серия из 11 тестов; 6 тестов составляют вербальную (словесную) шкалу и 5 — шкалу действий. Тесты содержат разнообразные вопросы и задания, при помощи которых исследуют осведомленность испытуемого, понимание смысла, словарный запас и многое другое. При обработке данных учитывается точность, а иногда и скорость выполнения задания.

[39] Сноски: 39

Тест «Дом — дерево — человек» — проективная методика, в которой испытуемому предлагается изобразить на чистом листе бумаги любое дерево, любой дом, любого человека, а затем — человека противоположного пола. По этим рисункам экспериментатор делает заключение об особенностях личности испытуемого, основываясь на выборе и изображении деталей.

ле. Вам ведь нужно что-то такое, что вы можете выделить сразу, быстро, да, Клэрис?

— Это было бы лучше всего. Чтобы быстро.

— Посмотрим… По нашей гипотезе мы ищем мужчину, у которого результаты тестирования отличаются от результатов, получаемых у настоящего мужчины-транссексуала. Хорошо. В тесте «Дом — дерево — человек» следует искать того, кто не изобразил женскую фигуру первой. Мужчины-транссексуалы почти всегда рисуют первой женщину и, что характерно, уделяют большое внимание украшению нарисованных ими женских фигур. Мужские фигуры у них чаще всего стереотипны… впрочем, бывали очень интересные исключения, когда изображали «Мистера Америку»… в остальных случаях исключения весьма редки. В изображении дома нужно найти рисунок без излишних деталей, обещающих розовое будущее, — детских колясочек перед домом, занавесочек, цветочков во дворе. Настоящие транссексуалы рисуют два типа деревьев: пышные, машущие ветвями ивы или то, что можно назвать кастрационной темой. Это деревья, обрезанные краем рисунка или краем бумаги. Кастрационные образы на рисунках истинных транссексуалов полны жизни. Цветущие и пло-

доносящие обрубки. Это очень важное отличие. Они совсем не похожи на испуганные, мертвые, искалеченные деревья людей с нарушениями психики. Вот прекрасная мысль: дерево Билли будет устрашающим. Я не слишком быстро?

— Нет, доктор Лектер.

— Рисуя себя, транссексуал почти никогда не изображает себя обнаженным. И пусть вас не вводят в заблуждение часто встречающиеся параноидальные идеограммы на карточках ТАТ — это весьма обычно у тех транссексуалов, которые часто переодеваются в платье противоположного пола: они нередко имели столкновения с полицией. Резюмировать?

— Да, мне хотелось бы услышать резюме.

— Вам следует достать список людей, получивших отказ во всех этих изменяющих пол центрах. Прежде всего проверьте тех, кто был отвергнут из-за судимости, а среди них обратите особое внимание на домушников. Среди тех, кто пытался скрыть судимость, ищите людей с тяжелыми отклонениями в детской психике, связанными с насилием! Возможно, с изоляцией от общества в детстве. Затем обратитесь к тестам. Вы ищете мужчину, белого, возможно не достигшего тридцати пяти лет, довольно крупных размеров. Он

не транссексуал, Клэрис. Он только думает, что это так. И он озадачен и разозлен, потому что ему не хотят помочь. Это все, что я хочу вам сказать, пока не познакомился с делом. Вы ведь оставите его у меня?

— Да.

— И фотографии.

— Они в деле.

— Тогда вам лучше поспешить и приняться за дело с тем, что вы имеете, Клэрис. Посмотрим, как вы справитесь.

— Но мне надо знать, как вы…

— Не жадничайте, Клэрис, не то мы обсудим все остальное на следующей неделе. Возвращайтесь, когда наметится некоторый прогресс. Или не наметится. И еще, Клэрис…

— Да?

— В следующий раз вы расскажете мне о двух вещах. Что случилось с той лошадью — это первое. Второе, что мне хотелось бы знать… как вы умудряетесь подавлять гнев?

За ней пришел Алонсо. Она шагала по коридору, прижав к груди свои записи и опустив голову. Пыталась удержать в памяти все, что услышала. Всем своим существом стремясь прочь отсюда, на свежий воздух, она даже не взглянула в сторону

кабинета Чилтона, когда шла мимо.

В кабинете доктора Чилтона, пробиваясь сквозь щель под дверью, горел свет.

26

Упрятанные глубоко под землю от ржавой балтиморской зари, зашевелились обитатели отделения для особо опасных. Там, внизу, где никогда не наступала тьма, смятенные духом начинали день, словно устрицы в бочке, раскрывая раковины навстречу утраченному морскому приливу. Те божьи создания, что заснули, устав от рыданий, пробуждались теперь для новых слез; буйные прочищали глотки для новых воплей.

Доктор Ганнибал Лектер стоял недвижимый и прямой в конце коридора, лицом почти упираясь в стену. Словно старинные напольные часы, он был накрепко прибинтован широкими сетчатыми полотнищами к высокой спинке ручной тележки — такими пользуются перевозчики мебели. Под полотнищами на нем были смирительная рубашка и ножные путы. Хоккейная маска на лице пресекала возможные поползновения кусаться: эффект тот же, что и от намордника, зато дежурным не так мокро ее снимать.

За спиной доктора Лектера малорослый и сутулый санитар мыл камеру. Барни наблюдал за

его работой — эти уборки проводились раз в три недели — и в то же время проверял, не пронесли ли что-нибудь в камеру контрабандой. Санитары обычно очень спешили — им казалось, что в камере Лектера витает некий странный и зловещий дух. После их ухода Барни все очень тщательно проверял. Проверял всё и вся, ничего не оставляя без внимания.

Барни имел особую привилегию быть личным надзирателем доктора Лектера, потому что Барни никогда не забывал, с кем он имеет дело. Два его помощника смотрели по телевизору записанный на пленку обзор хоккейных матчей.

Доктор Лектер развлекался, его феноменальная память в течение многих лет позволяла ему находить себе развлечения, стоило только захотеть. Ни страхи, ни стремление к добру не сковывали его мышление; так физика не смогла сковать мышление Мильтона[40]. В мыслях своих он свободен по-прежнему.

Его внутренний мир полон ярких красок и запахов, но почти лишен звуков. И в самом деле,

---

[40] Сноски: 40

Мильтон Джон (1608–1674) — английский поэт и философ, автор поэм «Потерянный рай», «Возвращенный рай», «Самсон-борец». Гуманитарий по образованию (магистр искусств), он не был знаком с основами физики.

сейчас ему пришлось напрячь слух, чтобы расслышать голос покойного Бенджамина Распая. Доктор Лектер размышлял о том, как он отдаст Джейма Гама Клэрис Старлинг; полезно поэтому было вспомнить Распая. Вот он, этот жирный флейтист, в последний день своей жизни, на врачебной кушетке в кабинете доктора Лектера. Он рассказывает своему психиатру о Джейме Гаме.

«В Сан-Франциско у Джейма Гама была комната в ночлежке: ничего более отвратительного и представить себе невозможно. Стены какого-то баклажанного цвета с психоделически[41] яркими и безвкусными нашлепками светящейся краски тут и там — следами пребывания в ней хиппи несколько лет назад; все старое, грязное, обветшалое.

Джейм — ну, вы знаете, это его имя, оно и в самом деле так записано в свидетельстве о рождении, оттуда он его взял и требует, чтобы его произносили «Джейм» — как Джеймс, только без «с», не то он прямо синеет от злости, хоть это и явная ошибка, в больнице ошиблись, когда записывали, ведь уже тогда нанимали работничков, чтоб подешевле, а они толком даже имя напи-

[41] Сноски: 41

Психоделический — здесь: возникший под влиянием наркотического бреда.

сать не могли. Сейчас тоже так, только еще хуже: жизнью рискуешь, отправляясь в больницу. Ну да ладно. Так вот, Джейм сидел на койке в этой ужасной комнате, голову на руки опустил, лицо в ладони спрятал: его уволили из антикварного магазина, где он работал, потому что он опять стал делать нехорошие вещи.

А я еще раньше говорил ему, что не потерплю такого его поведения, ну и, конечно, как раз тогда в мою жизнь вошел Клаус. Джейм, знаете ли, не по-настоящему голубой, это просто его в тюрьме научили. На самом деле он вообще никакой, вроде у него внутри совсем пусто — ничего нет, и он рвется эту пустоту заполнить хоть чем-нибудь и злится, что не выходит. Стоило ему войти в комнату, возникало такое чувство, что в комнате еще более пусто стало, чем до этого было. Я хочу сказать, он ведь своих деда с бабкой убил, когда ему всего двенадцать лет было; при такой непредсказуемости характера можно было бы ожидать, что он какая-никакая, но личность, верно ведь?

И вот вам — сидит без работы, опять сделал это с каким-то побирушкой несчастным. Я уехал. Он пошел на почту и забрал письма и посылки для своего бывшего хозяина в надежде, что сможет что-нибудь продать. И там была посылка из

Малайзии или откуда-то еще с той стороны. Он ее открыл трясущимися от жадности руками, а там — чемодан с дохлыми бабочками, прямо так, россыпью.

А хозяин его посылал деньги почтмейстерам на те острова, и они посылали ему дохлых бабочек прямо ящиками. Он их как-то особым пластиком заливал и делал вульгарнейшие украшения, такие, что и представить невозможно, да еще имел наглость называть их objets[42] — произведения искусства. Что за польза была Джейму в этих бабочках? И он погрузил туда руки, подумав, может, там, в глубине, найдет что-нибудь ценное (иногда им браслеты присылали с Бали), и — ничего, только пыльца от бабочек на пальцах осталась. Он сел на кровать, лицо в ладони спрятал, пальцы и щеки пыльцой раскрашены, и думал, что вот — дно; знаете, как все мы иногда думаем, что ниже пасть уже нельзя. И он заплакал. И вдруг услышал легкий шум и в открытом чемодане увидел бабочку: она выкарабкивалась из кокона. Кокон бросили в чемодан вместе с дохлыми бабочками, и вот она вылезла. Комната была полна цветной пыли от бабочек, и пыль эта светилась

---

[42] Сноски: 42
Objets *(фр.)* — предметы искусства *(сокр. от objets d'art).*

в луче солнца из окна. Ну, вы знаете, как это все ужасно живо видишь, если тебе описывают, а ты уже наширялся. Она расправляла крылья, он внимательно смотрел, как она это делает. Она была очень большая, сказал он. Зеленая. Он открыл окно, и она улетела, а он почувствовал себя так легко-легко — так он сказал — и теперь знал, что делать.

Джейм отыскал домик на берегу, где мы с Клаусом жили, и когда я вернулся с репетиции, я увидел там Джейма. Зато я не увидел там Клауса. Я спросил, где Клаус, и он ответил — купается. Но я знал — это ложь, Клаус никогда не купался, волнение в океане слишком сильное, волны так и бьют о берег. А когда я холодильник открыл, ну, вы знаете, что я там нашел. Голова Клауса так и выглядывала из-за банки с апельсиновым соком. А Джейм — он себе, знаете, уже успел сделать фартук из Клауса, надел и спрашивает, как он теперь мне нравится. Я понимаю, вы должны испытывать отвращение ко мне, оттого что я не перестал вообще знаться с Джеймом, он ведь был еще больше не в себе, когда вы с ним познакомились. Я думаю, он был просто поражен, что вы его не испугались».

И последние слова Распая, последние сказан-

ные им при жизни: «Я все думаю, почему мои родители не убили меня маленьким, до того, как я достаточно вырос, чтобы их дурачить».

Изящная рукоять стилета дрогнула, когда пронзенное им сердце Распая все-таки попыталось биться, и доктор Лектер сказал: «Все равно что соломинку в норку муравьиного льва воткнуть». Но было слишком поздно — Распай уже не мог ответить.

Доктор Лектер мог припомнить каждое слово и многое другое. Приятнейшие мысли для времяпрепровождения, пока в камере идет уборка.

Клэрис Старлинг достаточно проницательна, размышлял доктор. Она могла бы разыскать Джейма Гама и с тем, что он успел ей сообщить. Но это займет много времени. Чтобы захватить его вовремя, ей нужно знать о нем больше. Доктор Лектер был уверен, что, когда он прочтет детальное описание преступлений, предположения возникнут сами собой и он сможет намекнуть… может быть, на что-то связанное с профессиональным обучением Гама в специнтернате для малолетних преступников, после того как он убил своих деда и бабку. Он отдаст Клэрис Джейма Гама завтра, и намек его будет столь прозрачен, что даже Джеку Крофорду трудно будет не понять, что

он имеет в виду. Завтра. Завтра он это сделает.

За спиной доктора Лектера раздались шаги, и кто-то выключил телевизор. Вот тележка слегка откинулась назад. Сейчас начнется долгая и скучнейшая процедура освобождения его от тенет посреди камеры. Это всегда происходит одинаково. Сначала Барни с помощниками мягко и осторожно укладывают его на койку, ничком. Затем Барни привязывает его щиколотки полотенцами к металлическому брусу в ногах кровати, снимает ножные путы и, прикрываемый двумя помощниками, вооруженными газовым баллончиком и дубинками, расстегивает пряжки на смирительной рубашке. Затем они, пятясь, водружают на место сеть, покидают камеру и запирают зарешеченную дверь, оставляя доктору Лектеру возможность самому выпутываться из тенет. Затем доктор меняет все это хозяйство на завтрак. Эту процедуру ввели после того, как доктор изуродовал медсестру; с тех пор процедура не менялась и устраивала обе стороны.

Сегодня заведенный порядок был изменен.

27

Легкий толчок — это тележка с доктором Лектером прокатилась через порог клетки. А в клетке на койке сидел доктор Чилтон собственной персоной и просматривал личную корреспонденцию доктора Лектера. Пиджак и галстук Чилтон снял. Доктор Лектер заметил, что на шее у Чилтона висит какая-то медаль.

— Поставьте его рядом с унитазом, Барни, — распорядился доктор Чилтон, не отрываясь от бумаг. — Вы и все остальные отправляйтесь к себе на пост, подождите там.

Доктор Чилтон закончил чтение самых последних писем, которые Лектер получил из Центрального психиатрического архива. Небрежно швырнув их на кровать, он вышел из клетки. Из прорезей маски вслед ему сверкнули глаза Лектера, но сам доктор Лектер не сделал ни малейшего движения.

Чилтон подошел к парте, все еще стоявшей в холле, и, с трудом нагнувшись, вытащил из-под сиденья небольшое подслушивающее устройство.

Он помахал им перед прорезями для глаз в маске доктора Лектера, вернулся в камеру и снова уселся на койку.

— Я подумал, может, она копает насчет нарушения прав человека в связи со смертью Миггза, вот и решил послушать, — сказал Чилтон. — Я вашего голоса сто лет уже не слыхал… По-моему, с тех пор, как вы мне тут голову морочили, отвечая на мои вопросы, а потом еще меня же и высмеяли в своих статьях в «Журнале». Трудно поверить, что мнение пациента принимается всерьез в профессиональных кругах, верно? Но я тем не менее все еще на своем месте. И вы тоже.

Доктор Лектер ничего не ответил.

— Годы молчания, но вот Джек Крофорд подослал к вам свою девчонку, а вы и размякли, верно? Что это вас так разобрало, а, Ганнибал? Стройные крепкие ноги? Или то, как у нее волосы блестят? Она потрясающая, правда? Потрясающая и недоступная — не дотянуться. Зимний закат, а не девушка, такой она мне представляется. Знаю, знаю, вы довольно давно уже не видели зимнего заката, но можете поверить мне на слово. У вас с ней остался еще один день. Потом за вас возьмется Балтиморское отделение по расследованию убийств. Они сейчас специально для вас

привинчивают стул в кабинете электрошоковой терапии. В стул вделан горшок со стульчаком — для вашего удобства и для их удобства тоже, когда к вам подведут провода. Я ничего не буду знать. Дошло до вас, Ганнибал? Или все еще нет? Они знают, Ганнибал. Они знают, что вам точно известно, кто такой Буффало Билл. Они полагают, что вы, по всей вероятности, его лечили. Когда я услышал, как мисс Старлинг упомянула Буффало Билла, я был озадачен. Я позвонил приятелю в Балтиморский отдел. Они нашли насекомое в горле Клауса, Ганнибал. Они знают — его убил Буффало Билл. Крофорд хочет, чтоб вы думали, что это вы умный. А я думаю, вы и представить себе не можете, как ненавидит вас Крофорд за то, что вы порезали его протеже. А теперь вы попались, теперь вы — в его руках. Ну как, вы все еще думаете, что это вы умный?

Доктор Лектер внимательно следил за взглядом Чилтона: тот рассматривал ремешки, закреплявшие хоккейную маску.

Ясно, Чилтону хочется снять с него маску, чтобы видеть выражение его лица. Интересно, как он это сделает — соблюдая правила безопасности? Сзади? Если спереди, ему придется тянуться к затылку доктора Лектера, и тогда внутренняя часть

его предплечий с голубыми, просвечивающими сквозь кожу венами окажется совсем близко от лица Лектера. Давай, Чилтон. Подходи поближе. Нет. Чилтон не решился.

— Вы что, и в самом деле думаете, что поедете куда-то, где будет окно? Что будете гулять по пляжу и на птичек любоваться? А я так не думаю. Я звонил сенатору Рут Мартин. Она и слыхом не слыхала про ваш с ней договор. Ей пришлось напомнить, кто вы такой. Она в жизни не слыхала про Клэрис Старлинг. Все вранье. От женщины можно ожидать вранья по мелочи, но ведь это ни в какие ворота не лезет, а, что вы скажете? Когда они выдоят вас до конца, Ганнибал, Крофорд подаст на вас в суд за недонесение о преступлении. Вы, разумеется, опять прикроетесь поправкой Макнафтена, да только теперь судье это не больно понравится. Вы тут сидели и молчали, а он тем временем шестерых укокошил. Так что теперь вряд ли придется рассчитывать на благосклонность судьи. Никакое окно вам не светит, Ганнибал. Проведете остаток жизни, сидя на полу в местном сумасшедшем доме и глядя, как мимо провозят тележку с грязными пеленками. Лишитесь зубов и последних сил. Вас перестанут бояться и даже выпустят в общее отделение.

Вы окажетесь где-нибудь, может, в еще более гнусной психушке, чем эта. Молодые будут вас толкать, может, и бить и опустят вас, если им этого захочется. А читать вы сможете только то, что написано на стенах. Думаете, суд вам поможет? Видали наших стариков? Рыдают, когда им пюре из абрикосов не по вкусу. Джек Крофорд и эта его поблядушка… Они объединятся в открытую, как только его жена отдаст концы. Он станет носить молодежные куртки и придумает, каким спортом ему заняться, чтоб можно было от этого кайф вместе получать. Да они спят уже с тех пор, как Белла слегла, — все об этом знают, не такие дураки кругом. Получат продвижение по службе, о вас и раз в году не вспомнят. Крофорд, возможно, сам захочет прийти под конец и сообщить вам, что вы получите. Плюс к тому, что вы уже имеете. Не сомневаюсь, он и речь уже подготовил. Ганнибал, он ведь не знает вас так, как знаю я. Он думал, что, если он у вас прямо попросит информацию, вы просто замучаете мать девушки.

«И правильно подумал, — мысленно отреагировал доктор Лектер. — И мудро к тому же. Это его тупое шотландско-ирландское лицо может кого угодно ввести в заблуждение. Но оно все в шрамах, надо только уметь их видеть. Что ж,

возможно, на нем найдется местечко еще для нескольких».

— Я знаю, чего вы боитесь. Не боли, не одиночества. Вы не переносите унижения собственного достоинства, Ганнибал, вы в этом смысле как кошка. Я честью поручился заботиться о вас, Ганнибал, и я это делаю. Никакие личные мотивы никогда не влияли на наши отношения, во всяком случае, с моей стороны. И сейчас я тоже забочусь о вас. Никакого договора с сенатором Мартин не существовало. Но сейчас такой договор заключен. Или может быть заключен. Я много часов просидел на телефоне из-за вас и из-за той девушки. И я сообщаю вам первое условие: вы будете говорить с кем бы то ни было только через меня. Только я буду иметь право опубликовать профессиональный отчет об успешном интервью с вами. Вы ничего не опубликуете. Только я буду иметь доступ к любым материалам, полученным от Кэтрин Мартин — эксклюзивно. Если ее спасут. Это условие не обсуждается. Вы ответите мне немедленно. Вы принимаете это условие?

Доктор Лектер усмехнулся про себя.

— Вам бы лучше ответить сейчас мне, иначе вы будете отвечать Балтиморскому отделу по расследованию убийств. Вот что получаете вы: если

вы укажете, кто такой Буффало Билл, и Кэтрин Мартин обнаружат вовремя, сенатор Мартин — и она подтвердит это по телефону — переведет вас в тюрьму штата Теннесси в Браши-Маунтин; вы, таким образом, будете вне досягаемости для мэрилендских властей. Вы окажетесь в сфере ее юрисдикции, далеко от Джека Крофорда. Вас поместят в суперохраняемую камеру, но там будет окно с видом на лес. Вы получите книги. Что касается пребывания на свежем воздухе — эти детали еще предстоит обсудить, но с ней можно договориться. Назовите его, и вас отправят незамедлительно. Вас передадут в руки полицейских властей штата Теннесси сразу же в аэропорту, согласие губернатора получено.

«Наконец Чилтон сказал что-то интересное, хоть сам и не знает, что именно. — Доктор Лектер поджал красные губы под хоккейной маской. — В руки полицейских властей.

Полиция не так умна и опытна, как Барни. Полицейские привыкли иметь дело с преступниками. Они используют кандалы и наручники. Кандалы и наручники открываются ключом. Точно таким, как мой».

— Его зовут Билли, — сказал доктор Лектер. — Остальное я сообщу сенатору. В Теннесси.

28

Джек Крофорд отказался от кофе, предложенного ему доктором Даниэлсоном, но взял чашку и приготовил себе «алка-зельцер». Для этого пришлось пройти к раковине из нержавеющей стали позади сестринского поста и налить в чашку воды из-под крана.

Все кругом было из нержавеющей стали: автомат с пластмассовыми чашками, стойка, контейнер для мусора, оправа очков доктора Даниэлсона. Блестящая сталь напоминала о посверкивании хирургических инструментов и вызывала у Крофорда непреодолимое ощущение грызущей боли где-то в паху.

Крофорд и доктор были одни в крохотной буфетной.

— Без постановления суда — нет, не можете, — повторил доктор Даниэлсон.

На этот раз он был тверд, даже резок, гостеприимство его, видимо, было исчерпано предложением выпить кофе.

Даниэлсон был главой Клиники по восстановлению тождественности пола при Университете

Джонса Хопкинса и согласился встретиться с Крофордом на рассвете, до начала утреннего обхода.

— Вам придется представить мне отдельный ордер на каждый отдельный случай, и мы будем опротестовывать каждый такой ордер. Что вам сказали в Колумбусе Миннесоте? Предполагаю, что то же самое.

— Департамент юстиции как раз сейчас направляет им запрос. Мы должны действовать быстро, доктор. Если он еще не убил эту девушку, он убьет ее скоро — сегодня вечером или завтра. Затем выберет себе очередную жертву, — сказал Крофорд.

— Одно упоминание о Буффало Билле в тесной связи с проблемами, которыми мы здесь занимаемся, мистер Крофорд, свидетельствует о невежественном, совершенно неправильном и даже несправедливом подходе. Более того — такой подход очень опасен. У меня просто волосы встают дыбом. В течение долгих лет — и процесс этот далеко не закончен — мы пытаемся доказать людям, что транссексуалы не сумасшедшие, не извращенцы, не гомосеки, что бы это слово ни означало…

— Но я этого и не…

— Постойте. Случаи насилия среди транссек-

суалов значительно более редки, чем среди остального населения. Это честные люди с реальной проблемой — проблемой, по общему мнению, неразрешимой. Они заслуживают помощи, и мы можем дать им эту помощь. Я не позволю устраивать здесь охоту на ведьм. Мы всегда оправдывали доверие наших пациентов и собираемся делать это в будущем. Вам лучше исходить именно из этого, мистер Крофорд.

Уже много месяцев подряд в своей частной жизни Крофорду из-за болезни жены приходилось иметь дело с врачами и медицинскими сестрами. Он научился строить отношения с ними так, чтобы не мытьем, так катаньем добиваться хотя бы самых малых преимуществ, способных облегчить Белле существование. Доктора, медицина вообще сидели у него в печенках. Но сейчас это была не частная жизнь. Это был Балтимор, это была работа. Нужно быть как можно более любезным.

— Очевидно, я недостаточно ясно выразился, доктор. Моя вина — раннее утро, а я лучше соображаю по вечерам. Все дело в том, что человек, которого мы разыскиваем, — вовсе не ваш пациент. Это должен быть кто-то, кому вы отказали, потому что убедились, что он не транссексуал. Мы здесь работаем не вслепую: я покажу вам,

какими специфическими характеристиками он мог бы отличаться от типично транссексуальных моделей в ваших реестрах личных диагнозов. Вот краткий перечень того, что вашим сотрудникам следует искать в характеристиках заявителей, которым было отказано в операции по изменению пола.

Читая перечень, доктор Даниэлсон потирал указательным пальцем одну сторону носа. Потом вернул бумагу Крофорду.

— Весьма оригинально, мистер Крофорд. На самом деле все это крайне причудливо, а это слово я употребляю не так уж часто. Могу ли я поинтересоваться, кто снабдил вас этим набором… догадок?

«Вот уж не думаю, что эта информация доставила бы вам удовольствие, уважаемый доктор Даниэлсон».

— Сотрудники отдела психологии поведения, — сказал Крофорд. — Кроме того, мы консультировались с доктором Блумом из Чикагского университета.

— Элан Блум одобрил это?

— Но мы полагаемся не только на тесты. Есть еще кое-что, помогающее выделить Буффало Билла из общих списков: вполне вероятно, что

он скрыл судимость, связанную с применением насилия, или попытался фальсифицировать какие-то иные факты своей биографии. Покажите мне тех, кого вы отвергли, доктор…

Даниэлсон отрицательно потряс головой. Впрочем, он делал это почти безостановочно на протяжении всего разговора.

— Материалы обследований и опросов — вещь сугубо конфиденциальная.

— Доктор Даниэлсон, как можно считать подлоги, искажение фактов вещью сугубо конфиденциальной? Как может выяснение настоящего имени преступника и настоящей его биографии считаться результатом взаимоотношений врача и пациента, если он никогда не сообщал вам об этом и вам пришлось выяснять это самим? Мне хорошо известно, как скрупулезен в этом отношении Университет Джонса Хопкинса. Я не сомневаюсь, что в практике вашей клиники встречались подобные случаи. Психически больные люди с пристрастием к хирургическим вмешательствам обращаются повсюду, где только имеются хирургические отделения. Это никак не влияет на репутацию лечебного заведения или его законных пациентов. А что вы думаете, к нам, в ФБР, психи не обращаются? Тут на днях в нашу

контору в Сент-Луисе явился один, в длинноволосом парике, с противотанковым гранатометом, двумя ракетами и медвежьим кивером в сумке для гольфа.

— Ну и что, вы взяли его на работу?

— Помогите мне, доктор Даниэлсон. Время поджимает. Пока мы тут стоим и беседуем, Буффало Билл, вполне возможно, совершает с Кэтрин Мартин то, что совершил с остальными.

И Крофорд положил на сверкающую стойку фотографии.

— Не надо. Это не поможет, — сказал доктор Даниэлсон. — Это детские штучки, меня не запугаешь. Я, знаете ли, был военным хирургом и не только работал в полевых госпиталях, но и участвовал в боевых действиях. Уберите эти ваши картинки в карман.

— Это точно. Хирург может спокойно смотреть на искалеченные трупы, — сказал Крофорд, смяв в руке пластиковую чашку и нажимая ногой педаль мусорного контейнера. — Но я не представляю себе, что врач может спокойно думать о том, что человека лишают жизни. — Он выбросил чашку и отпустил педаль. Крышка контейнера захлопнулась с грохотом, принесшим некоторое облегчение. — Вот самое лучшее из того, что я

могу вам предложить: я не стану просить вас представить информацию о пациентах, а только о заявлениях, отобранных в соответствии с представленными вам наметками. Вы сами и ваши психиатры из комиссии по рассмотрению заявлений гораздо быстрее разберетесь в отвергнутых документах, чем это мог бы сделать я. Если мы обнаружим Буффало Билла благодаря вашей информации, об этом никому не будет известно. Я найду иной путь, объясню все как-то иначе, и только это объяснение войдет в официальные документы.

— Что, Университет Джонса Хопкинса останется инкогнито, получив статус «свидетеля под защитой государства»? Или нам дадут другое название? Передадут клинику в Колледж Боба Джонса[43], например? Очень сомневаюсь, что ФБР, как, впрочем, и любое другое государственное учреждение, способно достаточно долго хранить тайну.

— Ваши сомнения необоснованны.

— Вряд ли. Попытки прикрыться неумелым бюрократическим враньем еще более опасны, чем неприглядная правда. Нет уж, лучше и не

---

[43] Сноски: 43

Имеется в виду Университет Боба Джонса в Гринвилле, штат Южная Каролина.

пытайтесь оберечь нас таким способом, благодарю покорно.

— Да нет, это я вас благодарю покорно, доктор Даниэлсон, за ваши иронические замечания. Они мне очень помогли, вы сейчас сами увидите, чем именно. Вы хотите правды. Как вам понравится такая: он похищает молодых женщин и сдирает с них кожу. Потом надевает ее на себя и резвится в свое удовольствие. Мы не хотим, чтобы он продолжал и дальше делать то же самое. Если вы откажетесь помочь нам, и помочь незамедлительно, вот что я с вами сделаю: сегодня же утром департамент юстиции публично обратится за постановлением суда, заявив, что вы отказались помогать нам. Мы будем запрашивать вас дважды в день — так, чтобы у службы новостей хватало времени включать сообщения об этом в утренние и вечерние передачи. Каждое сообщение из пресс-центра департамента юстиции будет включать информацию о том, что мы обращаемся к доктору Даниэлсону из Университета Джонса Хопкинса, пытаясь уговорить его помочь. В каждой программе новостей есть информация о деле Буффало Билла. Когда Кэтрин Мартин всплывет, а за ней еще одна и еще, мы дадим сообщение о том, чего добились в клинике доктора Дани-

элсона, и процитируем все ваши иронические замечания насчет Колледжа Боба Джонса и все, что вы тут наговорили. И еще одно, доктор. Вы знаете. Управление здравоохранения находится прямо здесь, в Балтиморе. Я подумал об отделе финансирования программ, и — так мне кажется — вы подумали о нем еще раньше, чем я. Разве не так? Что, если сенатор Мартин, как-нибудь вскоре после похорон дочери, задаст сотрудникам этого отдела такой вопрос: а не следует ли считать операции, которые вы тут делаете, косметическими? Вполне возможно, ребята из отдела почешут в затылках и решат: «А что, знаете, ведь сенатор Мартин права. Точно. Мы полагаем, что эти операции косметические». И ваша программа не получит больше государственных ассигнований, потому что ее квалифицируют на том же уровне, что операции по изменению формы носа.

— То, что вы говорите, оскорбительно.

— Нет, я всего лишь говорю правду.

— Нечего меня запугивать и незачем на меня давить…

— Хорошо. Я не хочу делать ни того ни другого, доктор. Я лишь хочу, чтобы вы поняли — я говорю серьезно. Помогите мне, доктор. Пожалуйста.

— Вы сказали, что сотрудничаете с доктором

Эланом Блумом.

— Да. Из Чикагского университета.

— Я знаю Элана Блума и хотел бы обсудить с ним этот вопрос на профессиональном уровне. Предупредите, что я позвоню ему сегодня утром. Мне тоже небезразлично, что случится с этой девушкой, мистер Крофорд. И с другими. Но на карту поставлено слишком многое, и боюсь, что вы не вполне адекватно судите об этом… Мистер Крофорд, как давно вам измеряли кровяное давление?

— Я сам его себе измеряю.

— И лекарства сами себе прописываете?

— Это запрещено законом, доктор Даниэлсон.

— Но у вас есть постоянный врач?

— Да.

— Расскажите ему о результатах измерений, мистер Крофорд. Какая невосполнимая потеря для всех нас, если вы вдруг покинете нас навсегда… Я позвоню вам попозже утром.

— Попозже — это когда, доктор? Через час, например?

— Через час.

Дистанционный сигнализатор Крофорда заработал, как раз когда он вышел из лифта на первом этаже. Джефф, водитель, махал ему из

машины, и Крофорд кинулся к ней бегом. Она убита, ее нашли, подумал он, хватая трубку. Звонил директор. Новости были не самые плохие, но хуже бывает редко: в дело вмешался Чилтон, а теперь за него взялась и сама Рут Мартин. Главный прокурор штата Мэриленд в соответствии с инструкциями, полученными от губернатора, разрешил выдачу доктора Ганнибала Лектера штату Теннесси. Понадобился бы нажим со стороны Федерального суда, его представителей в округе Мэриленд, чтобы отменить или хотя бы задержать выдачу. Директору необходимо было знать мнение Крофорда, и немедленно.

— Не вешайте трубку, — сказал Крофорд.

Он опустил трубку на колени и устремил взгляд в окно.

Первый свет раннего февральского утра почти лишен красок. Все вокруг серое. Мрачное.

Джефф начал было что-то говорить, но Крофорд поднял руку, прося тишины.

Чудовищное эго Лектера. Амбиции Чилтона. Страх сенатора Мартин за жизнь дочери. Жизнь Кэтрин Мартин.

Все вместе.

— Пусть забирают, — сказал он в трубку.

29

На восходе солнца доктор Чилтон и три сотрудника дорожной полиции штата Теннесси в тщательно отутюженной форме стояли рядышком на продуваемой всеми ветрами взлетной полосе, стараясь перекричать шум радиопереговоров, доносящийся из открытой двери самолета, и урчание мотора медицинской перевозки, ожидавшей у трапа.

Старший из полицейских, в чине капитана, подал Чилтону ручку. Бумаги трепетали и загибались под ветром, и полицейскому приходилось разглаживать их на планшете ладонями.

— Слушайте, а нельзя все это сделать в самолете? — спросил Чилтон.

— Сэр, все документы должны быть оформлены в тот самый момент, как совершается физическая передача… Таковы полученные мной инструкции.

Второй пилот закончил укреплять грузовой трап и крикнул вниз:

— Порядок!

Полицейские и доктор Чилтон подошли и

встали вместе у задних дверей перевозки. Когда Чилтон открывал двери, полицейские напряглись, словно ждали, что оттуда что-то выскочит прямо на них.

Доктор Ганнибал Лектер стоял выпрямившись на своей тележке, как обычно, опутанный сетчатыми тенетами и в хоккейной маске. В данный момент он опорожнял мочевой пузырь в утку, подставленную Барни.

Один из полицейских фыркнул. Другие двое отвернулись.

— Извините, — произнес Барни и закрыл двери.

— Не беспокойтесь, Барни, — сказал доктор Лектер, — я вполне закончил, благодарю вас.

Барни привел в порядок одежду доктора Лектера и подкатил тележку к задней двери машины.

— Барни?

— Да, доктор Лектер?

— Вы все это долгое время по-доброму обращались со мной. Благодарю вас.

— Не стоит благодарности, доктор Лектер.

— Когда Сэмми в следующий раз придет в себя, скажите ему: я хотел с ним попрощаться.

— Обязательно.

— Прощайте, Барни.

Огромный санитар толчком растворил двери и крикнул полицейским:

— Ребята, возьмитесь за низ тележки с обеих сторон, идет? Так. Ставим на землю… Осторожно.

Барни вкатил доктора Лектера по трапу в самолет. С правой стороны салона три кресла были убраны. Второй пилот закрепил тележку ремнями за скобы для крепления кресел.

— Он полетит лежа? — спросил один из полицейских. — А резиновые штаны ему надели?

— Придется тебе придержать водичку до Мемфиса, браток, — сказал второй.

— Доктор Чилтон, могу я поговорить с вами? — спросил Барни.

Они стояли у самолета, а ветер вздувал рядом с ними крохотные смерчи из пыли, мелкого мусора и обрывков бумаги.

— Эти ребята ничего не понимают, — сказал Барни.

— Мне пришлют профессиональных помощников в Мемфисе, опытных санитаров из психиатрической больницы. Теперь они за него в ответе.

— Как вы думаете, они хорошо будут с ним обращаться? Вы ведь знаете, какой он. Его можно напугать, только пригрозив ему скукой. Больше он ничего не боится… Бить его не имеет смысла.

— Я такого никогда бы не допустил, Барни.

— Вы будете присутствовать на его допросе?

— Да.

«Зато тебя там не будет», — добавил Чилтон про себя.

— Я мог бы помочь устроить его там, в Мемфисе, и вернуться за пару часов до начала моей следующей смены, — предложил Барни.

— Теперь это уже не ваше дело, Барни. Я сам там буду. Я покажу им, что надо делать, прослежу за каждым шагом.

— Пусть они на все мелочи обращают внимание, — сказал Барни. — На все. Он-то ничего не упустит.

30

Клэрис Старлинг сидела на краешке кровати в номере мотеля, не сводя глаз с черного телефонного аппарата. Сидела уже целую минуту после того, как Крофорд повесил трубку. Волосы у нее спутались, а казенная ночная рубашка перекрутилась на талии — таким неспокойным был слишком краткий сон. Ощущение было такое, будто ей со всего размаху двинули ногой в живот.

Прошло всего три часа с тех пор, как она ушла от доктора Лектера, и два — как они с Крофордом закончили составление перечня характеристик для сравнения с диагнозами заявителей в медицинских центрах. За то короткое время, что она спала, доктор Фредерик Чилтон ухитрился завалить все дело. Сейчас Крофорд за ней заедет. Надо быть готовой. Надо думать только о том, чтобы быть готовой.

Черт возьми! Черт ВОЗЬМИ! ЧЕРТ ВОЗЬМИ! Вы же ее убили, доктор Чилтон. Ты убил ее, доктор Дерьмячья Морда. Лектер много еще чего знает, и я могла бы это у него выяснить. А теперь все

пропало. Все пропало. Все было напрасно. Ну, если только Кэтрин Мартин всплывет!.. Я добьюсь, чтоб ты ее увидел своими глазами. Слово даю. Отнял у меня это дело. Стоп. Нужно сейчас же заняться чем-нибудь полезным. Прямо сейчас. Сию минуту. Что я могу сделать прямо сейчас? Сию минуту? Привести себя в порядок.

В ванной — разные сорта мыла в бумажной обертке, шампунь, лосьон, крем и небольшой набор швейных принадлежностей: в хороших мотелях хорошо заботятся о постояльцах.

Встав под душ, Старлинг, словно во вспышке молнии, увидела себя малолеткой, несущей матери полотенца, куски мыла в бумажной обертке и флаконы с шампунем, когда та убирала номера в мотеле, где работала. Когда Клэрис было восемь лет, туда повадилась ворона, одна из стаи, прилетавшей в их затхлый городишко вместе с резким и пыльным ветром. Ворона эта наловчилась таскать мелкие вещи с тележки горничной. Тащила все, что блестит. Терпеливо ждала удобного случая, а затем усаживалась на тележку и принималась копаться среди множества вещей, необходимых для уборки. Иногда ей приходилось спешно покидать поле боя, и, улетая, она пачкала чистое белье. Кто-нибудь из уборщиц порой

швырял в ворону отбеливателем, нимало ее этим не отпугивая. Только белая россыпь пятен покрывала иссиня-черные перья птицы. Черно-белая ворона всегда следила за Клэрис, дожидаясь, когда девочка отойдет от тележки — отнести что-нибудь нужное матери, когда та мыла ванную. Именно в дверях такой ванной мать и сказала Клэрис, что той придется уехать от них и жить в Монтане. Потом мать отложила полотенца, которые держала в охапке, села на край кровати и прижала Клэрис к себе. Старлинг до сих пор снилась эта ворона, а сейчас привиделась особенно четко, она даже и подумать не успела — почему вдруг? Рука сама собой поднялась — швырнуть чем-нибудь, а затем, оправдывая неожиданный жест, проследовала ко лбу и убрала с него мокрую прядь волос.

Оделась она очень быстро. Брюки, блузка, шерстяная безрукавка, короткоствольный револьвер удобно устроился под мышкой в своей плоской, словно блин, кобуре, скорозарядное устройство — на поясе с противоположной стороны. Над пиджаком, однако, следовало поработать. Шов на подкладке сильно потерся. Она решила взяться за работу. Заняться чем-то. Занять себя, работать, пока не придет спокойствие. Она взяла из ванной

швейные принадлежности и подшила подкладку. Некоторые агенты вшивают в полы пиджака шайбы, чтобы в них не запутывалась рука с револьвером; надо будет тоже так сделать…

В дверь постучал Крофорд.

31

Крофорду не раз приходилось иметь дело с разгневанными женщинами. Он знал: в гневе они выглядят взмокшими и взъерошенными. Волосы на затылке торчат перьями, лицо идет пятнами, молнии не застегнуты. Все неприглядные черты вылезают наружу, словно под увеличительным стеклом. Старлинг и тут не изменила себе: она выглядела прекрасно, хотя зла была как черт.

Крофорд чувствовал, что вот сейчас ему может открыться в ней нечто неожиданное, некая правда.

Она стояла на пороге; из открытой двери на него пахнуло влажным теплом и благоуханием хорошего мыла; постель была аккуратно застелена покрывалом.

— Что вы скажете, Старлинг?

— Я скажу — черт бы его побрал, мистер Крофорд! А вы что скажете?

Он сделал головой приглашающий жест:

— Кафе на углу уже открыто. Идемте выпьем кофе.

Утро было мягкое, совсем не похожее на фев-

ральское; они шли мимо больницы, и солнце, все еще низко стоявшее на востоке, ярко-красными лучами озаряло ее фасад. Джефф медленно следовал за ними в служебном фургоне, им было слышно, как потрескивает там радио. В какой-то момент он протянул в окно Крофорду телефонную трубку, и тот очень коротко с кем-то поговорил.

— А не могу я подать иск на Чилтона за то, что он препятствует исполнению закона?

Старлинг шла чуть впереди, и Крофорд видел: на щеках у нее напряглись желваки, когда она, задав этот вопрос, замолчала.

— Из этого ничего не выйдет.

— Что, если он погубил Кэтрин и она погибнет из-за него? С каким удовольствием я вцепилась бы ему в физиономию… Не отправляйте меня назад, в академию, мистер Крофорд. Позвольте и дальше заниматься этим делом.

— Два условия. Первое. Если я вас оставлю, то вовсе не для того, чтобы вы вцепились Чилтону в физиономию. Этим займетесь позже. Второе. Если я задержу вас надолго, вас оставят на повторный курс. Это будет стоить вам нескольких лишних месяцев. Академия не прощает небрежения — никому и никогда. Я могу гарантировать вам только, что вас возьмут обратно, но это все.

Место для вас будет, это я вам обещаю.

Она тряхнула головой, высоко подняв подбородок, затем снова потупилась, но шага не замедлила.

— Наверное, такие вопросы нельзя задавать начальству, невежливо, но… У вас неприятности? Сенатор Мартин… Ведь она может здорово вам напортить?

— Старлинг, мне через два года уходить на пенсию. Нашел я Джимми Хоффу и тайленолового убийцу[44], не нашел — я все равно должен буду уйти. Так что все остальное не имеет значения.

Крофорд, всегда точно знавший, чего он хочет, прекрасно отдавал себе отчет в том, как хочется ему быть всезнающим и мудрым. И он прекрасно понимал, что человек пожилой, стремящийся всегда казаться мудрым, может переиграть, переборщить, притвориться, а ложная мудрость смертельна для молодых, поверивших фальшивому наставнику. Поэтому он говорил очень взвешенно и только о том, что ему было хорошо известно.

---

[44] Сноски: 44

Джимми Хоффа — профсоюзный лидер, убит мафией (тело не было найдено). **Тайленоловый убийца** — в 1980-х годах в США некий маньяк стал добавлять в лекарства цианистый калий. В результате этого был ужесточен контроль за выпуском готовых лекарств. Преступника так и не поймали.

То, о чем он говорил ей на обшарпанной балтиморской улочке, он узнал в те долгие зимние рассветы, которые ему приходилось встречать в Корее во время войны, закончившейся еще до рождения Клэрис. Впрочем, о Корее он не упомянул, поскольку не нуждался в этом для упрочения своего авторитета.

— Сейчас очень трудное время, Старлинг. Используйте его с толком, и оно научит вас многому. Это самое трудное испытание — испытание гневом и отчаянием. Не позволяйте гневу и отчаянию помешать вам мыслить. В этом суть, от этого зависит, сможете вы или нет контролировать ситуацию. Командовать людьми. Глупость и равнодушие бьют сильнее всего. Чилтон туп как пробка. Его чертова глупость может стоить Кэтрин Мартин жизни. Но может быть, и нет. Ведь есть мы, мы — ее шанс, Старлинг. Кстати, какова температура жидкого азота в лабораторных условиях?

— Температура чего? А, жидкого азота… Приблизительно минус двести по Цельсию. Кипит при температуре чуть ниже этой.

— Вам приходилось замораживать что-нибудь с его помощью?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы вы вот прямо сейчас кое-что заморозили. Заморозьте все это дело с Чилтоном. Сохраните в памяти всю информацию, что получили от Лектера, но заморозьте чувства. Я хочу, чтобы вы видели только результат, Старлинг, сосредоточились на нем. Только он имеет значение. Вы добивались информации. Вы за нее заплатили. Вы ее получили. Теперь мы сможем ее использовать. Она стала не менее — или не более — важна оттого, что Чилтон влез в это дело. Просто теперь, скорее всего, мы от Лектера больше ничего не получим. Возьмите сведения о Буффало Билле, которые получили от Лектера, сохраните эту информацию. Заморозьте все остальное: напрасные усилия, потери, Чилтона, собственный гнев. Заморозьте все это. Придет время — мы врежем Чилтону, век нас не забудет. Заморозьте все лишнее и уберите от себя подальше. Чтобы видеть только результат, Старлинг, только цель. Жизнь Кэтрин Мартин. И шкуру Буффало Билла. Не отрывайте глаз от цели. Если вы способны сделать это, вы мне нужны.

— Работать с медицинскими заключениями?

Они уже подошли к дверям кафе.

— Только если клиники начнут нам ставить палки в колеса и нам придется самим забрать у

них документы. Вы нужны мне в Мемфисе. Надо надеяться, Лектер все-таки сообщит сенатору Мартин что-то действительно ценное. Но я хочу, чтобы вы на всякий случай были рядом — вдруг ему надоест в игрушки с ней играть, может, он захочет поговорить с вами. А пока суд да дело, попробуйте почувствовать Кэтрин, поставить себя на ее место, понять, как мог Буффало Билл заметить ее. Вы ненамного старше Кэтрин Мартин, ее друзья могут вам рассказать что-то такое, чего не скажут человеку, больше, чем вы, смахивающему на полицейского. Но другие дела у нас тоже идут своим чередом. Интерпол работает над установлением личности Клауса. Когда мы получим результаты, можно будет проверить, с кем он был связан в Европе и в Калифорнии, где начался его роман с Бенджамином Распаем. Я еду в Университет Миннесоты — у нас там контакта не получилось, вечером буду в Вашингтоне. Теперь пойду возьму кофе. Свистните-ка Джеффу, пусть подъезжает. Ваш самолет через сорок минут.

Красные солнечные лучи прошли уже почти весь свой путь вниз по фонарным столбам. Тротуары все еще заливала фиолетовая тень. Когда Старлинг подняла руку — помахать Джеффу, — ладонь ее озарил солнечный свет.

Она чувствовала себя лучше, легче. Крофорд на самом деле оказался очень хорошим. Она понимала, что его вопрос по поводу азота был данью ее занятиям судебной медициной и задан, чтобы показать ей, что Крофорд помнит об этом и хочет сделать ей приятное. Но не только это: он хотел, чтобы включился выработанный на этих занятиях и вошедший в кровь и плоть навык дисциплинированного мышления. Интересно, неужели мужчины и вправду считают такой подход весьма тонким, думала она. Любопытно, эти вещи срабатывают, даже если видишь, на что они рассчитаны. Любопытно, как человек, наделенный даром руководить людьми, зачастую оказывается недостаточно проницательным.

На противоположной стороне улицы по ступенькам Балтиморской спецбольницы для невменяемых преступников спускался человек. В руке он нес обеденный термос.

Старлинг, повернувшись к Джеффу, сидевшему за рулем, произнесла одними губами: «Пять минут» — и бросилась через дорогу. Барни уже отпирал свой старый «студебекер».

— Барни.

Он обернулся к ней — лицо его было совершенно лишено выражения. Только глаза, может

быть, раскрылись чуть шире обычного. Он стоял, слегка расставив ноги, и казался еще огромнее в своей кожаной куртке.

— Доктор Чилтон сказал, что все это так просто сойдет вам с рук?

— А что еще он мог мне сказать?

— И вы поверили?

Угол рта у него поехал вниз, но он не ответил ни да ни нет.

— Я хочу попросить вас кое-что для меня сделать. Сделать прямо сейчас, не задавая никаких вопросов. Это моя личная просьба. Начнем с того, что я просто спрошу вас: что осталось в камере Лектера?

— Пара книг — «Радости поварского искусства», медицинские журналы. Все его судебные документы они забрали.

— А то, что на стенах висело, рисунки?

— Все на месте.

— Мне все это очень нужно, и я ужасно тороплюсь.

Он задумался на секунду, глядя на нее, затем сказал: «Подождите» — и побежал вверх по ступенькам, очень легко для человека такого огромного роста.

Крофорд уже сидел в машине и ждал, когда

Барни снова появился на ступенях со свернутыми в рулон рисунками, книгами и журналами, сложенными в полиэтиленовую сумку.

— Вы небось уверены, что я знал про того жучка в парте, точно? — спросил Барни, передавая ей сумку и рисунки.

— Подумаю об этом на досуге. Вот вам ручка, напишите мне свой номер телефона прямо здесь, на сумке. Барни, как вы думаете, они смогут правильно обращаться с доктором Лектером?

— У меня были сомнения на этот счет, и я так и сказал доктору Чилтону. Вспомните, что я вам сообщил об этом, если у него это вдруг из головы выскочит. А вы молодец, офицер Старлинг. Слушайте, когда поймаете Буффало Билла, знаете что?

— Ну?

— Не поручайте его мне, хоть у меня тут место освободилось, идет?

Барни улыбнулся. Зубы у него были ровные и мелкие, улыбка — как у ребенка.

Старлинг невольно широко улыбнулась ему в ответ и, убегая, обернулась и махнула ему на прощание рукой.

Крофорд был очень доволен.

32

Самолет с доктором Лектером приземлился в Мемфисе, отсалютовав двумя голубоватыми облачками дыма из-под колес. Следуя указаниям диспетчера, он послушно проехал к ангарам авиации Национальной гвардии, далеко за пределы пассажирского аэровокзала. Машина «Скорой помощи» и служебный лимузин ждали в первом ангаре.

Сенатор Рут Мартин наблюдала сквозь затемненное стекло лимузина, как полицейские выкатили доктора Лектера из самолета. Ей хотелось броситься к связанному человеку в хоккейной маске и вытрясти, вырвать у него необходимую информацию, но ей хватило ума удержаться.

В машине зажужжал телефон. Помощник сенатора Брайан Госсэдж потянулся к трубке с откидного места.

— Это ФБР, Крофорд, — сказал он.

Сенатор Мартин протянула руку за трубкой, не сводя глаз с доктора Лектера.

— Почему вы не сказали мне о докторе Лектере, мистер Крофорд?

— Боялся, что вы сделаете именно то, что делаете сейчас, сенатор.

— Я не собираюсь бороться с вами, мистер Крофорд. Если же вы попытаетесь бороться со мной, вы очень пожалеете об этом.

— Где сейчас Лектер?

— Я его ясно вижу.

— Он вас слышит?

— Нет.

— Сенатор Мартин, выслушайте меня. Вы хотите дать Лектеру личные гарантии — прекрасно. Но сделайте для меня вот что: позвольте доктору Элану Блуму проконсультировать вас, прежде чем схватиться с Лектером. Блум может помочь вам, поверьте мне.

— Я пользуюсь консультациями специалиста.

— Надеюсь, этот специалист лучше, чем Чилтон.

Доктор Чилтон постукивал пальцем в стекло лимузина.

Сенатор Мартин отправила Брайана Госсэджа взять его на себя.

— Междоусобицы — напрасная трата времени, мистер Крофорд. Вы послали к Лектеру неопытного новичка с липовыми предложениями. Я способна на большее. Доктор Чилтон утверждает,

что Лектер готов ответить на прямое и честное предложение. Я так и сделаю: никакого бюрократизма, никаких личных пристрастий, никаких вопросов о доверии и просьб сделать что-то в кредит. Если мы вовремя найдем Кэтрин, все будут выглядеть как ангелочки — вы в том числе. Если она… погибнет… тогда не ждите от меня извинений.

— В таком случае воспользуйтесь нашей помощью, сенатор Мартин.

Она не расслышала в его голосе гнева — только холодный профессионализм, совет экономить усилия; это она понимала и принимала. И ответила:

— Продолжайте.

— Если вы получите какие-то сведения, позвольте их нам разрабатывать. Проследите, чтобы нам сообщали все подробнейшим образом. Проследите, чтобы местная полиция делилась с нами информацией. Не позволяйте им думать, будто вам хочется, чтобы у нас были связаны руки.

— Сюда едет Пол Крендлер из департамента юстиции. Он проследит.

— Кто у вас отвечает за операцию?

— Майор Бахман из Бюро расследований штата Теннесси.

— Очень хорошо. Если еще не поздно, попробуйте добиться, чтобы в прессе не было никаких публикаций. Пригрозите Чилтону — он обожает быть в центре внимания. Не нужно, чтобы Буффало Билл хоть что-нибудь узнал. Когда мы его обнаружим, нам нужна будет ГОЗ — группа освобождения заложников. Мы хотим захватить его врасплох, избежать патовой ситуации. Вы собираетесь расспрашивать Лектера сами?

— Да.

— Не хотите сначала поговорить с Клэрис Старлинг? Она как раз едет к вам.

— Зачем? Доктор Чилтон конспективно изложил мне содержание беседы. Хватит нам валять дурака и ходить вокруг да около.

Чилтон опять постукивал в стекло, неслышно говоря что-то. Брайан Госсэдж взял его за кисть руки и отрицательно покачал головой.

— Мне нужно получить доступ к Лектеру, после того как вы с ним поговорите, — сказал Крофорд.

— Мистер Крофорд, он обещал назвать Буффало Билла в обмен на привилегии, на большие удобства, точнее говоря. Если он этого не сделает, можете забрать его себе со всеми потрохами.

— Сенатор Мартин, я понимаю, это очень личное, но я должен предупредить вас: что бы вы

ни делали, ничего у него не вымаливайте. Не унижайтесь.

— Хорошо. Я в самом деле не могу сейчас разговаривать. — Она повесила трубку. — Если я ошибаюсь, хуже, чем тем шестерым, которыми вы занимались, ей не будет, — пробормотала она и махнула рукой, приглашая в машину Чилтона и Госсэджа.

Доктор Чилтон заранее договорился, чтобы в Мемфисе беседа сенатора Мартин с Ганнибалом Лектером проходила в официальной обстановке, в соответствующим образом обставленном кабинете. Чтобы не тратить зря времени, для этой беседы была спешно переоборудована контора инструктора в ангаре Национальной гвардии.

Сенатору Мартин пришлось подождать в ангаре, пока доктор Чилтон устроит Лектера в кабинете. Она не могла больше оставаться в машине. Она шагала, машинально описывая небольшой круг под огромным сводом ангара, глядя вверх на мощные, высоко поднятые стропила, а затем снова вниз, на размеченный полосами пол. На минуту остановилась у старенького «Фантома F-4» и прижалась лбом к его холодному боку, там, где была надпись «ступени нет».

Этот самолет, должно быть, старше Кэтрин.

Господи, помоги!

— Сенатор Мартин!

Это ее окликнул майор Бахман. Чилтон кивал ей из двери.

В комнате стояли письменный стол для Чилтона и кресла для сенатора Мартин, ее помощника и майора Бахмана. Оператор с видеокамерой готовился снимать встречу. Чилтон уверял, что это было одним из требований доктора Лектера.

Когда сенатор Мартин вошла в комнату, она выглядела очень представительно. От ее синего костюма так и веяло властью. Ей удалось и Госсэджа несколько «подкрахмалить».

Доктор Ганнибал Лектер сидел в массивном дубовом кресле, привинченном к полу посреди комнаты, на значительном расстоянии от всех остальных. Плед прикрывал его смирительную рубашку и ножные путы и, кроме того, скрывал от глаз присутствующих цепи, которыми Лектер был прикован к креслу. И он по-прежнему был в хоккейной маске, не позволяющей кусаться.

«Зачем же это? — думала сенатор. — Ведь идея заключалась в том, чтобы позволить доктору Лектеру сохранить достоинство в официальной обстановке». Сенатор Мартин бросила взгляд на Чилтона и повернулась к Госсэджу, чтобы взять

бумаги.

Чилтон зашел Лектеру за спину и, взглянув прямо в объектив камеры, распустил ремни и весьма эффектно снял с Лектера маску.

— Сенатор Мартин, познакомьтесь с доктором Ганнибалом Лектером.

Поступок Чилтона, продиктованный вульгарным желанием покрасоваться, напугал Рут Мартин не меньше, чем все происшедшее со дня похищения ее дочери. Вера в правильность его суждений, которую она более или менее сохраняла до сих пор, сменилась леденящим душу подозрением, что Чилтон — непроходимый дурак.

Придется импровизировать на ходу.

Прядь волос упала доктору Лектеру на лоб и повисла меж каштанового цвета глазами. Лицо его было очень бледным, белым, как только что снятая маска. Сенатор Мартин и Ганнибал Лектер рассматривали друг друга: она — наделенная ярким интеллектом, он — способностями, к которым не подходили обычные человеческие мерки.

Доктор Чилтон вернулся к своему столу, оглядел всех и все вокруг и начал:

— Доктор Лектер довел до моего сведения, се-

натор, что он желает помочь расследованию, сообщив некоторые особо важные сведения, если будут учтены его собственные пожелания в отношении условий его содержания в заключении.

Сенатор Мартин подняла в руке документ:

— Доктор Лектер, это официальное обязательство, которое я подпишу на ваших глазах. В нем говорится, что я обязуюсь помочь вам. Хотите прочесть?

Ей показалось, он не собирается отвечать, и она повернулась к столу — подписать бумагу, когда он произнес:

— Я не стану тратить ваше время и время Кэтрин на то, чтобы выторговывать мелкие уступки. Карьеристы и так уже заставили нас потерять время. Я помогу вам сейчас, поверив, что вы поможете мне, когда все это закончится.

— Вы вполне можете рассчитывать на это. Брайан?

Госсэдж приготовил блокнот.

— Имя Буффало Билла — Уильям Рубин. Он известен как Билли Рубин. Его рекомендовал мне в апреле или мае тысяча девятьсот семьдесят пятого года мой пациент Бенджамин Распай. Он говорил, что живет в Филадельфии, адреса я не помню, но в Балтиморе он жил у Распая.

— Где находятся ваши записи? — вмешался майор Бахман.

— Мои записи были уничтожены по постановлению суда после того, как…

— Как он выглядел? — спросил майор Бахман.

— Вы не возражаете, майор? Сенатор Мартин, единственное…

— Сообщите возраст и физические данные, все, что вы помните об этом человеке, — потребовал майор Бахман.

Доктор Лектер просто-напросто ушел от них. Он стал думать совсем о другом: об анатомических этюдах Жерико к картине «Плот Медузы»[45], — и если даже и слышал последовавшие затем вопросы, не подал и виду, что слышит.

Когда Рут Мартин удалось снова привлечь внимание доктора Лектера, они остались в комнате одни. Она держала на коленях блокнот Госсэджа.

Глаза доктора Лектера внимательно смотрели на нее.

— От вашего флажка пахнет сигарами, — сказал он. — Вы сами кормили Кэтрин?

---

[45] Сноски: 45

Жерико Теодор (1791–1824) — французский художник романтической школы. Одно из главных произведений — «Плот Медузы» — написано на злободневный сюжет: трагедия оказавшихся в океане на плоту пассажиров фрегата «Медуза», погибшего по вине правительства.

— Простите? Я — что?..

— Вы кормили Кэтрин грудью?

— Да.

— Вызывает жажду, верно?..

У нее потемнели зрачки, и, пригубив от ее боли, доктор Лектер нашел, что это поразительное наслаждение. На сегодня достаточно, решил он и продолжил:

— Уильям Рубин примерно метр восемьдесят пять ростом, сейчас ему должно быть около тридцати пяти лет. Он крупного телосложения, весил около девяноста килограммов, когда я его знал, и с тех пор, вероятно, еще набрал в весе. Волосы у него каштановые, глаза — светло-голубые. Отдайте им это, и мы продолжим.

— Да, разумеется, — сказала сенатор Мартин и передала блокнот в открытую дверь.

— Я видел его только один раз. Он должен был явиться на прием снова, но так и не пришел.

— Почему вы полагаете, что именно он — Буффало Билл?

— Он уже тогда убивал людей и делал с ними нечто подобное — с анатомической точки зрения. Он говорил, что мечтает, чтоб ему помогли покончить с этим, но в действительности вовсе этого не хотел. Ему просто надо было с кем-то

обслюнявить эту тему, потрепаться.

— И вы не… Он был уверен, что вы не выдадите его полиции?

— Он полагал, что я этого не сделаю, и, кроме того, он любит рисковать. Я же оказал честь его приятелю Распаю, храня в тайне откровения этого жирного флейтиста.

— Распай знал, что он способен на такое?

— Аппетит Распая разжигали всяческие подонки, его постоянно тянуло в грязь, он весь был покрыт шрамами. Билли Рубин сказал мне, что у него была судимость, но не сообщил подробностей. Я записал его анамнез, очень кратко. Ничего особенного, кроме одного: Рубин сказал мне, что когда-то страдал anthracosis eburnea[46]. Вот все, что я помню, сенатор Мартин, кроме того, я полагаю, вам не терпится уйти. Если что-то еще придет мне в голову, я дам вам знать.

— Это Билли Рубин убил человека, голова которого была обнаружена в машине?

— Думаю, да.

— Вы знаете, кто он такой?

— Нет. Распай называл его Клаусом.

---

[46] Сноски: 46

Anthracosis eburnea — специфическая форма легочного заболевания вследствие вдыхания мельчайших частиц при обработке слоновой кости.

— То, что вы сообщили ранее ФБР, соответствует действительности?

— Не менее, чем то, что ФБР сообщило мне, сенатор Мартин.

— Я договорилась о некоторых временных послаблениях здесь, в Мемфисе. Мы поговорим о вашем положении, и вы поедете в Браши-Маунтин, когда все это… Когда мы уладим это дело.

— Благодарю вас. Я хотел бы иметь телефон. Если мне что-то придет в голову…

— Телефон у вас будет.

— И музыку. Гленн Гульд. «Гольдберг-вариации» Баха. Я не слишком многого требую?

— Хорошо.

— Сенатор Мартин, не доверяйте руководство целиком одному ФБР. Джек Крофорд не склонен вести честную игру с другими агентствами. Это ведь все только игра для людей его типа. Он решил, что именно он должен арестовать Билли Рубина. У них это называется «взять за шкирку».

— Спасибо, доктор Лектер.

— Прелестный костюм, — сказал доктор Лектер ей вслед.

33

В огромном подвале Джейма Гама одно помещение переходит в другое без видимой логики и порядка — в таких лабиринтах мы иногда безнадежно плутаем во сне. Когда (сотни жизней тому назад) он был застенчив и робок, мистер Гам больше всего наслаждался, укрываясь в самых потаенных комнатах своего подземелья, подальше от лестниц. Здесь есть комнаты в дальних уголках, комнаты из других жизней, их он не открывал с давних пор. Некоторые из них все еще обитаемы, заняты, так сказать, хотя звуки, доносившиеся оттуда, из-за дверей, достигли своего пика и истаяли давным-давно.

Уровень пола в разных комнатах разный, выше или ниже почти на целый фут. Приходится перешагивать через порожки, пригибаться под притолоками. Тяжелые вещи очень трудно тащить и практически невозможно катить по такому полу. Гнать что-то перед собой — а оно спотыкается, плачет и умоляет и стукается обалделой головой обо что попало — очень трудно, даже опасно.

Став гораздо мудрее и обретя уверенность в себе, мистер Гам понял, что ему вовсе нет надобности делать то, что нужно, в потаенных уголках подвала. Теперь он пользуется несколькими подвальными помещениями прямо у лестницы, а это просторные комнаты с водопроводом и электричеством.

Сейчас подвал погружен в темноту.

Под усыпанным песком полом, в тайнике, затихла Кэтрин Мартин.

Мистер Гам тоже в подвале, только в другом помещении.

Комната за лестницей темна для человеческого взгляда, но наполнена множеством чуть слышных звуков. Тихо журчит вода и вздыхают небольшие насосы. Звуки тихим эхом отражаются от стен, и комната кажется очень большой. Воздух прохладный и влажный. Ощущаешь запах листьев, зелени. Трепет крыльев у щеки, тихое пощелкивание в воздухе. Тихое посапывание, вздох наслаждения — это уже человек.

Комната лишена световых волн, воспринимаемых человеческим зрением, но мистер Гам и здесь видит все прекрасно, хотя все представляется ему в более или менее интенсивных оттенках зеленого цвета. Он в очках, он надел

замечательные инфракрасные очки (куплены на распродаже израильского армейского имущества меньше чем за четыреста долларов) и направил инфракрасный луч фонарика на затянутую сеткой клетку, перед которой сидит. Сидит он на краешке стула с прямой спинкой, весь напрягшись, наблюдая за насекомым в клетке, взбирающимся на зеленое растение. Имаго, совсем неопытное и юное, только что выбралось из кокона, упрятанного во влажный земляной пол клетки. Оно осторожно взбирается по крепкому стеблю паслена, отыскивая местечко, где можно расправить влажные неокрепшие крылья, все еще плотно сложенные на спине. Вот оно находит горизонтальную веточку.

Мистер Гам закидывает назад голову, иначе ему не видно. Постепенно, понемногу крылья наполняются воздухом и живыми соками. Но они пока еще сложены над спинкой насекомого.

Проходит два часа. Мистер Гам почти недвижим. Он то включает, то выключает инфракрасный фонарик: ему хочется испытать удивление, увидев, как далеко зашел процесс взросления насекомого. Чтобы убить время, он водит лучом фонаря по комнате, высвечивая огромные аквариумы, полные растительного дубильного

раствора. На специальных формах и растяжках в аквариумы погружены его последние приобретения — стоят, словно обломки классических статуй под зелеными водами моря. Луч фонаря скользит по оцинкованному рабочему столу с металлическим подголовником и разбрызгивателем, по стокам, по подъемному устройству над столом. У стены — длинные промышленные раковины-ванны. Все зеленое, призрачное в луче профильтрованного инфракрасного света. Трепет крыльев, фосфоресцирующее свечение, словно хвосты крохотных комет: ночные бабочки в свободном полете в темной комнате.

Он переводит луч фонаря на клетку — самое время. Крылья огромного насекомого расправлены над спиной, скрывая и уродуя характерные отметины. Но вот бабочка опускает крылья, словно плащом окутывая тело, и знаменитый узор ясно виден. Человеческий череп, чудесным образом изображенный на пушистой спинке, смотрит оттуда дырами глазниц. Черные дыры глазниц под затененным куполом черепа, над широкими скулами. Под скулами темная полоса, словно кляп, заклеивший рот, сразу над нижней челюстью. Череп опирается на пятно, формой напоминающее верхнюю часть человеческого таза.

Череп над тазовыми костями, изображенный на спине ночной бабочки по капризу природы.

Мистер Гам ощущает необычайное удовольствие и легкость. Он наклоняется к клетке и дует, чтобы теплый воздух коснулся бабочки. Она приподнимает заостренный хоботок и издает сердитый резкий звук.

Мистер Гам тихонько выходит в помещение с тайником, освещая себе путь фонариком. Он дышит открытым ртом, чтобы дыхание не было слишком громким. Он вовсе не желает, чтобы шум из колодца нарушил его прекрасное настроение. Линзы его очков на выступающих тубусах похожи на выдвинутые вперед глаза краба. Мистер Гам понимает, что выглядит не слишком привлекательно в этих очках, но в них так весело играть в подвальные игры, он с их помощью провел в темном подвале немало приятных часов.

Материал лежит на боку, свернувшись улиткой. Кажется, спит. Туалетное ведро стоит рядом. На этот раз дура не оборвала веревку, по-глупому пытаясь взобраться по гладким стенам. Во сне она накрыла лицо углом матраса и сосет палец.

Разглядывая Кэтрин, водя фонариком взад и вперед по ее телу, мистер Гам готовит себя к решению очень важных проблем.

Человеческая кожа дьявольски трудна для обработки, если ваши требования столь же высоки, как требования мистера Гама. Нужно отважиться на фундаментальные структурные решения, и первое из них — где вшить молнию.

Он скользит лучом вдоль спины Кэтрин. В нормальных условиях он поместил бы застежку на спине, но тогда как ему натянуть это на себя в одиночку? Это ведь совсем не тот случай, когда можно попросить кого-нибудь помочь, хотя мысль об этом ужасно увлекательна. Он знает такие места, такие компании, где его труды вызвали бы восхищение… яхты, на которых он мог бы покрасоваться… Но с этим надо подождать. Надо делать такие вещи, с которыми можно сладить в одиночку. Резать перед по центру — просто святотатство, эту мысль он сразу же выбросил из головы.

Мистер Гам не может судить о качестве кожи Кэтрин в инфракрасном луче, но ему кажется — она похудела. По-видимому, она как раз сидела на диете, когда попала к нему.

По опыту он знал, что нужно выждать дня четыре, а то и неделю, прежде чем снимать кожу. Быстрая потеря веса делает кожу менее плотно натянутой, ее тогда легче снять. Вдобавок голода-

ние лишает материал сил, и управляться с ним тогда много легче. Он становится более покладист. А некоторые впадают в тупую покорность. В то же время надо их все-таки как-то подкармливать, чтобы избежать приступов отчаяния и истерик, а то еще кожа может оказаться испорченной.

Материал явно потерял в весе. На этот раз ему попался совершенно особый, очень существенный для его планов материал, терпения не хватит долго ждать. Да и незачем. Завтра днем он займется этим. Или завтра вечером. В крайнем случае послезавтра. Скоро.

34

Клэрис Старлинг сразу узнала указатель на «Виллы Стоунхендж»: его столько раз показывали в телевизионных программах. Дома этого жилого комплекса в восточной части Мемфиса — и многоквартирные, и небольшие, на одну семью, — буквой «П» обнимали огромную автомобильную стоянку.

Старлинг поставила арендованный в Мемфисе «шевроле» посередине стоянки. Здесь, в этом районе, обитали хорошо оплачиваемые рабочие и техники, мелкие управленцы, об этом свидетельствовали марки стоявших здесь автомобилей. Автоприцепы для отдыха в выходные дни, моторные лодки и водные лыжи, блистающие фосфоресцирующей краской, были видны повсюду в специальных секциях стоянки.

«Виллы Стоунхендж» — от этой надписи мороз по коже подирал каждый раз, как она попадалась Старлинг на глаза. Дома, должно быть, полны белой плетеной мебели и розоватых ворсистых ковров. На журнальных столиках, под стеклом, — фотографии. На полке — поваренная книга «Обед

для двоих» и «Меню из яиц и сыра». Старлинг, чей единственный дом — комната в общежитии Академии ФБР, была весьма суровым критиком мещанского уюта.

Ей нужно было как следует узнать Кэтрин Бейкер Мартин, а этот район казался не слишком подходящим местом для дочери сенатора. Старлинг прочла краткую биографическую справку, составленную ФБР; из собранного конторой материала выходило, что Кэтрин Мартин — способная, но вечно неуспевающая студентка. Она провалилась при поступлении в Фармингтонский университет, провела два неудачных года в Миддлберийском, а теперь училась в Юго-Западном университете и работала учительницей-практиканткой.

Старлинг легко было вообразить ее погруженной в себя девицей из школы-пансиона, безразличной и невосприимчивой — из тех, кто не умеет слушать. Старлинг знала, что ей следует быть в этом отношении очень осторожной, не давать воли предубеждениям и предрассудкам. Старлинг тоже отбыла свой срок в нескольких таких школах, живя на стипендию; отметки ее были много лучше, чем одежда. Она знала детей из богатых, но неблагополучных семейств: они

почти никогда не уезжали из школы домой. На многих из них ей было совершенно наплевать, но мало-помалу она поняла, что невнимание и невосприимчивость бывают иногда сознательно избранным средством оградить себя от боли и часто неверно понимаются как отсутствие глубины и безразличие ко всему и вся.

Лучше думать о Кэтрин как о ребенке в лодке под парусом рядом с отцом — так ее показывали по телевидению, когда передавали обращение сенатора Мартин. Интересно, старалась ли Кэтрин в детстве угодить отцу? Что она делала, когда к ней пришли и сказали, что отец умер от сердечного приступа? Ему было всего сорок два года. Старлинг не сомневалась, что Кэтрин недостает отца. Тоска по отцу, эта общая беда, сближала Старлинг с незнакомой девушкой.

«Очень важно, чтобы Кэтрин мне нравилась, — думала Старлинг. — Легче будет работать».

Старлинг сразу увидела, где находится квартира Кэтрин: перед входом стояли две патрульные машины полиции штата. На стоянке вблизи дома виднелись пятна беловатого порошка. Видимо, Бюро расследований штата Теннесси снимало пятна машинного масла при помощи пемзы или какого-то другого инертного порошка. Крофорд

говорил, что ТБР здорово работает.

Старлинг прошла к прогулочным машинам и лодкам, припаркованным в специальной секции стоянки перед квартирой Кэтрин. Вот здесь Буффало Билл схватил ее. Совсем близко от двери, ведь она ее даже не заперла, когда вышла на улицу. Что-то заставило ее выйти. Выманило наружу.

Значит, он так все обставил, что у нее не возникло ни малейших подозрений.

Старлинг знала: мемфисская полиция провела тщательный опрос жителей ближайших домов — никто ничего не заметил, значит, все это могло произойти за высокими автоприцепами. Должно быть, он оттуда следил за ней. Сидел в какой-нибудь машине, не иначе. Но Буффало Билл знал, что Кэтрин живет здесь. Он, наверное, заметил ее где-нибудь и выслеживал, поджидая благоприятного момента. Такие крупные девушки нечасто встречаются. Он не стал бы просто так сидеть и ждать где попало, мог ведь так и не дождаться, чтобы к нему навстречу вышла женщина нужного размера. Пришлось бы уйму времени зря потратить.

Все его жертвы — крупные женщины. Все большого размера. Некоторые толстые. Но все очень

крупные. «Костюм должен быть впору». Старлинг передернуло, когда она вспомнила слова доктора Лектера. Доктор Лектер — новый обитатель Мемфиса.

Старлинг набрала в грудь побольше воздуха, надула щеки и сделала долгий медленный выдох. «Посмотрим, что можно сказать о Кэтрин».

Высокий парень в форме полиции штата и широкополой офицерской шляпе открыл ей дверь квартиры Кэтрин Бейкер Мартин. Когда Старлинг показала ему свои документы, он жестом пригласил ее войти.

— Мне нужно осмотреть помещение, — сказала она.

«Помещение» показалось ей вполне подходящим словом для разговора с человеком, который, находясь в доме, не счел нужным снять шляпу.

Он кивнул.

— Если телефон зазвонит, не снимайте трубку. Я сам отвечу.

В кухне, на стойке, она заметила телефонный аппарат с подсоединенным к нему магнитофоном. Рядом с ним два новых аппарата, один — без диска, без кнопок: прямая связь с южным отделением компании «Белл секьюрити», обеспечивающей отслеживание телефонных

разговоров в центральных штатах Юга.

— Могу я чем-нибудь помочь вам? — спросил ее молодой полицейский.

— Полиция закончила осмотр?

— Квартиру уже передали в распоряжение родственников. Я здесь только из-за телефона. Можете трогать все, что угодно, если вы это имеете в виду.

— Отлично. Тогда я начну осмотр.

— Давайте.

Полицейский извлек из-под дивана засунутую им туда газету и удобно расположился на своем прежнем месте.

Нужно было сосредоточиться. Хотелось остаться в квартире одной, но Старлинг понимала, что ей еще здорово повезло: квартира могла быть битком набита полицейскими.

Она начала с кухни. Кухня явно принадлежала весьма легкомысленной хозяйке. Кэтрин пошла домой за воздушной кукурузой, сообщил полиции ее приятель. Старлинг открыла морозилку. Там лежали две коробки воздушной кукурузы, нужно было только поместить кукурузу в микроволновую печь, и все. Из кухни стоянку не было видно.

— Вы сами откуда?

Старлинг не сразу поняла, что вопрос адресован ей.

— Вы сами откуда?

Полицейский наблюдал за ней с дивана, глядя поверх газеты.

— Из Вашингтона, — ответила она.

Под раковиной — ага, царапины на колене трубы. Значит, они снимали сифон и проверяли содержимое. Молодцы они там, в ТБР. Ножи тупые. Машиной для мойки посуды пользовались, но посуду не вынули. В холодильнике — творог и фруктовые салаты. Кэтрин Мартин покупала полуфабрикаты, чтобы не тратить времени на готовку. Скорее всего, в одном и том же магазине, может быть в «драйвине», куда можно подъехать и купить продукты, не выходя из машины. Где-нибудь рядом с домом. Может, кто-то следил за магазином. Стоит проверить.

— Вы из прокуратуры?

— Нет, из ФБР.

— Генеральный прокурор должен приехать, на инструктаже говорили. Вы давно в ФБР?

В отделении для овощей лежал резиновый кочан капусты. Старлинг перевернула его и осмотрела вделанный в него футляр для драгоценностей. Пусто.

— Вы давно в ФБР?

Старлинг взглянула на парня:

— Послушайте, знаете что? Мне, возможно, надо будет задать вам кое-какие вопросы, когда я закончу осмотр помещения. Может, вам придется мне помочь.

— Конечно, если смогу.

— Прекрасно. Очень хорошо. Тогда давайте подождем и после поговорим подробно, хорошо? А то мне нужно подумать над всем этим.

— Да ладно, это без проблем.

Спальня была светлой, полной солнечной, лучистой дремы — это всегда нравилось Клэрис. Обивка и покрывало, как и вся мебель, были гораздо дороже, чем большинство молодых женщин могли бы себе позволить. Индийская ширма, две изящные эмали на полке и отличный ореховый секретер. Две кровати. Старлинг приподняла покрывала. Ролики у левой кровати зафиксированы, у правой — нет. «Кэтрин, скорее всего, сдвигает их, когда ей это удобно. Может быть, у нее есть любовник, о котором не знает этот ее приятель. А может, они иногда остаются здесь вдвоем. На автоответчике у нее нет дистанционного сигнализатора. Надо быть тут, когда мамочка звонит».

Автоответчик был точно такой, как у Старлинг. Она открыла верхнюю панель. Кассет не было. Вместо них лежала записка: «Кассеты конфискованы ТБР, № 6».

Комната была аккуратно прибрана, но казалась какой-то взъерошенной: те, кто проводил обыск, мужчины с большими руками, пытались вернуть все на свои места точно как было, но промахивались самую малость. Старлинг могла сказать, что тут производили обыск, даже если бы на всех гладких поверхностях в комнате не осталось следов порошка для снятия отпечатков.

Старлинг, разумеется, вовсе не думала, что преступный замысел мог быть осуществлен в ванной. Крофорд, по всей вероятности, был прав, полагая, что Кэтрин схватили прямо на стоянке. Но Старлинг хотела узнать Кэтрин, а та жила здесь. Живет, поправила себя Старлинг. Она здесь живет.

В шкафчике ночного стола лежали телефонная книга, коробка салфеток, ящичек с гигиеническими принадлежностями и за ним — фотоаппарат «Поляроид SX-70» с длинным тросиком, а рядом с ним легкий складной штатив. Ммм. Застыв, словно ящерица, Старлинг смотрела на фотоаппарат. Она несколько раз моргнула, но не дотронулась

до камеры.

Больше всего Старлинг заинтересовал шкаф Кэтрин Бейкер Мартин. Метка прачечной «К-Б-М». Множество платьев, некоторые очень хороши. Кое-какие ярлыки были знакомы, например «Гарфинкель» или «Бритчис», знаменитые вашингтонские фирмы. «Подарки от мамочки», — сказала себе Старлинг. Платья Кэтрин были в строгом стиле и двух размеров: одни, догадалась Старлинг, годились ей, когда она полнела до шестидесяти шести килограммов, другие — когда худела до пятидесяти пяти. Еще было несколько пар брюк, рассчитанных на критическое прибавление веса, и свитеры из дорогого модного магазина. На висячей распорке — двадцать три пары туфель. Семь пар фирмы «Феррагамо» сорок первого размера, несколько пар фирмы «Рибок», остальные — поношенные мягкие уличные туфли. На самой верхней полке — рюкзак и теннисная ракетка.

Вещи, принадлежащие отпрыску привилегированной семьи, студентке и учительнице-практикантке, гораздо лучше обеспеченной, чем большинство ей подобных.

Уйма писем в секретере. Размашистые каракули с наклоном влево — записки от бывших

одноклассников из восточных штатов. Марки, почтовые наклейки. Цветная бумага — заворачивать подарки — в нижнем ящике, целая пачка разных цветов и оттенков, с разнообразными узорами. Пальцы Старлинг машинально ощупывали листы. Она думала о том, как будет расспрашивать продавцов в ближайшем «драйв-ине», когда вдруг ее пальцы нащупали в пачке бумаги лист, гораздо более плотный и жесткий. Пальцы прошли было мимо, вернулись, остановились. Сказалась долгая тренировка, навык отмечать любую аномалию, и Старлинг успела наполовину вытащить лист, прежде чем бросила на него взгляд. Голубой лист бумаги, по весу похож на легкую промокашку, рисунок — грубая имитация хорошо всем знакомого по мультикам пса Плуто. Ряды крохотных песиков, шагающих по бумаге, и в самом деле похожих на Плуто — такие же желтые, но пропорции слегка искажены.

— Ах, Кэтрин, Кэтрин! — сказала Старлинг. Она достала из сумки пинцет и осторожно пинцетом опустила цветной лист в пластиковый пакет. Положила на кровать — пока.

На туалетном столике — шкатулка для драгоценностей из тисненой кожи, такие можно увидеть и у девчонок в женском общежитии. Два

ящичка впереди и узкие отделения в крышке заполнены дешевыми украшениями, ничего ценного. Интересно, может, самое ценное хранилось в резиновом кочане в холодильнике? Тогда кто взял все это?

Согнув палец, Старлинг ввела его под крышку и выдвинула потайной ящичек. Для кого потайной? Во всяком случае, не для вора. Ящичек был пуст. Она уже задвигала его на место, когда ее пальцы коснулись бумажного конверта, прикрепленного ко дну ящичка липкой лентой.

Старлинг натянула хлопчатобумажные перчатки и повернула шкатулку. Вытащила пустой ящик и перевернула вверх дном. Коричневый конверт был приклеен к донышку ящика липкой лентой в цвет дерева. Конверт не заклеен, клапан его просто заправлен внутрь. Она поднесла конверт к носу — его не окуривали, значит, не снимали отпечатков. Старлинг пинцетом открыла конверт и извлекла содержимое. В конверте находились пять поляроидных снимков, она извлекала их один за другим. Фотографии совокупляющихся мужчины и женщины. Ни лиц, ни голов на фотографиях нет. Два снимка сделаны женщиной, два — мужчиной, один, очевидно, снят со штатива, водруженного на ночной стол.

Трудно было определить масштаб по этим снимкам, но, судя по уникальному весу в 55 килограммов при таком удивительном росте, женщина эта наверняка Кэтрин Мартин. Пенис мужчины украшен кольцом, по-видимому, из слоновой кости. Фотография оказалась недостаточно четкой, чтобы рассмотреть это украшение в деталях. Аппендикс у мужчины удален. Старлинг уложила фотографии в пакеты — каждую в пластиковый пакет для бутербродов, а затем — в свой собственный конверт из оберточной бумаги. И вернула потайной ящик на место.

— Все это у меня в сумке, — произнес голос за ее спиной. — Не думаю, чтобы отсюда что-то взяли.

Старлинг взглянула в зеркало. В дверях спальни стояла сенатор Рут Мартин. Она выглядела изможденной. Старлинг повернулась к ней лицом:

— Здравствуйте, сенатор Мартин. Вы не хотели бы отдохнуть? Я почти закончила.

Даже устав до предела, сенатор Мартин не утратила властности. Под любезной внешностью угадывался человек-бульдозер.

— Представьтесь, будьте любезны. Я полагала, полиция уже закончила осмотр.

— Я Клэрис Старлинг из ФБР. Вам удалось поговорить с доктором Лектером, сенатор?

— Он сообщил мне имя. — Сенатор Мартин закурила сигарету и смерила Старлинг оценивающим взглядом. — Посмотрим, чего оно стоит. А что вы нашли в шкатулке, офицер Старлинг? Чего *это* стоит?

— Кое-какие вещественные доказательства, которые мы можем проверить буквально за несколько минут.

Это было самое лучшее, что Старлинг могла придумать.

— В шкатулке моей дочери? Посмотрим.

Старлинг услышала голоса в соседней комнате и очень надеялась, что кто-то войдет и прервет эту сцену.

— Мистер Копли, спецагент мемфисской конторы, с вами?

— Нет, его здесь нет, и вы мне не ответили. Не хочу вас обидеть, офицер Старлинг, но я во что бы то ни стало посмотрю, что вы взяли из шкатулки моей дочери. — Она слегка повернула голову и позвала через плечо: — Пол! Пол, будьте добры, зайдите сюда. Офицер Старлинг, вы, вероятно, знакомы с мистером Крендлером из департамента юстиции. Пол, это та самая девушка, которую Крофорд послал беседовать с Лектером.

Лысина у Крендлера загорела, и в свои сорок

лет он выглядел подтянутым и спортивным.

— Мистер Крендлер, я знаю, кто вы. Здравствуйте, — сказала Старлинг.

«Отдел расследования преступлений, департамент юстиции, связующее звено департамента с Конгрессом, уполномоченный по улаживанию конфликтов, по меньшей мере помощник заместителя генерального прокурора. Святая Памела, спаси мою душу и тело!»

— Офицер Старлинг нашла что-то в шкатулке моей дочери и положила это в свой собственный конверт из оберточной бумаги. Я полагаю, нам лучше самим посмотреть, что это такое, как вы думаете?

— Офицер Старлинг? — произнес Крендлер.

— Не могу ли я поговорить с вами, мистер Крендлер?

— Несомненно. Потом.

Он протянул руку. Лицо Старлинг пылало. Она понимала — сенатор Мартин не в себе, но Крендлер… Она никогда не простит ему сомнения, отразившегося на его лице. Никогда.

— Получите, — сказала Старлинг и вручила ему конверт.

Крендлер заглянул внутрь, увидел первый снимок и тотчас закрыл клапан конверта, тем более

что сенатор Мартин протянула за ним руку.

Больно было смотреть на нее, когда она разглядывала снимки. Закончив, она отошла к окну и встала там, подняв лицо к затянутому тучами небу, закрыв глаза. Она казалась совсем старой в падавшем из окна свете, и рука ее дрожала, когда она попыталась зажечь сигарету.

— Сенатор, я… — начал Крендлер.

— Полицейские обыскивали эту комнату, — сказала сенатор Мартин. — Я не сомневаюсь, что они тоже обнаружили эти снимки, но у них хватило здравого смысла вернуть их на место и держать язык за зубами.

— Нет, они их не обнаружили, — сказала Старлинг. Этой женщине было очень больно, но, черт возьми… — Миссис Мартин, нам обязательно нужно знать, кто этот мужчина, вы сами понимаете это. Если это ее друг — прекрасно. Я могу выяснить все за пять минут. Никто больше не увидит этих снимков, и Кэтрин ничего не узнает.

— Я сама займусь этим, — сказала сенатор Мартин и убрала конверт в собственную сумку.

Крендлер не стал возражать.

— Сенатор, это вы взяли драгоценности из резинового кочана капусты в кухне? — спросила Старлинг.

Помощник сенатора Мартин Брайан Госсэдж просунул в дверь голову:

— Простите, сенатор, терминал уже подсоединили, так что мы можем следить, как ищут имя Билли Рубина в картотеке ФБР.

— Идите, сенатор Мартин, — сказал Крендлер, — я присоединюсь к вам буквально через секунду.

Рут Мартин вышла из комнаты, не ответив на вопрос Старлинг.

Старлинг представилась возможность как следует рассмотреть Крендлера, пока он закрывал дверь спальни. Костюм его являл собою триумф мастера индивидуального пошива, оружия Крендлер не носил. Каблуки ботинок в нижней своей части утратили блеск — слишком много приходилось им шагать по ворсистым коврам, — но совершенно не были стоптаны.

Он постоял немного, держась за ручку двери и опустив голову. Потом обернулся к ней.

— Прекрасно провели обыск, — сказал он.

Старлинг не поддалась на такую дешевку. Она смотрела прямо ему в глаза.

— У вас в Квантико готовят отличных работников, — сказал Крендлер.

— У нас в Квантико не готовят воров.

— Я знаю, — сказал он.

— Трудно поверить.

— Оставим это.

— Мы займемся снимками и резиновой капустой, так? — спросила она.

— Да.

— Что это за имя — Уильям Рубин, мистер Крендлер?

— Лектер утверждает, что так зовут Буффало Билла. Вот то, что мы передали в Центральную картотеку и в Национальный центр криминальной информации. Посмотрите.

И он вручил ей расшифровку аудиозаписи беседы Лектера с сенатором Мартин, нечеткий текст, отпечатанный на стареньком матричном принтере.

— Есть идеи? — спросил он, когда она кончила читать.

— Ну, тут нет ничего такого, в чем можно было бы его уличить, — сказала Старлинг. — Он говорит, это мужчина, белый, по имени Билли Рубин, перенесший специфический антракоз. Что бы потом ни случилось, на лжи его здесь не поймаешь. Самое худшее — он просто мог ошибиться. Надеюсь, что все здесь правда. Но он мог просто позабавиться на ее счет, мистер Крендлер.

Он вполне способен на это. Вы когда-нибудь… встречались с ним?

Крендлер отрицательно потряс головой и фыркнул.

— Доктор Лектер убил девять человек, насколько нам известно. Он лишен прогулок. Он может поднять такой скандал — мертвые из гроба встанут, но его все равно не выпустят. Поэтому все, что ему осталось, — это развлекаться по-своему. Вот почему мы пытались сыграть с ним…

— Я знаю, как вы пытались сыграть с ним. Я слушал пленку Чилтона. Не утверждаю, что вы поступили неправильно. Я просто говорю вам: с этим покончено. Отдел психологии поведения может продолжать расследование, основываясь на тех сведениях, что вы получили — я имею в виду транссексуальный аспект, — может, он чего-то и стоит. А вы вернетесь в Академию ФБР. Завтра же.

— О господи! Но я еще кое-что нашла.

Лист цветной бумаги так и лежал на кровати, никем не замеченный. Она подала его Крендлеру.

— Что это?

— Похоже на бумажку с песиками Плуто.

Ей хотелось заставить его задавать вопросы. Он

сделал жест рукой — говорите, мол.

— Я почти уверена, что это промокательная бумага, пропитанная кислотой. Наркотик. ЛСД. Такую делали в середине семидесятых, даже раньше. Сейчас это почти антиквариат. Стоило бы выяснить, где она это взяла. Но разумеется, надо сделать анализ, чтобы говорить с уверенностью.

— Ну вот и возьмите ее с собой в Вашингтон и отдайте в лабораторию. Вы уезжаете через несколько минут.

— Если вы не хотите ждать, мы можем провести срочный анализ прямо здесь. Если в полиции есть стандартный набор реактивов для определения наркотиков, это и двух минут не займет.

— Отправляйтесь в Вашингтон, в академию, — сказал он, открывая дверь.

— Но я получила инструкции от мистера Крофорда…

— Инструкции вы теперь получаете от меня. Вы больше не подчиняетесь Джеку Крофорду. Вы возвращаетесь в академию и отныне подчиняетесь тем, кому подчиняются все остальные курсанты, и ваше дело — оставаться в Квантико, ясно вам? Есть самолет в два десять. Вылетайте этим самолетом.

— Мистер Крендлер, доктор Лектер говорил со

мной после того, как отказался разговаривать с балтиморскими полицейскими. Он может снова пойти на это. Мистер Крофорд полагал…

Крендлер закрыл дверь несколько резче, чем это было необходимо.

— Офицер Старлинг, я вовсе не обязан объясняться тут с вами, но послушайте, что я вам скажу. Информация, поступающая от отдела психологии поведения, имеет сугубо совещательное значение, так было всегда. И так будет впредь. Джеку Крофорду надлежит в настоящее время быть в отпуске по семейным обстоятельствам. Я вообще удивлен, что ему удается столько делать. Он пошел на глупый риск, скрыв все это от сенатора Мартин, и ему укоротили руки — вполне заслуженно. С его послужным списком и близким уходом на пенсию даже она не очень-то может ему повредить. Так что на вашем месте я не стал бы очень уж беспокоиться о его пенсии.

Старлинг не совсем уловила смысл того, что он сказал.

— А у вас что, есть еще кто-нибудь, кому удалось поймать трех преступников, совершавших серийные убийства? Вы знаете кого-нибудь, кто поймал хоть одного? Нельзя допускать, чтобы она сама взялась за это дело, мистер Крендлер.

— Вы наверняка умная девочка, иначе Крофорд и близко вас к себе не подпустил бы. Так что я скажу вам раз и навсегда: придержите-ка свой язык, не то весь век прокукуете в машбюро. Да неужели вы не понимаете, что единственной причиной того, что вас послали к Лектеру, было стремление прежде всего получить свеженькую информацию, которую ваш директор мог бы представить на Капитолийском холме? Никому не приносящую вреда информацию об особо опасных преступниках, сенсацию, «взгляд изнутри» на доктора Лектера… Он раздает эти сведения конгрессменам, как конфетки из кармана, когда пытается протащить увеличение бюджета. И конгрессмены не только с удовольствием поглощают эти сласти — они выносят их из Капитолия и угощают других. Вы не вписались в общий стиль, офицер Старлинг, и вас списали со счетов. Я знаю, что вам выдано еще одно удостоверение. Давайте его сюда.

— Но я не имею права проносить оружие в самолет без этого удостоверения, а оружие я должна сдать в Квантико.

— Еще и оружие у нее, господи боже мой! Сдайте удостоверение немедленно, как только вернетесь в Квантико.

Сенатор Мартин, Госсэдж, техник и несколько полицейских собрались у экрана компьютера с модемом, присоединенным к телефону. Национальный центр криминальной информации по прямой связи передавал отчет о результатах обработки информации, представленной доктором Лектером и введенной в компьютерную систему в Вашингтоне. Шли сообщения из Национального центра здравоохранения в Атланте: anthracosis eburnea вызывается вдыханием костяной пыли при обработке слоновой кости, обычно африканской, для декоративных ручек. В Соединенных Штатах этой болезнью страдают ножовщики.

При слове «ножовщики» сенатор Мартин закрыла глаза. Они были сухие и горели. Рука нервно комкала салфетку.

Молодой полицейский, впустивший Старлинг в дом, принес сенатору Мартин чашку кофе. Он так и не снял шляпу.

Старлинг ни за что не хотела уйти по-тихому. Она остановилась перед Рут Мартин и сказала:

— Удачи вам, сенатор. Надеюсь, с Кэтрин все в порядке.

Сенатор Мартин кивнула не глядя. Крендлер теснил Старлинг к выходу.

Когда она выходила, молодой полицейский

сказал:

— А я и не знал, что ей сюда нельзя было…

Крендлер вышел на крыльцо вместе с ней.

— Я очень уважаю Джека Крофорда, — сказал он. — Пожалуйста, скажите ему, что мы все глубоко сожалеем о… болезни Беллы, ну и все прочее, хорошо? А теперь давайте-ка возвращайтесь в академию и беритесь за работу, идет?

— Всего хорошего, мистер Крендлер.

И вот она одна на стоянке, и голову кружит чувство, что она совсем ничего не понимает в этом мире.

Между колесами автоприцепов, под лодками и водными лыжами расхаживал голубь. Он подобрал арахисовую скорлупку и снова положил ее на асфальт. Влажный ветер ерошил ему перья.

Как жаль, что нельзя сейчас поговорить с Крофордом! «Глупость и равнодушие бьют сильнее всего, — так он сказал. — Используйте это время с толком, и оно многому вас научит. Это самое трудное испытание — испытание гневом и отчаянием. Не позволяйте гневу и отчаянию помешать вам мыслить. В этом суть, от этого зависит, сможете вы контролировать ситуацию или нет. Командовать людьми».

Да наплевать ей на то, сможет она что-то там

контролировать или нет. Командовать людьми. Она обнаружила вдруг, что ей не просто наплевать, ей на фиг не надо быть спецагентом ФБР. Не надо — если ради этого нужно играть в такие игры.

Она подумала о бедной толстой, такой несчастной мертвой девушке в похоронном бюро Поттера в Западной Виргинии. Ногти красила лаком с блестками, они светились, как эти чертовы водные лыжи. Как ее звали? Кимберли?

«Черт, только бы не показать этим ослиным задницам, что я реву!»

Господи, да всех и каждого тогда звали Кимберли, только в ее классе было четыре Кимберли! Троих парней звали одинаково — Шон. Кимберли, с ее смешным именем, словно взятым из киномелодрамы, старалась следить за собой, как-то себя приукрасить. Прокалывала уши — все эти дырки, боже мой! Хотела выглядеть покрасивее. И Буффало Билл поглядел на ее несчастную плоскую грудь и прижал дуло прямо к коже и выстрелил, так что у нее между грудей выросла морская звезда.

«Кимберли, бедная толстая сестра моя, натиравшая ноги специальным кремом. И неудивительно — нежная кожа была твоим главным достоин-

ством. Кимберли, ты сердишься там, где-нибудь? Никакие сенаторы тебя не разыскивают. Никакие самолеты не перевозят психов из одного города в другой ради тебя». «Психи». Ей не полагалось употреблять это слово. Ей много чего не полагалось делать. Все посходили с ума. Все психи.

Старлинг взглянула на часы. До самолета оставалось полтора часа, и было еще кое-что — совсем небольшое дело, которое она могла сделать. Ей хотелось взглянуть в лицо доктору Лектеру, когда он произнесет имя Билли Рубин. Если только она выдержит взгляд этих красновато-коричневых глаз достаточно долго, если сможет заглянуть в ту темную глубину, что втягивает в себя красноватые искры, она наверняка узнает что-то очень важное. Она думала, что может увидеть в этих глазах радость и торжество.

«Слава богу, у меня все еще есть удостоверение!»

Трогаясь со стоянки, она оставила на асфальте значительную часть колесной резины.

35

Клэрис Старлинг стремительно вела машину, петляя по забитым транспортом улицам Мемфиса. Слезы ярости горели на ее щеках. В то же время она чувствовала себя на удивление свободной. Восприятие резко обострилось, и это подсказало ей, что сейчас она способна ввязаться в любую драку и нужно держать себя в руках.

По пути из аэропорта она уже проезжала мимо старого здания суда, так что теперь ей не составило труда его найти.

Власти штата Теннесси, видимо, решили полностью исключить любой риск, связанный с содержанием Ганнибала Лектера. Они явно намеревались обеспечить ему максимально строгий режим и поэтому не стали доверять обычной городской тюрьме.

Самым лучшим для этого оказалось старое здание суда с камерами предварительного заключения — огромное сооружение в псевдоготическом стиле с толстыми стенами из тесаного черного камня, построенное в те времена, когда труд ничего не стоил. Теперь здесь размещалось

множество контор; здание было отреставрировано и перестроено, причем те, кто этим занимался, явно принадлежали к поборникам охраны памятников старины и несколько перестарались.

Ныне здание суда выглядело как средневековый замок — огромное, с мощной высокой башней. Сейчас оно со всех сторон было окружено полицией.

На стоянке было припарковано множество служебных машин самых разных ведомств охраны правопорядка: патрульные автомобили дорожной полиции, машины шерифа округа Шелби, отделения ФБР штата Теннесси, Управления исправительных заведений штата — кого здесь только не было! Перед въездом стояли полицейские и проверяли у всех документы. Старлинг тоже пришлось пройти через этот пост, прежде чем она смогла поставить взятую напрокат машину на стоянку.

Охрана доктора Лектера оказалась довольно серьезной проблемой. После утренних сообщений местного телевидения о его прибытии в полиции все время раздавались телефонные звонки с угрозами: у жертв доктора было много друзей и родственников, которые теперь жаждали его смерти.

Старлинг надеялась, что не встретит здесь начальника местного отделения ФБР Колби. Ей не хотелось навлекать на него неприятности.

В толпе репортеров перед входом она успела разглядеть доктора Чилтона. Тут же крутились двое операторов с телекамерами, и Старлинг пожалела, что ей нечем прикрыть лицо. Она отвернулась от них и направилась прямо ко входу в башню.

Полицейский, стоявший в дверях, внимательно изучил ее удостоверение и пропустил внутрь. Вестибюль башни выглядел сейчас как настоящая кордегардия[47]. Полиция охраняла единственный лифт и вход на лестницу. У окна расположились наряды дорожной полиции, готовые сменить своих коллег, охранявших все подходы к зданию. Пока что они отдыхали и развлекались чтением газет, укрывшись от взоров публики.

Напротив лифта — стол, за ним — сержант полиции. Табличка на груди свидетельствовала, что его зовут С. Л. Тэйт.

— Никакой прессы, — заявил сержант, увидев Старлинг.

---

[47] Сноски: 47
Кордегардия — помещение для военного караула.

— А я вовсе и не пресса, — ответила она.

— Вы, значит, из группы генерального прокурора? — спросил он, взглянув на ее удостоверение.

— Да, из группы Крендлера, помощника его заместителя.

Сержант кивнул:

— Тут вся полиция Теннесси собралась. Все хотят хоть посмотреть на этого доктора Лектера. У нас, слава богу, нечасто такое бывает. Вам придется сначала получить разрешение у доктора Чилтона, если вы хотите подняться наверх.

— Я его только что видела, — сказала Старлинг. — Мы вместе работали в Балтиморе. Мне где расписаться, здесь?

— Вот тут.

— Оружие сдать?

Сержант поцыкал зубом.

— Да. Вы же понимаете, мисс, правила есть правила. Все посетители сдают оружие, и полиция, и все прочие.

Старлинг кивнула и достала свой револьвер. Она высыпала на стол патроны; сержант с удовольствием наблюдал за движениями ее рук. Клэрис протянула ему оружие рукояткой вперед, и он убрал его в ящик своего стола.

— Вернон, отведи ее наверх, — сказал он одному

из полицейских, затем снял трубку телефона, набрал три цифры и произнес ее имя в микрофон.

Лифт, достойный представитель двадцатых годов, скрипя, поднялся на верхний этаж. Дверь открылась. Перед Старлинг были площадка и короткий коридор.

— Прямо, пожалуйста, — сказал полицейский.

На двери выделялась надпись: «Историческое общество Шелби».

Практически весь верхний этаж башни занимала огромная восьмиугольная комната со стенами, выкрашенными в белый цвет. На полу — дубовый паркет, простенки тоже отделаны дубом. Пахло воском и клеем. Мебели было совсем мало, и комната выглядела пустой, как зал для церковных собраний. Но сейчас она смотрелась лучше, чем в те времена, когда здесь заседал суд.

Охрану несли два человека в форме Управления исправительных заведений штата Теннесси. Тот, что поменьше, стоял у стола, а его высокий напарник сидел на складном стуле в дальнем конце комнаты лицом к камере. Этот пост был предусмотрен на случай попытки самоубийства заключенного.

— У вас есть разрешение на беседу с заключенным, мэм? — спросил тот, что сидел за столом.

Судя по нагрудной табличке, его звали Т. У. Пембри. На столе рядом с телефоном лежали две резиновые дубинки и газовый баллончик. Позади него, в углу, стояла огромная рогатка в виде буквы «U» на длинной металлической рукоятке.

— Есть, — ответила Старлинг. — Да я с ним уже беседовала.

— Вы знаете правила? За барьер не заходить!

— Разумеется.

Единственным ярким пятном в комнате был переносной барьер для перекрытия уличного движения — желтый в оранжевую полоску, с укрепленными на нем проблесковыми маячками, сейчас выключенными. Он стоял прямо на покрытом лаком полу футах в пяти от двери камеры. На вешалке рядом висели вещи доктора: хоккейная маска и огромный жилет из толстой кожи с прикрепленными к поясу наручниками и пряжками на спине. Старлинг видела его впервые. Это было, видимо, самое надежное смирительное одеяние в мире. На фоне белых стен маска и жилет выглядели довольно устрашающе.

Старлинг приблизилась к забранной решеткой передней стене камеры. Доктор Лектер сидел спиной к двери за небольшим столом, привин-

ченным к полу, и читал. Перед ним лежали несколько книг и папка с делом Буффало Билла, которую она передала ему в Балтиморе. Было очень странно видеть его вне стен психушки.

Старлинг и раньше доводилось встречать такие камеры, еще в детстве. Их выпускала в начале века одна фирма в Сент-Луисе, и никто с тех пор не придумал ничего лучше. Клетка из закаленных стальных прутьев, способная любое помещение превратить в тюремную камеру. Пол — из стальных листов, уложенных на брусья, стены и потолок — из кованых прутьев. И никаких окон. Камера была безукоризненно чиста и ярко освещена. Унитаз отгорожен хлипкой бумажной ширмой.

Прутья камеры резко выделялись на белом фоне стен, словно ребра на рентгеновском снимке грудной клетки. И за ними — темная гладкая голова Лектера.

Как змея гробовая, он в клетке из ребер живет, укрываясь средь листьев сухих, что остались от мертвого сердца.

Она отмахнулась от непрошеных мыслей.

— Доброе утро, Старлинг, — произнес доктор, не оборачиваясь. Он закончил читать, заложил страницу и повернулся лицом к ней, сев на стул

верхом и положив руки и подбородок на спинку. — Вот Дюма утверждает, что в мясной бульон хорошо положить ворону, особенно осенью, когда она отъелась на можжевеловых ягодах. Это якобы улучшает цвет и вкус бульона. Как бы вам, Старлинг, понравилось такое?

— Я подумала, что вам захочется, чтобы здесь были ваши рисунки, те, из прежней камеры, пока у вас не будет окна…

— Какая забота с вашей стороны! Доктор Чилтон в полной эйфории оттого, что вас с Крофордом отстранили от этого дела. Зачем вы здесь? Вас послали еще раз попытаться меня обольстить?

Полицейский, наблюдавший за заключенным, отошел к столу, к своему напарнику по имени Пембри. Старлинг решила, что ему теперь ничего не слышно.

— Меня никто не посылал. Я сама приехала.

— Люди могут подумать, что у нас роман. Вы хотите что-нибудь узнать о Билли Рубине, Клэрис?

— Доктор Лектер, я ни в коем случае не… не подвергаю сомнению то, что вы сообщили сенатору Мартин. Но не могли бы вы сказать — вы по-прежнему советуете мне разрабатывать вашу идею о…

— «Не подвергаю сомнению»! Великолепно!

Ничего я вам не советую! Вы пытались меня провести, Клэрис. Неужели вы считаете, что я в игрушки играю с этими людьми?

— Я полагаю, что мне вы сказали правду.

— Очень жаль, что вы пытались провести меня. — Лицо доктора Лектера спряталось за руками. Видны были только его глаза. — Очень жаль, что Кэтрин Мартин больше никогда не увидит солнца. Солнце ее погаснет. Бог оставит ее, Клэрис.

— Жаль, что вам теперь приходится угождать то тем, то этим, — ответила Старлинг. — Да еще и утирать им слезы время от времени. Жаль, что нам с вами так и не удалось довести тот разговор до конца. Ваша идея насчет имаго, самой его сути… в ней была какая-то законченность, своеобразная элегантность, от которой трудно отказаться… А теперь все это пошло прахом… Как будто строители возвели лишь половину арки…

— Половина арки стоять не будет. Кстати, об арках. Вам здорово досталось, Клэрис? У вас, может быть, отняли значок?

— Нет.

— А что это у вас на поясе под пиджаком? Табельные часы, как у папочки?

— Нет. Скорозарядное устройство.

— А-а-а, стало быть, вы по-прежнему вооружены?

— Да.

— Тогда вам надо выпустить свой пиджак в боковых швах. Вы шьете?

— Шью.

— Вы сами шили этот костюм?

— Нет. Доктор Лектер, вам всегда все удается узнать. Значит, побеседовав с этим Билли Рубином по душам, вы должны были бы знать о нем гораздо больше!

— Почему это?

— Если вы с ним беседовали, вы должны знать о нем все. Но вы почему-то вспомнили только одну деталь — что он болен антракозом. Вы бы видели, как все наши запрыгали, когда из Атланты сообщили, что это профессиональная болезнь кузнецов и ножовщиков! Они проглотили все это за милую душу. И вы знали, что так оно и будет. Вам за это должны были дать номер в лучшем отеле, доктор Лектер. Но если вы с ним действительно встречались, вы бы знали о нем все. Поэтому мне кажется, что вы с ним никогда не беседовали, это Распай вам о нем рассказывал. А вам просто не хотелось, чтобы сенатор Мартин сочла эти сведения информацией из вторых рук.

Она бы на такое не клюнула. Ведь правда?

Старлинг быстро оглянулась через плечо. Один из полицейских показывал другому какой-то журнал.

— У вас было что мне рассказать — еще там, в Балтиморе, доктор. Я уверена, что это очень важная информация. Расскажите мне все, хорошо?

— Я прочел всю папку с делом, Старлинг. А вы? Все необходимое, чтобы его поймать, в этой папке есть. Нужно только все внимательно прочитать. Даже инспектор Крофорд, Почетный Пенсионеришка Крофорд, при внимательном чтении нашел бы все, что нужно. Кстати, вы слышали его потрясающую речь на прошлогоднем выпуске Национальной академии полиции? Сущий Марк Аврелий! Какое красноречие! Высокий долг! Честь! Доблесть! Интересно, останется ли он таким же стоиком, когда Белла сыграет в ящик? Он, видимо, всю свою философию черпает из сборников мудрых мыслей. Мне так кажется. Если бы он читал Марка Аврелия и понимал его, он бы давно закончил это расследование.

— Так расскажите же мне!

— Вы продемонстрировали некоторую способность мыслить и некоторую начитанность, довольно необычную для полицейского. Я даже

на какое-то время забыл, что ваше поколение вообще не умеет читать. Император Марк Аврелий призывал к простоте. Первый его принцип: о любом предмете прежде всего спроси, что он являет собой, каково его строение, какова его причинная сущность.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Что он делает, этот человек, за которым вы охотитесь?

— Он убивает…

— Да нет же! — воскликнул доктор Лектер, нетерпеливо мотнув головой от ее тупоумия. — Это случайность! Что им движет, чем он озабочен в первую очередь, для чего ему нужны эти убийства, какую роль они выполняют?

— Комплекс неполноценности, недовольство, сексуальная неудов…

— Нет!

— Что же тогда?

— Он завидует. Чего-то домогается. Чего-то жаждет. По сути дела, он жаждет быть всем тем, чем являетесь вы. Это его сущность — жаждать и домогаться. Как мы обычно начинаем чего-то домогаться, Клэрис? Разве мы ищем предмет для своих вожделений? Ну же, сделайте над собой усилие, подумайте!

— Нет. Мы просто…

— Вот именно! Именно! Мы начинаем домогаться того, что видим повседневно. Разве вы не ощущаете на себе глаза всех встречных? Случайных встречных, Клэрис? Разве ваши глаза не скользят по предметам, которые вам попадаются?

— Ну хорошо, но скажите мне, как…

— Теперь ваша очередь рассказывать мне, Клэрис. Нам вряд ли снова представится такой случай поговорить. Вы больше не можете предложить мне каникулы у моря под эгидой Центра по изучению болезней зубов и копыт. Наши отношения теперь будут строиться на строгом соблюдении принципа «quid pro quo». С вами надо соблюдать осторожность. Так вот, рассказывайте, Клэрис.

— Что рассказывать?

— То, что недорассказали в прошлый раз. Что произошло с вами и с вашей лошадью потом и как вы справились со своими чувствами.

— Доктор Лектер, у нас еще будет время, и я…

— У нас с вами различный счет времени, Клэрис. Уже истекают последние часы.

— Послушайте, доктор, это потом. Я…

— Нет. Я хочу послушать вас сейчас. Через два года после смерти вашего отца мать отправила

вас к своей двоюродной сестре, которая жила с мужем на ранчо в штате Монтана. Вам тогда было десять лет. Вы обнаружили, что на ранчо откармливают старых лошадей, перед тем как отправить их на бойню. И вы сбежали с одной из этих лошадей — у нее еще было скверно со зрением. А потом?

— Было лето, и мы могли ночевать в поле. Потом мы добрались до Бозмена.

— У лошади была какая-нибудь кличка?

— Вероятно, только они никогда… Они ведь откармливали ее для бойни, зачем им была ее кличка? Я звала ее Ханна. Мне нравилось это имя.

— Вы ее вели под уздцы или ехали верхом?

— И так и эдак. Приходилось подводить ее к забору, чтобы взобраться.

— Итак, пешком и верхом вы добрались до Бозмена.

— Да. Там был конный двор и школа верховой езды — на перестроенном старом ранчо на окраине. Я упросила владельца пристроить туда Ханну. Это стоило двадцать долларов в неделю — если в открытом загоне. В конюшне еще дороже. Они там сразу поняли, что она плохо видит. Я сказала: ну и что, я же могу водить ее под уздцы

и катать ребятишек, пока их родители учатся верховой езде, понимаете? А я могу жить тут же и убирать конюшню. Хозяин все кивал головой, а его жена тем временем вызвала шерифа.

— Шериф был такой же полицейский, как ваш отец.

— Да, только я все равно его очень испугалась. У него было такое большое красное лицо. Он заплатил эти двадцать долларов за Ханну. На время, как он сказал, пока «все утрясется». Он еще сказал, что погода стоит теплая и незачем держать лошадь в конюшне. Потом об этом прознали газетчики и подняли шумиху. Моя тетка согласилась меня отпустить. Так что в итоге я оказалась в лютеранском сиротском доме в Бозмене.

— В приюте?

— Да.

— А Ханна?

— Она тоже там оказалась. Один богатый фермер-лютеранин снабдил нас бесплатно сеном. В приюте был сарай, туда ее и поместили. Мы на ней пахали приютский огород. За ней, правда, надо было все время следить, чтобы она сослепу не затоптала грядки и клумбы. А еще мы запрягали ее в тележку и катали детей.

— А потом она умерла.

— Ну да.

— Расскажите мне об этом.

— Это был мой последний год в школе. Из приюта мне написали, что Ханна умерла. Они там подсчитали, что ей к тому времени было не меньше двадцати двух лет. Она и в тот день катала детей в тележке, а ночью умерла. Во сне.

Доктор Лектер был явно разочарован.

— Как трогательно! — сказал он. — А что, ваш приемный отец там, в Монтане, он вас не трахал?

— Нет.

— И не пытался?

— Нет.

— Тогда почему вы от них сбежали, да еще с лошадью?

— Но они же собирались убить ее!

— А вы знали, когда это произойдет?

— Точно не знала. Но я все время думала об этом. Она уже хорошо отъелась.

— А что конкретно заставило вас бежать? Что послужило толчком?

— Не знаю.

— А мне кажется, вы знаете.

— Я думала об этом все время…

— Что заставило вас бежать, Клэрис? В какое

время вы ушли с ранчо?

— Рано утром. Еще темно было.

— Значит, вас что-то разбудило. Что именно? Сон? Какой сон?

— Я проснулась и услышала блеяние ягнят. Я проснулась в полной темноте, и там блеяли ягнята.

— Они, стало быть, и ягнят забивали?

— Да.

— И что вы сделали?

— Для них я ничего не могла сделать. Я ведь была всего лишь…

— Что вы сделали с лошадью?

— Я оделась, не зажигая света, и вышла во двор. Она была очень испугана. Все лошади были испуганы — метались, бились в конюшне… Я подула ей в нос, и она узнала меня. И ткнулась мне мордой в руки. В конюшне и в загоне для овец горел свет — голые лампочки, огромные тени… А рядом еще стоял грузовик-рефрижератор, и его движок работал… И я тогда вывела ее наружу.

— Вы ее оседлали?

— Нет. Я не стала брать их седло. Только веревку вместо уздечки, и все.

— А когда вы уходили в темноту, вы слышали, что там, сзади, где горит свет, все еще блеют

ягнята?

— Недолго. Их ведь было не больше дюжины.

— Вы и теперь иногда просыпаетесь, правда? Просыпаетесь в полной темноте и слышите, как блеют ягнята…

— Иногда.

— Как вы думаете, если вам лично, самой удастся поймать этого Буффало Билла, если вы спасете Кэтрин Мартин, это заставит ягнят замолчать? Как вы считаете, это и им поможет? И вы тогда перестанете просыпаться в темноте и слышать, как блеют ягнята? Как вы думаете, а, Клэрис?

— Да. Не знаю. Может быть.

— Спасибо, Клэрис!

Доктор Лектер выглядел странно удовлетворенным.

— Скажите же мне, как его зовут! — вновь попросила Старлинг.

— Доктор Чилтон, — сказал Лектер. — Вы, кажется, знакомы.

Старлинг сперва даже не поняла, что Чилтон стоит прямо у нее за спиной. Потом он взял ее за локоть.

Она высвободила локоть из его руки. Пембри и его напарник тоже стояли рядом.

— В лифт! — скомандовал Чилтон.

Лицо его от ярости пошло красными пятнами.

— А вы знаете, что у доктора Чилтона на самом деле нет никакой докторской степени, Клэрис? — послышался голос Лектера. — Пожалуйста, никогда не забывайте об этом!

— Идемте же! — сказал Чилтон.

— Разве вы здесь распоряжаетесь, доктор Чилтон? — спросила Старлинг.

— Нет, мэм, — ответил вместо него Пембри. — Здесь распоряжаюсь я. Но он уже звонил моему боссу и вашему тоже. Извините, но у меня приказ проводить вас отсюда. Пройдемте со мной.

— До свидания, Клэрис, — произнес доктор Лектер. — Вы мне сообщите, если ягнята когда-нибудь замолчат?

— Да.

Пембри взял ее за локоть. Надо было идти.

— Да, — повторила она. — Я вам сообщу.

— Обещаете?

— Да.

— Тогда почему бы нам не завершить возведение арки? Заберите вашу папку с делом. Она мне больше не нужна.

Он вытянул руку и просунул папку сквозь прутья решетки. Его указательный палец лежал на корешке папки, и когда она брала ее у него, пе-

регнувшись через барьер, их руки на мгновение соприкоснулись. И это яркой вспышкой отразилось в его глазах.

— Спасибо, Клэрис.

— Вам спасибо, доктор Лектер.

Именно таким он и остался в памяти Старлинг. Одно-единственное мгновение, когда он ни над кем не насмехался, никого не дразнил. Стоял в своей ярко освещенной белой клетке, изогнувшись, как танцовщик, вытянув вперед руку и чуть склонив голову набок.

Она мчалась в аэропорт с такой скоростью, что чуть не проломила головой потолок машины, не успев затормозить перед «лежачим полицейским». К самолету, на котором она должна была улететь по приказанию Крендлера, ей, впрочем, все равно пришлось бежать.

36

Надзиратели Пембри и Бойл были людьми опытными. Их специально привезли из тюрьмы Браши-Маунтин для охраны доктора Лектера. Это были спокойные и внимательные парни, которые полагали, что вовсе не нуждаются в том, чтобы доктор Чилтон объяснял им их задачу.

Они прибыли в Мемфис раньше Лектера и тщательно обследовали предназначенную для него камеру. Когда Лектера доставили в старое здание суда, они столь же тщательно обыскали и его самого. Сначала медбрат устроил ему личный досмотр, включая осмотр прямой кишки, причем смирительную рубашку с него при этом не снимали. Его одежду тоже подвергли тщательному осмотру, пройдя детектором металла по всем швам.

Бойл и Пембри сразу нашли с заключенным общий язык. Они разговаривали с ним тихо и вежливо, почти доверительно.

— Доктор Лектер, мы с вами чудненько можем договориться. Мы к вам будем относиться точно так же, как вы к нам. Ведите себя как джентль-

мен, и все будет о'кей. Но мы вовсе не собираемся с вами цацкаться. Если станете возникать, зубы пересчитаем! Тут для вас, кажись, все условия создали, так что вам лучше самому себе не гадить, верно?

В ответ доктор Лектер почти дружески подмигнул им. Если бы он даже хотел им что-то ответить, то не смог бы: в рот ему была вставлена деревянная распорка, и медбрат, светя фонариком, как раз осматривал ему ротовую полость, проводя пальцем в резиновой перчатке между деснами и щекой.

Детектор запищал, когда им провели вдоль лица заключенного.

— Что это? — спросил медбрат.

— Пломбы, — ответил Пембри. — Опусти ему нижнюю губу. Вы коренными здорово успели поработать, так ведь, док?

— Сдается мне, его совсем сломали, — поделился своими наблюдениями Бойл, после того как они с Пембри водворили наконец доктора Лектера в камеру. — Не думаю, что от него будет какое-то беспокойство. Если, конечно, совсем не свихнется…

Камера была весьма прочной и надежной. Единственное, чего здесь не хватало, так это вы-

движного подноса-кормушки, чтобы передавать заключенному еду. Когда подошло время обеда, Чилтон, все еще в скверном настроении после визита Старлинг, устроил настоящий тарарам, заставив Бойла и Пембри снова обрядить ничуть не сопротивлявшегося доктора Лектера в смирительную рубашку и надеть на него ножные путы. Затем его поставили спиной к решетке камеры — Чилтон при этом на всякий случай угрожал ему газовым баллончиком — и только после этого внесли в камеру поднос с едой.

Чилтон и не подумал обращаться к Бойлу и Пембри по имени, хотя у обоих на груди висели таблички. Он неизменно обращался и к тому и к другому одинаково: «Эй, вы, там!»

Надзиратели же, узнав, что Чилтон на самом деле вовсе не доктор медицины, между собой именовали его не иначе как «учила-мудила».

Пембри попытался было объяснить Чилтону, что это не они пустили Старлинг к Лектеру, а сержант, дежуривший внизу, но тот был в такой ярости, что вообще ничего не воспринимал.

Вечером Чилтон уехал, так что Бойлу с Пембри при некотором содействии доктора Лектера пришлось изобретать свой способ проносить поднос с едой в камеру. Но все получилось отлично.

— Вам сегодня не понадобится ваш смокинг, доктор, — сказал ему Пембри. — Я вас попрошу сесть на пол и откинуться на прутья решетки. Так, теперь отведите руки назад и просуньте их сквозь прутья наружу. Вот так, отлично. Чуть нагнитесь вперед и выпрямите руки. И локти распрямите.

Пембри защелкнул наручники на запястьях доктора, и теперь его руки торчали наружу, причем между ними проходил прут решетки, а поднять их вверх не давал поперечный брус.

— Немного неудобно, конечно, я понимаю, но это ведь ненадолго… Зато больше никаких проблем.

Доктор Лектер сидел в очень неудобной позе. Он не мог не только подняться, но даже распрямиться или сесть на корточки. Ноги его были вытянуты вперед, и он даже при желании никого не мог ударить или пнуть.

И только после того, как доктор Лектер был таким образом прикован к решетке, Пембри подошел к своему столу и взял из ящика ключ от камеры. Он сунул свою резиновую дубинку в кольцо на поясе, положил в карман газовый баллончик и вернулся к камере. Открыл ее дверь, и Бойл внес в камеру поднос. Когда дверь вновь

оказалась заперта, Пембри сначала отнес ключ от нее обратно в ящик стола и лишь потом снял с заключенного наручники. Он ни разу не подошел к решетке камеры с ключом, пока доктор был без наручников.

— Ну вот, видите, как все просто, правда? — спросил Пембри.

— Да, вы неплохо придумали. Даже удобно. Спасибо, — ответил доктор Лектер. — Знаете, я уже начинаю привыкать. Пытаюсь, во всяком случае.

— Да и мы тоже, старина, — ответил Пембри.

Доктор Лектер ел, не переставая что-то писать и рисовать мягким фломастером в своем блокноте. Потом он вынул кассету из маленького магнитофона, прикованного цепочкой к ножке стола, перевернул ее и вставил обратно. Из динамика полились звуки «Вариаций Гольдберга» в исполнении Гленна Гульда. Музыка, вечно прекрасная независимо от времени и обстановки, заполнила всю ярко освещенную камеру и ту часть комнаты, где сидели надзиратели.

Теперь время для доктора резко замедлило свой ход и распалось на отдельные мгновения, как это всегда бывает, когда человек переходит к решительным действиям. И музыка тоже распалась на отдельные звуки. Ее серебряные узоры распались

на отдельные ноты, словно разбившись о прутья окружающей его решетки. Доктор Лектер с отсутствующим выражением на лице встал с места и чуть помедлил, наблюдая, как бумажная салфетка спланировала с его колена на пол. Салфетка довольно долго крутилась в воздухе. Зацепилась за ножку стола, проплыла в одну сторону, приостановилась, поплыла в другую, перевернулась и наконец легла на стальной пол. Он не сделал ни малейшего усилия, чтобы поднять ее. Прошелся по камере, зашел за бумажную ширму и сел на крышку унитаза. Это было единственное место в камере, где он был наедине с собой. Слушая музыку, он облокотился о раковину, положил голову на руку и полуприкрыл глаза. «Гольдберг-вариации» интересовали его со структурной точки зрения. Вот, снова эта каденция… Повторяется тема сарабанды… Басовые все громче и громче… Он покачивал головой в такт музыке, а язык его между тем тщательно обследовал зубы — сначала верхнюю челюсть, потом нижнюю. Это было длительное и весьма интересное обследование. Как прогулка в Альпах — сначала вверх, до самой вершины, потом обратно к подножию…

Затем язык принялся обследовать десны. Он медленно двигался во рту, словно изучая про-

странство между деснами и щекой. Некоторые делают так в глубоком раздумье. Десны были прохладнее языка. И пространство между щекой и верхней десной тоже было прохладным. Язык нащупал здесь маленький кусочек металлической трубки и замер.

Сквозь музыку до него донесся звук захлопнувшейся двери лифта, а затем вой заработавшего электромотора. Он успел прослушать еще несколько тактов музыки, потом дверь лифта отворилась, и незнакомый голос произнес:

— Мне надо забрать поднос.

Доктор Лектер услышал, как тот из надзирателей, что был поменьше ростом — его, кажется, звали Пембри, — приблизился к решетке. Сквозь щель в ширме доктор видел его.

— Доктор Лектер, выходите и садитесь на пол, спиной к прутьям, как в прошлый раз.

— Если вы не возражаете, Пембри, я хотел бы закончить свои дела. Боюсь, этот переезд отрицательно сказался на моем пищеварении.

Ему потребовалось очень много времени, чтобы произнести все эти слова.

— Хорошо. — Пембри повернулся к лифту и добавил погромче: — Я позвоню вниз, когда поднос освободится.

— А можно взглянуть на него? — спросил посыльный.

— Я же сказал, я позвоню.

Снова стукнула дверь лифта. И снова в комнате осталась только музыка.

Доктор Лектер извлек изо рта кусочек трубки и вытер его туалетной бумагой. Руки были сухими, пальцы и не думали дрожать.

За годы заключения доктор Лектер, человек, интересующийся буквально всем, научился многим тюремным хитростям. За все эти годы после нападения на медсестру в балтиморской психушке строжайший режим его содержания был нарушен только дважды, причем оба раза это случилось, когда у Барни был выходной. В первый раз посетивший его психиатр дал ему шариковую ручку и тут же забыл о ней. Он еще не успел покинуть палату, а доктор Лектер уже сломал пластиковый корпус ручки и утопил обломки в унитазе. Металлическая трубочка с пастой тут же была надежно спрятана в шов матраса на кровати.

Единственным острым предметом в его палате оказалась грань стального болта, крепящего кровать к стене. Но для него и этого было вполне достаточно. За два месяца упорного труда док-

тор Лектер сумел процарапать на трубочке две параллельные насечки. Затем он отломил от трубочки кусочек в дюйм длиной, а остальное вместе с шариковым наконечником тоже спустил в унитаз. Барни не заметил на его пальцах мозолей от этой работы.

Еще полгода спустя посыльный забыл снять толстую стальную скрепку с пачки документов, которые прислал доктору его адвокат. Дюймовый кусочек этой скрепки был отломан и вложен в трубочку от шариковой ручки, а остальное тоже отправилось в унитаз. Маленький кусок трубки было легко спрятать в любом шве, за щекой или в анальном отверстии.

И вот теперь, сидя за бумажной ширмой, доктор Лектер постукивал трубочкой по ногтю большого пальца, стараясь достать оттуда обломок скрепки. Наконец это ему удалось. Этот кусочек проволоки и должен был послужить ему орудием побега, но придать ему нужную форму было довольно трудно. Доктор наполовину засунул проволоку в трубку и принялся сгибать оставшийся снаружи кусок, используя трубку как рычаг. Он действовал с огромной осторожностью, опасаясь сломать тонкий металл. Проволока постепенно поддавалась нажиму его сильных пальцев и наконец

согнулась под прямым углом. Теперь у него был ключ от наручников.

Доктор Лектер вытянул руки назад и несколько раз переложил ключ из одной руки в другую. Потом засунул его обратно за щеку, вымыл руки и тщательно вытер их. Затем, действуя одним языком, спрятал ключ между пальцами правой руки, зная, что Пембри будет глазеть на его необычную левую руку, когда он снова вытянет ее назад сквозь решетку.

— Я готов, Пембри, а вы? — произнес он, покончив с этими манипуляциями. Он вышел из-за ширмы и сел на пол у решетки, вытянув руки назад и просунув их сквозь прутья. — Извините, что заставил вас ждать.

Ему показалось, что он очень долго выговаривал эти слова. Хорошо еще, что музыка продолжала звучать — она помогла доктору справиться и с этой задачей.

Он слышал, как Пембри двигается за его спиной. Вот он взял его за запястья и ощупал их, желая убедиться, что доктор не смазал их мылом: сначала одну руку, потом другую. Надел и защелкнул на них наручники. Пошел к своему столу за ключом от камеры. Доктор Лектер слышал, как звякнули ключи, когда Пембри взял их

из ящика стола. Вот он уже идет назад, к решетке, словно раздвигая собой звуки фортепиано, наполняющие комнату. На сей раз его сопровождает Бойл. Доктор Лектер буквально ощущал, как они пробивают проход в звучащей музыке.

Пембри еще раз проверил наручники. Доктор чувствовал его дыхание у себя на затылке. Затем Пембри открыл замок и распахнул дверь камеры. Бойл вошел внутрь. Доктор Лектер повернул голову, и все предметы в камере проплыли перед его взором, причем ему показалось, очень медленно проплыли, так что он смог разглядеть каждый до мельчайших подробностей. Бойла, собирающего на поднос остатки ужина и грязную посуду и недовольно что-то бурчащего себе под нос. Магнитофон с вращающимися катушками кассеты, салфетку на полу возле привинченной ножки стола. Боковым зрением доктор Лектер видел колено Пембри за прутьями решетки и конец резиновой дубинки, висевшей у него на поясе. Пембри стоял у входа в камеру, придерживая створку двери.

Доктор нащупал пальцами замочную скважину на левом наручнике, вставил в нее ключ и повернул его. Наручник открылся, он почувствовал это. Он взял теперь ключ в левую руку,

ощупал второй наручник, вставил ключ в замок и тоже открыл его.

В этот момент Бойл наклонился, чтобы поднять с пола салфетку. Стремительно, словно нападающая змея, доктор рванулся к нему, и в следующий миг наручник защелкнулся на запястье Бойла. И пока тот в полном недоумении поворачивал голову, второй наручник защелкнулся на привинченной к полу ножке стола. А доктор уже метнулся к двери. Пембри как раз пытался войти внутрь камеры. Лектер ударил в дверь плечом, и ее стальные прутья врезались надзирателю в лицо. Пембри хотел было достать газовый баллончик, но прутья двери прижали его руку к телу, почти сплющив ее. Лектер ухватился за конец свисавшей с пояса Пембри дубинки и резко дернул вверх, одновременно ударив его локтем в горло. И тут же впился зубами ему в лицо. Пембри попытался оттолкнуть доктора, но тот буквально повис на надзирателе, вцепившись зубами в его нос и верхнюю губу. Он даже головой помотал, как такса, схватившая крысу, и сорвал дубинку с пояса Пембри. А в камере Бойл, сидя на полу, прикованный к ножке стола, вопил не своим голосом, тщетно пытаясь найти в карманах ключ от наручников. Наконец нашел, уронил, подобрал с

пола… Лектер ударил Пембри дубинкой сначала в живот, потом в горло, и тот упал на колени. Бойл вставил ключ в замок наручников, но Лектер уже повернулся к нему. Бойл опять завопил, но сразу же замолк: доктор пустил ему в лицо струю из газового баллончика и дважды ударил дубинкой по его протянутой вперед руке. Бойл еще пытался укрыться под столом, но, ослепленный струей газа, пополз совсем не туда, и доктору не составило никакого труда прикончить его несколькими точно рассчитанными ударами дубинки.

Пембри удалось сесть, из глаз его текли слезы, и он орал от ярости. Доктор взглянул на него и усмехнулся окровавленным ртом.

— Я готов, Пембри, а вы? — сказал он.

Дубинка снова поднялась и, описав дугу, опустилась на затылок Пембри. Надзиратель вытянулся на полу, как оглушенная рыба.

Пульс доктора Лектера теперь немного частил — больше сотни в минуту. Но быстро вернулся к норме. Доктор выключил музыку и прислушался. Потом подошел к лестнице и снова прислушался. Вернулся в камеру, вывернул карманы Пембри, нашел ключи от стола и открыл все его ящики. В нижнем он обнаружил табельное оружие Бойла и Пембри — два револьвера тридцать восьмого

калибра. А в кармане Бойла он нашел то, что ему было нужнее всего: складной нож.

37

Вестибюль башни был полон полицейских. Было половина седьмого, и шла смена дежурных. Отдежурившие свои два часа на постах внешнего наблюдения полицейские стягивались в вестибюль. Они потирали озябшие руки и жались к электрическим каминам, включенным на полную мощность. Некоторые поставили сегодня немалые деньги на мемфисскую баскетбольную команду в матче на первенство страны и теперь с нетерпением жаждали узнать, как идет игра.

Сержант Тэйт запретил включать радио, но у одного из полицейских был свой приемник с наушниками, и он время от времени сообщал остальным счет, хоть и не так часто, как тем хотелось бы.

Всего в вестибюле собралось человек пятнадцать полицейских да еще двое тюремных надзирателей, которые явились, чтобы в семь вечера сменить Пембри и Бойла. Сержант Тэйт и сам с нетерпением ждал смены, которая должна была освободить его от дежурства в одиннадцать.

Все было спокойно. Ни один из звонивших по

телефону и угрожавших Лектеру вроде бы не собирался приводить свои угрозы в исполнение.

Без пятнадцати семь Тэйт услышал, как лифт вдруг пошел наверх. Бронзовая стрелка над его дверью поползла по циферблату и остановилась на пяти.

Тэйт оглядел вестибюль.

— Это что, Суини наверх поехал? За подносом?

— Нет, сержант, я здесь. Может, вы им позвоните и спросите, как он там. А то мне уже пора.

Сержант Тэйт набрал три цифры и некоторое время слушал.

— Занято, — наконец сказал он. — Поднимись-ка наверх и сам посмотри.

И он вернулся к заполнению журнала дежурств. Суини нажал на кнопку вызова лифта. Лифт не отреагировал.

— Он заказал на ужин телячьи отбивные, — сообщил Суини остальным. — Интересно, что он закажет на завтрак?! Не иначе как еще что-нибудь эдакое. Из зоопарка, к примеру. И кого пошлют в зоопарк ловить ему эту дичь? Конечно меня!

Бронзовая стрелка над дверью лифта по-прежнему стояла на пяти.

Суини подождал с минуту, потом сказал:

— Какого черта! Что там у них стряслось?

И тут сверху донеслись выстрелы. Грохот револьвера тридцать восьмого калибра эхом прокатился по лестнице и по вестибюлю: сначала два выстрела подряд, потом еще один. Сержант Тэйт вскочил и схватил микрофон рации:

— Командный пункт! Выстрелы в башне! Внешним постам смотреть в оба! Мы идем наверх!

В вестибюле уже царила суматоха.

И тут бронзовая стрелка над дверью лифта сдвинулась с пятерки. Дошла до четырех…

Перекрывая шум, Тэйт крикнул:

— Отставить! Удвоить охрану на внешних постах! Первый взвод остается здесь! Берри и Хауард — держать на прицеле этот чертов лифт, вдруг он спустится!

Стрелка остановилась на трех.

— Первый взвод — за мной! Проверять по пути каждую дверь! Бобби, бегом — тащи сюда бронежилеты и дробовик!

Тэйт лихорадочно соображал, бегом преодолевая ступени лестницы. Осторожность боролась в нем с желанием как можно скорее подняться наверх и помочь надзирателям на пятом этаже.

«Господи, — молил он про себя, — только бы он не ушел! Только бы не ушел! А у нас даже

бронежилетов нет… Долбаные засранцы, мудаки проклятые, проворонили…»

Все служебные помещения на втором, третьем и четвертом этажах должны быть заперты. На этих этажах главное здание соединяется с башней коридорами. Пятый этаж башни с главным зданием никак не связан.

Тэйт в свое время прошел отличную подготовку в спецчастях и знал, что надо делать в такой ситуации. Он поднимался первым, уверенно ведя за собой молодых. Они перебежками продвигались вверх, по очереди прикрывая друг друга.

— Если хоть кто-нибудь повернется задницей к двери, прежде чем проверит ее, получит хорошего пинка!

На втором этаже темно. Дверь, ведущая в главное здание, заперта.

Теперь на третий… Коридор еле освещен… Только на полу прямоугольное пятно света из открытой двери лифта… Тэйт осторожно двинулся вперед вдоль стены. В кабине лифта не было зеркала, которое могло бы ему помочь… Держа напряженный указательный палец на притопленном спусковом крючке, он заглянул в кабину… Пусто.

Задрав голову, Тэйт позвал:

— Бойл! Пембри! Черт бы их побрал…

Оставив на третьем этаже одного полицейского, он двинулся дальше.

Четвертый этаж был весь наполнен фортепианной музыкой, доносившейся с пятого. Дверь, ведущая в главное здание, при первом же толчке отворилась. Луч мощного фонаря осветил длинный коридор и еще одну открытую дверь в его дальнем конце. За ней было темно.

— Бойл! Пембри! — снова позвал Тэйт.

Никакого ответа.

Он оставил здесь еще двоих.

— Смотрите за этой дверью! Сейчас принесут бронежилеты. В коридор не соваться!

Тэйт преодолел последние ступени лестницы и оказался на пятом этаже, где громко звучала музыка. Короткий, плохо освещенный коридор… И яркий свет, пробивающийся сквозь матовое стекло двери с надписью: «Историческое общество Шелби»…

Низко пригнувшись, Тэйт приблизился к двери и замер с той стороны, где петли. Потом кивнул Джейкобсу, вставшему с другой стороны, повернул ручку и изо всех сил толкнул дверь. Дверь распахнулась настежь. Стекло от удара о стену разбилось на мелкие кусочки. Тэйт мгновенно

оказался внутри, выставив вперед револьвер, и тут же скользнул вбок, прочь от входа.

Тэйт немало повидал на своем веку. Он видел чудовищные автомобильные катастрофы, жестокие драки и убийства. Шестеро его коллег погибли у него на глазах. Но то, что сейчас представилось его взору, было ужаснее всего, что ему когда-либо приходилось видеть. Окровавленный кусок мяса над воротником не имел ничего общего с человеческим лицом. Сплошное кровавое месиво… Единственный уцелевший глаз прилип возле носа… Глазницы до краев заполнены кровью…

Джейкобс двинулся дальше, оскальзываясь на залитом кровью полу. Подошел к камере и склонился над телом Бойла, все еще прикованным к ножке стола. Тот тоже был весь в крови. Разбитая голова его будто взорвалась, забрызгав сгустками крови пол камеры, стены и кровать.

Джейкобс попытался нащупать пульс.

— Этот мертв, — сказал он. — А что с тем, сержант?

Тэйт наконец пришел в себя. Устыдившись минутной слабости, он схватился за рацию:

— Командный пост! Двое охранников в ауте. Повторяю, двое в ауте. Заключенного в камере

нет. Лектера нет. Внешним постам — смотреть за окнами! Заключенный забрал простыни с койки — может попытаться сделать из них веревку! Вызовите «Скорую помощь»!

— Пембри тоже мертвый, сержант? — снова спросил Джейкобс.

Тэйт присел над Пембри и пощупал ему пульс. И тут бесформенная масса на полу пошевелилась и закашлялась. Там, где был рот, вздулся кровавый пузырь.

— Пембри жив, — сказал Тэйт.

Ему очень не хотелось бы делать сейчас раненому искусственное дыхание изо рта в рот, но он знал, что, если понадобится, он будет, хотя бы потому, что никому из ребят приказать этого не может.

Лучше бы ему умереть, но если будет нужно, Тэйт готов помочь. Стоп! Сердце раненого билось, пульс прощупывался, окровавленное месиво на полу дышало!

Рация вновь затрещала. Лейтенант из патрульной машины, стоявшей на парковке, требовал дальнейших сообщений.

Тэйт обернулся к лестнице.

— Марри, — позвал он одного из полицейских, — иди сюда и побудь с ним. Поговори,

постарайся успокоить. Пусть он чувствует, что рядом кто-то есть.

— Как его зовут, сержант? — Лицо Марри было совершенно зеленым.

— Пембри. Сядь рядом, поговори с ним, черт возьми! — И затем в микрофон рации: — Двое охранников в ауте. Бойл мертв, Пембри в тяжелом состоянии. Лектер сбежал. Он забрал их оружие. Но пояса с кобурами остались на столе.

Голос лейтенанта едва доносился из динамика рации:

— А что лестница? Лестницу проверили? Санитары могут по ней подняться?

— Да, сэр. Предупредите пост на четвертом этаже, когда они пойдут наверх. У меня посты расставлены по всем лестничным площадкам.

— Понял, сержант. Восьмой пост сообщает, что они вроде заметили движение за одним из окон на четвертом этаже главного здания. У нас все выходы перекрыты, там он не пройдет. Пусть посты остаются на всех этажах башни. Группа захвата уже едет сюда. Предоставим спецчастям выкурить его оттуда. Как поняли? Прием.

— Вас понял. Им займутся спецчасти.

— Он вооружен?

— Два револьвера и карманный нож. Эй, Джей-

кобс, посмотри там: он взял запасные патроны?

— Ничего он не взял, козел. Все запасные патроны на месте — и у Пембри, и у Бойла. Кретин, ни одного патрона не взял!

— Что за патроны?

— ППД, тридцать восьмой калибр.

Тэйт поднес микрофон ко рту:

— Лейтенант, у него вроде бы два шестизарядных револьвера тридцать восьмого калибра. Мы слышали три выстрела, а запасные скорозарядные устройства он не взял. Значит, у него, наверное, осталось девять патронов. Сообщите спецчастям, что у него пули ППД и что он любит стрелять в лицо.

Пули ППД — повышенного поражающего действия — страшная штука. В отличие от обычных револьверных пуль они имеют оболочку, причем с полой головкой. Бронежилет они, конечно, не пробьют, но попадание в голову смертельно, а руку или ногу изуродует страшно.

— Тэйт, санитары с носилками вошли наверх, — сообщил лейтенант.

«Скорая помощь» прибыла на удивление быстро, хотя Тэйту и это короткое время показалось чуть ли не вечностью. У него в ушах все время звучали стоны Пембри. Марри, склонившись над

пострадавшим, старался его успокоить, но сам при этом смотрел в сторону, не решаясь перевести взгляд на эту дергающуюся в конвульсиях и кашляющую кровью массу.

— Все о'кей, Пембри, — приговаривал он. — Все в порядке. «Скорая» уже приехала.

Тэйт, увидев санитаров, появившихся в дверях, крикнул, как, бывало, на войне:

— Носилки!

Он взял Марри за плечо и отодвинул его в сторону. Санитары действовали быстро и сноровисто. Положили окровавленное тело на носилки, пристегнули ремнями, умело закрепив под ремнем скользкие от крови руки, стиснутые в кулаки, прикрыли изуродованное лицо тампонами, наложили маску и подключили кислородную подушку. Один из них достал баллон с плазмой для внутривенного вливания, но второй, который в это время измерял раненому давление, качнул головой:

— Не надо. Берись, понесли.

Вновь заговорила рация:

— Тэйт, займитесь теперь дверьми, соединяющими башню с главным зданием. Проверьте двери на всех этажах и заприте их. У каждой поставьте пост со стороны башни. Сейчас вам

принесут бронежилеты и ружья. Мы возьмем его живьем. Если он сам выйдет, конечно. Я рисковать не собираюсь. Мне на его жизнь наплевать! Как поняли?

— Вас понял, лейтенант.

— Действовать будет группа захвата, и только она! Повторите!

Тэйт повторил приказ.

Он был старым, опытным служакой, и теперь ему представился случай проявить все свои таланты. Они с Джейкобсом натянули на себя тяжелые бронежилеты и пошли вниз следом за носилками, на которых несли Пембри. За ними еще двое санитаров несли вторые носилки — с телом Бойла. Полицейские, стоявшие на постах на всех лестничных площадках, лишь раз взглянув на пострадавших, приходили в ярость, и Тэйт счел нелишним предупредить их:

— Не высовываться! А то еще кто на пулю нарвется!

«Скорая помощь», включив сирену, понеслась в ближайшую больницу. Тэйт в сопровождении опытного в таких делах Джейкобса лично проверил все двери и запер их. Теперь башня была наглухо отрезана от главного здания.

На четвертом этаже из открытой двери дул

ветер. За дверью темнел коридор главного здания. Там звонили телефоны. Много телефонов. В городе уже узнали, что доктор Лектер «окружен» в главном здании, и теперь репортеры спешно проверяли все телефоны с помощью модемов своих компьютеров, надеясь заполучить «это чудовище», самого Лектера, и взять у него интервью. В таких случаях спецчасти обычно отключают все телефоны, кроме одного, по которому ведутся переговоры с преступником, но старое здание суда было слишком большим для этого, и в нем теперь размещалось слишком много разных контор.

Тэйт проверил и запер все двери. Он уже был весь мокрый от пота: тяжелый бронежилет давал о себе знать. Грудь и спина чесались. Закончив проверку помещений, он включил рацию:

— Командный пост, Тэйт на связи. Башня проверена. Мы никого не обнаружили.

— Понял, Тэйт. Капитан требует вас на командный пост.

— Иду. Пост десять! Слышите меня? Эй, там, в вестибюле?

— Да, сержант!

— Я спускаюсь к вам на лифте. На лифте, поняли?

— Понял, сержант.

Тэйт и Джейкобс спускались вниз в кабине лифта, когда на плечо сержанту упала капля крови. Еще одна разбилась о носок его ботинка.

Он поднял глаза на потолок кабины, тронул Джейкобса за плечо и прижал палец к губам.

Кровь капала из-под крышки люка на потолке кабины. Им показалось, что спуск длится целую вечность. Когда лифт наконец остановился, Тэйт и Джейкобс вышли из него спиной вперед, выставив револьверы, нацеленные на потолок кабины. Тэйт, не глядя, дотянулся до двери и захлопнул ее.

— Ш-ш-ш-ш! — прошипел он, обращаясь ко всем в вестибюле. Затем тихонько произнес: — Берри, Хауард, он там, на крыше кабины! Возьмите ее на прицел!

Тэйт вышел на улицу. Черный автобус группы захвата уже был на стоянке. У этих ребят всегда есть отмычки, любую дверь откроют, не только лифта…

Группа захвата уже начала действовать. Двое в черных бронежилетах и пуленепробиваемых шлемах рванули по лестнице на третий этаж. В вестибюле с Тэйтом остались еще двое. Они держали потолок лифта под прицелом своих

винтовок.

«Как муравьи перед нападением», — подумал Тэйт.

Командир группы захвата что-то быстро говорил в шлемофон.

— О'кей, Джонни, — произнес он. — Заметано.

На третьем этаже Джонни Петерсон сунул отмычку в замок лифта и открыл дверь. В шахте лифта было темно. Петерсон лег на пол, повернулся на спину, извлек из кармана жилета гранату с нервнопаралитическим газом и поставил ее на пол возле себя.

— Я готов, — сообщил он по радио. — Сейчас гляну вниз.

Он достал зеркальце на длинной ручке и осторожно выставил его за порог, а его напарник направил вниз луч мощного фонаря.

— Я вижу его. Лежит на крыше кабины лифта. Рядом вижу револьвер… Он не двигается.

— Руки его видишь? — спросили его по рации.

— Одну вижу. Вторая под ним. Он простынями обернулся.

— Давай покричи ему!

— ПОЛОЖИ РУКИ НА ГОЛОВУ И ЗАМРИ! — прокричал Петерсон вниз. — Он не шевелится, лейтенант. Да, хорошо.

— ЕСЛИ НЕ ПОЛОЖИШЬ РУКИ НА ГОЛОВУ, Я БРОШУ ВНИЗ ГРАНАТУ С ПАРАЛИТИЧЕСКИМ ГАЗОМ! ДАЮ ТРИ СЕКУНДЫ! — Петерсон достал из другого кармана своего жилета упор для двери — такие стальные уголки всегда имеются у любого бойца спецчастей — и крикнул: — ВНИМАНИЕ, РЕБЯТА, Я БРОСАЮ ГРАНАТУ! — И кинул упор вниз. В зеркало ему было видно, как стальной уголок отскочил от тела. — Лейтенант, он не шевелится!

— Ладно, Джонни, мы сейчас попробуем открыть люк снизу. Прикрой нас!

Петерсон перевернулся на живот, достал свой пистолет сорок пятого калибра, снял его с предохранителя, взвел курок и направил ствол вниз, на неподвижную фигуру на крыше кабины лифта.

— Готов! — крикнул он.

Петерсон видел, как в крыше лифта возникла узкая полоска света. Это его товарищи с помощью принесенного из автобуса длинного багра пытались открыть люк. Неподвижное тело им мешало, оно навалилось на крышку люка и не давало ее поднять. Наконец тело съехало в сторону, одна рука вроде бы пошевелилась.

Палец Петерсона напрягся на спусковом крючке.

— Он пошевелил рукой, лейтенант! Но это, наверное, вы его толкнули!

— Понял. Продолжаем!

Крышка люка наконец откинулась в сторону. Петерсону было теперь трудно смотреть вниз: в глаза через открытый люк бил яркий свет.

— Он не шевелится! Его рука не касается револьвера!

— Хорошо, Джонни, — раздался в динамике рации голос лейтенанта. — Убери пистолет. Мы поднимаемся на крышу кабины. Следи за ним с помощью зеркала. Если пошевелится, сразу дай знать. Стреляем только мы! Понял?

— Вас понял.

Стоя напротив двери лифта, Тэйт наблюдал, как действует группа захвата. Один с винтовкой, заряженной бронебойным патроном, взял на прицел потолок кабины. Второй установил стремянку и начал по ней подниматься. В одной руке у него был тяжелый пистолет с прикрепленным к стволу фонарем, в другой — зеркало на длинной ручке. Вот пистолет и зеркало одновременно поднялись и исчезли в люке. За ними последовали голова и плечи. Потом одна рука появилась обратно — в ней был револьвер тридцать восьмого калибра.

— Он мертв, — донеслось сверху.

Тэйт подумал вдруг, предрекает ли смерть доктора Лектера гибель для Кэтрин Мартин: кто теперь способен рассеять потемки, в которых оказалось расследование, после того как погас свет в этом чудовищном мозгу.

Тело осторожно сняли с крыши кабины, опустили в люк, где его подхватило множество рук, и положили на пол лифта, стены которого впервые были свидетелями такой ужасающей картины. В вестибюль уже набилось множество полицейских — всем хотелось посмотреть.

Вперед пробрался один из тюремных надзирателей. Он взглянул на украшенные татуировкой руки трупа и сказал:

— Да это же Пембри!

38

В салоне завывающего сиреной микроавтобуса «Скорой помощи» молодой фельдшер, с трудом удерживаясь на ногах, говорил по рации с диспетчером центральной станции. Ему приходилось кричать, чтобы перекрыть вой сирены.

— Он в коматозном состоянии, но жизненные показатели неплохие. Давление в норме. Сто тридцать на девяносто. Да, на девяносто. Пульс восемьдесят пять. Множественные ранения в области лица, кожа порезана лоскутами. Один глаз выбит. Я сделал фиксирующую повязку. Возможно, у него пулевое ранение в голову, сейчас трудно сказать…

Тут позади него на носилках зашевелились упрятанные за ремень окровавленные кулаки. Правая рука выскользнула из-под ремня, нащупала пряжку на груди и расстегнула ее.

— Я побаиваюсь затягивать повязку на голове… У него были судороги, перед тем как мы уложили его на носилки… Да, лежит на спине, закреплен ремнями.

В это время за спиной у фельдшера окровав-

ленная рука дотянулась до лица, пальцы сжали хирургический тампон и принялись вытирать кровь с глаз.

Санитар услышал, что кислород вдруг зашипел гораздо громче, повернулся и прямо перед собой увидел окровавленное лицо. Занесенного над его головой револьвера он не заметил. Удар пришелся ему над ухом.

Микроавтобус внезапно замедлил ход и остановился прямо посреди шестиполосного шоссе, вызвав затор и нетерпеливые гудки других машин, опасавшихся объезжать карету «Скорой помощи». Два хлопка, едва слышные и напоминающие резкий звук выхлопа, — и микроавтобус вновь тронулся вперед, сначала неуверенно, затем набирая скорость и перемещаясь в правый ряд.

Впереди показался выезд из аэропорта. «Скорая помощь», по-прежнему двигаясь в правом ряду, мигая маячками и завывая сиреной, приближалась к нему. Заработали «дворники», сирена замолчала, маячки погасли. Микроавтобус медленно подъехал к выезду из мемфисского международного аэропорта — огромного красивого комплекса, залитого светом в этот ранний зимний вечер. Описав дугу, он подъехал к авто-

матическим воротам, за которыми располагалась огромная подземная стоянка для транспорта. Высунулась окровавленная рука, забрала парковочный талон. И микроавтобус исчез в подземном туннеле.

39

В обычных обстоятельствах Клэрис Старлинг, конечно, обратила бы особое внимание на дом Крофорда в Арлингтоне. Но сообщение по радио о бегстве доктора Лектера заставило ее забыть об этом.

У нее саднило губы и покалывало в висках, и она вела машину совершенно автоматически. Равнодушно скользнула глазами по чистенькому, аккуратному домику постройки пятидесятых годов и, не разглядывая его, только подумала отстраненно, не за теми ли освещенными и зашторенными окнами в левом крыле лежит Белла. Дверной звонок, как ей показалось, прозвенел слишком громко.

Крофорд открыл дверь только после второго звонка. На нем был мешковатый пуловер, а в руке — радиотелефон, по которому он продолжал разговаривать.

— Это Копли, из Мемфиса, — пояснил он.

Жестом пригласив ее пройти в дом, он пошел впереди, на ходу односложно отвечая телефонному собеседнику.

В кухне медсестра как раз достала из холодильника пузырек с лекарством и поднесла его к свету, чтобы проверить, сколько осталось. Крофорд вопросительно посмотрел на нее, но она отрицательно качнула головой: его помощь была ей не нужна.

Он провел Старлинг в свой кабинет — три ступеньки вниз, явно перестроенный бывший гараж на две машины. Кабинет был просторный. Здесь имелись софа и кресла. На столе светился зеленым экран компьютера, рядом с которым стояла старинная астролябия. Ступая по ковру, она чувствовала, что он уложен прямо на бетонный пол. Крофорд указал ей на кресло. Затем, прикрыв рукой микрофон, спросил:

— Старлинг, это все, конечно, чушь собачья, но вы что-нибудь передавали Лектеру в Мемфисе?

— Нет.

— Никаких предметов?

— Никаких.

— Но вы же хотели отдать ему рисунки и прочее барахло из его прежней камеры.

— Я их ему не отдала. Они остались у меня в сумке. А вот он передал мне папку с делом. Больше ничего никто из нас друг другу не передавал.

Крофорд поднес микрофон к губам:

— Копли, все это, несомненно, полная чушь! Я требую, чтобы вы прищемили хвост этому подонку! Прямо сейчас! Направьте рапорт шефу и в местное отделение ФБР… И проследите, чтобы все ушло по спецсвязи, немедленно! Барроуз уже занимается этим. Да. — Он выключил телефон и сунул его в карман. — Кофе хотите, Старлинг? Или кока-колы?

— В чем дело, мистер Крофорд? Что за шум насчет передачи чего-то доктору Лектеру?

— Чилтон утверждает, что вы, должно быть, что-то передали Лектеру и тот воспользовался этим, чтобы открыть свои наручники. Передали не намеренно, как он говорит, а просто по незнанию.

Глаза Крофорда вдруг стали маленькими и злыми, как у черепахи. Он внимательно наблюдал за ее реакцией.

— Старлинг, этот Чилтон не пытался к вам подкатиться? Может быть, в этом причина?..

— Может быть. Мне черный с сахаром, пожалуйста.

Пока он ходил за кофе, она несколько раз глубоко вдохнула и осмотрелась. Когда живешь в общаге или в казарме, приятно хоть иногда оказаться в нормальном семейном доме. Несмотря

на то что почва уходила у нее из-под ног, Старлинг очень помогло ощущение домашнего уюта в жилище Крофордов.

Крофорд вернулся с кухни, осторожно неся чашки с кофе и внимательно глядя себе под ноги сквозь бифокальные очки. В мягких мокасинах он был на полдюйма ниже обычного. Когда Старлинг встала, чтобы взять у него кофе, их глаза оказались почти на одном уровне. От него пахло хорошим мылом, волосы с обильной сединой казались очень пушистыми.

— Копли сказал, что машину «Скорой помощи» еще не нашли. Полиция сейчас выворачивает город наизнанку.

Она покачала головой:

— Я не знаю никаких подробностей. По радио сообщили только, что доктор Лектер убил двоих полицейских и сбежал.

— Не полицейских, а тюремных надзирателей. — Крофорд ткнул пальцем в бегущий по экрану компьютера текст. — Их звали Бойл и Пембри. Вы с ними встречались?

— Да, — кивнула она. — Это они меня вывели. Но я на них не в обиде.

Вот Пембри стоит рядом с Чилтоном… Ему очень перед ней неудобно, но он выполняет

приказ. Со старомодной вежливостью, как в деревне… «Пройдемте со мной», — сказал он. У него были родимые пятна на руках и на лбу… А теперь он умер.

Она вдруг опустила свою чашку. Глубоко вздохнула, с минуту смотрела на потолок, потом спросила:

— Как ему это удалось?

— Копли говорит, что он удрал в машине «Скорой помощи». Мы еще этим займемся. А что у вас? Узнали что-нибудь по поводу ЛСД?

Старлинг провела вчера всю вторую половину дня, прогоняя через компьютер по приказанию Крендлера все имевшиеся у них данные по наркотикам и каналам их распространения.

— Пока ничего. В лаборатории сейчас просматривают дела из архива Управления по борьбе с наркотиками, сравнивают данные анализа разных партий ЛСД. Может, найдется аналогичная. Но ведь образцу уже десять лет! Лучше работать с документами, все-таки напечатанное на бумаге может дать больше, чем анализы УБН.

— Но это действительно был ЛСД?

— Да. Так как же ему все-таки это удалось, мистер Крофорд?

— Непременно хотите знать?

Она кивнула.

— Хорошо, сейчас расскажу. Они его погрузили в карету «Скорой помощи» по ошибке. Думали, что это Пембри, его невозможно было узнать.

— Он переоделся в форму Пембри? Они были примерно одного роста…

— Да, он воспользовался формой Пембри и тем, что осталось от его лица и от лица Бойла тоже. А тело Пембри засунул в водонепроницаемый чехол с матраса, чтобы кровь не капала, и запихнул на крышу кабины лифта. Надел форму, вымазал лицо кровью, лег на пол и выстрелил три раза в потолок, чтобы поднять шум. Не знаю, куда он спрятал револьвер, скорее всего, засунул себе сзади за пояс. И вот приезжает «Скорая помощь», повсюду носятся полицейские, выставив револьверы, санитары быстро поднимаются наверх и делают то, что они и должны делать в таких обстоятельствах, — первая помощь, кислород, тампоны на кровоточащие раны, затем на носилки и — в больницу. Но туда они так и не прибыли. Полиция все еще ищет их микроавтобус. Не нравится мне все это. Жаль санитаров. Копли еще сказал, что они сейчас прослушивают все магнитофонные записи переговоров «Скорой помощи» с диспетчерской. «Скорую» вызывали

два раза. Думаю, что первым ее вызвал сам Лектер, еще до стрельбы, чтобы не пришлось ждать слишком долго. Да, доктор Лектер сегодня вовсю позабавился!

Старлинг никогда не приходилось слышать в голосе Крофорда такой горечи. Горечь у нее всегда ассоциировалась со слабостью, и сейчас это ее испугало.

— Но его бегство вовсе не означает, что он нам лгал, — сказала она. — Конечно, кому-то он лгал — нам или сенатору Мартин, — но не думаю, что всем одновременно… Он сказал сенатору Мартин, что убийцу зовут Билли Рубин, и добавил, что это все, что ему известно. А мне он сказал, что это некто обуреваемый навязчивой идеей о перемене пола. Последними словами его были: «Почему бы нам не завершить возведение арки?» Он имел в виду проверку по клиникам, где делают подобные операции, чтобы…

— Да, я помню, читал в вашем рапорте. Но пока у нас ничего нет — мы еще не получили списков пациентов из этих клиник. Элан Блум сам занимается этим, он вышел прямо на заведующих отделениями. Они обещали все проверить. Придется подождать результатов этой проверки.

— Мистер Крофорд, у вас неприятности?

— Мне велено взять отпуск по семейным обстоятельствам. Создана новая оперативная группа. В ее составе представители ФБР, УБН, а также «дополнительные силы» от генерального прокурора. То бишь Крендлер.

— А кто ее возглавляет?

— Официально — заместитель директора ФБР Джон Голби. Он со мной, скажем так, регулярно консультируется. Джон — хороший парень. А как у вас дела? Тоже неприятности?

— Крендлер велел мне сдать удостоверение и пушку и вернуться обратно в академию.

— Это он вам велел до вашего последнего визита к Лектеру. Вот что, Старлинг, он накатал на вас рапорт в Инспекцию личного состава. И потребовал, чтобы дирекция поставила вопрос о вашем служебном соответствии. «Без какой-либо предвзятости» — так он написал. Чушь собачья! Джон Бригем, ваш преподаватель огневой подготовки, сам видел его рапорт. Ну, он им высказал все, что думает по этому поводу. И мне дал знать.

— Это очень плохо?

— Во всяком случае, разбирательство будет… Я-то за вас поручусь, и за вашу профессиональную подготовку тоже. Думаю, этого будет достаточно. Но если вы сейчас не вернетесь в академию, вас

непременно оставят на повторный курс, невзирая на результаты служебного расследования. Знаете, что с вами будет, если это произойдет?

— Конечно. Ушлют обратно в то отделение, где меня отбирали в академию, и посадят заниматься рапортами и варить кофе, пока не будет следующего набора или не откроется вакансия…

— Могу вам твердо обещать, что вакансия вам будет обеспечена, но если вы сейчас не вернетесь, я ничего не смогу сделать.

— Значит, либо я возвращаюсь в академию и прекращаю работать по этому делу, либо…

— Вот именно.

— Что же мне делать?

— Вашей задачей был Лектер. Вы с этой задачей справились. Я не могу вас просить продолжать расследование и быть отчисленной. Вы эдак потеряете полгода, а то и больше.

— А как же Кэтрин Мартин?

— Он держит ее уже двое суток — в полночь будет сорок восемь часов. Если мы его не вычислим, он, вероятнее всего, разделается с ней завтра или послезавтра, как это было с предыдущей жертвой.

— Но у нас ведь есть не только те данные, что мы получили от Лектера.

— Мы уже нашли шесть человек по имени Уильям Рубин, и все шестеро с уголовным прошлым. Но ни один не подходит. В списках подписчиков на энтомологические журналы — вообще ни одного Билли Рубина. Гильдия кузнецов-ножовщиков имеет сведения о пяти случаях заболевания антракозом за последние десять лет. Там еще двоих осталось проверить. Так, что еще? Да, Клауса пока не опознали. В Интерполе есть заявление об исчезновении моряка норвежского торгового флота, некоего Клауса Бьетланда или как там его еще. Норвежские коллеги сейчас пытаются найти его дантиста, чтобы прислать нам зубную карту. Если мы получим что-нибудь из клиник по поводу транссексуалов и у вас будет время, вы можете помочь. Так вот, Старлинг…

— Да, мистер Крофорд.

— Возвращайтесь в академию.

— Если вы не хотели, чтобы я и дальше занималась этим расследованием, тогда не надо было меня брать с собой в то похоронное бюро.

— Да, наверное. Но тогда бы мы не обнаружили куколку. Вот что, не сдавайте свою пушку. В Квантико вам будет вполне безопасно, но все же лучше быть вооруженной, если понадобится уехать с базы. Пока Лектер жив и не пойман.

— А как насчет вас? Он же вас ненавидит! Я хочу сказать, что он наверняка вынашивает планы мести…

— Он не одинок. Таких много — по тюрьмам сидят. Через какое-то время он, видимо, попробует их осуществить. Но не сейчас. Сейчас он слишком занят — наслаждается свободой. Сейчас он не станет тратить время на меня. А мой дом на самом деле гораздо безопаснее, чем может показаться.

В кармане Крофорда заверещало сигнальное устройство. Телефон, стоявший на столе, зазвонил и замигал сигнальной лампочкой. Крофорд снял трубку и некоторое время слушал. Потом сказал: «Хорошо!» — и выключил его.

— Они нашли машину «Скорой помощи» на подземной стоянке мемфисского аэропорта. — Он покачал головой. — Дело плохо, санитаров тоже нашли — мертвыми.

Крофорд снял очки и пошарил по карманам, пытаясь обнаружить свой носовой платок, чтобы протереть стекла.

— Да, Старлинг, Барроузу звонил этот малый из Смитсоновского института. Этот, как его, Пилчер. Просил передать вам, что они почти закончили с куколкой. Я вас попрошу написать об этом рапорт по форме триста два и направить его в архив.

Это вы нашли куколку, и я хочу, чтобы это было отмечено в документах. Хорошо?

Старлинг чувствовала себя как выжатый лимон.

— Хорошо, — сказала она.

— Оставьте свою машину в гараже. Джефф отвезет вас в Квантико, когда вы с этим закончите.

Уже на крыльце она посмотрела в сторону освещенных и занавешенных окон левого крыла дома, где дежурила медсестра, и обернулась к Крофорду:

— Я все время думаю о вас обоих, мистер Крофорд…

— Спасибо, Старлинг, — откликнулся он.

40

— Офицер Старлинг, доктор Пилчер ждет вас в инсектарии. Я провожу вас, — сообщил ей вахтер.

Чтобы попасть в инсектарий со стороны Конститьюшн-авеню, надо было подняться на лифте, миновать этажом выше гигантское чучело слона и пройти через огромный зал, посвященный истории человека.

Первым, что здесь бросалось в глаза, были застекленные ряды бесконечных полок с черепами, представляющими развитие человечества от Рождества Христова.

Старлинг в сопровождении вахтера шла по тускло освещенному залу, в котором были выставлены экспонаты, иллюстрирующие различные стадии эволюции человека, в следующем были представлены достижения древних врачевателей, чудеса хирургии инков, ритуальные татуировки.

— Вильгельма фон Элленбогена видели? — спросил вахтер, осветив фонариком одну из витрин.

— Не припоминаю, — ответила Старлинг, не замедляя шага.

— Приходите в другой раз, когда музей будет открыт. Рассмотрите хорошенько при свете. Его в восемнадцатом веке в Филадельфии похоронили, понимаете? А потом грунтовыми водами залило, так он в статую превратился.

Инсектарий оказался большой комнатой, слабо освещенной и наполненной странными звуками — скрипами, щебетанием, каким-то чириканьем и жужжанием. Вся она была заставлена клетками и ящиками с насекомыми. Днем здесь толпами ходили посетители, прежде всего дети. А сейчас, в сумерках, насекомые были предоставлены самим себе. Некоторые клетки были освещены красным светом, а по углам комнаты таким же красным горели указатели аварийных выходов.

— Доктор Пилчер! — позвал вахтер.

— Я здесь, — отозвался голос из глубины комнаты, и там появился луч фонаря, направленный вверх, как маяк.

— Вы сами проводите даму, когда закончите?

— Да, конечно. Благодарю вас.

Старлинг достала из сумки свой собственный фонарик и обнаружила, что он был все время включен и батарейка совершенно села. Она

раздраженно засунула фонарь обратно в сумку. Да, она здорово устала и вымоталась. Но надо держаться.

— Здравствуйте, офицер Старлинг.

— Здравствуйте, доктор Пилчер.

— Вы меня, может, еще профессором назовете?

— А вы разве профессор?

— Нет. Я даже не доктор. Но все равно я рад вас видеть. Жучков посмотрим?

— Конечно. А где доктор Роден?

— Он работал двое суток подряд, со щетинками разбирался. Собственно, ему мы и обязаны нашими успехами. Но теперь он совсем выдохся. Вы внимательно рассмотрели эту куколку до того, как мы начали над ней работать?

— Нет.

— Она была довольно сильно повреждена.

— Но вы все же поняли, что это такое?

— Да. Только что. — Он остановился у одной из клеток. — Прежде всего позвольте вам показать бабочку, похожую на тех, что выходят из таких куколок, какую вы нам принесли в понедельник. Это, правда, не совсем то же самое, что у вас, но из того же семейства — совка.

Луч фонаря нащупал в клетке крупную, отливающую синим блестящую бабочку. Она сидела

на прутике, сложив крылья. Пилчер подул на нее, и тут же на ее спине появился лик совы: бабочка распахнула свои крылья. На них смотрели глаза ночной хищницы — последнее, что видит перед смертью обреченная мышь.

— Это Caligo beltrao, достаточно широко распространенный вид. А вот та, что обнаружили во рту у Клауса, совсем другое дело. Пойдемте.

В конце комнаты в нише был установлен большой ящик с решеткой перед ним — чтобы дети не могли достать руками. На ящик был наброшен матерчатый чехол. Рядом тихо работал увлажнитель воздуха.

— Мы их держим под стеклом, чтобы посетители не совали туда пальцы — эта бабочка может здорово тяпнуть! Она любит влажный воздух, и стекло помогает его сохранить. — Пилчер взял клетку за ручки и придвинул ее поближе. Поднял чехол и включил маленькую лампочку рядом. — Это бабочка «мертвая голова», — сказал он. — Мы ее специально держим под чехлом: надеемся, что она яички отложит.

Бабочка была прекрасна и ужасна одновременно. Ее огромные коричнево-черные крылья были сложены словно плащ, и на спине четко выделялся рисунок, давший бабочке название и

пугавший людей на протяжении многих тысячелетий — с тех пор, как человек в первый раз внезапно наткнулся на нее в райских кущах. Череп — человеческий череп — смотрел с ее спины своими черными глазницами. Четкие обводы впалых щек, оскаленный рот…

— Acherontia styx, — сказал Пилчер. — Название ей дали в честь двух рек из царства мертвых. Этот, за которым вы охотитесь, он тоже бросает тела в реки?

— Да, — ответила Старлинг. — Это редкая бабочка?

— В наших краях — да. Здесь ее вообще в естественных условиях не встретишь.

— Откуда она? — Старлинг приблизила лицо к сетчатой крышке клетки. От ее дыхания ворсинки на спине бабочки зашевелились. Старлинг даже отшатнулась, когда насекомое издало резкий скрипучий звук и взмахнуло крыльями. Она почувствовала на лице легкое дуновение ветерка.

— Из Малайзии. В Европе есть свой вид из того же семейства — они называются Atropos, — но эта, как и та, что была у Клауса, из Малайзии.

— Значит, кто-то ее специально вырастил здесь.

— Да. — Пилчер кивнул. — Ее, видимо, привезли в виде яичка или, что более вероятно, в виде куколки. Пока еще никому не удалось добиться, чтобы они откладывали яички в неволе. Они совокупляются, но никаких яичек. Самое трудное — найти в джунглях гусеницу. После этого их нетрудно вырастить.

— Вы сказали, что она кусается…

— У нее очень острый хоботок, и весьма твердый. Если зазеваешься, тут же всадит его тебе в палец. Очень необычное оружие. Он даже в спирте не размягчается. Именно хоботок и помог нам сузить поиски, и мы смогли довольно быстро идентифицировать ваш образец.

Пилчер вдруг остановился, словно ему стало стыдно за похвальбу. Потом продолжил:

— Настырные твари. Даже в ульи проникают — крадут мед. Мы однажды, помню, ловили их на Борнео, так они стаями летели на свет возле общежития… Довольно жуткое было зрелище. Да и звуки они издавали…

— А эта откуда к вам попала?

— Какой-то обмен с правительством Малайзии. Не знаю, что мы им дали взамен. Да, странное было зрелище: мы стояли в полной темноте и ждали со своими морилками, когда…

— Вы не знаете, какие документы заполняются на таможне при ввозе насекомых? У вас нет таких данных? И нужно ли разрешение для их вывоза из Малайзии? У кого можно это узнать?

— Извините, я не знал, что вы торопитесь. Я вам тут все написал — все, что мы выяснили, и где можно опубликовать объявления, если занимаешься такими делами, и все прочее. Идемте, я провожу вас.

Они молча прошли через зал к лифту. В освещенной кабине Старлинг обратила внимание на то, что Пилчер вымотан не меньше, чем она сама.

— Вы, я вижу, потратили на это кучу времени и сил, — сказала она. — Спасибо вам. Мне не хотелось перебивать вас, но вы понимаете…

— Надеюсь, вы его поймаете. И скоро. Я там еще написал вам названия химикалий, которые он мог приобретать, чтобы сохранять их мягкими. Вот еще что, офицер Старлинг… Мне бы хотелось познакомиться с вами поближе.

— Может быть, я позвоню вам, когда освобожусь.

— Обязательно позвоните! Обязательно! Я буду ждать!

Дверь лифта захлопнулась, и Старлинг с Пи-

лчером вышли из здания. В зале, посвященном истории человека, царила тишина. Неподвижно стояли многочисленные экспонаты — татуированные, мумифицированные, со спеленутыми ногами…

А в инсектарии горели только красные огоньки пожарной сигнализации, отражаясь в тысячах глаз древнейших обитателей Земли. Тихо шипел увлажнитель воздуха. Под чехлом своей клетки бабочка «мертвая голова» спустилась на пол и прошествовала в угол, волоча за собой крылья. Она нашла в кормушке соты с медом и, схватив кусок мощными лапками, раскрутила хоботок и вонзила его острый конец в воск. Проколов оболочку, она принялась высасывать мед. А вокруг нее другие насекомые гонялись друг за другом и убивали, порхали и ползали, жужжали и скрипели на все лады.

41

Кэтрин Бейкер Мартин сидит в ненавистной тьме на дне этого ужасного колодца. Тьма окружает ее со всех сторон, даже внутри ее сплошная тьма. Тьма в глазах и даже за глазными яблоками, в черепной коробке. Тьма снится ей в те недолгие минуты, когда она забывается судорожным сном. Тьма проникает в нее, коварная и неудержимая, — проникает через ноздри и уши, ощупывает влажными пальцами все ее тело. Кэтрин зажимает рот и нос одной рукой, а другой закрывает влагалище, судорожно стискивает ягодицы, утыкается одним ухом в матрас, принося в жертву другое, в которое тьма может проникнуть… И тут возникает звук, от которого она вздрагивает и просыпается. Знакомый деловой звук, звук работающей швейной машины. Вот строчит медленно, а теперь быстрее…

Вверху, в подвальном помещении, горели лампочки — Кэтрин видела круг желтоватого света там, высоко над головой, где в деревянной крышке, прикрывающей колодец, сейчас был открыт небольшой люк. Вот залаял пудель, а затем воз-

ник этот странный, потусторонний голос, глухой, неясный. Что-то говорит собаке…

Швейная машина… Очень странно слышать здесь этот звук. Его здесь не должно быть — он принадлежит другому миру, где всегда светло… Освещенная солнцем комната ее детства, там всегда стояла швейная машина… Как давно это было… И их экономка, милая, добрая Беа… Сидит у машины и шьет… А кошка прыгает на развевающуюся от ветра занавеску…

И снова этот гнусный голос разметал все, и воспоминания пропали. Он ворчал на собаку:

— Прелесть, сейчас же положи обратно! Ты уколешься булавкой, что тогда делать будем? Я уже почти все закончил. Да-да, золотко. И сейчас тебя покормлю. Вот закончу и покормлю. Ц-ц-ц-ц…

Кэтрин не имела ни малейшего понятия, сколько времени сидит здесь. Она помнила только, что мылась уже два раза. Во второй раз она встала во весь рост, выпрямившись в лучах яркого, слепящего света. Она хотела, чтобы он видел ее всю, все ее тело, хотя и не была уверена, что он наблюдает за ней оттуда, сверху. Обнаженная Кэтрин Бейкер Мартин являла собой потрясающее зрелище — роскошная женщина, с какой стороны ни посмотри. И она знала об этом. И

хотела, чтобы он это видел. Она страстно хотела выбраться из колодца. Если он все же соберется ее трахнуть, тогда можно будет и побороться… Так она решила и повторяла это про себя все то время, пока мылась. Она получала очень мало пищи и знала, что чем скорее она попытается это проделать, тем лучше. Пока у нее еще есть силы. Она была твердо намерена бороться, драться. А может быть, лучше сначала позволить ему трахнуть ее?.. Пусть трахает, пока сил хватит. Лишить его силы… Она твердо знала, что если ей только удастся взять его в захват, за шею, ногами… Довольно и полсекунды, чтобы отправить его к праотцам… «А я смогу? Сил хватит? Еще бы не хватит, черт бы меня побрал! Еще как хватит! По глазам и по яйцам! По глазам и по яйцам! По глазам и по яйцам!!!»

Но сверху не доносилось ни звука. Она покончила с мытьем и надела чистый спортивный костюм. Тот, наверху, никак не реагировал на ее тело. Ведро с грязной водой, раскачиваясь на тонкой веревке, поднялось наверх, а вместо него спустилось другое, которое служило ей туалетом.

С того времени прошло уже несколько часов, а она все ждала, вслушиваясь в стук швейной

машины. Она не звала его. Потом — может, она успела сделать тысячу вдохов и выдохов — она услышала его шаги. Он поднимался по лестнице и что-то говорил собаке, что-то вроде «получишь свой завтрак, когда я вернусь». Свет в подвале он оставил. Иногда он оставлял его включенным.

Собака зацокала когтями по полу кухни, там, наверху.

Потом завыла. Да, похититель явно собирался уходить. Иногда он покидал дом надолго.

Кэтрин ждала. Вдох — выдох, вдох — выдох. И так сотни, тысячи раз. Собачонка все бродила наверху по кухне. Подвывала, что-то катала или двигала по полу… Видимо, свою миску… Все время стук ее когтей, все время она бродит там, наверху. Потом снова залаяла — резкие короткие взгавкивания, теперь не так хорошо различимые, как раньше, когда собака была прямо над ней, в кухне. Теперь собака лаяла не в кухне. Она, видимо, сумела открыть носом дверь и спустилась в подвал. Наверное, за мышью погналась. Она уже не раз так делала и раньше, когда он уходил.

Внизу в полной тьме Кэтрин Мартин пошарила рукой под матрасом. Нащупала куриную косточку и понюхала ее. Было очень трудно удержать себя, не впиться зубами в остатки мяса и жилок

на этой косточке. Она положила косточку в рот, чтобы согреть ее. Потом встала, пошатываясь во тьме. В голове все плыло. Она была одна на дне этого ужасного колодца, совершенно одна. А у нее — только спортивный костюм. Да еще матрас и ведро рядом на тоненькой веревочке, тянущейся вверх, к желтому кругу света.

Она обдумывала это все время, вернее, в те моменты, когда была в состоянии думать. Встав, Кэтрин поднялась на цыпочки и ухватилась за веревку. Дернуть или потянуть? Она не раз думала об этом, много думала, тысячи вдохов и выдохов. Нет, лучше потянуть.

Веревка все растягивалась и растягивалась, не желая рваться. Этого Кэтрин не ожидала. Она перехватила веревку повыше, так высоко, как только могла достать, и опять потянула, водя рукой из стороны в сторону в надежде, что веревка перетрется там, где касается края деревянной крышки колодца. Она водила рукой, пока не заболело плечо. Немного отдохнула и снова потянула на себя. Веревка еще чуть-чуть растянулась, потом тянуться перестала. «Пожалуйста, ну пожалуйста, порвись повыше!..» Веревка лопнула и упала вниз, задев ее кончиком по лицу.

Сев на пол, она собрала веревку. Света не хва-

тало, видно было плохо. Она не могла понять, сколько футов веревки ей удалось оторвать. Только бы не запутать… Она тщательно сложила веревку кольцами на полу, измеряя ее собственным локтем. Получилось четырнадцать локтей. Веревка порвалась как раз там, где касалась крышки колодца.

Она привязала к одному концу веревки куриную косточку с остатками мяса и закрепила его на ручке ведра.

Теперь самое трудное. Она собрала всю свою волю в кулак. Так моряк готовится встретить ураган в открытом море.

Другой конец веревки Кэтрин привязала к запястью, затянув узел зубами. Потом встала и отодвинулась подальше к стене. Взяв ведро за ручку, она размахнулась и швырнула его прямо вверх, целясь в неяркий круг желтого света. Пластиковое ведро не попало в люк. Оно отскочило от деревянной крышки и упало обратно, ударив ее в лицо и по плечу. Собачонка громко залаяла.

Она снова тщательно сложила веревку кольцами и опять бросила ведро вверх. И еще раз, и еще… Один раз ведро, упав, попало ей прямо по сломанному пальцу, и ей пришлось прислониться к стене и подождать, пока уймется боль

и тошнота. И с четвертой попытки ведро свалилось на нее. А с пятой не свалилось. Оно все-таки вылетело наружу! Теперь оно лежало там, на деревянной крышке колодца, рядом с открытым люком. «Интересно, далеко от люка? Попробуем потянуть». Она тихонько потянула за веревку. И тотчас услышала, как ручка ведра загремела по крышке колодца.

Опять залаяла собака.

«Только бы ведро не свалилось обратно! Но все же надо подтянуть его как можно ближе к люку. — Она еще потянула за веревку. — Вот так, теперь, наверное, в самый раз…»

Собака там, наверху, в подвальном помещении, среди зеркал и манекенов. Обнюхивает обрезки под швейной машиной. И огромный черный платяной шкаф. Поглядывает в дальний конец подвала, откуда исходят эти странные звуки. Бросается туда, свирепо лая, и отскакивает назад.

Вместо странных звуков возникает голос, он зовет, эхом отражаясь от стен подвала:

— Прелесть! Прелес-с-с-сть!

Собака загавкала и подпрыгнула на месте. Ее толстенькое тельце все сотрясалось от лая.

А теперь чмокающие звуки.

Собачонка оглянулась на лестницу, ведущую

наверх, в кухню, но призывные звуки доносились вовсе не оттуда. Вот опять чмокающие звуки, как будто кто-то ест…

— Ц-ц-ц-ц! Ну давай, Прелесть! Иди сюда! Ко мне, золотко!

Подняв уши, собака осторожно пошла на звук.

— Ц-ц-ц-ц! Иди же, золотко, иди ко мне, Прелесть!

Собачонка уже учуяла запах куриной косточки, привязанной к ведру. Она потрогала лапкой стенку колодца и завыла.

— Ц-ц-ц-ц!

Собачонка вспрыгнула на деревянную крышку колодца. Да, запах шел именно отсюда! Вот она, косточка, между ведром и люком! Собака залаяла на ведро и снова завыла, не решаясь схватить. Косточка чуть-чуть пошевелилась.

Собака залегла, положив мордочку на передние лапы, задрав задик высоко вверх и виляя хвостом. Она дважды гавкнула и все-таки ринулась на косточку, схватив ее зубами. Тут ведро, как ей показалось, попыталось оттолкнуть ее от желанной добычи. Собака зарычала на ведро, не выпуская косточку из пасти, уперлась всеми четырьмя лапами, не поддаваясь нажиму ведра. Но ведро вдруг сшибло пуделя с ног и потащило к откры-

тому люку. Ударило еще раз, толкая к отверстию в крышке. Собака забарахталась, пытаясь встать, но ведро ударило еще раз и еще. Задние ноги пуделя соскользнули в отверстие и потеряли опору. Вот и тельце ее исчезло в люке. Она отчаянно скребла когтями по дереву крышки, стараясь вылезти, но ведро все надвигалось на нее, толкая вниз. Собака наконец освободилась и выскочила на крышку, а ведро, перевалившись через край, упало вниз вместе с куриной косточкой. Собачонка яростно залаяла на отверстие. Потом вдруг перестала лаять и прислушалась. Только она слышала этот звук — другой звук, сверху. Собака спрыгнула с крышки люка и понеслась наверх по лестнице, громко лая. Наверху хлопнула входная дверь.

Слезы душили Кэтрин Мартин. Они текли по щекам и капали на грудь. Костюм на груди был весь мокрый. Теперь она твердо знала, что скоро умрет.

42

Крофорд стоял посреди кабинета, глубоко засунув руки в карманы. Он стоял так целых три минуты, с 12.30 до 12.33, обдумывая только что пришедшую в голову мысль. Затем отправил телекс в Управление транспортных средств штата Калифорния, запросив все данные о дачном прицепе, который, как утверждал Лектер, Распай купил именно в Калифорнии и которым пользовался, когда крутил свой роман с Клаусом. Крофорд просил также выяснить, не регистрировались ли нарушения правил движения каким-либо другим водителем, кто мог пользоваться этим прицепом.

Затем он уселся на софу и принялся сочинять завлекательное объявление для публикации в крупнейших газетах.

«Фотомодель, 21, с фигурой Юноны, страстная и нежная, в расцвете красоты, ищет мужчину, способного ценить не только качество, но и количество. Снималась для коммерческой рекламы; фото публиковались в ведущих журналах. Обращаться письменно, фото обязательно».

Подумав с минуту, Крофорд вычеркнул «с фигурой Юноны» и вместо этого написал «с великолепным телом».

Голова его опустилась, и он задремал. Зеленые блики от экрана компьютера отражались в линзах его очков. Текст двигался по экрану снизу вверх, и это движение повторялось в стеклах его очков. Во сне он помотал головой, словно это движение раздражало его.

Текст на экране был следующий:

«Полиция Мемфиса обнаружила два предмета при обыске камеры Лектера.

1. Самодельный ключ для наручников, изготовленный из металлического стержня от шариковой ручки. На стержне обнаружены насечки, сделанные путем трения об острый предмет. В Балтимор направлена просьба проверить его камеру в психбольнице на предмет обнаружения следов изготовления. Отв.: Копли, Мемфис.

2. Листок блокнота, оставленный беглецом в унитазе. Оригинал направлен в лабораторию в Лэнгли для анализа и в отдел криптографии для дешифровки. Передаем факсимиле записи. Вниманию Бенсона, отдел криптографии!»

Следом на экране возникло имя «Чилтон» с добавлением странных цифр: C33H36ILTN4O6.

Тихое попискивание компьютера не разбудило Крофорда, но пару минут спустя это сделал звонок телефона. Это был Джерри Барроуз, который по-прежнему сидел на «горячей линии» прямой связи, просматривая все сообщения, поступающие из Национального центра криминальной информации.

— Джек, видел, что у тебя на экране?

— Минутку… Да, понял.

— Запись уже в лаборатории, Джек, эти каракули, что Лектер оставил в сортире. Буквы и цифры — это формула. Биохимия. C33H36N4O6 — это формула пигмента в желчи человека, который называется билирубин! Ребята из лаборатории говорят, что это основной цветообразующий фактор в кале человека.

— Черт знает что!

— Ты был прав насчет Лектера. Он просто водил всех нас за нос. Жаль сенатора Мартин. Ребята еще сказали, что цвет билирубина точно соответствует цвету волос Чилтона. Юмор у них такой, патология сплошная. Кстати, ты видел Чилтона по телевизору, в программе новостей?

— Нет.

— Мэрилин Саттер видела. Он там все распространялся насчет «поисков Билли Рубина». А

потом отправился с телерепортером обедать. Там он и проваландался все то время, пока Лектер делал ноги. Какой все-таки кретин!

— Лектер говорил Старлинг, чтобы она не забывала, что у Чилтона нет докторской степени, — заметил Крофорд.

— Да, я видел ее рапорт. Думаю, Чилтон пытался затащить Старлинг в койку и схлопотал по морде. Он, конечно, кретин, но не слепец же! Девочка-то прелесть! Кстати, как она?

— Да ничего вроде. Вымоталась, конечно.

— Как ты думаешь, Лектер и ей дурил голову?

— Вполне возможно. Но мы пока будем работать с полученными от него данными. Не знаю, что нам даст проверка клиник. Мне кажется, надо было начать с судебных приговоров по таким делам… Очень мне не хочется этим заниматься… Ну ладно, завтра с утра, если ничего не получим из клиник, займемся судебными архивами.

— Джек, у тебя служба наружного наблюдения знает, как Лектер выглядит?

— Конечно.

— А тебе не кажется, что он сейчас где-то сидит и смеется над нами?

— Кажется. Но может, ему недолго осталось смеяться?

43

Доктор Ганнибал Лектер стоял возле стойки регистрации в элегантном вестибюле отеля «Маркус» в городе Сент-Луисе. На нем были коричневая шляпа и застегнутый до самого горла плащ. Нос и щеки закрывала аккуратная марлевая повязка.

Он расписался в книге регистрации: «Ллойд Уаймен». Эту подпись он отработал в машине Уаймена.

— Как вы будете расплачиваться, мистер Уаймен? — спросил администратор.

— «Американ экспресс», — ответил доктор Лектер и протянул администратору кредитную карточку Ллойда Уаймена.

Из холла доносилась тихая фортепианная музыка. В баре сидели двое, и у обоих лица были забинтованы. Пожилая пара прошла к лифту, что-то тихо напевая. У женщины глаз был закрыт марлевой нашлепкой.

Администратор закончил с проверкой кредитной карточки.

— А знаете, мистер Уаймен, вы ведь можете

бесплатно пользоваться гаражом больницы.

— Да, спасибо, я знаю, — ответил доктор Лектер.

Он уже поставил машину Уаймена в гараж. Сам Уаймен лежал в багажнике.

Носильщик отнес чемоданы Уаймена в номер и получил в награду за труды пятерку из денег Уаймена.

Доктор Лектер заказал в номер коктейль и пару сэндвичей, а сам направился прямо в душ. Ему хотелось расслабиться.

После тюремной камеры гостиничный номер показался доктору Лектеру огромным. Он наслаждался, разгуливая по ковру взад и вперед, к окну и от окна. Из окон открывался вид на городскую больницу, на тот ее корпус, в котором размещался один из крупнейших центров черепно-лицевой хирургии.

Доктор Лектер прекрасно понимал, что его лицо слишком хорошо известно, чтобы он мог воспользоваться услугами здешних хирургов для пластической операции. Но это было, пожалуй, единственное место в мире, где можно свободно ходить повсюду с забинтованным лицом, не вызывая ничьего удивления.

Он уже бывал здесь раньше, давно, когда зани-

мался в прекрасной местной библиотеке.

Как хорошо, что у него теперь есть окно! Даже несколько окон! Он стоял, не зажигая света, смотрел вниз, на огоньки автомобилей, проезжавших по мосту Макартура, и наслаждался коктейлем. Тело приятно расслабилось после довольно утомительной пятичасовой езды на машине из Мемфиса.

Единственный момент за весь сегодняшний день, когда он рисковал и торопился, был в международном аэропорту Мемфиса, на подземной автостоянке. Смывать с лица кровь с помощью ваты, спирта и дистиллированной воды в заднем отсеке машины «Скорой помощи» было очень неудобно. Но потом, когда он уже переоделся в белый халат санитара, надо было просто подловить какого-нибудь одинокого пассажира. А уж справиться с ним в огромном пустом подземном гараже никаких трудностей не представляло. Тем более что этот пассажир словно нарочно нагнулся, доставая чемодан из багажника машины. Он даже не слышал, как доктор Лектер подошел к нему сзади.

Доктор Лектер лениво подумал, уж не сочла ли его полиция полным дураком, способным попытаться улететь из Мемфиса самолетом…

Единственной проблемой на пути в Сент-Луис было освоиться с этой иностранной машиной. Доктор Лектер потратил немало времени, прежде чем нашел все нужные кнопки и рычаги, чтобы включать свет, сигнал поворота, «дворники» и прочее. Здесь они были установлены прямо на колонке руля.

Завтра он отправится по магазинам. Надо купить краситель для волос, бритвенные принадлежности, лампу-соллюкс и еще многое другое. Кроме того, ему нужен рецептурный бланк, чтобы достать то, что поможет ему внести некоторые изменения в свою внешность. А потом уже можно двигаться дальше.

Пока же спешить было совершенно ни к чему.

44

Арделия Мэпп полулежала на кровати в своей любимой позе, откинувшись на подушки, с книгой в руках. Радио передавало обзор новостей. Она обернулась, когда Клэрис Старлинг ввалилась в комнату. Увидев ее измученное лицо, она, к счастью, не стала задавать лишних вопросов. Спросила только:

— Чаю хочешь?

Когда Арделия интенсивно занималась, она всегда выпивала огромное количество напитка из заваренных сушеных листьев, что присылала ей бабушка и который она называла «умственный чай».

Из тех двоих умных, которых знала Старлинг, один был воплощением надежности, а другой — ужаса. Старлинг полагала, что они каким-то образом взаимоуравновешивают свое влияние на нее.

— Повезло тебе, что ты сегодня пропустила занятия, — сказала Мэпп. — Этот проклятый Ким Вон заставил нас прямо-таки землю рыть! Правда-правда! У них там, в Корее, сила тяже-

сти, наверное, больше, чем у нас. И когда они приезжают сюда, им ничего не стоит получить место преподавателя физподготовки. Они здесь легкими становятся! Понимаешь? Кстати, Джон Бригем заходил.

— Когда?

— Незадолго до твоего возвращения. Вечером. Хотел узнать, не вернулась ли ты. Волосы напомадил. Он все по холлу бродил, как первокурсник какой-нибудь. Мы с ним немного поговорили… Он сказал, что если ты отстала от курса и тебе надо засесть за учебники, то лучше нам завтра не ходить на стрельбище, а как следует позаниматься. А он разрешит нам пострелять в выходные. Я сказала, что мы ему тогда сообщим, если соберемся. Он хороший мужик.

— Ага. Хороший.

— А ты знаешь, что он хочет включить тебя в нашу сборную по стрельбе на соревнованиях против команд УБН и таможенной службы?

— Нет.

— Это открытые соревнования, не просто женский турнир. Теперь следующий вопрос: ты хоть что-нибудь знаешь к экзамену по Четвертой

поправке?[48]

— Довольно много.

— Хорошо, тогда скажи-ка, о чем было дело «Чимел против штата Калифорния»?

— Об обысках в средних школах.

— Что именно об обысках в средних школах?

— Не помню.

— Так вот, в этом деле рассматривался вопрос о «немедленном допуске» в помещение школы. А кто такой Шнеклот?

— Черт, не помню!

— Дело «Шнеклот против Бустамонте».

— Кажется, это имеет отношение к пределам невмешательства в личную жизнь…

— Черта лысого! Предел невмешательства в личную жизнь — это принцип Катца! Дело Шнеклота — это о разрешении на обыск! Да, я вижу, детка, что нам с тобой придется засесть за книги! К счастью, у меня есть все конспекты.

— Только не сегодня!

— Конечно нет. Но завтра утром, когда твои мозги отдохнут и станут более восприимчивы, мы начнем сажать в эту плодородную почву семе-

---

[48] Сноски: 48

Четвертая поправка к Конституции США провозглашает права граждан на неприкосновенность личности, жилища, имущества и т. д. и запрещает необоснованные обыски, задержания и аресты.

на, чтобы снять урожай в пятницу, на экзамене. Да, вот еще что! Бригем сказал — а я обещала никому не говорить, — он сказал, что тебе ничего серьезного не угрожает. Тебя, конечно, вызовут для объяснений, но этот надутый сукин сын Крендлер уже ничего толком не помнит. А через пару дней он вообще про тебя забудет. У тебя хорошие оценки, а с этим экзаменом мы легко справимся! — Мэпп некоторое время изучала измученное лицо Клэрис. — Ты для этой бедняги Кэтрин столько сделала — никто другой бы больше не сделал! Да еще сама подставилась! В конце концов, именно ты сдвинула все дело с мертвой точки. Теперь самое время собой заняться. А может, тебе прямо сейчас завалиться на боковую? Я и сама собираюсь сделать то же самое.

— Арделия, спасибо тебе за все!

Потом, когда они уже погасили свет, Мэпп вдруг окликнула ее:

— Старлинг!

— Да?

— Как ты думаешь, кто красивее — Бригем или неотразимый Бобби Лоуренс?

— Не знаю…

— У Бригема татуировка на плече. Я сама видела, сквозь рукав рубашки. Знаешь, что там у

него?

— Понятия не имею…

— Скажешь мне, если узнаешь?

— Скорее всего — нет.

— А вот я тебе рассказала про разноцветные трусы Бобби!

— Да ты их в окно увидела, когда он с гантелями занимался!

— Это тебе Грейс сказала? Вот трепло…

Но Старлинг уже спала.

45

Около трех часов ночи Крофорд, дремавший возле жены, внезапно проснулся. Белла вдруг пошевелилась, и ее дыхание прервалось. Он сел и взял ее за руку.

— Белла!

Она глубоко вдохнула. Глаза ее были открыты — впервые за много дней. Крофорд наклонился к ее лицу, хотя знал, что она его все равно не видит.

— Белла, я люблю тебя, родная, — сказал он, надеясь, что она его слышит.

Но она его уже не слышала. Ужас наполнил его душу, ужас буквально бился о ребра где-то внутри, как залетевшая в комнату летучая мышь. Потом он взял себя в руки.

Он хотел что-нибудь сделать для нее, хоть что-нибудь, но боялся, как бы она не почувствовала, что он отпустил ее руку.

Он приложил ухо к ее груди. Услышал, как ее сердце дрогнуло, затрепетало и остановилось. И все — тишина. Только какой-то странный звук, словно что-то течет… Он так и не понял, что это

за звук…

— Господи, прими и упокой ее душу, — прошептал Крофорд. Как бы он хотел, чтобы так и было!

Он привлек тело Беллы к себе и сел, откинувшись на изголовье кровати, прижав ее к груди. Теперь умирал ее мозг. Он сдвинул косынку с ее головы. Остатки волос… Он не плакал, у него не было больше слез.

Потом Крофорд надел на Беллу ее любимую, самую лучшую ночную рубашку и посидел еще немного, прижимая руку жены к своей щеке. Широкая ладошка с мозолями от бесконечной возни в саду, предплечье все в синяках от внутривенных вливаний…

Когда она приходила из сада, вдруг вспомнилось ему, ее ладони всегда пахли тимьяном…

А как девчонки в школе подшучивали над ней… «Ты просто представь, что это яичный белок!» Это они ее насчет секса просвещали… Она потом рассказала об этом Крофорду в постели, много лет спустя, много-много лет спустя, и это стало их семейной шуткой… «Не думай об этом! Не об этом! Вспомни что-нибудь хорошее, чистое… Было же что-то чистое!..» Она была в круглой шляпке и в белых перчатках, шла к лифту. А он вдруг засвистел первые такты «Бегина» Коула

Портера. А потом она подсмеивалась над ним, что он свистел, как мальчишка…

Крофорд вышел в соседнюю комнату, зная, что может в любой момент оглянуться и увидеть ее, лежащую неподвижно на постели в теплом желтоватом свете прикроватной лампы. Он ждал, когда она оставит его, покинет насовсем, когда ее тело превратится лишь в объект для последней ритуальной церемонии. Когда она перестанет быть тем телом, которое он обнимал, окончательно перестанет быть спутницей его жизни и останется лишь в памяти. И тогда он сможет вызвать похоронную службу.

Руки его бессильно висели вдоль тела, пустые, ненужные. Он тупо смотрел на восток — не потому, что ждал восхода, просто окно выходило на эту сторону.

46

— Ты готова, Прелесть?

Джейм Гам лежал, откинувшись на подушку. Ему было очень удобно. Собака, свернувшись теплым клубком, устроилась у него на животе.

Мистер Гам только что вымыл голову, и теперь она была повязана полотенцем. Он порылся под одеялом, нашел пульт дистанционного управления видеомагнитофоном и нажал на кнопку.

Эту программу он смонтировал сам из двух разных записей, переписав их на одну кассету. Он смотрел ее каждый день, готовясь к выполнению своей основной задачи. Он всегда смотрел эту программу, перед тем как снять кожу.

Первая запись являла собой небольшой сюжет из программы новостей 1948 года, пленка была черно-белая и вся исцарапанная. Сюжет посвящен четвертьфиналу конкурса на звание «Мисс Сакраменто» — одного из многих на длинном пути к званию «Мисс Америка», финал которого проводился в Атлантик-Сити.

Это был эпизод, когда участницы конкурса вышли на сцену в купальных костюмах и с цветами

в руках.

Пудель мистера Гама видел этот фильм много раз. Услышав знакомую музыку, собачка зажмурилась, зная, что сейчас хозяин крепко прижмет ее к себе.

Участницы конкурса выглядели вполне в стиле сороковых годов. На них были купальники того времени, соответствующие прически. Многие были очень симпатичные. У многих были чудесные ножки, особенно у некоторых, но они явно мало занимались спортом, от этого казалось, что их коленки слишком округлые.

Мистер Гам прижал пуделя к себе:

— Смотри, Прелесть, сейчас она выйдет, сейчас она выйдет, сейчас, сейчас!

И вот она вышла, в белом купальнике, подарив сияющую улыбку молодому человеку, который помог ей подняться по ступенькам на сцену. Вот повернулась на высоких каблуках. Камера следовала за ней. На экране были видны ее бедра. Мамочка. Это была мамочка.

Мистеру Гаму не было нужды еще раз нажимать на кнопку дистанционного управления — видеофильм он записал давно, и именно так, как ему хотелось. Вот пошла обратная запись, и теперь она двигалась спиной вперед, туда, откуда

пришла, — вниз по ступенькам. Отобрала улыбку у молодого человека. Она прошла спиной вперед по проходу между рядами кресел, а потом снова пошла вперед, к сцене. И так без конца: сначала вперед, потом назад, вперед, потом назад. Когда она в очередной раз улыбнулась тому молодому человеку, мистер Гам тоже улыбнулся.

Потом был еще один мимолетный кадр в толпе, но он выходил смазанным при остановке пленки, и ее было плохо видно. Лучше промотать этот кусок… Вот мамочка вместе с другими девушками поздравляет победителей.

Следующий сюжет он записал из программы кабельного телевидения в одном из чикагских мотелей. Ему тогда пришлось сломя голову носиться по городу, чтобы срочно купить видеомагнитофон, а потом задержаться в мотеле еще на сутки, чтобы записать сюжет. Это был рекламный ролик, такие обычно крутят как фон для рекламы секс-шопов и личных объявлений недвусмысленного свойства. Эти клипы делают из кусков вполне безобидных на современный взгляд «грязных» фильмов сороковых и пятидесятых годов. На экране возник лагерь нудистов на пляже. Голые люди играют в волейбол. Потом появился сюжет из порнушки тридцатых годов.

Тогда актерам в подобных картинах приклеивали фальшивые носы, и появлялись они на экране не иначе как в носках. Музыкальное сопровождение могло быть любым. Вот сейчас оркестр играет танго «Взгляд любви», что совершенно не стыкуется со стремительным действием на экране.

Мистер Гам ничего не мог поделать с текстом рекламных объявлений, фоном для которого служили эти старые киносюжеты: текст полз и полз по экрану. С этим оставалось просто мириться.

А вот еще сюжет — у бассейна на открытом воздухе в Калифорнии. Прекрасная дачная мебель, все в стиле пятидесятых годов. Обнаженные купальщицы, многие очень хорошенькие. Некоторых из них вполне можно было бы снимать и сегодня во второсортных фильмах. Веселые, крупные, они вылезают из бассейна и бегут — гораздо быстрее, чем играет музыка, — к лестнице на другой стороне бассейна и к горке… Взбираются наверх — и у-у-у-ух! Съезжают в воду. Обнаженные груди, развевающиеся волосы, ноги вытянуты вперед… Бултых!

А вот и мамочка! Вот она бежит, взбирается по лестнице, позади девушки с кудрявыми волосами… Текст рекламы — «Секс-шоп Мэри Попкинс» — наполовину закрывает ее лицо, но

все равно видно, как она вылезает из бассейна, мокрая и сверкающая, потрясающая фигура, великолепная грудь, гибкая талия, плоский живот с маленьким шрамом от кесарева сечения… И вниз с горки, прямо в воду… Бултых! Как она прекрасна! Хоть лица ее почти не было видно, мистер Гам сердцем чувствовал, что это она, мамочка, снятая на пленку уже после того, как он в последний раз по-настоящему видел ее. Если не считать, конечно, того, что он постоянно видит ее мысленным взором…

Сюжет сменился рекламой средств против импотенции и внезапно оборвался.

Пудель прикрыл глаза за секунду до того, как мистер Гам опять прижал его к себе.

— Ну, Прелесть, прижмись скорее к мамочке! Мамочка скоро станет такой красавицей!

Так, а теперь — за дело! За дело, за дело, за дело! Очень много надо сделать, чтобы все приготовить к завтрашнему дню!

Пока он был в кухне, до него, слава богу, не доносилось ни единого звука из подвала, как бы оно там ни кричало. Но когда он спускался в подвал, он услышал, как оно вопит. А он надеялся, что оно будет спать… Пудель, сидевший у него на руках, зарычал, услышав крики из колодца.

— Конечно, тебе это не нравится, Прелесть! Ты у меня гораздо лучше воспитана! — сказал он, прижавшись губами к шерстке на шее собаки.

Колодец — левее, за дверью, что у самой лестницы. Он и не подумал заглянуть туда, да и к воплям из колодца не стал прислушиваться — для него это были просто бессмысленные звуки, не имеющие ничего общего с человеческой речью.

Мистер Гам вошел в свою мастерскую. Опустил пуделя на пол и включил свет. Несколько бабочек порхали по комнате, присаживаясь на забранные сеткой лампы.

Мистер Гам всегда действовал по четкому плану. Он уже приготовил все необходимые растворы — в больших ваннах из нержавеющей стали. Алюминиевыми он никогда не пользовался.

Он привык все делать по плану и действовать размеренно и аккуратно. Работая, он сам себе все время напоминал:

— Надо все делать точно и аккуратно, по порядку, надо все делать быстро, ведь предстоит еще решить множество сложных проблем…

Человеческая кожа тяжелая. Она составляет от шестнадцати до восемнадцати процентов общего веса человека. И еще она скользкая. С целой шкурой работать трудно — ее легко уронить, пока

она еще влажная. Фактор времени тоже играет огромную роль: кожа начинает ссыхаться сразу после того, как ее снимешь, особенно кожа с молодых особей, — с ней работать труднее всего, такая она плотная.

Не следует забывать и о том, что кожа не обладает достаточной эластичностью, даже снятая с молодых. Если начать ее растягивать, она никогда уже не вернется к прежним размерам. Можно самым аккуратным и тщательным образом стачать детали, но стоит натянуть готовую вещь на манекен слишком туго, и все швы тотчас начинают морщить! И никакие ухищрения и переделки, никакие слезы тут не помогут! Сборки и морщины так и останутся. А еще надо следить за тем, где делать разрезы. Тут очень легко ошибиться. Кроме того, кожа по-разному растягивается в разных направлениях — соединительная ткань быстро деформируется, и волокна рвутся, потяни чуть сильнее — и вещь испорчена.

А с невыделанной кожей работать вообще невозможно. Мистер Гам потратил огромное количество времени и сил на разные эксперименты. А сколько нервов он потратил, пока добился нужных результатов!

В конце концов он пришел к выводу, что самые

лучшие технологии — это самые старые. Теперь он действовал следующим образом: сначала вымачивал кожу в ваннах, в отварах из растений и овощей по рецептам древних американцев — только натуральные экстракты и никаких минеральных солей! После этого он использовал метод дубления, который давал самую лучшую, самую мягкую кожу, какую только делали индейцы Нового Света, — дубление с помощью мозгов. Американские индейцы считали, что у любого животного достаточно мозгов, чтобы выдубить его собственную шкуру. Мистер Гам пришел к выводу, что это не совсем так. Он уже давно испробовал индейский метод и нашел, что даже если снимаешь шкуру с самых крупных приматов, мозга у них все равно не хватает. Нет, ему нужно гораздо больше мозгов, и поэтому его морозильник был сейчас битком набит бычьими мозгами, чтобы в нужный момент все было под рукой.

Так что с обработкой кожи проблем теперь не возникало; многолетняя практика позволила ему отработать все до совершенства.

А вот с шитьем проблем очень много, но у него достаточно высокая квалификация, чтобы справиться и с этим.

Вторая дверь из мастерской вела в короткий подвальный коридор, по одну сторону которого была заброшенная ванная комната. Там мистер Гам держал лебедку, чтобы поднимать материал из колодца, хронометр и другое оборудование. По другую сторону от коридора располагалась его студия, а за ней имелись еще подвальные помещения и коридоры, которыми он вообще не пользовался.

Он распахнул дверь студии и включил мощные лампы дневного света. Лампы были прикреплены прямо к потолочным балкам. На высокой платформе из мореного дуба стояли манекены. Все они были частично одеты — на одних были изделия из кожи, на других пока только выкройки из тонкого миткаля. Восемь манекенов отражались в зеркалах, из которых состояли две стены студии, — прекрасные зеркальные плитки самого большого размера. На туалетном столе — разные косметические наборы, множество подставок для париков, на некоторых — парики. Студия была превосходно освещена, вся белая, со светлым, покрытым лаком дубовым полом.

На манекенах были изделия, которые мистер Гам делал на продажу. Несколько сногсшибательных костюмов, по большей части из черной кожи

под лайку. Высокие плечи, тщательно отделанные полочки, аккуратно заложенные складки.

Все пространство вдоль третьей стены студии занимал огромный рабочий стол. На нем стояли две швейные машины промышленного типа и два портняжных манекена, один из которых имел размеры и пропорции самого мистера Гама.

А у четвертой стены, нависая своей массой над всей студией, стоял огромный черный платяной шкаф китайского лака. Он почти доставал до потолка — а тот был на высоте двух с половиной метров. Шкаф был старый, часть изображений на нем потускнела; несколько золотых чешуек напоминали о том, что здесь когда-то был изображен дракон, — его белые вытаращенные глаза все еще были на месте и смотрели куда-то вдаль; от морды другого дракона остался только красный язык, остальное выцвело и исчезло. Лаковое покрытие было цело, но сильно потрескалось.

Содержимое этого огромного глубокого шкафа не имело ничего общего с коммерческой деятельностью мистера Гама. Здесь он держал свои Особые Вещи, поэтому дверцы шкафа всегда были закрыты.

Собачка отошла от своей миски, стоявшей в углу, и улеглась на пол между манекенами, оста-

ваясь в поле зрения мистера Гама.

В последнее время он работал над кожаным пиджаком. Надо было закончить эту работу, чтобы ничто уже не отвлекало от главного; он прямо-таки горел нетерпением, его била дрожь — самое подходящее настроение для творчества. Но миткалевые выкройки его совершенно не устраивали!

Успехи мистера Гама в искусстве модельера и портного достигли таких высот, о каких и мечтать не могло Управление исправительных заведений штата Калифорния, которое когда-то, когда он был еще юн, позаботилось дать ему эту специальность. Но сейчас перед ним стояла действительно трудная задача. Ведь даже работая с лайковой кожей, не приобретешь опыта, необходимого для изготовления столь изысканных изделий, какими он занимался сейчас!

Перед ним лежали два комплекта выкроек из миткаля, сметанные, готовые для примерки. Два белых жилета: один его собственного размера, другой — выполненный по меркам, которые он снял с Кэтрин Мартин, пока она была без сознания. Как только он надел меньший из них на манекен, перед ним во весь рост встали все его проблемы. Она была крупной девушкой и

прекрасно сложена, но все-таки гораздо меньше мистера Гама, и спина у нее оказалась недостаточно широкой…

Он же страстно желал создать изделие без швов. И это тоже оказалось невозможно. Но он все равно хотел сделать цельнокроенным хотя бы перед, чтоб был совершенно гладким. А это означало, что все вытачки и ластовицы должны быть сбоку и сзади. Очень трудная задача. Ему уже пришлось отказаться от одного кроя, и теперь он начал все сызнова. Если точно все рассчитать и натянуть кожу где следует, можно будет обойтись всего двумя вытачками — под проймой. Вертикальными. И еще две вытачки на талии, но сзади, там, где почки. Он привык работать, оставляя лишь незначительный припуск на швы.

Но он думал не только о внешнем виде будущего изделия, он еще стремился к тому, чтобы вещь была гладкой на ощупь. Ведь могут же человека погладить, особенно привлекательного человека…

Мистер Гам окунул пальцы в тальк и обнял безголовую копию своего тела, как обнимают очень близкого друга.

— Поцелуй меня! — сказал он игриво туда, где должна находиться голова. — Да не ты, глупыш-

ка! — Это уже собаке, которая тут же навострила уши.

Мистер Гам нежно погладил манекен по спине, как сделал бы это в обычных условиях с человеком. Потом обошел манекен сзади и тщательно изучил следы талька. Ощущать под рукой шов не очень приятно. Но когда обнимаешь человека, пальцы все равно чувствуют изгиб спины и позвоночник. Мы ведь привыкли к тому, что по центру спины проходит позвоночник, рассуждал он. И это вовсе не так уж и раздражает, как, скажем, асимметрия нашего тела. Значит, швы на плечах исключаются; надо втачать ластовицу в центре, наверху, между лопатками, причем вершина ее должна быть чуть выше середины лопатки… И этот же шов можно использовать, чтобы закрепить кокетку подкладки из плотной ткани — чтобы изделие не потеряло форму… Под обе застежки с боков придется поставить прокладки — не забыть бы купить лайкру для этого. А под каждую застежку справа вшить еще и жесткую планку, чтобы молнию не коробило… Он вспомнил потрясающие вечерние платья из дома моделей Чарлза Джеймса. Вот у кого все швы обработаны замечательно!

А ластовица на спине будет закрыта его пыш-

ными волосами. Вернее, волосами скальпа, который у него скоро тоже будет.

Мистер Гам снял выкройки с манекена и приступил к работе.

Его швейная машина была старого образца и работала превосходно. Станина и педаль ножного привода ажурного литья, на боку золотом витиеватая надпись: «Всегда я шью, всегда я шью и никогда не устаю». Лет тридцать назад к машине сделали электропривод, но ножная педаль осталась на месте. Мистер Гам всегда начинал каждый новый шов, работая только педалью. Чтобы добиться ровных стежков, он разувался и качал педаль босой мясистой ступней, аккуратно и методично, придерживая ее пальцами ноги с накрашенными ногтями, чтобы нитка не путалась. Некоторое время в комнате слышался лишь ровный шум работающей швейной машины, бульканье воды в трубах да посапывание уснувшей собаки.

Когда он наконец покончил с ластовицами в миткалевых выкройках, он примерил на себя готовое изделие перед зеркалом. Собачка, подняв голову, наблюдала за ним.

«Так, проймы надо чуть увеличить… И еще остаются некоторые проблемы с отстрочкой и

с боковыми швами. А так совсем неплохо. Даже очень неплохо! Мягко, удобно, свободно». Он вдруг увидел себя вылезающим из бассейна и бегущим к горке, чтобы съехать в воду…

Мистер Гам еще некоторое время поиграл с различными комбинациями освещения и с разными париками, стараясь добиться наибольшего эффекта, затем надел потрясающее ожерелье из ракушек, обнимающее шею как раз по линии ворота. Да, это будет шикарно, просто отпадно! Особенно с сильно декольтированным платьем или с брючным костюмом. На его новой полуобнаженной груди…

Его прямо-таки мучило искушение начать прямо сейчас, заняться наконец настоящим делом… Но глаза уже устали. Да и руки тоже — а надо быть совершенно спокойным, чтобы не дрогнула рука. Да и шум уже как-то не хотелось поднимать… Он терпеливо выдергивал нитки из уже готовой строчки и складывал все выкройки по отдельности. Отличные получились выкройки, прекрасно подойдут для этого материала…

— Завтра, Прелесть, — сказал он собачке, доставая из морозильника мозги и раскладывая их для оттаивания. — Это первое, чем мы займемся за-а-а-авт-ра. Мамочка будет такой красивой!

47

Старлинг проспала мертвым сном пять часов подряд и проснулась посреди ночи, разбуженная все тем же кошмаром. Она закусила зубами краешек простыни и зажала уши руками, стараясь определить, на самом ли деле она уже проснулась и избавилась от кошмара. Тишина. Ягнята молчат. Когда она поняла, что проснулась, сердце сразу перестало колотиться, но поджилки все еще тряслись. И она знала, что еще секунда — и ее снова охватит страх.

Но вместо страха ее охватила ярость… и принесла облегчение.

— Бред! — громко произнесла она и высунула ногу из-под одеяла.

Да, вчерашний день был нелегким! Сначала ей нагадил Чилтон, потом ее оскорбила сенатор Мартин, потом она получила выговор от Крендлера, который к тому же отказал ей в поддержке, потом доктор Лектер играл с ней в кошки-мышки, потом ее чуть не стошнило, когда она узнала подробности его побега, а затем Джек Крофорд отстранил ее от расследования. Но самое мерзкое

было не в этом: больше всего задевало то, что ее обозвали воровкой.

Да, сенатор Мартин — мать, и ей нынче не позавидуешь, такое на нее свалилось. Ей, конечно, невмоготу, что полицейские роются в вещах ее дочери. Она, наверное, вовсе не хотела ее обидеть… И тем не менее обвинение не давало Старлинг покоя, как заноза.

Когда Старлинг была маленькой, ее всегда учили, что воровство — самое гнусное, самое отвратительное преступление, не считая, конечно, изнасилования и убийства из-за денег. Даже непредумышленное убийство лучше, чем воровство.

Еще ребенком, попав в сиротский приют, где подарки были редкостью, а голод донимал всегда, она научилась ненавидеть воровство.

И теперь, лежа в темноте, она вдруг поняла еще одну причину, почему ей так неприятно обвинение сенатора Мартин.

Старлинг прекрасно представляла себе, каких гнусностей наговорил бы ей в подобной ситуации доктор Лектер. Она опасалась, что сенатор Мартин углядела в ней нечто эдакое, плебейски дешевое, что делало ее похожей на воровку, и именно поэтому так с ней обошлась. «Сука бога-

тенькая! Тоже мне Рокфеллер!»

А доктор Лектер не упустил бы случая поиздеваться над ней, стал бы распространяться насчет классовой ненависти, скрытого антагонизма, впитанного с молоком матери, и так далее в том же роде. По уровню образования, уму, напористости, не говоря уж о внешней привлекательности, Старлинг не уступала никаким сенаторам, включая Рут Мартин, но все-таки было в ней что-то такое, и она знала это.

Она была членом того свирепого племени, у которого не было прошлого, никакой генеалогии, только послужной список: либо награды, либо преступления. Обездоленные из Шотландии, голодные из Ирландии, они всегда были склонны к опасным ремеслам. Жизнь переломала многих таких Старлингов: неудачников, чье существование оборвалось на виселице или на узенькой дощечке, с которой падают в море после выстрела по ногам; или везунков, которых удостаивали посмертных почестей под дребезжащие звуки бравурного марша. Некоторых могли даже вспомнить со слезами на глазах в офицерском собрании, как пьяный иной раз вспоминает хорошую гончую или легавую. Полузабытые имена, словно из Библии.

Никто из них, насколько знала Старлинг, не отличался особым умом или способностями, за исключением, может быть, одной из ее теток, которая оставила потрясающий, прекрасно написанный дневник; она вела его до тех пор, пока ее не сразило «воспаление мозга».

Но они никогда не воровали.

Образование в Америке котируется высоко, кто этого не знает. И все Старлинги это тоже хорошо понимали. Надгробие одного из дядьев Старлинг даже украшало выбитое в камне сообщение о том, что он имел степень бакалавра.

Старлинг жила академией и за счет академии. Ее главным оружием все те годы, когда ей вообще некуда было податься, были экзамены. Только там она могла по-настоящему проявить себя.

Она понимала, что все это пройдет, что она со всем этим справится. Она может опять стать тем, чем она была всегда с тех пор, как разобралась, как действует эта система: она всегда может быть в числе первых в классе, получать награды, поощрения, похвалы, попасть в число избранных и не быть отчисленной.

Важно было только все время работать и соблюдать осторожность. У нее будут прекрасные отметки. И этот кореец не загоняет ее на

физподготовке. И ее фамилия будет выбита на мраморной плите в вестибюле академии — хотя бы за ее выдающиеся результаты в тире.

Через четыре недели она станет специальным агентом Федерального бюро расследований.

Так что, ей всю оставшуюся жизнь оглядываться на этого долбаного Крендлера?

В присутствии сенатора Мартин он просто-напросто подставил ее. Каждый раз, когда Клэрис об этом вспоминала, на нее накатывала обида. Он явно не был уверен, что в конверте есть какие-нибудь улики. Это было оскорбительно, черт побери! Она и сейчас видела перед собой Крендлера, в этих его купленных на распродаже солдатских ботинках, как у мэра, босса ее отца, когда он явился забрать отцовские табельные часы.

Но хуже всего то, что ее представлениям о Крофорде был нанесен удар. Конечно, он сейчас в жутком стрессе. Непонятно, как он все это выдерживает. Послал ее обследовать автомобиль Распая, не обеспечив никакими видимыми знаками власти. Конечно, она сама напросилась на это, так что сожалеть теперь не о чем. Но уж Крофорд-то должен был понимать, что если сенатор Мартин увидит ее в Мемфисе, это обязательно

повлечет за собой неприятности, даже если бы она не обнаружила эти проклятые фотографии!

«Как бы ни было тебе плохо, а Кэтрин Бейкер Мартин еще хуже, она все так же сидит где-то и ждет смерти». Старлинг на некоторое время совершенно забыла о ней, занятая своими собственными проблемами.

И тут же, как в наказание за то, что она посмела подумать о себе, перед ее глазами предстали видения последних дней. Яркие, отчетливые, они вдруг всплывали в памяти — слишком яркие, пугающе яркие, такие яркие, какими выглядят предметы, внезапно выхваченные из мрака вспышкой молнии.

Теперь ее преследовало лицо Кимберли Эмберг. Толстая мертвая Кимберли, она проколола себе уши, надеясь выглядеть посимпатичнее, и экономила на еде, чтобы купить крем для удаления волос, а в итоге оказалась в морге. Да еще со снятым скальпом. Кимберли, сестра… Кэтрин Бейкер Мартин, наверное, и не посмотрела бы на Кимберли. А теперь они как сестры, сестры по коже. Кимберли… Вот она лежит в похоронном бюро, а вокруг толпятся эти жлобы из дорожной полиции…

Старлинг больше не могла это «видеть». Она

пыталась оторваться от этих мыслей, повернуть голову, как поворачивает ее пловец, вдыхая глоток воздуха. Жертвами Буффало Билла были только женщины, он явно зациклился на женщинах, это стало целью его жизни — охотиться за женщинами. Но с самого начала расследования никто даже не подумал подключить к нему хоть одну женщину! Ни одна женщина не охотилась за ним! И ни одна не видела всех его преступлений.

Старлинг еще подумала, хватит ли у Крофорда пороху взять ее с собой хотя бы в качестве технического специалиста, когда настанет время осматривать тело Кэтрин Мартин. Он ведь сам предрек, что Билл «разделается с ней завтра». Разделается. Разделается. Разделается…

— Ох-ох-ох, так меня перетак… — произнесла она вслух и спустила ноги на пол.

— Ты что там, соблазняешь какого-нибудь слабоумного, Старлинг? — раздался голос Арделии Мэпп. — Протащила его сюда, пока я спала, а теперь учишь, что делать? Я ведь все слышу, ты не думай…

— Извини, Арделия, я просто…

— С ними надо выражаться более аккуратно, а не так, как ты. Соблазнять слабоумных — это все равно что писать статью для газеты. Им надо все

объяснить: что, когда, где и как. Что же касается «почему», то это со временем станет ясно само собой.

— Тебе что-нибудь нужно постирать?

— Мне показалось, что ты спрашиваешь, не нужно ли мне что-нибудь постирать.

— Да. Я хочу заняться стиркой. Так что, нужно или нет?

— Только спортивный костюм, вон там, за дверью.

— О'кей. Закрой глаза, я включу на минутку свет.

Она собрала в корзину грязное белье и отправилась вниз, в прачечную. А поверх грязного в ту же корзину положила вовсе не конспект с материалами к зачету по Четвертой поправке, а папку с делом Буффало Билла дюйма в четыре толщиной — сплошная кровь, боль и ужас под картонной обложкой цвета буйволиной кожи с надписью кроваво-красными чернилами. Там же лежала и компьютерная распечатка рапорта Старлинг с отчетом об исследовании бабочки «мертвая голова», уже отосланного по экспресс-связи в ФБР.

Завтра придется сдать дело, так что, если она хочет, чтобы в папке были собраны абсолютно все документы, ей придется подшить в нее и свой

рапорт. В теплой прачечной под успокаивающий шум стиральной машины она раскрыла папку, выложила часть ее содержимого на полку для чистого белья и стала вставлять в зажим распечатку, стараясь не смотреть на фотографии жертв, не думать о том, что скоро к ним прибавится еще один набор снимков. Сверху оказалась карта, на которой были отмечены места, где были найдены тела жертв Буффало Билла. Это было кстати. И тут она заметила, что на карте имеется какая-то надпись от руки.

Изящный почерк доктора Лектера. Надпись, сделанная поперек Великих озер, гласила:

> *Клэрис, а у Вас нет ощущения, что беспорядочность разброса мест, где были обнаружены трупы, выглядит чрезмерной? Вам этот разброс не кажется слишком, отчаянно беспорядочным? Настолько беспорядочным, что наводит на совершенно обратные размышления? Не приходит ли Вам в голову мысль, что это всего лишь ухищрения неумелого лжеца?*

Пока.

Ганнибал Лектер

P. S. Дальше можете не смотреть, я больше ничего не писал.

Она потратила двадцать минут, чтобы убедиться, что это правда.

Старлинг пошла в холл, где стоял телефон-автомат, и позвонила Барроузу по экспресс-связи. Прочла ему послание Лектера, раздумывая при этом, спит ли Барроуз хоть когда-нибудь.

— Должен сообщить вам, Старлинг, что спрос на информацию Лектера резко упал, — сообщил ей Барроуз. — Джек уже рассказал вам о билирубине?

— Нет.

Она прислонилась к стене и закрыла глаза, пока Барроуз разъяснял ей смысл шуточки доктора Лектера.

— Не знаю, — сказал он в заключение. — Джек говорит, что они продолжают изучать архивы клиник, где занимаются проблемами изменения пола. Вопрос только, будут ли они заниматься этим всерьез. Если проверить все документы по делу Лектера, заложенные в память компьютера

в том порядке, в каком они в него вводились, то сразу бросается в глаза, что вся информация, полученная от Лектера, та, что собрали вы, или поступившая из Мемфиса, помещена в отдельные файлы и каждый файл имеет свое название. И все материалы из Балтимора, или все данные из Мемфиса, или даже и то и другое можно в случае необходимости убрать в долгий ящик, нажав всего одну клавишу на клавиатуре. Мне кажется, что департамент юстиции сейчас как раз хочет нажать эту клавишу. У меня тут есть одна их бумага, в которой куколка, найденная во рту у Клауса, названа… сейчас, сейчас… а, вот: «плавучий мусор»!

— Наверное, надо сообщить об этом мистеру Крофорду, — сказала Старлинг.

— Да, конечно, я передам это на его компьютер. Но его самого мы пока решили не беспокоить. И вы тоже не звоните: Белла только что умерла.

— Ох! — выдохнула Старлинг.

— Послушайте, у меня есть для вас и приятные новости. Наши ребята в Балтиморе осмотрели камеру Лектера в психушке. Барни очень помог, помните, тот санитар. Они нашли латунные опилки на головке болта на кровати Лектера. Там он и делал свой ключ для наручников. Так что все

обвинения против вас яйца выеденного не стоят. Держитесь! Ваше будущее пахнет как розы!

— Спасибо, мистер Барроуз. Спокойной ночи.

Как розы! Это что, от той растирки, которой она мазала ноздри в морге?!

Занимался рассвет, рассвет последнего дня в жизни Кэтрин Мартин…

Интересно, что имел в виду доктор Лектер? Теперь это уже невозможно узнать. Когда она передала ему папку с делом, она думала, что он будет рассматривать фотоснимки и воспользуется этим только как предлогом, рассказывая ей то, что он и так знал о Буффало Билле.

Может, он все время лгал ей? Так же, как лгал сенатору Мартин? Может, он вообще ничего не знал о Буффало Билле?

«Он все прекрасно понимает, он меня насквозь видит!» Да, с этим трудно смириться: знать, что кто-то видит тебя насквозь, но при этом вовсе не желает тебе добра. За свою короткую жизнь Старлинг нечасто сталкивалась с подобной ситуацией.

Как он там написал? «Отчаянно беспорядочный разброс». И Старлинг, и Крофорд, да и все остальные не раз тщательно изучали карту, где были помечены все места похищения женщин и

обнаружения их трупов. Старлинг эти пометки казались неким мрачным созвездием, причем возле каждой звезды стояла дата. Она знала также, что в отделе психологии поведения однажды даже пытались наложить на эту карту знаки зодиака, но безрезультатно.

Если доктор Лектер изучал документы дела только ради собственного развлечения, для чего ему тогда эти шуточки с картой? Она вполне представляла себе, как он листает папку, просматривая рапорт за рапортом, издеваясь про себя над полицейским канцеляритом их авторов.

Нет, карта ключа не давала. Не было в ней ни связи между местами похищения девушек и обнаружения трупов, ни совпадений сроков проведения различных конференций с известными следствию датами крупных квартирных грабежей и краж сохнущего белья либо иными преступлениями, за которыми мог бы стоять вор-фетишист.

Вернувшись в прачечную, Старлинг уложила белье в сушилку и опять развернула карту. Вот здесь похищена первая жертва, а здесь утоплено ее тело. Вот место второго похищения, а здесь найдено второе тело. Вот третье и… Стоп! Похоже, даты перепутаны, тело второй жертвы было

найдено первым!

Да, этот факт отмечен на карте — вот расплывчатая запись. Тело второй похищенной женщины было обнаружено первым. Оно всплыло в Уобаш-ривер в центре города Лафайетт, штат Индиана, чуть южнее федерального 65-го шоссе.

Заявление об исчезновении первой женщины подано в городе Белведер, штат Огайо. Это возле Колумбуса. А нашли его гораздо позже в городке Блэкуотер на Миссури. К телу был привязан груз. Такое случилось всего один раз — остальные тела он топил без груза.

Тело первой жертвы было брошено в воду в отдаленном районе. А тело второй утоплено в реке выше крупного города, где его должны были быстро обнаружить.

Почему?

Ту, с которой он начал, он хорошенько запрятал, а вторую — нет.

Почему?

И что должно означать «отчаянно беспорядочный разброс»?

Нет, надо с самого начала… Что там доктор Лектер говорил, с чего надо начинать? О чем думать в первую очередь? И вообще, какой смысл имеет все то, что говорил доктор Лектер?

Старлинг просмотрела свои заметки, которые набросала в самолете, пока летела из Мемфиса.

Доктор Лектер говорил, что в папке с делом вполне достаточно информации, чтобы найти убийцу. «Все очень просто» — вот на чем он настаивал. Здесь где-то было про «главное», где же это? Вот, «главный посыл» — это самое важное. «Главный посыл» — это звучит несколько претенциозно, она поначалу даже сочла это полной ерундой.

Что им движет, Старлинг? Чем он озабочен в первую очередь? Для чего ему нужны эти убийства? Он завидует и домогается! Как мы обычно начинаем чего-то домогаться? Мы начинаем домогаться того, что видим повседневно…

Сейчас ей было гораздо легче обдумывать высказывания доктора Лектера, не чувствуя на себе его пронизывающего взгляда. Здесь, в безопасности базы Квантико, это было несравненно легче. Так. Если завидовать и чего-то домогаться мы начинаем с того, что домогаемся вещей, которые видим повседневно, то, может быть, Буффало Билл совершил свое первое убийство, сам того не желая? Убил кого-то, кого привык видеть повседневно? Не потому ли он так тщательно запрятал тело первой жертвы? И столь небрежно обошелся

с телом второй? Может быть, вторую женщину он похитил далеко от собственного дома и утопил тело там, где его должны были быстро найти, именно потому, что хотел, чтобы следствие сразу же пришло к заключению, что места похищения выбираются совершенно случайно?

Когда Старлинг подумала о его жертвах, первой она вспомнила Кимберли Эмберг. Потому что она видела ее мертвой и в некотором роде могла представить себя на ее месте.

Теперь вернемся к первой жертве. Фредрика Биммел, двадцать два года, из городишка Белведер в штате Огайо. В деле были две ее фотографии. На первой, взятой из школьного альбома, она выглядит просто крупной некрасивой девицей, правда, у нее прекрасные густые волосы и отличный цвет лица. На второй, сделанной в морге Канзас-Сити, она уже мало напоминает человека.

Старлинг снова набрала номер Барроуза. Голос его теперь звучал несколько хрипло, но он ее внимательно выслушал.

— Что вы говорите, Старлинг?

— Он, может быть, живет в Белведере, штат Огайо, там, где жила его первая жертва. Может быть, он видел ее каждый день и убил совершен-

но неожиданно для себя. Может, он просто хотел… ну, скажем, угостить ее кока-колой и поговорить, скажем, о местном хоровом обществе… А потом сделал все, чтобы хорошенько запрятать тело. А на следующую напал уже подальше от дома. И не особенно старался спрятать труп, хотел, чтобы его нашли раньше первого. Чтобы не привлекать внимания к своему городу. Да и кто станет возиться с пропавшим без вести до тех пор, пока не обнаружат тело.

— Старлинг, учтите: поиск по свежим следам всегда приносит больше результатов — люди еще не успели забыть, свидетели.

— Именно об этом я и говорю: он все время помнит об этом.

— Точно. Вот сейчас, например, в Детройте просто плюнуть некуда — обязательно попадешь в полицейского. Вдруг всех стала интересовать Кимберли Эмберг. Как только исчезла младшая Мартин — все тут же кинулись изучать прошлое Кимберли. И все роют землю, из кожи вон лезут! Кстати, я вам этого не говорил.

— Но вы доложите мистеру Крофорду про первый город и первую жертву?

— Конечно. Черт, да я всем эту информацию разошлю! По экспресс-связи. Не хочу сказать,

что вас не туда занесло, но на этот городишко мы вышли довольно быстро, почти сразу, как идентифицировали труп этой — как ее? — да-да, Биммел. Из Колумбуса послали людей, да и своих, местных, много работало… В деле все это есть. Мне кажется, что интерес к теории доктора Лектера, тем более к Белведеру, явно поостыл.

— Все, что он…

— Вот еще что, Старлинг. Мы собираем деньги в детский фонд ООН. В память Беллы. Если хотите, я вас тоже запишу.

— Конечно, мистер Барроуз. Спасибо.

Старлинг достала белье из сушилки. Теплое белье было приятным на ощупь и хорошо пахло. Она прижала его к груди.

Так мама несла свежевыстиранные простыни…

А сегодня — последний день жизни Кэтрин Мартин.

Черно-белая ворона стащила что-то с тележки… Невозможно быть на улице и в комнате одновременно. Как же ее прогнать?

Последний день жизни Кэтрин Мартин.

Отец сигналил рукой, не включая мигалку, когда поворачивал пикап на въездную дорожку… А она как раз играла во дворе, и ей показалось, что

он своей огромной ручищей указывает машине, где надо повернуть, и величественно направляет ее…

На глазах у Старлинг вдруг выступили слезы, и она ткнулась лицом в чистое белье. Но теперь она знала, что ей надо делать.

48

Крофорд вышел из похоронного бюро и оглядел улицу, высматривая машину Джеффа. Вместо него он увидел Клэрис Старлинг. Одетая в темный костюм, она выглядела очень живой и реальной. Она стояла под навесом и поджидала его.

— Дайте мне задание, — сказала она.

Крофорд только что выбрал гроб для жены, и в его руке еще болтался бумажный пакет с ее туфлями, которые он захватил по ошибке. Он взял себя в руки.

— Простите меня, — сказала Старлинг. — Я бы не приехала сегодня, но времени у нас совсем не осталось… Дайте мне задание.

Крофорд сунул руки в карманы и повернул голову так, что хрустнули шейные позвонки. Его глаза блестели, и Старлинг на миг почувствовала в них угрозу.

— Какое задание?

— Вы же послали меня собирать данные о Кэтрин Мартин. Теперь дайте мне задание собрать данные и об остальных. Все, что нам осталось определить, — это как он охотится за

своими жертвами. Как он выходит на них, как он их выбирает, как заманивает. Я не хуже других могу с этим справиться. Все его жертвы — женщины. А в расследовании больше не участвует ни одна женщина. Я же могу зайти в комнату женщины и выяснить о ней в три раза больше, чем любой мужчина. И вы прекрасно это знаете. Дайте мне задание!

— Вы готовы к тому, что вас оставят на повторный курс?

— Да.

— Это может вам стоить полгода…

Она ничего не ответила.

Крофорд поковырял траву носком ботинка. Потом поднял на нее взгляд, заглянул в глубину ее глаз, где светились бесконечные просторы прерий. Да, упорная девочка. Как Белла.

— С кого вы хотите начать?

— С первой жертвы. С Фредрики Биммел. Город Белведер, штат Огайо.

— Не с Кимберли Эмберг, не с той, которую вы видели?

— Он начинал не с нее.

Сказать о Лектере? Нет. Он и сам прочтет у себя на компьютере.

— Да, если бы вы выбрали Эмберг, это, вероятно,

было бы продиктовано только эмоциями… Хорошо, поезжайте. Расходы вам возместят. Деньги есть? А то банки открываются только через час.

— У меня еще кое-что осталось на кредитной карточке.

Крофорд порылся в карманах и протянул ей триста долларов наличными и свой личный чек.

— Поезжайте, Старлинг. Именно к первой. Если что, ловите меня по экспресс-связи.

Она подняла было руку, но не дотронулась до него. Ни до лица, ни до плеча. Ей показалось, что сейчас его не следует касаться. Она повернулась и побежала к своему «пинто».

Когда ее машина уехала, Крофорд похлопал себя по карманам. Он отдал ей всю наличность, у него не осталось ни цента.

— Девочке нужны новые туфли, — произнес он. — А моей девочке никакие туфли уже не нужны.

Он стоял посреди тротуара и плакал. Слезы застилали ему глаза. «Очень глупое зрелище. Тоже мне начальник отдела ФБР!»

Джефф увидел слезы на лице шефа и сдал машину задом в переулок, где Крофорд не мог его увидеть. Он закурил и яростно задымил сигаретой. Он ничем не мог сейчас помочь Крофорду

— только сидеть вот так, чтоб его не было видно, курить и ждать, пока тот не выплачется, не начнет его искать и в конце концов не устроит ему порядочный нагоняй.

49

К утру четвертого дня мистер Гам был готов снимать кожу.

Он вернулся из похода по магазинам, купив все, что ему было нужно, и теперь с трудом удерживался, чтобы не броситься бегом вниз по лестнице. Зайдя в студию, он распаковал свои покупки — моток новенькой бейки для обработки швов, лайкра, пачка рафинированной соли тонкого помола. Он ничего не забыл.

В мастерской он достал свои рабочие ножи и разложил их на чистом полотенце рядом с глубокими ваннами. У него было четыре ножа: скорняжный — для снятия кожи, узкий и тонкий, в точности повторяющий изгиб указательного пальца, скальпель — для обработки трудных мест, самой филигранной работы, и еще длинный ножевой штык времен Первой мировой войны. Закругленное лезвие штыка — лучшее орудие для сдирания шкуры, им почти невозможно ее повредить.

В дополнение к этому у него была еще хирургическая пила, которой он, правда, пользовался

крайне редко и вообще жалел, что приобрел ее.

Затем он смазал слоем жира болван для париков, густо посыпал солью и поставил в неглубокий таз для сбора крови. Он игриво подергал болван за нос и послал ему воздушный поцелуй.

Он с трудом держал себя в руках — так и хотелось летать, порхать, как Дэнни Кей...[49] Он рассмеялся и сдул с лица усевшуюся было там бабочку.

Так, теперь самое время наполнить аквариумы заранее приготовленными растворами для дубления. «Ой, а где же эта прелестная куколка, она же была закопана в гумус вот в этой клетке...» Он сунул в клетку палец. «Ага, вот она!»

Теперь револьвер. Проблема, как лучше убить эту особь, что в колодце, занимала мистера Гама все последнее время. Повесить? Нет, можно растянуть, а то и повредить кожу, особенно узлом веревки.

Мистер Гам набирался опыта постоянно, каждое новое предприятие чем-то обогащало его. Правда, не обходилось и без досадных ошибок. И сейчас он был твердо намерен избежать всех тех кошмаров, которые так мешали ему прежде.

---

[49] Сноски: 49

Дэнни Кей — популярный американский комик 1940-х годов, блестящий танцор.

Основной принцип оставался неизменным: все они, какими бы слабыми от голода и страха ни были, завидев его приготовления и снаряжение, начинали драться и сопротивляться.

В прошлом, давным-давно, он любил загонять женщин в неосвещенные подвалы и там преследовать их в полной темноте. У него был прибор ночного видения и мощный инфракрасный фонарь. Это было просто замечательно — наблюдать, как они ощупью ищут дорогу в полном мраке, а потом забиваются куда-нибудь в угол… Он любил охотиться за ними с револьвером. Ему нравилось ощущать револьвер в руке. Они обычно быстро переставали ориентироваться, налетали на разные предметы, теряли равновесие, падали… А он стоял в полной темноте, надев инфракрасные очки, и ждал, пока они отнимут руки от лица, чтобы стрелять прямо в голову. Или сначала по ногам, ниже колена, чтобы полюбоваться, как они ползают…

Да, все это были детские забавы. Несерьезные. После этого от них не было никакого проку, так что он с этим покончил.

Осуществляя свой план, первым трем он сказал, что поведет их в душ на второй этаж. Они верили, слушались, взбирались вверх по лестнице,

а на обратном пути получали сапогом под зад и летели вниз с петлей на шее. Но с четвертой все пошло шиворот-навыворот. Ему пришлось пустить в ход револьвер еще в ванной, и потом он не меньше часа возился, убирая следы крови и приводя все в порядок. Он вспомнил эту девушку, мокрую и всю покрытую гусиной кожей. Как она задрожала, когда он взвел курок! Он любил этот звук — щелчок взводимого курка… А потом — бах! — и больше никаких проблем!

Он очень любил свой револьвер — и было за что, — роскошный «кольт-питон» с корпусом из нержавеющей стали и длинным шестидюймовым стволом. Специалисты фирмы «Кольт» отлаживают спусковые механизмы системы «питон» вручную. Держать его в руке — одно удовольствие. Он взвел курок и нажал на спуск, придерживая ударник большим пальцем. Затем зарядил револьвер и положил его на стол в мастерской.

Мистер Гам очень хотел предложить этой особи вымыть голову шампунем. Он хотел понаблюдать, как оно расчесывает волосы, — это было ему нужно для его собственных будущих операций. Однако особь попалась высокая и, наверное, сильная. Это был достаточно редкий экземпляр,

чтобы рисковать; он не хотел дырявить шкуру лишними выстрелами.

Нет, надо взять лебедку из ванной и предложить ей принять ванну. А когда она усядется в петлю на конце троса, он вытащит ее из колодца, но только до половины, а потом несколько раз выстрелит ей в нижнюю часть спины. И она потеряет сознание. А остальное можно делать под хлороформом.

Да, именно так. Сейчас он пойдет наверх и разденется. Потом разбудит Прелесть, и они посмотрят свой видеофильм. А потом — за работу, в теплом подвале — полностью обнаженным, голым, как в тот день, когда родился.

У него было прекрасное настроение и необыкновенная легкость во всем теле. Он поднялся наверх и быстро разделся. Накинул халат и включил видеомагнитофон.

— Прелесть, иди сюда! Прелесть! У нас очень-очень-очень трудный день! Иди скорей, золотко!

Придется запереть ее здесь, наверху, пока он управится внизу и самая шумная часть предприятия будет позади. Собачка ненавидит шум, она от него прямо заболевает. А чтобы она не скучала, он даст ей поесть — целую коробку собачьих бисквитов. Он и это не забыл купить, ходя по

магазинам.

— Прелесть!

Но собака не появлялась. Он заглянул в холл и еще раз позвал ее, потом в кухню, в подвал. И там наконец получил ответ.

— Она здесь, у меня внизу, ты, сукин сын! — крикнула ему Кэтрин Мартин.

У мистера Гама от страха за Прелесть все замерло внутри. Потом его охватила ярость. Сжав виски кулаками, он прижался лбом к дверной раме и попытался успокоиться. Из горла у него вырвался странный звук, нечто среднее между стоном и хрипом. Собачка ответила ему визгом.

Он пошел в мастерскую и взял револьвер.

Веревка, с помощью которой он вытаскивал и опускал в колодец ведро, была оборвана. Он так и не понял, как оно умудрилось ее порвать. В прошлый раз, когда веревка порвалась, он решил, что оно порвало ее в безумной попытке выбраться наверх с ее помощью. Все они пытались выбраться наверх, они вообще совершали любые глупости, какие только можно себе представить.

Он наклонился над колодцем:

— Прелесть, с тобой все в порядке?

Кэтрин ущипнула собаку за толстый задик. Собака взвизгнула и куснула ее в предплечье.

— Ну как, нравится? — спросила Кэтрин.

Мистеру Гаму показалось совершенно неестественным разговаривать с этой тварью. Но он переборол отвращение.

— Я сейчас спущу тебе ведро. И ты посадишь в него собачку.

— Ты сейчас спустишь сюда телефон! Или я сверну твоей сучонке шею! Мне бы не хотелось это делать, я не хочу причинять боль ни тебе, ни собаке, но я это сделаю! Лучше дай мне телефон!

Мистер Гам поднял револьвер. Она сжалась в комок, подняв собаку и выставив ее перед собой как щит. Услышала, как он взвел курок.

— Ну, стреляй, сучий выблядок! Стреляй! Только целься получше! Если не убьешь меня сразу, я сверну этой сучонке шею! Богом клянусь, сверну!

Она взяла собаку под мышку, зажав ей ладонью пасть, и подняла ей голову.

— Что, слабо? Тогда отвали, скотина!

Собака опять завизжала. Револьвер исчез. Кэтрин свободной рукой откинула волосы с влажного лба.

— Я не хотела вас оскорбить, — произнесла она. — Дайте мне телефон — это все, о чем я прошу. А сами можете уходить. Мне все равно. Я вас

не видела и не знаю. А о Прелести я позабочусь.

— Нет!

— У нее будет все, что нужно! Подумайте о ней, а не о себе одном! Если вы выстрелите в меня, она все равно как минимум оглохнет. Все, что мне нужно, — это телефон. Вы можете нарастить провод и спустить его сюда. А я потом перешлю вам вашу Прелесть — хоть самолетом. У меня в семье есть собаки, моя мать обожает собак. А вы можете уехать, мне все равно.

— Я не дам тебе больше воды!

— Тогда и она не получит ни капли! У меня-то еще есть вода, а ей я ничего не дам. Мне очень жаль, но у нее, кажется, сломана лапка. — Это была ложь. Собака вместе с ведром упала прямо на Кэтрин, оцарапав ей лицо своими коготками. Поэтому Кэтрин и не отпускала ее на пол, чтобы он не увидел, что она не хромает. — Ей больно! Она все время поджимает лапку и лижет ее! Мне самой от этого не по себе! Ее надо показать ветеринару!

Мистер Гам даже зарычал от ярости и муки. Собака в ответ завизжала.

— Ты еще не знаешь, что такое боль! — заорал он. — Если ты сделаешь ей больно, я тебя кипятком ошпарю!

Кэтрин услышала, как он поднимается по лестнице. Она присела, ее трясло так, что стоять было невмоготу. Она не могла даже собаку держать, так ее колотило.

А собачонка забралась ей на колени и свернулась там теплым клубочком.

50

Вода была грязно-бурая, по поверхности реки плавали перья. Голубиные перья, принесенные ветром из ближайших голубятен. И ветер гнал их по взбаламученной воде.

Фелл-стрит, улица, где жила Фредрика Биммел, во всех рекламных объявлениях агентов по продаже недвижимости именовалась набережной, поскольку задние дворы всех здешних домовладений выходили на топкий, болотистый берег Ликин-ривер, реки, на которой стоял город Белведер, штат Огайо (112 тысяч жителей, расположен в промышленном районе к востоку от Колумбуса).

Дома здесь были большие, старые, обветшалые. Стоили они теперь дешево, и многие были куплены молодыми семейными парами. Купленные дома были отремонтированы и выкрашены свежей краской, и остальные в сравнении с ними выглядели еще более грязными и обшарпанными. Дом, где жила Биммел, уже давно не ремонтировался.

Клэрис Старлинг некоторое время стояла у бе-

рега, глубоко засунув руки в карманы и глядя на плавающие в воде перья. В зарослях тростника кое-где виднелся слежавшийся снег, грязно-серый под ярко-синим зимним небом.

Позади нее отец Фредрики стучал молотком, прибивая что-то в огромной голубятне, которая занимала все пространство от берега и почти до самого дома. Она еще не видела его. Соседи сказали, что он дома. Лица их были словно заперты на замок, когда они ей это сообщали.

Старлинг чувствовала себя как-то неуютно, словно была не в ладах с самой собой. После того как она приняла решение оставить академию и продолжать охоту на Буффало Билла, чуждые, посторонние звуки перестали ее тревожить, в голове была полная тишина. Она была совершенно спокойна. Но сейчас, попав в другой город, она неожиданно ощутила себя прогульщицей и полной дурой.

С самого утра она как бы не замечала ни неудобств, ни неприятностей, ее не раздражали ни запах пота в самолете, ни неразбериха в агентстве, где она брала напрокат машину. Она, правда, рявкнула на дежурного клерка, чтобы тот двигался поживее, но сама даже ничуть не рассердилась.

Старлинг предстояло дорого заплатить за эту поездку, поэтому она хотела использовать имевшееся в ее распоряжении время с максимальной пользой. Ведь если Крофорда совсем отстранят от этого дела, то у нее обязательно отберут удостоверение, и тогда уже придется все бросить окончательно. Так что надо поспешить. Она решительно отбросила мысли о Кэтрин Мартин, о том, что это, может быть, последний день ее жизни и с ней, возможно, уже покончили — как прежде с Кимберли Эмберг и с Фредрикой Биммел. Если об этом думать, просто ничего не успеешь.

Ветер стих, и поверхность воды стала гладкой. Мертвая грязная река. Только у ее ног все еще крутилось одинокое перышко. «Ну ладно. Держись, Кэтрин!»

Старлинг закусила губу. Если он ее застрелит, то пусть сразу. Он ведь специалист.

«Научи нас любви, научи равнодушию.

Научи нас спокойствию и тишине».

Она повернулась и пошла вдоль стены голубятни по доскам, уложенным прямо в грязь, туда, откуда доносился стук молотка. Рядом за сеткой были голуби, сотни голубей всех размеров и цветов: здесь были и сизари, и турманы, и зобастые

с гордо выпяченной вперед грудкой. Птицы расхаживали по клеткам, ворковали, поглядывая по сторонам и покачивая головками, раскрывали крылья, подставляя их бледному зимнему солнцу, и издавали приветственные звуки, когда она проходила мимо.

Густав Биммел, отец Фредрики, оказался высоким худым мужчиной с широкими бедрами и слезящимися, покрасневшими глазами. Вязаная шапочка надвинута на самые брови. Он пристраивал к голубятне еще одну клетку. Пока что клетка стояла на козлах рядом с верстаком. От Биммела пахло водкой. Он внимательно прочитал удостоверение Клэрис.

— Ничего нового я вам не скажу, — заявил он. — Полиция уже была тут, позавчера. Они опять проверяли мое заявление. Все мне прочитали, все проверили. И все переспрашивали: «Это так? Это правильно?» «Ну да, черт побери, — ответил им я, — я же все рассказал еще в первый раз». Добавить мне нечего.

— Понимаете, я хочу выяснить, где он — я имею в виду похитителя, — где он мог увидеть Фредрику. Понимаете, мистер Биммел? Где он мог ее выследить. И где он ее похитил.

— Она поехала в Колумбус. На автобусе. Хотела

устроиться на работу в магазин. В полиции говорят, она была там на собеседовании. Но домой не вернулась. Мы не знаем, куда еще она могла поехать в тот день. Фэбээровцы выяснили, за что она в тот день платила — по кредитной карточке, — но это ничего им не дало. Вы ведь об этом знаете?

— Да, о кредитной карточке я знаю. Скажите, мистер Биммел, можно мне осмотреть вещи Фредрики? Они еще здесь?

— Ее комната на верхнем этаже.

— Можно посмотреть?

Он с минуту раздумывал, куда бы положить молоток. Потом сказал:

— Ладно. Пошли.

51

Стены кабинета Джека Крофорда в главном здании ФБР в Вашингтоне были выкрашены жуткой серой краской. Зато здесь были большие окна.

Крофорд стоял у окна, так, чтобы свет падал на открытый блокнот, и пытался прочесть скверную распечатку, сделанную на этом проклятом матричном принтере, который он уже давно просил заменить.

Он приехал сюда прямо из похоронного бюро и все утро работал, пытаясь ускорить получение из Норвегии зубной карты пропавшего матроса по имени Клаус. Еще он направил напоминание в Сан-Диего, чтобы там поторопились с опросом знакомых Бенджамина Распая по консерватории, где он преподавал, и позвонил в таможенную службу, где должны были проверить все документы, касающиеся нарушений правил ввоза живых насекомых.

Через пять минут после его приезда в дверь кабинета просунулась голова заместителя директора ФБР Джона Голби, который ныне возглавлял оперативную группу, занятую расследованием

дела Буффало Билла.

— Джек, — сказал он, — мы как раз о тебе вспоминали. Мы очень ценим, что ты приехал… Ты уже заказал заупокойную службу?

— Прощание завтра. Служба в субботу, в одиннадцать.

Голби кивнул.

— Мы тут собрали деньги в детский фонд ООН… Как ты считаешь, что нам лучше написать: «В память Филлис» или «В память Беллы»?

— Беллы. Пусть будет «В память Беллы».

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Крофорд отрицательно покачал головой:

— Я решил поработать. Мне так легче.

— Угу, — согласился Голби. Потом, после некоторой паузы, добавил: — Фредерик Чилтон обратился к федеральным властям с просьбой о защите. Хочет спрятаться в тюрьме.

— Здорово. Джон, ты кого-нибудь направил в Балтимор к Эверетту Йоу, адвокату Распая? Я тебе о нем говорил. Он наверняка кое-что знает о приятелях Распая.

— Да, сегодня утром направил. И Барроузу сообщил, только что. Директор ФБР распорядился объявить розыск Лектера по всей стране. Джек, если тебе все-таки что-нибудь нужно…

Голби скорбно поднял брови, махнул рукой, и его голова исчезла за дверью.

«Если тебе что-нибудь нужно…»

Крофорд повернулся к окнам. Из кабинета открывался чудесный вид на город. Вдали виднелось прекрасное здание почтамта, где он когда-то проходил стажировку. Слева находилась старая штаб-квартира ФБР. Когда он окончил школу, то вместе с другими выпускниками их привели туда, в кабинет Эдгара Гувера, тогдашнего директора Бюро. Гувер стоял на небольшом возвышении и всем им по очереди пожимал руку. Это был единственный раз, когда Крофорд видел Гувера живьем. На следующий день они с Беллой поженились.

Познакомились они в Ливорно, в Италии. Он тогда служил в армии, а она — в штабе НАТО. Ее звали Филлис. Они бродили по набережным над сверкающей под солнцем водой, и один из лодочников вдруг окликнул ее: «Эй, bella!» И с тех пор она стала для него Беллой. А в Филлис превращалась, только когда они ссорились.

Белла умерла. И поэтому даже вид из окон его кабинета должен бы стать другим. Несправедливо, что он остался таким же. «Господи ты боже мой! Умерла! Бедная моя девочка! Да, конечно, я

знал, что это скоро произойдет, но как это больно!..»

Что там ребята говорили об обязательном выходе на пенсию после пятидесяти пяти? Ты любишь свою работу, но она больше не любит тебя... Он уже не раз видел такое...

Слава богу, от этого его уберегла Белла. И он надеялся, что сейчас ей наконец хорошо. И она видит его и знает, что у него на сердце.

Зазвонил телефон внутренней связи.

— Мистер Крофорд, звонит доктор Даниэлсон из...

— Да-да, я помню.

Он нажал на кнопку.

Щелчок в трубке.

— Слушаю вас, доктор.

— Эта линия защищена, мистер Крофорд?

— Да. Во всяком случае, мой аппарат.

— Вы не записываете наш разговор?

— Нет, доктор. Что вы хотели мне сообщить?

— Я хотел бы в первую очередь заверить вас, что эта история не имеет абсолютно никакого отношения к пациентам, когда-либо обращавшимся в Университет Джонса Хопкинса.

— Конечно, я понимаю.

— Если из вашего расследования хоть что-ни-

будь получится, я хотел бы, чтобы вы объяснили всем, что этот преступник вовсе не транссексуал и никак не связан с нашим университетом!

— Да-да, конечно. Я вас понял. Он с вашим университетом никак не связан.

«Давай же скорее, ты, недоносок проклятый!» Крофорд сейчас согласился бы на все, что угодно.

— Этот человек избил доктора Пурвиса.

— Кто?

— Он подал заявление с просьбой поставить его на очередь на операцию по изменению пола. Назвался Джоном Грантом из Харрисберга, штат Пенсильвания.

— Приметы?

— Мужчина, белый, тогда ему был тридцать один год. Рост метр восемьдесят пять, вес девяносто два. Он прошел все тесты и показал очень неплохие результаты. Хороший коэффициент умственного развития — выше среднего по шкалам Векслера. Но когда дело дошло до психологических тестов и личных собеседований — тут выяснилась совсем другая картина. Вы знаете, результаты тестов «Дом — Дерево — Человек» и ТАТ у него почти полностью совпадают с теми, что вы нам прислали. Вы дали мне понять, что это разработка Элана Блума, но на самом-то деле

это ведь Ганнибал Лектер подготовил, правда?

— Дальше, доктор, дальше!

— Совет все равно отклонил бы его кандидатуру. Но еще до заседания совета мы выяснили кое-какие подробности о прошлом этого человека.

— Какие именно?

— Мы всегда проверяем всех заявителей в полиции по их месту жительства. Так вот, харрисбергская полиция два раза арестовывала этого человека за нападения на гомосексуалистов. Один из этих бедолаг чуть не погиб. Грант дал нам свой домашний адрес, но это оказалась дешевая ночлежка, где он появлялся лишь изредка. У полиции были его отпечатки пальцев да еще счет за бензин, оплаченный по кредитной карточке. Там был номер его водительского удостоверения. Оказалось, что оно выдано вовсе не на имя Джона Гранта. А еще через неделю он перехватил внизу доктора Пурвиса и избил его! Просто так, по злобе!

— Как его зовут, доктор?

— Записывайте, диктую: Джейм Гам.

52

В доме, где жила Фредрика Биммел, было три этажа. И все они отталкивающе мрачны. Крыша, крытая гонтом, вся в пятнах ржавчины, а в водостоках росли маленькие клены, прочно укоренившиеся там и вполне выдерживающие напор зимних ветров. Окна с северной стороны были наглухо закрыты листовым пластиком.

В маленькой гостиной, где было очень тепло от работающего электрокамина, женщина средних лет играла на ковре с маленьким ребенком.

— Моя жена, — представил Биммел, проходя через гостиную. — Мы недавно поженились. На Рождество.

— Здравствуйте, — сказала Старлинг.

Женщина в ответ слабо улыбнулась.

В остальных комнатах было холодно, и повсюду громоздились — так, что было невозможно пройти, — бесчисленные, поставленные одна на другую коробки, набитые всяким барахлом. Там были абажуры для ламп, крышки для домашнего консервирования, корзины для пикника, старые номера журналов «Ридерз дайджест» и «Нэшнл

джиографик», старые теннисные ракетки, постельное белье, стрелки и мишень для игры в дартс, синтетические чехлы для автомобильных сидений в стиле пятидесятых годов, от которых несло плесенью и мышами.

— Мы скоро отсюда переезжаем, — заметил мистер Биммел.

Скарб, сложенный грудами возле окон, давно выгорел на солнце. Эти коробки явно стояли здесь годами и разбухали под прессом времени. В комнатах свободное пространство пола кое-где прикрывали вытертые до основы коврики и дорожки.

На лестнице лежали пятна солнечного света. Старлинг поднималась вслед за мистером Биммелом наверх. От его одежды исходил затхлый запах. Сквозь щели в просевшем потолке над лестничной площадкой третьего этажа тоже пробивались лучи солнца. Коробки, стоявшие там, были прикрыты пластиком.

Маленькая комната Фредрики находилась на третьем этаже, под самым свесом крыши.

— Я вам еще нужен? — спросил Биммел.

— Сейчас нет. А вот потом, попозже, я очень хотела бы с вами поговорить. Мистер Биммел, а мать Фредрики?

В деле было отмечено, что мать ее умерла, но не было сказано когда.

— А что мать? Она умерла, когда Фредрике было двенадцать.

— Ах вот как…

— А вы что думали, что это она там, внизу? Я же вам сказал — мы поженились перед Рождеством. А вы что подумали? Вы, видать, совсем с другими людьми привыкли дело иметь. Моя нынешняя жена Фредрику ни разу даже не видела.

— Мистер Биммел, эта комната осталась такой же, как при Фредрике?

— Ага. — Он уже остыл, вспышка гнева прошла. — Мы все оставили как было. Все равно ее вещи никому не годятся. Если хотите, можете включить камин. Только не забудьте выключить, когда будете уходить.

Ему явно неприятно было заходить в эту комнату. И он пошел вниз, оставив Клэрис перед дверью.

Она минутку постояла, положив ладонь на холодную фарфоровую дверную ручку. Ей хотелось собраться с мыслями, прежде чем погрузиться в мир вещей Фредрики.

Ну хорошо, предположим, что Фредрика действительно была первой жертвой Буффало Билла.

И он сбросил ее тело в реку, подальше от дома. Он спрятал его лучше, чем тела следующих жертв, ведь только к ее телу он привязал груз: хотел, чтобы раньше нашли других, стремился, чтобы полиция еще до обнаружения тела Фредрики полностью уверовала в то, что выбор жертв и мест похищения был совершенно случайным. Ему было важно отвлечь внимание от Белведера. Потому что именно здесь он и живет. Ну, может быть, в Колумбусе.

Он начал с Фредрики, потому что завидовал ее коже. С чего мы начинаем завидовать? Конечно же, не с чего-то воображаемого. Зависть — грех очень земной: мы начинаем завидовать чему-то конкретному, осязаемому, тому, что видим каждый день. Значит, он мог видеть Фредрику ежедневно. Он мог видеть ее каждый день, наблюдать за ней в любой день ее жизни.

А как Фредрика проводила каждый день своей жизни? Ну хорошо, вот этим и займемся.

Старлинг распахнула дверь. Вот она, ее комната. Пахнет пылью и плесенью. На стене — прошлогодний календарь, навсегда открытый на апреле. Фредрика погибла десять месяцев назад.

В углу — кошачья миска с остатками еды, почерневшими, превратившимися в камень.

Старлинг, имевшая огромный опыт по части создания уюта из случайных, подержанных вещей, стоит в углу и не спеша осматривается. Да, Фредрика отлично здесь поработала, постаралась создать уют. Занавески из цветастого ситца. Судя по следам распоротых швов, она перешила на занавески какие-то старые чехлы для мебели. На стене висела афиша с приклеенной к ней лентой, на которой сверкала надпись «Оркестр средней школы Белведера», рядом — афиши Мадонны, Деборы Харри, Блонди… На полке над письменным столом Старлинг заметила рулон ярких самоклеящихся обоев. Именно этими обоями Фредрика оклеила свою комнату. Не самым лучшим образом, но все же лучше, чем сама Старлинг, когда клеила обои в первый раз. В нормальном доме комната Фредрики выглядела бы, пожалуй, даже веселой. Но в этом унылом жилище она была как пронзительный крик одиночества и отчаяния.

Фотографий самой Фредрики на стенах не было.

Одну фотографию Старлинг обнаружила в школьном альбомчике на маленьком книжном шкафу. Прочитала записи в дневнике: спевки хора, домоводство, кройка и шитье, репетиция оркестра…

На последней странице было несколько надписей разными почерками: «Ты моя лучшая подруга!», «Привет от твоего лучшего друга!», «Помнишь уроки химии?», «Лучшему продавцу домашних пирожных!»

Приводила ли Фредрика сюда своих друзей? И был ли у нее вообще друг, достаточно близкий, чтобы привести его сюда, в эту комнату под самой крышей? У двери стоял зонтик.

Так, теперь фотография Фредрики. Вот она — стоит в первом ряду. Крупная, тучная… Но школьная форма сидит на ней гораздо лучше, чем на остальных. Она толстая, но у нее хорошая кожа. Черты лица неправильные, но в целом мордашка довольно приятная, хотя, если подходить с обычными мерками, не слишком привлекательная.

Кимберли Эмберг тоже была не из хорошеньких. Не очаровашка. Тоже ничем не выделялась в выпускном классе своей школы. Как и все другие жертвы.

А вот Кэтрин Мартин любой назвал бы привлекательной. Высокая симпатичная молодая женщина, которой к тридцати придется соблюдать диету, чтобы сохранить талию.

Помни, что этот тип смотрит на женщин не

как обычный мужчина. Так что общая привлекательность не в счет. Они просто должны быть крупными и с гладкой кожей.

Интересно, как он о них думает? Как о «шкурах»? Как о «коже»? Некоторые подонки всех женщин называют одним словом. «Телка», например, или «п…да».

Внезапно она ощутила себя всю: свое тело, пространство, что она собой заполняет; ощутила свою руку, скользящую по фотографии, свою талию, лицо, груди, живот, прижатый к краю стола, ноги… Как применить здесь свой собственный опыт?

Старлинг посмотрела на себя в большое зеркало, висевшее на стене. Она была рада, что выглядит иначе, чем Фредрика. Но все время помнила, что разница эта определяется лишь неким шаблоном, заложенным в ее сознание. Что именно не давало ей сейчас увидеть этот шаблон?

Как хотела выглядеть Фредрика? К чему она стремилась? Чего хотела от своей внешности? Как хотела ее улучшить? И как добивалась этого?

Вот тут у нее записаны два вида диеты. Фруктовая и рисовая… А вот еще — «Голодание для похудания»: вообще ничего нельзя — ни есть, ни пить…

А может, она посещала специальные занятия, вместе с другими училась сидеть на диете? Может, Буффало Билл там ее и приметил, среди других таких же? Трудно проверить. Из уголовных дел Старлинг знала, что еще две его жертвы посещали такие же занятия. Полиция уже проверяла списки тех, кто ходил на эти занятия. Несколько агентов, в том числе один из канзасского бюро, которое в ФБР именовали не иначе как «Бюро толстяков», а также крупных и толстых полицейских были направлены в диетические клубы и центры, такие как «Стройнесса», «Держи диету», и в прочие организации подобного рода по месту жительства жертв. Старлинг, правда, не знала, посещала ли такого рода клубы и Кэтрин Мартин. Для Фредрики членство в подобных клубах и соблюдение специальной диеты могло быть затруднительным по финансовым соображениям.

У Фредрики сохранилось несколько экземпляров журнала «Велика и великолепна», издающегося специально для крупных, толстых и высоких женщин. В нем публиковались объявления вроде: «Приезжайте в Нью-Йорк! Здесь вы познакомитесь с людьми из разных стран, где ваш размер считается ценнейшим достоянием!»

Так, прекрасно. А вот и другое: «Отправляйтесь в Германию или в Италию! Там вы не будете одиноки — в первый же день вы встретите таких же, как вы!» Ну еще бы! А вот что надо делать, если пальцы ног не влезают в туфли… Господи помилуй! И в итоге бедная Фредрика встретила этого Буффало Билла! Уж он-то действительно счел ее тело «ценнейшим достоянием»!

Боже, как же ей приходилось выкручиваться! У нее была кое-какая парфюмерия, косметика, много кремов для кожи. Да, она тоже хотела использовать свое «ценнейшее достояние». Старлинг вдруг поняла, что очень сочувствует Фредрике, как будто это могло теперь иметь какое-то значение.

Бижутерия Фредрики была сложена в коробку из-под сигар «Белая сова». Позолоченная заколка для волос, видимо, от покойной матери досталась. Пара митенок из машинных кружев, как у Мадонны… Только на крупных руках Фредрики митенки все расползлись по швам…

Дешевый старый проигрыватель «Декка» пятидесятых годов. К звукоснимателю двумя резинками прикреплен перочинный нож — для дополнительного веса. Пластинки явно куплены на распродажах. Сплошные песни о любви, чув-

ственные мелодии…

Флейта.

Старлинг дернула за шнур выключателя в стенном шкафу. Здесь висела одежда Фредрики. Старлинг очень удивилась — прекрасные платья! Не очень много, конечно, но для выпускницы обычной школы вполне достаточно, чтобы не выделяться в деловой обстановке какой-нибудь приличной конторы или даже в роскошном магазине готового платья. Одного взгляда на изнанку было достаточно, чтобы понять, откуда все это. Фредрика шила сама. И отлично шила! Все швы были аккуратно обработаны, детали тщательно подогнаны. На полке — целая кипа выкроек. По большей части несложных, из журнала «Шейте сами», но парочка явно из «Вог».

Она, наверное, надела самое лучшее свое платье, отправляясь на это собеседование насчет работы. Интересно, какое именно? Старлинг порылась в своих заметках. Так. Вот: в последний раз ее видели «в зеленом костюме». Черт возьми, кто это писал? Что это за «зеленый костюм»?

Да, Фредрике нелегко приходилось — бюджет здорово ее ограничивал. И вечная проблема малоимущих — недостаток обуви. Туфель явно маловато, да и те здорово разбиты. Немудрено, с

ее-то весом… Сандалии так вообще превратились в какие-то расплющенные лепешки… На кроссовках дырки для шнурков растянуты донельзя…

Фредрика, наверное, занималась спортом — в шкафу висел тренировочный костюм необъятных размеров. Старлинг глянула на этикетку. Фирма «Джуно».

У Кэтрин Мартин тоже были огромные брюки фирмы «Джуно».

Старлинг вынырнула из стенного шкафа. Села в изножье кровати, сложив руки, и уставилась на освещенные платья.

Вещи с маркой «Джуно» продаются чуть ли не во всех магазинах, и прежде всего в тех, что специализируются на обслуживании покупателей, которые носят большие размеры. В любом, даже самом маленьком городишке найдется хоть один такой специализированный магазин.

Может, Буффало Билл следил за такими магазинами и именно там выбирал себе жертву?

Может, он просто приходил в эти магазины, одетый в женское платье, и изучал покупательниц? В такие магазины часто заходят и всякие половые извращенцы, и трансвеститы…

Версия о том, что Буффало Билл желал переменить пол, была взята на вооружение лишь

недавно, после того, как доктор Лектер поделился со Старлинг своими мыслями. А вот как насчет его одежды?

Все его жертвы, вероятно, покупали одежду в таких специализированных магазинах. Кэтрин Мартин, правда, носит сорок восьмой размер, но об остальных этого не скажешь. Свои спортивные костюмы Кэтрин покупала именно в таком магазине.

Да, Кэтрин Мартин носит сорок восьмой. Она поменьше остальных жертв. Фредрика, первая жертва, была самой крупной. Интересно, почему Буффало Билл выбрал сейчас именно ее — она ведь явно худее, чем все остальные? Кэтрин, конечно, полногрудая и высокая, но все-таки не такая крупная, как другие. Может, он сам похудел? Вступил в какой-нибудь клуб, соблюдает диету?.. Кимберли Эмберг, видимо, промежуточный вариант: крупная, но с тонкой талией…

Старлинг старательно избегала мыслей о Кимберли, но сейчас на секунду утратила контроль над собой. И тут же в ее сознании возникла картина: тело Кимберли на столе в морге. Буффало Билл не обратил внимания на ее гладкие ноги, тщательно сделанный маникюр с блестками, он смотрел на ее грудь. Она ему не понравилась, и он

вынул свой револьвер и всадил пулю прямо туда. И пуля оставила на ее груди жуткую звезду…

Дверь вдруг приоткрылась. Старлинг почувствовала это, прежде чем поняла, кто вошел. Кошка, огромная, один глаз золотистый, другой синий, вспрыгнула на кровать и прижалась к Клэрис. Явно искала Фредрику.

Одиночество. Толстая одинокая девушка мечтает найти близкую душу…

Полиция с самого начала расследования отбросила версию о клубах одиноких. А может, Буффало Билл играл именно на этой струне? Использовал чужое чувство одиночества в своих целях? Ничто не делает человека таким уязвимым, как одиночество. Разве что алчность…

Возможно, именно одиночество способствовало тому, что Буффало Билл сумел познакомиться и поближе сойтись с Фредрикой. Но в случае с Кэтрин Мартин дело явно было не в этом. Кэтрин никогда не ощущала одиночества.

Кимберли тоже была одинокой. «Нет, об этом не надо!» Кимберли, бедная Кимберли, такое мягкое, податливое тело — трупное окоченение уже прошло… Вот ее переворачивают на столе в морге, чтобы Старлинг могла снять отпечатки пальцев… «Перестань! Прекрати! Не могу…» Ким-

берли, одинокая, несчастная, старающаяся всем угодить… Может, она и сама вот так же послушно переворачивалась для кого-то, чтобы почувствовать спиной, как бьется его сердце? И ощутить, как его усы щекочут ее между лопатками…

Глядя в освещенный шкаф, Старлинг вспомнила толстую спину Кимберли с вырезанными на плечах треугольными кусками кожи.

Глядя в освещенный шкаф, Старлинг видела перед собой точно такие же треугольники, что были вырезаны из кожи на спине Кимберли, только на выкройках Фредрики — треугольные ластовицы, намеченные жирным пунктиром. Мысль, сначала неясная, возникла в ее мозгу, отошла куда-то на задний план, потом вновь заняла все ее внимание. Она ухватилась за нее. Пульс забился лихорадочно, ее охватила радость открытия. ЛАСТОВИЦЫ! ЭТО ЖЕ ЛАСТОВИЦЫ! ОН ДЕЛАЛ ЭТИ ТРЕУГОЛЬНЫЕ ВЫРЕЗЫ, ЧТОБЫ ИЗГОТОВИТЬ ЛАСТОВИЦЫ, ЧТОБЫ ВЫПУСТИТЬ В ТАЛИИ! ЭТОТ ПОДОНОК УМЕЕТ ШИТЬ! БУФФАЛО БИЛЛ ВЛАДЕЕТ НАВЫКАМИ ОПЫТНОГО ПОРТНОГО — ОН НЕ НОСИТ ГОТОВУЮ ОДЕЖДУ, ОН САМ ШЬЕТ!

Так. Что там говорил доктор Лектер? «Он делает себе костюм девушки из настоящих девушек». И меня он тоже спрашивал: «Вы шьете, Клэрис?»

Еще как, черт бы меня побрал!

Старлинг откинула голову и на минутку прикрыла глаза. Поиск решения сродни охоте — добившись результата, испытываешь жестокое, дикое удовольствие. Таков уж человек.

Так, кажется, внизу она видела телефон, в гостиной. Старлинг уже направлялась к лестнице, когда снизу раздался пронзительный голос миссис Биммел. Она звала Клэрис к телефону.

53

Миссис Биммел протянула Старлинг телефонную трубку, а сама взяла на руки капризничающего ребенка. Из гостиной она уходить и не собиралась.

— Старлинг слушает.

— Старлинг, это Джерри Барроуз…

— Вот и хорошо, Джерри. Слушайте, Буффало Билл умеет шить. Он вырезал треугольные куски… Сейчас, подождите минутку… Миссис Биммел, можно вас попросить унести ребенка? Мне надо поговорить… Спасибо! Джерри, он умеет шить. Он вырезал…

— Старлинг…

— Он вырезал треугольные куски кожи со спины Кимберли Эмберг, чтобы сделать ластовицы! Вы понимаете, о чем я? Он опытный портной! Ему эта кожа нужна для шитья! Надо запросить Центральную картотеку, пусть сделают выборку подходящих дел, по которым проходили портные, драпировщики, мебельщики и прочие в том же роде. У тех, кто шьет, есть общая особая примета — бороздка на переднем зубе от перекусывания

ниток…

— Да-да, понял. Сейчас я свяжусь с Центральной картотекой. Теперь слушайте. Мне, наверное, сейчас придется отойти от телефона… А Джек просил меня ввести вас в курс дела. Мы, кажется, вышли на него. Все данные вроде бы сходятся. Группа по освобождению заложников уже вылетела с авиабазы Эндрюс. Джек сейчас передает им информацию по связи.

— Куда они летят?

— Кальюмет-Сити, это пригород Чикаго. Зовут этого типа Джейм Гам, как Джеймс, но без «с» на конце. Он же Джон Грант. Мужчина, белый, тридцать четыре года, вес девяносто два, волосы каштановые, глаза голубые. Джек получил информацию из Университета Джонса Хопкинса. Ваша разработка — по поводу того, что он отличается от обычного транссексуала, — совпала с данными университета. Он три года назад подавал заявление на операцию по изменению пола. Его просьбу отклонили — и он избил одного из тамошних врачей. Он им представился как Грант и дал липовый адрес в Харрисберге, штат Пенсильвания. Полиция обнаружила его счет за бензин и номер его водительских прав. И вычислила его: он, оказывается, получил в свое время срок

в Калифорнии — убил своих деда и бабку, когда ему было двенадцать лет, и провел шесть лет в психушке для малолетних в Туларе. Шестнадцать лет назад его выпустили на свободу, потому что психушка закрылась. И он на долгое время исчез. Кроме того, у него зуб на голубых — он пару раз нападал на гомиков в Харрисберге. А после этого снова куда-то слинял.

— Вы же сказали — Чикаго. Откуда взялся Чикаго?

— Таможня навела. У них обнаружились документы на имя Джона Гранта. Пару лет назад таможня перехватила и арестовала в Лос-Анджелесе ящик с живыми куколками — так, что ли, они называются? — с насекомыми, в общем, с бабочками. Ящик был отправлен из Суринама. Получателем значился Джон Грант, а адресован он был на Кальюмет-Сити, в ателье под названием — вы только послушайте — «Мистер Хайд[50]. Изделия из кожи». Похоже, ваши данные о том, что он умеет шить, как раз сюда хорошо ложатся. Я сообщу об этом в Чикаго и Кальюмет. Домашне-

---

[50] Сноски: 50

Хайд (*англ.* hide) — шкура, кожа. Здесь также напрашивается ассоциация с мистером Хайдом, воплощением всего злого в человеческой натуре, вторым, скрытым «я» доктора Джекила — героя романа Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

го адреса этого Гранта или Гама мы пока не знаем — ателье уже не существует. Но мы его найдем!

— Фотографии его у вас есть?

— Только старые, когда им занимался суд по делам несовершеннолетних в Сакраменто. Проку от них мало — ему тогда было всего двенадцать, и выглядел он прямо как поросенок Нуф-Нуф. Но мы их все равно рассылаем сейчас повсюду.

— Можно мне тоже приехать?

— Нет. Джек предупреждал, что вы захотите приехать. Они уже вызвали двух женщин-полицейских из Чикаго и еще медсестру — позаботиться о Кэтрин Мартин. Если они ее найдут. Да вы все равно не успеете.

— А что, если он забаррикадируется? Это займет…

— Они готовы к этому — разговоров не будет. Как только обнаружат, сразу будут брать. Крофорд получил разрешение даже взорвать дверь. Клиент трудный, Старлинг. Он уже был раз в таком положении и прикрывался заложником. Еще когда был несовершеннолетним, там, в Сакраменто. Он там как раз забаррикадировался и держал собственную бабку в качестве заложницы. Деда он к тому времени уже убил. Там все скверно получилось, должен сказать. Он вышел

из дома к окружившим его полицейским. С ним проповедник пытался поговорить и убедить его сдаться. Маленький мальчишка, ни у кого не поднялась бы рука в него выстрелить… А он вышел, прикрываясь собственной бабкой, а потом застрелил и ее. Прострелил обе почки… А ему было всего двенадцать. Так что теперь — никаких переговоров, никаких предупреждений! Мартин, вероятно, уже мертва. Но предположим, нам повезет… Предположим, он еще за нее не взялся — может, у него другие планы или проблемы и просто руки до нее не дошли. Только ведь если он нас засечет на подходе, он ее все равно укокошит, прямо у нас на глазах, просто назло всем. Ему уже нечего терять, верно? Так что как только они его обнаружат, сразу бам! — и двери как не бывало!

В комнате было ужасно жарко, и она вся пропахла детской мочой.

Барроуз продолжал возбужденно говорить:

— Мы сейчас проверяем списки подписчиков на энтомологические журналы, списки членов гильдии кузнецов-ножовщиков, старые уголовные дела и все такое прочее — проходит ли там хоть одно из его имен. Все брошены на это дело, ни у кого ни минуты передыха, пока не обнаружим его. А вы проверяете знакомых Биммел, да?

— Так точно.

— Ребята из департамента юстиции говорят, что его трудно будет прищучить, если мы не захватим его на месте преступления. Хорошо бы поймать его вместе с Мартин или еще что-нибудь найти такое, чем можно его прижать, — хоть отпечатки пальцев. Если он уже избавился от тела Кэтрин Мартин, нам, естественно, понадобятся свидетели, а где их взять? Потом еще опознания проводить… Но ваши данные по Биммел все равно пригодятся. Старлинг, мне очень жаль, что все это случилось не вчера. Не только из-за Мартин. Вас уже поперли из Квантико?

— Наверное. И взяли на мое место кого-нибудь другого, кто ожидал вакансии.

— Если мы схватим его в Чикаго, вам это тоже зачтется. Вы нам здорово помогли. Они, конечно, все там упрямые долболомы, в Квантико; собственно, такими они и должны быть, но от этого они не смогут отмахнуться. Погодите-ка…

Старлинг слышала, как Барроуз кричит что-то по другому телефону. Потом он опять взял трубку:

— Ничего особенного. Они будут в Кальюмет-Сити минут через сорок-пятьдесят, зависит от ветра. Из Чикаго им в помощь уже отправлена

еще одна ГОЗ. Спецчасти. На всякий случай. У них уже есть четыре вероятных адреса. Старлинг, поглядите там, может, что найдется, чтобы сузить поиск. Если обнаружите хоть что-нибудь по Чикаго или Кальюмет-Сити, тут же связывайтесь со мной!

— Есть!

— Теперь вот еще что. Мне уже надо бежать… Если мы все-таки возьмем его в Кальюмет-Сити, вы должны явиться в Квантико к восьми ноль-ноль macana, вся наглаженная и блестящая, как новенький доллар. Джек намерен выступить на совете в вашу защиту. И Бригем тоже. Может, как-нибудь обойдется…

— Джерри, еще одна деталь. У Фредрики Биммел был спортивный костюм от «Джуно» — это фирма, выпускающая одежду больших размеров. И у Кэтрин Мартин тоже. Вполне возможно, он ходил по таким магазинам и там выслеживал своих будущих жертв. Можно запросить Мемфис, Эйкрон и другие города.

— Понял. Ну, не грусти!

Старлинг не спеша вышла на улицу. Белведер, штат Огайо, триста восемьдесят длинных-предлинных миль от Чикаго, где вот-вот начнется операция. Холодный ветер приятно обвевал

разгоряченное лицо. Она вдруг нанесла в воздух удар правой — словно помогала ребятам из ГОЗ! Но почему-то у нее дрожали руки и подбородок. С чего бы это? Она-то что могла бы сделать, если бы что-нибудь здесь обнаружила? Вызвала бы на помощь кавалерию — позвонила бы в Кливлендское отделение ФБР, они прислали бы группу, и в полицию Белведера тоже…

Главное — спасти эту молодую женщину, дочь этой долбаной сенаторши Мартин, да и других тоже, которых он убил бы после нее. Если это удастся — тогда все в порядке.

«Если они все-таки опоздают, если Кэтрин уже мертва, Господи, помоги им взять этого Буфф… нет, этого Гама, или мистера Хайда, или как он там еще зовется, этот подонок…»

А все-таки как это досадно — довести расследование почти до конца, уже почти вычислить его, догадаться обо всем — и всего на день позже, чем нужно! Да еще оказаться за сотни миль от того места, где его должны арестовать, и, ко всему прочему, вылететь из академии! Это уже смахивало на тотальное невезение. Клэрис уже давно подозревала, что у Старлингов это просто на роду написано, что все они последние лет двести были сплошь неудачники, вечно бродили

в потемках, не зная, куда и к кому приткнуться. Ничего удивительного, если бы выяснилось, что самый первый Старлинг всю свою жизнь как бы ходил по кругу. Классический образец рассуждения неудачника, и Старлинг с негодованием отмахнулась от этих мыслей.

Если они поймают его благодаря психологическому профилю, полученному ею от доктора Лектера, это должно помочь ей выдержать любые нападки департамента юстиции. Приходилось сейчас думать и об этом — ее карьера висела на волоске.

Однако как бы там ни было, а мысль о том, что он сам шьет, пришедшая ей в голову, когда она разглядывала выкройки, грела душу. Самая крупная ее удача во всем расследовании. Это тоже в ее пользу. Она нашла в себе силы и мужество, вспомнив там, в морге, не только об отце, но и о матери. Она заслужила доверие Крофорда. Это были ее реальные заслуги, истинные ценности, которые она могла теперь сложить в собственную коробку из-под сигар «Белая сова».

А сейчас ее задача заключается в том, чтобы думать о Фредрике и о том, как Гам мог на нее выйти. На суде понадобятся все данные, все факты.

Думай о Фредрике, всю свою короткую жизнь проторчавшей здесь, в этом городишке. В чем она пыталась найти для себя выход? Может, ее мечты совпали с намерениями Буффало Билла? Может, именно это свело их вместе? Ужасная мысль, но он, вероятно, вполне мог понять ее, исходя из собственного жизненного опыта, собственных переживаний. Понять ее, выказать ей сочувствие и потом все-таки содрать с нее кожу.

Старлинг остановилась у самой кромки воды.

У любого места на земле есть свое время суток, когда оно выглядит неотразимо. И каждый живущий неподалеку знает этот час и с нетерпением ждет его. Вот сейчас, в середине дня, Ликин-ривер позади Фелл-стрит, очевидно, смотрится лучше всего. Может, именно в это время Фредрика приходила сюда, чтобы помечтать? Бледное солнце, легкий туман над водой, застилающий ржавые старые баки и холодильники, брошенные прямо в грязь на противоположном берегу… Прохладный северо-восточный ветерок, летящий прямо к свету и пригибающий тростник в сторону солнца…

От дома Биммелов к воде была протянута хлорвиниловая труба. Она вдруг фыркнула, и из нее вылился ручеек воды, смешанной с кровью. На грязном снегу остались розовые пятна. Из дома

вышел Биммел. Его брюки спереди были забрызганы кровью. В руке он держал полиэтиленовый пакет с какими-то розовыми комочками.

— Голуби, — сказал он, заметив взгляд Старлинг. — Когда-нибудь пробовали жаркое из голубя?

— Нет, — ответила она, отворачиваясь от реки. — Только из диких.

— Этих можно есть и не бояться поломать зуб о дробинку.

— Мистер Биммел, а у Фредрики, случайно, не было знакомых из Кальюмет-Сити и вообще из Чикаго?

Он пожал плечами и отрицательно мотнул головой.

— А она когда-нибудь ездила в Чикаго, вы не знаете?

— Что значит — я не знаю?! Вы что же, думаете, моя дочка могла поехать в Чикаго, а я об этом ничего бы не знал? Даже когда она ездила в Колумбус, я про это все знал!

— А у нее не было знакомого портного или драпировщика? Мужчины?

— Она для всех шила. Она хорошо шила, как ее мать. Ничего не знаю насчет мужчин. Она шила для разных магазинов, для разных заказчиц, не

знаю только, для кого именно.

— А у нее были такие друзья, ну, что называется, по гроб жизни?

«По гроб жизни»! Как это у меня вылетело? Слава богу, он злится, и поэтому его ничего не задело».

— Откуда? Она не любила попусту тратить время. У нее всегда была какая-нибудь работа. Господь обделил ее красотой, зато трудолюбие дал.

— А как, по-вашему, кто был ее лучшей подругой?

— Стейси Хубка, наверное. Они с детства дружили. Мать Фредрики, правда, всегда говорила, что Стейси просто нужна такая подружка, чтоб ее обслуживала. Ну, я уж не знаю…

— Не скажете, как мне с ней связаться?

— Стейси работала в одной страховой компании. «Франклин иншуранс» называется. По-моему, она и сейчас там работает.

Через грязный двор Старлинг направилась к своей машине, низко опустив голову и глубоко засунув руки в карманы. Из окна на верхнем этаже за ней следила кошка Фредрики.

54

Чем дальше забираешься на запад, тем большее впечатление на людей производит удостоверение сотрудника ФБР. Удостоверение Старлинг, которое в Вашингтоне вызвало бы лишь скучающий взгляд, сразу встретило повышенное внимание со стороны босса Стейси Хубки в страховом агентстве «Франклин иншуранс» города Белведер, штат Огайо. Он тут же лично заменил Стейси Хубку за ее столом и взял на себя ее телефонные переговоры, предоставив собственный кабинетик в полное распоряжение Старлинг.

У Стейси Хубки было круглое нежное личико. Невысокая — даже на каблуках не более метра шестидесяти. Волосы подвивала и закалывала с боков пластмассовыми заколками, чтобы не падали на лицо. Она все время украдкой разглядывала Старлинг.

— Стейси… Можно, я вас буду называть просто Стейси?

— Конечно.

— Стейси, я прошу вас рассказать мне, как, по-вашему, все это могло случиться с Фредрикой

Биммел. Где этот человек мог с ней встретиться, познакомиться…

— Ужасная история! Просто ужасная! Содрал с нее кожу, паскуда такая! Вы ее видели? Говорят, она была ну прямо как кусок мяса, знаете, как в лавке у мясника…

— Стейси, она когда-нибудь упоминала о ком-нибудь из Чикаго или Кальюмет-Сити?

Кальюмет-Сити. Стрелки на часах за спиной Стейси не давали Старлинг покоя. Если бригаде по спасению заложников нужно на полет сорок минут, значит, через десять минут они уже приземлятся. Выяснили они его точный адрес? Ладно, занимайся своим делом!

— Чикаго? — переспросила Стейси. — Нет. Мы только один раз были в Чикаго. Маршировали на параде в честь Дня благодарения[51]. Это в восьмом классе было, значит — сколько? Девять лет назад. Наш школьный оркестр ездил. Туда и обратно на автобусе.

— А что вы подумали, когда она пропала?

— Да ничего не подумала. Просто, знаете, удивилась…

— Вы помните, где вы были, когда узнали об

---

[51] Сноски: 51

День благодарения — общенациональный праздник в США в память первых переселенцев. Отмечается в последний четверг ноября.

этом? Где вам об этом сообщили? И что вы тогда подумали?

— В тот вечер, когда она пропала, мы со Скипом ходили на шоу, а потом заехали в бар мистера Тода выпить. А там была Пам, знаете, Пам Малавези, она подошла и сказала, что Фредрика пропала. А Скип сказал, что не могла она пропасть: это даже самому Гудини[52] не под силу — куда-нибудь ее утащить и спрятать… А потом стал всем рассказывать, кто такой был Гудини. Он всегда любит, знаете, мозги людям запудрить, дескать, он все на свете знает. Ну, побазарили и забыли. Я думала, она на отца обиделась. Вы были у нее дома? Ужасная дыра, правда? Мне кажется, где бы она сейчас ни была, ей ужасно стыдно перед вами за этот дом… Вы бы на ее месте небось тоже сбежали?

— Вам не приходила в голову мысль, что она могла сбежать с кем-то? Нет? Пусть даже это на самом деле не соответствовало истине…

— Скип сказал, что, может, она нашла себе какого-нибудь любителя «большого и чистого». Да нет, никого у нее не было. Когда-то, знаете, у нее был парень, но ужасно давно. Он играл в нашем

---

[52] Сноски: 52

Гарри Гудини — знаменитый американский цирковой артист, фокусник-иллюзионист, человек, умевший выпутаться из любых оков и тенет, выбраться из любого запертого помещения.

оркестре, мы тогда в десятом классе учились. Я говорю «у нее был парень», но на самом-то деле они, знаете, просто иногда болтали да хихикали, как девчонки, и уроки вместе делали. Он был такой маменькин сынок, сам больше на девчонку похож, и носил такие матросские шапочки, знаете? Скип считает, что он был, знаете, голубой. Над ней ужасно смеялись, что она вроде как гуляет с гомиком. Он потом погиб в автомобильной катастрофе вместе со своей сестрой. И после этого у нее никого больше не было.

— Что вы подумали, когда она не вернулась?

— Пам сказала, что ее инопланетяне похитили. Мне так страшно стало, особенно по вечерам. Я даже из дома стала выходить только со Скипом. Я ему так и сказала: «Как солнце садится, я без тебя никуда».

— Она при вас никогда не упоминала о человеке по имени Джейм Гам? Или Джон Грант?

— Э-э-э, нет…

— Как вам кажется, мог у нее появиться какой-нибудь друг или знакомый, о котором она бы вам ничего не сказала? У вас были такие случаи, когда вы ее по нескольку дней подряд не видели?

— Нет. Если бы у нее парень появился, поверьте, я бы об этом знала. Нет, не было у нее никого.

— Как вы считаете, такое вообще возможно — чтобы она завела парня и ничего вам об этом не сказала?

— Да нет, конечно, сказала бы!

— Может, она боялась, что над ней опять будут смеяться?

— Кто? Мы? С какой стати? Из-за той истории с гомиком? С этим маменькиным сынком? — Стейси даже покраснела. — Нет! Не стали бы мы над ней смеяться! Я просто, знаете, о нем случайно вспомнила. Над ней… все к ней, знаете, ужасно по-хорошему относились… Жалели ее, когда тот гомик погиб…

— Вы работали вместе с Фредрикой, Стейси?

— Ага. Я, Пам Малавези, она и еще Джаронда Эскью. Мы в старших классах всегда работали летом в торговом центре. А потом Пам и я однажды пошли в магазин Ричардса попробовать — может, знаете, примут нас на работу. Там продаются настоящие шмотки, фирменные, ужасно красивые. И нас приняли. А потом Пам сказала Фредрике, чтоб та тоже попробовала — им там, дескать, нужны еще девушки. Ну, она пошла, а миссис Бердин, знаете, заведующая отделом, та ей сказала: знаешь, Фредрика, нам нужны такие девушки, с кем покупательница могла бы пого-

ворить по душам, посоветоваться, чтоб она могла войти и сказать, что, мол, хочу быть одета, как эта девушка, а продавщица могла бы ей что-то порекомендовать, помочь выбрать платье и все такое. Вот если ты займешься своей фигурой и сбросишь вес, тогда приходи, мы тебя возьмем. А пока, говорит, если хочешь, можешь брать у нас заказы на подгонку готовых вещей для наших клиенток — ну, знаете, чтоб было по фигуре. Если у тебя будет хорошо получаться, говорит, я тогда договорюсь с миссис Липман. Эта миссис Бердин всегда так, знаете, ужасно сладко разговаривает, а на самом деле она настоящая сука! Но тогда я этого еще не знала.

— Значит, Фредрика начала брать заказы для магазина Ричардса, в котором вы работали?

— Ага. Ей, конечно, было ужасно неприятно. До этого все заказы на подгонку выполняла эта старуха, миссис Липман, у нее было маленькое ателье. Но она одна не справлялась, поэтому часть заказов отдали Фредрике. И она стала работать в этом ателье у миссис Липман, там вообще все для всех шили. А потом, когда миссис Липман ушла на покой, ее дочь, или кто она ей там, не захотела этим заниматься. И все заказы перешли к Фредрике. Она, знаете, ужасно много работала,

все время шила. Только этим и занималась. Даже когда мы ходили в гости к Пам — вместе перекусить или фильм поглядеть по телику, — она всегда какое-нибудь шитье с собой прихватывала. Сидит, знаете, и все время шьет.

— А в самом магазине Фредрика не появлялась? Может быть, она сама мерки снимала? Сама встречалась с клиентами? Или с оптовиками?

— Иногда. Но редко. Не знаю, я ведь не каждый день работала.

— А миссис Бердин работала каждый день? Может, она знает?

— Да, наверное.

— Скажите, а Фредрика никогда не говорила, что шьет для фирмы «Мистер Хайд» из Чикаго или из Кальюмет-Сити? Может, она выполняла и их заказы, например пришивала подкладку к изделиям из кожи?

— Не знаю. Может, у миссис Липман были такие заказы.

— Вы сами когда-нибудь встречали изделия фирмы «Мистер Хайд»? В магазине Ричардса они не продавались? Или в его филиалах?

— Нет.

— Вы мне не подскажете, где теперь живет миссис Липман? Мне бы хотелось с ней побесе-

довать.

— Она уже умерла. Она, знаете, ушла на покой и перебралась во Флориду. Фредрика говорила, что она там и умерла. Я-то сама ее никогда не видела. Мы со Скипом, знаете, иногда заезжали за Фредрикой в ателье, когда она брала работу на дом и тащила с собой кучу всяких шмоток. Можно спросить у ее родственников или еще у кого. Я напишу вам адреса.

Все это было скучно и утомительно. Сейчас Старлинг важнее всего было получить сообщение из Кальюмет-Сити. Сорок минут уже прошло. ГОЗ, наверное, приземлилась. Старлинг повернулась, чтобы не видеть часы, и продолжала расспросы:

— Стейси, а где Фредрика покупала себе одежду? Где брала вещи таких больших размеров? Например, свой спортивный костюм фирмы «Джуно»?

— Она почти все шила сама. Думаю, что спортивный костюм она купила у Ричардса — это было, знаете, когда все вдруг стали носить очень свободные вещи, чтобы под них можно было еще что-то надевать. Такие костюмы везде продаются. У Ричардса, правда, ей все продавали со скидкой — она ведь для них заказы выполняла.

— А она когда-нибудь посещала специализированные магазины, торгующие одеждой больших

размеров?

— Да мы по разным магазинам с ней шатались — знаете, просто поглядеть. И по таким тоже. У нас тут есть один, знаете, называется «Крупная личность». Она всегда любила посмотреть на шмотки, новых идей набиралась. Особенно, конечно, к большим размерам приглядывалась, знаете, фасоны на себя прикидывала.

— К вам, случайно, никто не приставал в этих магазинах? Фредрике никогда не казалось, что кто-то за ней следит или положил на нее глаз?

Стейси некоторое время смотрела в потолок, потом покачала головой.

— Стейси, а трансвеститы к Ричардсу не заходили? Или мужчины, которые покупали платья больших размеров? Вам такое не встречалось?

— Нет. Мы со Скипом как-то раз видели таких в одном баре в Колумбусе.

— Фредрика была с вами?

— Да нет. Зачем? Мы же ездили, знаете, с ночевкой.

— Вы запишете мне все адреса магазинов, специализирующихся на торговле одеждой больших размеров, которые вы посещали с Фредрикой? Как вы думаете, вы их все помните?

— Только здесь или и здесь, и в Колумбусе?

— И здесь, и в Колумбусе. Адрес магазина Ричардса тоже. Я хотела бы поговорить с миссис Бердин.

— О'кей. А это, наверное, ужасно здорово — работать в ФБР!

— Мне тоже так кажется.

— Похоже, вам много приходится ездить, и вообще?.. По разным городам, я хочу сказать, получше нашего?

— Иной раз приходится.

— И следить за собой, чтоб каждый день хорошо выглядеть, так?

— Ну конечно. Надо стараться выглядеть поделовому.

— А как стать агентом ФБР?

— Сначала надо окончить колледж, Стейси.

— За это трудненько заплатить…

— Это точно. Но можно ведь получить стипендию. Прислать вам проспект с правилами приема?

— Ага. Я вот подумала… Фредрика была так рада за меня, когда я, знаете, получила эту работу. Она прямо вне себя была от радости — у нее ведь никогда не было такой работы, чтоб в офисе… Она думала, это поможет мне подняться наверх… Ха-ха! Сплошные папки да бумаги! И целый день

телефонные звонки! Она-то думала, у меня работа интересная! Да что она вообще понимала, толстая дурочка!

В широко раскрытых глазах Стейси стояли слезы. Она откинула голову, чтобы тушь не потекла.

— Ну так что, напишете мне адреса?

— Ага. Только лучше я за своим столом, у меня там компьютер и книжка телефонная, и вообще…

И она вышла, все так же откинув голову и ориентируясь, видимо, по потолку.

Единственное, к чему теперь стремилась Старлинг, был телефон. И едва Стейси успела выйти из кабинета, тут же набрала вашингтонский номер, чтобы узнать последние новости.

55

В эту самую минуту над восточной оконечностью озера Мичиган двадцатичетырехместный реактивный самолет с гражданскими опознавательными знаками сбросил скорость и начал разворот перед заходом на посадку на аэродроме Кальюмет-Сити, штат Иллинойс.

Двенадцать человек из группы по освобождению заложников войск специального назначения почувствовали, как самолет тряхнуло. Они сидели спокойно, лишь некоторые делано зевали, скрывая напряжение.

Командир ГОЗ Джоэл Рэндел, сидевший в передней части салона, снял шлем и еще раз просмотрел свои заметки. Потом повернулся к остальным. Он считал членов своей бригады лучшими в мире специалистами и, весьма вероятно, был совершенно прав. Хотя некоторые еще ни разу не были в настоящем деле, но на тренировках в условиях, приближенных к боевым, были лучшими из лучших.

Рэндел провел в таких самолетах много времени, так что чувствовал себя уверенно и при-

вычно.

— Джентльмены, УБН любезно предоставило нам наземный транспорт — один микроавтобус якобы от цветочного магазина и второй с рекламой водопроводной компании. Так что, Вернон и Эдди, надевайте жилеты и влезайте в комбинезоны. Если придется использовать газовые гранаты, не забывайте, что лица у вас ничем не защищены.

Вернон повернулся к Эдди:

— Смажь личико кремом.

— Разве он говорил про крем? А мне послышалось, он велел тебе приготовить клизму.

Вернон и Эдди должны были первыми войти в дом, поэтому под гражданской одеждой на них были лишь легкие тонкие бронежилеты. Остальные были защищены гораздо лучше — сплошная противопульная броня на случай перестрелки.

— Бобби, проверь рации, чтобы в каждом автобусе обязательно была хоть одна. А то опять придется общаться через оператора УБН.

Дело было в том, что Управление по борьбе с наркотиками пользовалось во время своих операций УКВ-связью, в то время как ФБР — обычными коротковолновыми рациями. Поэтому на совместных операциях в прошлом не раз возникали

проблемы с передачей команд и сообщений.

ГОЗ была превосходно оснащена и готова к любым неожиданностям: для преодоления стен в ее распоряжении были раздвижные лестницы, для подслушивания — мощные звукоуловители, а для визуального наблюдения — приборы ночного видения. Оружие, оснащенное инфракрасными прицелами, в громоздких футлярах походило на инструменты симфонического оркестра.

Им предстояла очень четко и точно организованная, почти хирургическая, операция, так что оснащение и оружие соответствовало их задачам: все было надежно, сотни раз проверено и никогда прежде не подводило.

Самолет выпустил закрылки, и парни начали надевать снаряжение.

В это время Рэндел получил по радио сообщение из Кальюмет-Сити. Выслушав, он прикрыл микрофон ладонью и обратился к своей группе:

— Ребята, поиск сузился до двух адресов. Наиболее вероятный — нам, а по второму едет чикагская ГОЗ.

Самолет приземлился на аэродроме Лэнсинг, ближайшем к Кальюмет-Сити, юго-восточному пригороду Чикаго. Разрешение на посадку было получено немедленно. Посадив машину, пилот

направил ее в дальний конец летного поля и остановил рядом с двумя микроавтобусами, которые уже ждали их с работающими двигателями.

Последовал быстрый обмен приветствиями с представителем УБН, стоявшим тут же. Он вручил Рэнделу нечто выглядевшее как роскошный букет цветов. На самом же деле это была кувалда для взлома дверей, завернутая в блестящую цветную фольгу и щедро прикрытая зеленью.

— Добро пожаловать в Чикаго, — сказал он. — А это передайте ему от нас.

56

Только к полудню мистер Гам сумел взять себя в руки.

Глазами, полными слез, он смотрел на экран телевизора, вновь и вновь прокручивая свой видеофильм. Мамочка бесчисленное количество раз вылезала из воды, взбиралась по лестнице на горку и, вытянув ноги, съезжала в бассейн, съезжала, съезжала… Слезы застилали мистеру Гаму глаза, словно он сам был в бассейне.

Он прижимал к животу горячую грелку; в грелке булькала вода, и ощущение было почти таким же, как когда он прижимал к себе свою собачку.

Больше он не мог этого выдержать. Оно сидело там, в колодце, и держало Прелесть у себя, держало заложницей, узницей. Оно ей угрожало! Прелести было больно! А он вовсе не был уверен, что удастся застрелить эту тварь прежде, чем она сумеет причинить собачке вред… Но все равно надо попытаться. Прямо сейчас.

Он разделся и накинул халат. Он всегда снимал с них кожу голым и был сам весь в крови, как новорожденный.

Из своей огромной аптечки он достал мазь, которой однажды пользовал Прелесть, когда ее оцарапала кошка, а также лейкопластырь и большой пластмассовый веерный воротник, который ему дал ветеринар. Воротник не позволял собаке лизать поврежденное место. У него еще был специальный намордник и тюбик крема с новокаином для местной анестезии, если оно все-таки успеет перед смертью нанести собачке увечье.

Придется все же стрелять в голову. Волосы пропадут, но здоровье Прелести дороже. Волосами он, так и быть, пожертвует, чтобы обеспечить безопасность собачки.

Теперь тихонько вниз по лестнице, в подвал. Тапки долой, лучше босиком. Вниз по лестнице, держась ближе к стене, чтоб ни одна ступенька не скрипнула.

Свет он не включал. Достигнув последней ступеньки, свернул направо, в мастерскую. Он двигался ощупью, легко находя дорогу в темноте и ощущая все неровности пола босыми ступнями.

Рукавом халата он слегка задел клетку и тут услышал сердитый резкий писк, который издавали потревоженные бабочки. Так, вот он, шкафчик. Он достал свои инфракрасные очки и

надел их. Теперь все вокруг стало зеленым. Он постоял немного, прислушиваясь к бульканью воды в трубах. Властелин мрака, королева тьмы.

Бабочки, порхавшие по подвалу, оставляли за собой зеленые флуоресцирующие следы, легчайшее дуновение ветерка от их крыльев касалось его лица.

Он проверил револьвер. Револьвер был заряжен специальными пулями, мягкими, без оболочки. Такие пули сплющиваются при попадании в голову и разносят все вдрызг. Чтоб убить наверняка. Если оно будет стоять и если он выстрелит прямо в голову, направив ствол строго вниз, такая пуля, в отличие от «магнума», вряд ли пробьет нижнюю челюсть. За кожу на груди можно не беспокоиться!

Тихо, осторожно, на полусогнутых ногах, ощущая пальцами ног истертые доски пола, он продвигался вперед. Тихо, осторожно, но не слишком медленно. Он не хотел, чтобы собачка успела учуять его запах и поднять лай.

Вот в зеленом полумраке появился колодец, камни и скрепляющий их раствор, а на нем деревянная крышка. Он четко видел рисунок дерева, из которого была сделана крышка. Теперь тихонько поднять ее и отставить в сторону.

Заглянуть в колодец. Так, вот они. Оно лежало на боку, скрючившись, как огромная креветка. Может быть, спало. Прелесть свернулась калачиком, тесно прижавшись к нему. Кажется, тоже спит. «Господи, хоть бы Прелесть была жива!»

Голова торчит в сторону. Можно было бы выстрелить в шею. Очень соблазнительно, чтобы сохранить волосы. Нет, слишком рискованно.

Мистер Гам наклонился над колодцем и прицелился. Из такого длинноствольного револьвера целиться очень удобно, просто очень. Надо только держать его в поле прибора ночного видения. Он тщательно навел револьвер на висок, туда, где кончались влажные волосы спящей особи.

Он так и не понял, что ее разбудило — запах или шорох, — но Прелесть вдруг вскочила, залаяла, завизжала, запрыгала. Кэтрин Мартин тут же повернулась и схватила собачку, накрыв и ее, и себя матрасом. Теперь у него перед глазами все поплыло. Он не мог разобрать, где собака, а где Кэтрин. Никак не мог разобрать, потому что в инфракрасных очках теряется ощущение глубины.

Но он видел, что Прелесть прыгает! И понял, что лапка у нее в полном порядке. И еще кое-что он понял: Кэтрин Бейкер Мартин не может причинить собачке боль, что бы он ни сделал. «О-о-ох,

прямо камень с души! Ну так и черт с ней! Теперь можно стрелять по ногам, а когда она скрючится, разнести ей башку, к чертовой матери! К дьяволу все предосторожности!»

Он включил в подвале свет, все лампы до единой. Принес из кладовки мощный прожектор. Он уже полностью овладел собой. По пути через мастерскую открыл кран и пустил воду тонкой струйкой, чтоб потом, когда он начнет работать, не засорилась труба в местах изгиба.

И в тот момент, когда он с прожектором в руках проходил мимо лестницы, готовый приступить к заключительному этапу работы, у входной двери раздался звонок.

Резкий, режущий ухо звонок. Он остановился в недоумении. Кто бы это мог быть?

Он не слышал этого звука уже несколько лет, он даже не знал, работает ли звонок вообще. Звонок был установлен так, что его было слышно в разных концах дома — и наверху, и внизу. Но он давно покрылся пылью… Мистер Гам удивленно уставился на него, и тут звонок опять заверещал. Он звонил и звонил, дергаясь и дрожа. Пыль с него летела во все стороны. Кто-то там упорно жал на кнопку у входа, где висела табличка «Управляющий».

Ладно, позвонит и уйдет.

Мистер Гам установил прожектор.

Но этот кто-то не уходил.

Внизу, в колодце, оно что-то произнесло, но он не обратил никакого внимания. Звонок продолжал верещать, резать слух, словно этот кто-то всем телом навалился на кнопку.

Да, наверное, придется пойти наверх и посмотреть, кто это. Длинноствольный «питон» не влезал в карман халата, и он положил его на стол в мастерской.

Он уже преодолел половину лестницы, когда звонок звонить перестал. Гам немного подождал. Тишина. Он решил все же посмотреть, кто там. Когда он проходил через кухню, кто-то громко забарабанил в заднюю дверь. Он даже подпрыгнул от неожиданности. В кухне на плите лежал дробовик. Мистер Гам помнил, что он заряжен.

Затворив дверь на лестницу, ведущую в подвал, чтобы никто не услышал криков снизу — даже если оно будет вопить во всю мочь, — он пошел к задней двери.

Снова раздался стук. Он приоткрыл дверь, не забыв накинуть предохранительную цепочку.

— Я звонила с парадной двери, но никто так и не вышел, — сказала Клэрис Старлинг. — Я ищу

кого-нибудь из родственников миссис Липман. Вы мне не можете помочь?

— Они здесь не живут, — ответил мистер Гам и закрыл дверь.

Он пошел было обратно к лестнице в подвал, но в дверь снова забарабанили, на этот раз куда громче. Он опять приоткрыл дверь, не снимая цепочки. Молодая женщина тут же сунула ему чуть ли не в лицо свое служебное удостоверение. Федеральное бюро расследований.

— Извините, но мне надо с вами поговорить. Мне нужно разыскать кого-нибудь из родственников миссис Липман. Она здесь жила. Пожалуйста, помогите мне.

— Миссис Липман уж лет сто как умерла. И я не знаю никого из ее родственников.

— Может, вы знаете, кто был ее адвокатом? Или вел ее счета? У кого могли сохраниться ее деловые бумаги. Вы сами знали миссис Липман?

— Очень мало. А в чем дело?

— Я расследую обстоятельства смерти Фредрики Биммел. А как вас зовут?

— Джек Гордон.

— Вы были знакомы с Фредрикой Биммел, когда она работала у миссис Липман?

— Нет. Это такая большая, такая толстуха? Мо-

жет, я ее и видел, не помню точно. Извините, я был с вами резок… Я, видите ли, спал… У миссис Липман был адвокат, у меня, наверное, сохранилась его визитная карточка. Надо поискать… Может, вы зайдете? Тут такой сквозняк, да и кошка моя может в любой момент выскочить наружу… Лови ее потом…

Он подошел к большому бюро с округлой крышкой, стоявшему в углу кухни, открыл его и принялся копаться в ячейках. Старлинг прошла внутрь и достала из сумки блокнот.

— Ужасная история с этой Биммел, — произнес он, продолжая копаться в бумагах. — Как вспомню, прямо мороз по коже… Вы не знаете, они еще никого не нашли?

— Пока нет. Но расследование идет. Мистер Гордон, вы здесь поселились после смерти миссис Липман?

— Да.

Гам наклонился над бюро, стоя спиной к Старлинг, открыл один из ящиков и принялся в нем копаться.

— А здесь не осталось никаких бумаг? Деловых бумаг, документов?

— Нет, ничего не осталось. А у ФБР есть какая-нибудь версия? Здешняя полиция, кажется, ни

о чем и представления не имеет. У вас уже есть какие-нибудь зацепки — ну, там, отпечатки пальцев, описание внешности?..

Из складок халата на спине мистера Гама выползла бабочка «мертвая голова». Она остановилась между лопатками, как раз напротив сердца, и расправила крылышки.

Старлинг уронила блокнот в сумку.

«Так. Мистер Гам собственной персоной. Хорошо, что у меня пальто расстегнуто… Надо ему зубы заговорить, а самой как-нибудь добраться до телефона… Нет. Он уже знает, что я из ФБР. Если оставить его хоть на минутку, он ее убьет. Прострелит почки… Как только обнаружат, сразу будут брать… Как же, дождешься… Телефон, где у него телефон?.. Не вижу… Не в этой комнате… Спросить у него?.. Набрать номер, а потом — за револьвер… Положить его на пол, лицом вниз… И ждать, пока приедет полиция… Да, так и надо действовать. Вот он поворачивается…»

— Вот его карточка, — сказал он. — Там телефон указан.

«Взять у него карточку? Ну нет!»

— Отлично! Спасибо, мистер Гордон. От вас можно позвонить?

Он положил карточку на стол, и в этот момент

бабочка вспорхнула с его спины, пролетела над головой и села на шкафчик для посуды над раковиной.

Он проводил бабочку глазами, а Старлинг не спускала глаз с его лица. Он понял.

Их глаза встретились. Все было абсолютно ясно.

Мистер Гам чуть склонил голову набок и улыбнулся:

— У меня есть радиотелефон в кладовке. Пойду принесу.

Нет! Надо брать его прямо сейчас!

Ее рука молнией метнулась к кобуре. Одно движение, отработанное на бесчисленных тренировках, и вот револьвер там, где ему и полагается быть: в ее руках, она — в безупречной стойке. Весь мир сразу сузился до размеров прорези прицела.

— Не двигаться!

Он поджал губы.

— Подними руки! Медленно подними руки вверх!

«Вывести его отсюда, но чтобы между нами все время был стол… Вывести на улицу… И положить на землю, лицом вниз… А потом показать удостоверение прохожим».

— Мистер Гам… Мистер Гам, вы арестованы.

Сейчас мы с вами — очень медленно — выйдем на улицу…

Вместо этого он просто вышел из комнаты. Если бы он потянулся к карману или за спину, если бы она заметила какое-нибудь оружие, она бы тут же выстрелила. Но он просто вышел вон из комнаты.

Она слышала, как он побежал вниз, в подвал, и, обогнув стол, бросилась к двери и к лестнице. Ступени были ярко освещены, но его здесь уже не было. Ловушка! В этом ярком свете она как мишень, открытая со всех сторон…

Из подвала донесся тонкий крик, тонкий, словно вырезанный из папиросной бумаги.

Очень не нравится ей эта лестница, страшно не нравится. «Быстро, Старлинг, быстро, давай, давай… Или вообще больше ничего не успеешь!..»

Снова крик Кэтрин Мартин. «Он ее сейчас убьет!» Старлинг очертя голову бросилась вниз. Одна рука на перилах, другая с зажатым в ней револьвером вытянута вперед, чуть ниже уровня глаз, пол ходуном ходит под ногами, мушка то вниз, то вверх, то вправо, то влево, то на одну дверь, то на другую, там, внизу, обе они открыты.

В подвале ярко сияли все лампы. Невозможно

пройти в одну из этих дверей, не нарвавшись на выстрел из другой… «Быстро, быстро! Теперь налево, откуда доносятся крики… В чулан, быстро вбок, не торчать в дверном проеме…» Глаза широко раскрыты, шире, чем когда бы то ни было… Единственное место, где он мог укрыться, — за колодцем… Она скользнула вбок, вдоль стены. Обе руки опять сжимают рукоять револьвера и вытянуты вперед, спуск притоплен… «Так, теперь за колодец… Никого!»

Из колодца снова донесся крик. Потом лай собаки. Она подошла к колодцу, не сводя глаз с входной двери, наклонилась и заглянула вниз. Увидела там девушку, снова бросила взгляд на дверь, снова глянула вниз и произнесла то, что ее учили говорить в таких случаях, чтобы успокоить заложника:

— Я из ФБР! Все в порядке, вам уже ничто не угрожает!

— Кой черт, не угрожает! У него револьвер! Вытащи меня отсюда! ВЫТАЩИ!

— Кэтрин, все будет в порядке! Замолчи! Ты не знаешь, куда он делся?

— ВЫТАЩИ МЕНЯ! ВЫТАЩИ! ПЛЕВАТЬ МНЕ, КУДА ОН ДЕЛСЯ! ВЫТАЩИ МЕНЯ ОТСЮДА!

— Вытащу, вытащу, успокойся! Помолчи и по-

старайся мне помочь. Помолчи, я же ничего не слышу! И собаке заткни пасть!

Присев за колодцем и держа дверь на прицеле, она старалась унять бьющееся сердце. Вдох — выдох. Ее дыхание сдувало пыль со стенки колодца. Она теперь не могла уйти отсюда, не могла оставить Кэтрин одну, не могла подняться наверх и вызвать помощь — она не знала, где находится Гам. Она приблизилась к двери и укрылась за ней. Отсюда ей было видно подножие лестницы и часть мастерской.

«Что делать? Попробовать обнаружить Гама? А может, он уже сбежал? Или вытащить Кэтрин?» Она быстро оглянулась. Чулан был пуст.

— Кэтрин! У него лестница есть?

— Не знаю. Я очнулась уже внизу. Он спускал мне ведро на веревке.

Она еще раз огляделась. Так, вон там, на потолочной балке, — ручная лебедка. Веревки на барабане нет.

— Кэтрин, мне надо придумать, как тебя вытащить. Ты двигаться можешь?

— Могу. Только не оставляй меня одну!

— Мне надо выйти отсюда, на минутку.

— Сука ты! Не оставляй меня одну! Вот только попробуй, моя мать тебе кишки выпустит…

— Кэтрин, заткнись! Заткнись наконец, я же ни черта не слышу! Помолчи, только этим ты сейчас можешь себе помочь! Понимаешь или нет? — И добавила еще громче: — Сейчас сюда остальные приедут. Так что помолчи. Мы тебя здесь не оставим!

Должна же у него где-то быть веревка! Где? Надо посмотреть…

«Одним броском через лестничную площадку в мастерскую, через дверь, дверь — самое опасное место, оглядеть комнату, быстро вдоль ближней стены, потом в одну сторону, в другую… какие-то знакомые тени плавают в аквариуме, страха нет… внимание сосредоточено… Теперь быстро в тот конец комнаты, мимо аквариумов, мимо ванн, мимо клеток… Бабочки летают… Не отвлекаться…»

Коридор за мастерской ярко освещен. Сзади вдруг заработал мотор холодильника, и она мгновенно обернулась, присев и нажав на спуск так, что боек приподнялся над капсюлем. Нет, ложная тревога… Она ослабила нажим на спуск. Дальше по коридору… Подсматривать, осторожно выглядывать из-за угла ее не учили, она выскакивала сразу, револьвер и голову вперед одновременно, но низко присев… Коридор пуст. В самом его

конце — студия, там ярко сияют все лампы… «Быстро вперед, мимо закрытых дверей, рискнем оставить их непроверенными… Дверь в студию, за ней комната, вся белая, отделана светлым дубом… Черт, быстрее, быстрее, не торчи в проеме… Проверь все манекены, что это именно манекены, что каждое отражение в зеркале — тоже манекен… И что единственное движущееся тело в зеркалах — это ты сама…»

Огромный черный шкаф, открытый и пустой. Дальняя дверь нараспашку, за ней полная темнота, остальная часть подвала. Ни веревки, ни лебедки не видно… За дверью тьма, ни одной включенной лампочки… Она закрыла дверь в неосвещенную часть подвала, придвинула стул, заклинив ручку двери его спинкой, и придвинула к нему швейную машину. Если бы она была уверена, что его нет в этой части подвала, тогда она рискнула бы выбраться наверх и попытаться обнаружить телефон.

Назад по коридору. Вот одна из дверей, что она не проверила… «Прижмись к стене, там, где дверные петли… Распахни ее настежь, одним толчком». Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Никого! Заброшенная ванная комната. «А, вот и веревка, и лебедка! Что теперь?

Искать телефон или сперва вытащить Кэтрин?» На дне колодца Кэтрин не грозит шальная пуля. Но если Старлинг убьют, Кэтрин погибнет наверняка. «Вытащить ее и вместе искать телефон!»

Старлинг не хотела больше оставаться в этой ванной. Он мог подобраться к двери и шлепнуть ее. Она выглянула в коридор и нырнула обратно, за веревкой. В углу стояла огромная ванна, до краев наполненная каким-то застывшим пурпурно-красным месивом, похожим на штукатурный раствор. Из месива торчала человеческая рука. Почерневшая, сморщившаяся, но с лаком на ногтях. На запястье — изящные часики. Старлинг видела все это сразу, все вместе — веревку, ванну, руку, часы.

Секундная стрелка медленно-медленно ползет по циферблату… Это было последнее, что она успела увидеть, — свет погас.

Сердце подпрыгнуло так, что она вся вздрогнула, с головы до ног.

«Сплошная тьма… Ухватиться бы за что-нибудь, хоть за край ванны… Ванна… Выбраться отсюда!.. Если он сумеет найти в темноте эту дверь, то начнет стрелять… Спрятаться здесь не за что… О господи, скорей отсюда!.. Выбраться бы в холл… Присядь, держись пониже… Нигде не

видно света? Нет, нигде. Он на щитке рубильник выключил… Где тут у него щиток? Где вообще обычно бывают щитки? Возле лестницы! По большей части где-нибудь возле лестницы! Если так, значит, он движется сюда именно со стороны лестницы! Значит, он сейчас между мной и Кэтрин. Опять Кэтрин кричит.

Ждать его здесь? Сколько придется ждать? Вечность? А может, он уже сбежал! Он же понятия не имел, что я одна… Нет, вполне мог догадаться… Меня, конечно, скоро хватятся… Не позже сегодняшнего вечера… Лестница в той стороне, откуда доносятся крики. Надо решать прямо сейчас».

Она двинулась вперед, чуть касаясь плечом стены, одна рука вытянута вперед, другая сжимает револьвер, прижимает его к поясу, к теплому животу… «Так, теперь в мастерскую… Внимание, впереди открытое пространство… Большая комната… Присесть, броском внутрь… Руки вперед, держать револьвер обеими руками… Ты же прекрасно знаешь, где он находится — чуть ниже уровня глаз… Стоп! Прислушайся… Медленно повернись, всем телом одновременно, и тело, и голова, как поворотная башня… Стоп, прислушайся…»

Полная темнота, шипение пара и бульканье воды в трубах…

И тяжелый запах бьет прямо в ноздри, козлом душным воняет…

«Кэтрин опять причитает».

Мистер Гам стоял у стены и наблюдал за ней. Он успел уже надеть свои инфракрасные очки. Он не опасался, что она на него наткнется в темноте, — сейчас их разделял верстак. Она слишком тощая, думал он, от нее никакого проку не будет. Но тут он вспомнил ее волосы, как она стояла там, в кухне… Превосходные волосы! Потрясающий выйдет парик! Много времени это не займет — он за пару минут справится! Аккуратно снимет их вместе с кожей. И наденет на себя! А потом можно будет нагнуться над колодцем и крикнуть: «Угадай, кто пришел!»

Это было здорово — наблюдать, как она пытается отсюда выбраться! Вот сейчас прижалась бедром к раковине и медленно пробирается в том направлении, откуда доносятся крики. Было бы очень забавно поиграть с ней так подольше, поохотиться за ней в темноте. Такого еще не случалось, чтобы оно было с револьвером. Да, это было бы очень здорово! Но времени нет. Жаль, но времени на это совершенно нет.

Стрелять прямо в лицо. Да, именно так, сейчас. Расстояние два с половиной метра. Отлично!

Взводя курок, он поднял револьвер, и в то же мгновение ее фигура расплылась и взорвалась зеленым пламенем. Рука ощутила отдачу от выстрела, и в ту же секунду он сильно ударился спиной об пол. Его фонарь работал, и, лежа навзничь, он отчетливо видел потолок.

Старлинг лежала на полу, ослепшая от вспышек выстрелов. В ушах звенело от грохота двух револьверов, она совершенно оглохла. Поспешно, пока оба они ничего не слышат, она нащупала защелку барабана, открыла его, выбросила стреляные гильзы, на ощупь проверила, все ли экстрактировались, достала скорозарядное устройство с запасными патронами, затолкала в барабан, закрыла револьвер. Она выпустила четыре пули. Два выстрела, затем еще два. Он выстрелил только один раз. Она нащупала на полу среди стреляных гильз два целых патрона. «Куда бы их сунуть? В освободившуюся обойму». Больше она не шевелилась. «Может, все-таки двинуться вперед, пока он не слышит?..»

…Звук взводимого курка не спутаешь ни с чем. Она стреляла на этот звук, не видя перед собой ничего, кроме огненных вспышек, вырывавшихся

из ствола. Она надеялась, что сейчас он попробует выстрелить наугад и это даст ей возможность стрелять по его вспышке. Слух постепенно возвращался к ней, хотя в ушах еще звенело.

«Что это за звук? Свист? Как чайник свистит, только прерывисто… Что это? Похоже на дыхание… Это я дышу? Нет». Ее дыхание отражалось от пола, она чувствовала его лицом. «Тише, тише, тут сплошная пыль, еще чихнешь… Да, это дыхание! У него рана в груди, вот что свистит!» Ее учили, как обращаться с такими ранениями, чем и как закрывать, чтобы воздух не проходил, — куском пластыря, полиэтиленовым пакетом — и завязать поплотнее. Чтобы легкое снова наполнилось воздухом. Так, значит, она попала ему в грудь. «И что теперь? Ждать! Пусть потеряет побольше крови. Ждать».

Старлинг почувствовала, как саднит щека. Она не касалась раны. Если кровь еще течет, рука будет скользкой.

Из колодца снова донеслись стоны и причитания. Кэтрин ноет и плачет. «Ничего, надо ждать. Сейчас нельзя отвечать Кэтрин. Ни звука, ни движения. Ждать».

Мистер Гам по-прежнему смотрел на потолок, он попытался повернуть фонарь, но рука не слу-

шалась, голова — тоже. Огромная малайзийская бабочка пролетела под самым потолком, уловила инфракрасный луч и начала кругами опускаться ниже, зеленая в линзах его очков. Дрожащие огромные тени от ее крыльев, трепетавшие на потолке, были видны только мистеру Гаму.

И тут сквозь чавкающие и свистящие звуки вдохов и выдохов мистера Гама Старлинг услышала его потусторонний, задыхающийся голос:

— Каково… это… быть… такой… такой красивой?

Потом другие звуки — хлюпанье, хрипение, — и свист прекратился.

С этим Старлинг тоже была знакома. Она уже однажды слышала такое — в больнице, когда умер отец.

Она нащупала край стола и поднялась на ноги. Двигаясь на ощупь, направилась в ту сторону, откуда доносились причитания Кэтрин. Нашла лестницу и в полной темноте стала подниматься наверх.

Ей показалось, что она потратила на это уйму времени. В кухне на столе горела свеча. С ее помощью она нашла щиток и включила свет. Она вздрогнула, когда зажглись лампы. Чтобы добраться до рубильника и выключить свет во

всем доме, он, должно быть, вылез из подвала по другой лестнице и пришел сюда, а потом спустился обратно, за ней. Надо было удостовериться, что он действительно мертв. Старлинг подождала, пока глаза привыкнут к свету, и только тогда пошла вниз, в мастерскую. Она двигалась очень осторожно. Сначала увидела его голые ноги, торчащие из-под стола. Она не сводила глаз с его руки и с револьвера, лежащего рядом, пока не подошла и ногой не отбросила оружие в сторону. Его глаза были широко раскрыты. Он был мертв. В груди, справа, пулевое отверстие. Вокруг полно крови, уже свернувшейся. Он успел надеть на себя одно из своих изделий, видимо, взял из шкафа по пути. На это было невозможно смотреть.

Старлинг подошла к раковине, положила свой револьвер на стол рядом, пустила холодную воду, смочила руку и вытерла ею лицо. Крови нет. Бабочки бились о сетку, прикрывавшую лампы на потолке. Ей пришлось обойти его тело, чтобы подобрать с пола «питон».

Нагнувшись над колодцем, она сказала:

— Кэтрин, он мертв. Он тебе уже ничего не сделает. Я сейчас поднимусь наверх и позвоню…

— Нет! ВЫТАЩИ МЕНЯ ОТСЮДА! ВЫТАЩИ! ВЫТАЩИ! ВЫТАЩИ!

— Кэтрин, послушай! Он мертв! Смотри, вот его револьвер! Узнаешь? Я сейчас позвоню и вызову полицию! И пожарных, чтобы вытащили тебя. Я не сумею сама тебя оттуда извлечь: боюсь, ты сорвешься и упадешь. Сейчас я им позвоню и сразу вернусь сюда, к тебе. И мы будем ждать их вместе. Ладно? И заставь собаку замолчать, а? Ну вот и хорошо.

Съемочная группа с местной телестудии примчалась вслед за пожарными, чуть опередив белведерскую полицию. Капитан пожарных, разъяренный суетой и яркими юпитерами телевизионщиков, выгнал их из подвала и велел отойти от лестницы, пока его люди готовили лебедку и прочее оборудование, чтобы вытащить Кэтрин Мартин из колодца.

Лебедка и шкив мистера Гама показались им ненадежными. Один из пожарных сам спустился в колодец, усадил Кэтрин в спасательное кресло и закрепил ремнями. И Кэтрин подняли на поверхность. Она появилась над колодцем, прижимая к себе собаку. Она не выпустила ее из рук даже в машине «Скорой помощи».

В больнице, однако, с ней церемониться не стали: собак здесь не терпели. Один из пожарных, получивший приказ по дороге завезти собаку в

приют для бездомных животных, вместо этого забрал Прелесть к себе домой.

57

В Национальном аэропорту Вашингтона прибытия ночного рейса из Колумбуса, штат Огайо, ожидали около пятидесяти человек. Большинство встречали родственников; все выглядели заспанными, несколько помятыми, у многих из-под пиджаков торчали рубашки.

Стоя среди встречающих, Арделия Мэпп имела полную возможность рассмотреть Старлинг с головы до ног, пока та шла от самолета. Старлинг была ужасно бледной, под глазами — черные круги. На щеке — впившиеся в кожу сгоревшие порошинки. Старлинг заметила Мэпп, подошла. Они обнялись.

— Привет, подруга, — сказала Мэпп. — Багаж есть?

Старлинг мотнула головой.

— Тогда пошли. Джефф ждет снаружи, у машины.

Выйдя из здания аэропорта, они увидели на стоянке и Джека Крофорда. Его машина была припаркована за микроавтобусом Джеффа. Он всю ночь встречал родственников Беллы, приез-

жающих на похороны.

— Я… — Он вздрогнул. — Вы даже сами не представляете, что вы сделали… Ты забила решающий мяч, малыш. — Он тронул ее щеку: — А это что такое?

— Порох. Сгоревшие порошинки. Доктор сказал, через пару дней они сами выйдут — это лучше, чем выковыривать их.

Крофорд привлек ее к себе и на секунду, на одну только секунду крепко обнял. Потом отпустил и поцеловал в лоб.

— Вы даже сами не представляете, что вы сделали! — повторил он. — А сейчас отправляйтесь домой. Спать. Выспитесь хорошенько. Завтра поговорим.

Новый микроавтобус службы наружного наблюдения был весьма комфортабельным, поскольку предназначался для длительного пребывания в засаде. Старлинг и Мэпп уселись в огромные глубокие кресла в задней части салона. Крофорд уехал на своей машине, так что Джефф вел автобус с несколько большей скоростью, чем в его присутствии. Они мчались в Квантико.

Старлинг сидела, закрыв глаза. Через пару миль Мэпп хлопнула ее по колену. Она уже открыла две бутылки кока-колы. Одну из них протянула

Старлинг и тут же достала из сумки полупинтовую фляжку виски «Джек Дэниелс».

Они отпили по глотку кока-колы прямо из горлышка и добавили в бутылки немного виски. Потом взболтали содержимое, заткнув горлышко большим пальцем, и пустили струю пены в рот.

— А-а-ах, хорошо! — сказала Старлинг.

— Не вздумайте это там пролить! — предупредил Джефф.

— Не волнуйся, Джефф, — сказала Мэпп. Затем тихонько сообщила Старлинг: — Ты бы видела, как он трясся, пока ждал меня возле винной лавки! Как будто я его на минное поле завела!

Виски понемногу начало действовать. Старлинг расслабилась и поглубже уселась в кресле. Только тогда Мэпп наконец спросила:

— Ну как ты, Старлинг?

— Сама еще толком не пойму, Арделия.

— Тебе еще придется туда возвращаться?

— Может быть. На денек, через недельку. Но надеюсь, обойдется и без этого. Сам генеральный прокурор прилетел туда из Колумбуса. Сейчас работает вместе с полицией Белведера. А я уже дала все показания.

— У меня для тебя две хорошие новости. Сенатор Мартин вчера вечером мне телефон оборвала. Из

Бетесды[53]. Ты знаешь, что они сразу отправили Кэтрин в Бетесду, в военно-морской госпиталь? Она, в общем-то, легко отделалась. Физического ущерба он ей не причинил. Психологически, конечно, она еще в шоке, так что доктора пока ничего определенного не говорят. Сказали, что понаблюдают за ней некоторое время. Об академии можешь не беспокоиться. Крофорд и Бригем все уже уладили. Никто тебя никуда не вызывает, никаких объяснительных, ничего. Крендлер затребовал свой рапорт назад. У этих людей вместо сердца табель о рангах! Но спуску тебе все равно не дадут. Правда, на экзамен по Четвертой поправке завтра можешь не являться. Его тебе перенесли на понедельник. После него будешь сдавать физподготовку. Так что субботу и воскресенье нам придется попотеть над учебниками.

Они прикончили виски на подходе к Квонтико и уничтожили улики — засунули пустую фляжку в мусорный бак на обочине шоссе.

— А еще звонил Пилчер. Доктор Пилчер из Смитсоновского института. Три раза звонил! И заставил меня дать слово, что я непременно тебе об этом сообщу!

---

[53] Сноски: 53
Бетесда — город в штате Мэриленд, пригород Вашингтона.

— Он на самом деле никакой не доктор.

— Думаешь, у тебя с ним что-нибудь получится?

— Может быть. Сама пока не знаю.

— Он забавный парень, очень забавный. Я теперь поняла, что самое главное в мужчинах. Они должны быть забавны. Это, конечно, после денег и покладистости!

— Ага. И манеры еще. Не забывай о манерах.

— Точно. Манеры — первое дело! Самое главное — чтоб этот сукин сын умел себя вести!

Из душа Старлинг вышла пошатываясь и сразу рухнула в постель.

Мэпп, дождавшись, когда дыхание Старлинг стало ровным и спокойным, погасила свет. Во сне Старлинг несколько раз вздрагивала, ее щека дергалась, а один раз она вдруг, не просыпаясь, широко раскрыла глаза.

Мэпп проснулась незадолго до рассвета и почувствовала, что, кроме нее, в комнате никого нет. Она включила свет. Постель Старлинг была пуста. Пусты были и их мешки для грязного белья. Мэпп сразу поняла, где ее следует искать.

Она нашла Старлинг в теплой прачечной. Та спала под ровный шум стиральной машины. В комнате пахло стиральным порошком, мылом

и отбеливателем для белья. И хотя курс психологии проходила Старлинг, а Мэпп занималась только юриспруденцией, именно Мэпп помнила, что ритмичный гул стиральной машины напоминает биение сердца, а переливание воды в патрубках похоже на те звуки, которые слышит еще не родившийся ребенок. Наше последнее воспоминание о покое и полном умиротворении.

58

Джек Крофорд проснулся рано. Он в эту ночь спал на диване в кабинете. По всему дому разносился храп приехавших на похороны родственников. В последние свободные минуты, пока на него еще не обрушились многочисленные дневные заботы, он опять вспомнил Беллу. Не то, как она умирала, а то, что сказала ему, когда в последний раз пришла в сознание. «Что там делается у нас во дворе?» — спросила она тогда. Ее взор был чист и покоен.

Он взял корзинку с птичьим кормом и прямо в халате вышел во двор — кормить птиц, как и обещал ей. Оставив родственникам записку, он тихонько выбрался из дома еще до восхода солнца. Крофорд всегда неплохо ладил с родственниками Беллы, и сейчас ему очень помогал шум, которым они наполнили весь дом. Но все же он был рад, что наконец может уехать на службу, в Квантико.

Он уже просмотрел все телексные сообщения, накопившиеся за ночь, и слушал утренний обзор новостей по телевизору, когда появилась Стар-

линг. Она прижалась носом к стеклу входной двери. Он смахнул бумаги с кресла и усадил ее. Они вместе досмотрели программу новостей, не говоря друг другу ни слова. В конце программы показали репортаж о завершении дела Буффало Билла.

Сначала появилась фотография фасада дома, где жил Гам. Старый магазин в городе Белведер. Пустые окна, раньше служившие витринами, а теперь закрытые тяжелыми ставнями. Старлинг с трудом узнала его. «Подземелье ужасов» — так назвал дом диктор.

Резкие, сделанные в спешке и толкотне съемки подвала и колодца. Фоторепортеры, разъяренные пожарные, оттесняющие журналистов… Бабочки, растревоженные ярким светом юпитеров, летящие прямо на свет… Вот одна упала на пол и бьется в агонии.

Кэтрин Мартин в накинутом на плечи чужом пальто. Отказывается от носилок, сама идет к машине «Скорой помощи». А из воротника пальто выглядывает собака…

А вот и сама Старлинг, ее засняли сбоку, когда она быстро шла к машине. Голова опущена, руки засунуты в карманы…

Репортаж как следует подредактировали, наи-

более жуткие подробности на экран не пустили. Показали только двери в дальнем конце подвала, ведущие в помещения, где Гам держал свои самые ценные шедевры, способные вызвать только холодящий душу ужас. Пока что были обнаружены следы пребывания шести жертв.

Два раза Крофорд явственно слышал, как Старлинг глубоко вздохнула, выпустив воздух сквозь сжатые зубы. Потом на экране появилась реклама.

— Доброе утро, Старлинг!

— Здравствуйте, — ответила она, как будто была не согласна с тем, что сейчас утро.

— Генеральный прокурор прислал факсом из Колумбуса ваши показания. Вам надо подписать несколько экземпляров и отослать ему обратно. Стало быть, из дома Фредрики Биммел вы отправились к Стейси Хубке, а потом к этой Берлин, в магазин, где Биммел получала заказы на шитье, магазин Ричардса, и миссис Берлин дала вам старый адрес миссис Липман, направив прямо в тот дом…

Старлинг кивнула:

— Стейси Хубка пару раз заезжала туда за Фредрикой. Но за рулем был ее дружок, так что она толком не помнила адреса. Зато миссис Бердин

дала мне точный адрес.

— А миссис Бердин ничего не говорила о том, кто теперь живет в этом доме?

— Ничего.

На экране появился репортаж из военно-морского госпиталя в Бетесде. Сенатор Рут Мартин в рамке окна своего лимузина.

— С Кэтрин, я надеюсь, все будет в порядке. Она вполне владеет собой. Да-да. Она сейчас спит, ей ввели успокоительное… Да-да, мы ужасно рады, ужасно счастливы… Нет, я уже говорила, у нее только сильный шок, а так все в порядке… Несколько царапин и палец сломан. И организм сильно обезвожен. Да, спасибо. — Толкнула шофера в спину. — Спасибо. Нет, она мне вчера сказала про собаку. Не знаю еще, что мы предпримем… У нас уже есть в доме две собаки…

Репортаж завершило совершенно бессмысленное заявление некоего специалиста по выводу из стресса, который еще не беседовал с Кэтрин, но намеревался осмотреть ее сегодня вечером, чтобы оценить глубину ее эмоциональной травмы.

Крофорд выключил телевизор.

— Ну как вы, Старлинг? Как чувствуете себя?

— Ничего. Только внутри вроде все застыло… А вы? У вас тоже?..

Крофорд кивнул и поспешно переменил тему:

— Сенатор Мартин звонила. Она желает приехать и лично выразить вам свою признательность. Кэтрин тоже, как только поправится.

— Буду рада.

— И Крендлер тоже хотел приехать. Кстати, он забрал свой рапорт…

— Если хорошенько подумать, то я не всем рада…

— Мой вам совет — используйте сенатора Мартин. Пусть выскажется, как она вам благодарна, пусть сама громко скажет все, что чувствует по отношению к вам. У чувства благодарности короткий век… А вам, с вашим-то характером, насколько я понимаю, скоро потребуется ее помощь.

— Арделия то же самое говорит.

— Ваша подруга, Мэпп? Заведующий учебной частью сказал мне, что Мэпп намерена подготовить вас к экзамену в понедельник. Она только что обогнала по сумме баллов своего старого соперника Спрингфеллоу.

— Хочет получить право выступить с речью на выпускном вечере?

— Видимо. Но он так просто не уступит, этот Спрингфеллоу! Он уже заявил, что ей его не обо-

гнать!

— Пусть лучше заказывает собственные похороны!

В куче бумаг на столе Крофорда валялась и сложенная доктором Лектером из плотной бумаги курочка. Крофорд взял ее в руки и дернул за хвост. Курочка клюнула.

— Лектер на сегодняшний день — знаменитость номер один. Стоит на первом месте в списке разыскиваемых преступников. Но он еще, я думаю, некоторое время погуляет… В этой связи еще один совет — вам следует приобрести некоторые полезные привычки… Как вести себя вне службы…

Она кивнула.

— Я надеюсь, вы понимаете, что он не будет делать вам поблажек, — продолжал Крофорд. — Он с радостью поступит с вами так же, как со всеми остальными.

— Не думаю, чтобы он стал охотиться за мной из-за угла. Грубовато это, да и вопросы некому будет задавать. Другое дело, если я попаду к нему в лапы и ему вдруг станет скучно…

— И все же вам, безусловно, следует приобрести некоторые полезные привычки. Уходите со службы — и с концами. Никому никаких сообщений о

вашем местопребывании, особенно незнакомым, по телефону. Я хотел бы, чтобы ваш телефон подключили к системе определения номера, чтоб знать всех, кто вам звонит. Если вы, конечно, не возражаете. Для включения в систему вам будет достаточно нажать кнопку. Все остальное время аппарат будет работать как обычный частный телефон.

— Не думаю все же, что он станет за мной охотиться.

— Вы поняли, что я вам говорил?

— Да. Я все поняла.

— Тогда вот ваши показания: просмотрите их. Если хотите что-то добавить, добавляйте. Мы потом заверим вашу подпись и отошлем их обратно. Я горжусь вами, Старлинг. И Бригем тоже. И директор.

Это прозвучало суховато и немного неуклюже, не так, как он хотел бы.

Он проводил ее до дверей, а потом смотрел, как она идет по пустому коридору, уходит прочь — от него. И все же он смог превозмочь свое горе и сказал на прощание:

— Старлинг, ваш отец мог бы вами гордиться.

59

О Джейме Гаме писали и говорили еще несколько месяцев после того, как тело его опустили в последнее прибежище.

Репортеры выясняли подробности его биографии начиная с самого детства, проведенного в округе Сакраменто.

Его мать была уже месяц беременна им, когда приняла участие в конкурсе красоты на звание «Мисс Сакраменто» 1948 года. Она не заняла там призового места. Имя Джейм, записанное в его свидетельство о рождении, было явной ошибкой регистратора, однако никто впоследствии так и не позаботился эту ошибку исправить.

Когда актерская карьера мамочки не задалась, она запила и покатилась по наклонной. Гаму было два года, когда власти округа Лос-Анджелес лишили ее материнских прав и поместили ребенка в приют.

По меньшей мере два научных журнала опубликовали статьи, посвященные тяжелому детству Гама, именно этим объяснив его потребность убивать женщин и снимать с них кожу. Слова

«помешательство» или «зло» в этих статьях отсутствовали напрочь.

Видеофильм о конкурсе красоты, который Джейм Гам так любил смотреть уже взрослым, был действительно снят на конкурсе, в котором участвовала его мать, но что касается съемок той женщины в бассейне, то это была вовсе не его мать — что со всей точностью доказали сравнительные измерения.

Дед и бабка забрали Гама из убогого приюта, когда ему было десять лет. А еще через два года он застрелил их.

В реабилитационном учебном центре при закрытой психиатрической клинике в Туларе, куда Гама поместили по решению суда, он выучился кройке и шитью, проявив при этом недюжинные способности.

Сведения о том, где и кем он когда-либо работал, были отрывочными и неполными. Журналисты нашли пару ресторанов, куда он нанимался на почасовую работу за наличные. Время от времени он также выполнял частные заказы на пошив различных изделий. Доказательств, что он убивал и в тот период, найдено так и не было, но Бенджамин Распай утверждал, что он убивал уже и тогда.

Одно время Гам работал в антикварном магазине, где помимо всего прочего торговали украшениями, сделанными из залитых в пластик крыльев бабочек. Там он познакомился с Распаем и потом некоторое время жил у него на содержании. Именно тогда им овладела навязчивая идея насчет мотыльков и бабочек и тех превращений, которые они претерпевают в своем развитии.

После того как Распай бросил его, он убил его следующего любовника, Клауса, обезглавив и частично ободрав с убитого кожу.

Несколько позднее он снова разыскал Распая на Восточном побережье. Распай, которого всегда привлекали «нехорошие мальчики», познакомил его с доктором Лектером.

Это было доказано через неделю после смерти Гама, когда ФБР конфисковало у родственников Распая магнитофонные пленки с записями его бесед с доктором Лектером.

Когда доктора Лектера признали невменяемым, все пленки с записями лечебных сеансов с пациентами были переданы родственникам его жертв для последующего уничтожения. Но вздорная родня Распая решила сохранить их, надеясь воспользоваться записями, если возникнет возможность оспорить решение суда о

его наследстве. Прослушав несколько пленок, они утратили к ним всякий интерес, поскольку там содержались лишь скучные воспоминания о школьных годах. Только после сообщений в прессе о Джейме Гаме родственники Распая прослушали остальные пленки. Потом они позвонили адвокату Эверетту Йоу и пригрозили ему возобновить иск о спорности решения суда и использовать для этого магнитофонные записи. Йоу тут же связался с Клэрис Старлинг.

На пленках был записан и последний визит Распая к доктору Лектеру, когда тот убил его. Но что гораздо более важно, из записей становилось ясно, что именно Распай рассказал Лектеру о Джейме Гаме.

Распай поведал ему о навязчивых идеях Гама, о том, что тот в прошлом уже сдирал кожу с людей, что он убил Клауса, что он работал в ателье «Мистер Хайд» в Кальюмет-Сити и занимался шитьем изделий из кожи, что он также получал деньги от одной старухи из города Белведер, штат Огайо, в ателье которой делали подкладку для этих изделий. Распай также утверждал, что когда старуха умрет, она оставит Гаму всю свою собственность.

— Когда Лектер прочел в газетах сообщение о том, что первая жертва была именно из Белведе-

ра и что убийца также содрал с нее кожу, он сразу понял, кто за этим стоит, — сообщил Старлинг Крофорд, когда они вместе прослушивали эти пленки. — Он бы выдал вам Гама и выглядел бы в наших глазах совершеннейшим гением, если бы Чилтон не испортил все своим идиотским вмешательством.

— Он намекнул мне, написав тогда на карте, что разброс тел выглядит слишком случайным, — сказала Старлинг. — А в Мемфисе спрашивал, шью ли я. Интересно, чего он добивался?

— Он просто развлекался, — ответил Крофорд. — Он устроил себе из всего этого долговременное развлечение.

Ни одной пленки с записями бесед с Джеймом Гамом обнаружено не было. Подробности жизни Гама после убийства Распая были собраны по кусочкам путем изучения его деловой переписки, счетов за бензин, опросов владельцев галантерейных лавок и магазинов готового платья.

Когда миссис Липман умерла, он унаследовал все ее имущество, в том числе и огромный дом с ателье и витринами, жилыми помещениями и огромным подвалом, а также приличную сумму денег. Он перестал выполнять заказы для фирмы «Мистер Хайд», но на некоторое время оставил за

собой квартиру в Кальюмет-Сити, используя ее для получения посылок на имя Джона Гранта. Он продолжал обслуживать некоторых своих старых клиентов и регулярно объезжал галантерейные лавки и магазины готового платья в разных концах страны, как делал это раньше, когда снимал мерки для выполнения специальных заказов в ателье «Мистер Хайд». Шил он в своем доме в Белведере. Во время этих поездок он выслеживал свои будущие жертвы, а также топил их тела после использования. Его коричневый грузовичок часто видели на федеральных шоссе. А в кузове среди покачивающихся на вешалках готовых кожаных изделий лежал прорезиненный мешок с телом очередной жертвы…

Обширный подвал был словно специально для него создан. Здесь можно было и работать, и развлекаться. Сначала это были просто своеобразные игры — в темных переходах и помещениях он охотился за молодыми женщинами, а потом в «забавных позах» складывал их тела в дальних комнатах подвала и запирал там, открывая двери лишь для того, чтобы посыпать трупы известью.

Фредрика Биммел начала помогать миссис Липман в последний год жизни старухи. Обычно она забирала заказы прямо из ателье. Там она

и познакомилась с Джеймом Гамом. Фредрика была не первой, кого он убил, но первой жертвой, которую он убил именно из-за ее кожи.

Среди вещей Гама были обнаружены и письма Фредрики.

Старлинг с трудом заставила себя прочесть их — столько в них было надежды, ужасной тоски, одиночества, столько выражений искренней любви к Гаму! «Мой самый дорогой, тайный друг моей души, я люблю тебя! Никогда не думала, что произнесу эти слова! Но самое прекрасное — это произносить их в ответ на такие же слова!»

Когда он проявил свои истинные намерения? Может, это она обнаружила, *что* он хранит в своем подвале? Каким было ее лицо, когда он проявил свою истинную сущность? И сколько она после этого еще прожила?

Самое скверное заключалось в том, что Фредрика и Гам действительно были друзьями — до самого конца. Последнее письмо она написала ему уже из колодца.

Средства массовой информации теперь называли Гама не иначе как «мистер Хайд». Журналисты явно сожалели, что не додумались до этого раньше, и теперь пересказывали всю его историю с начала до конца.

Оставаясь в Квонтико, Старлинг была избавлена от назойливости репортеров, но газеты и ее вдоволь посклоняли.

«Нэшнл тэтлер» приобрел у доктора Чилтона записи бесед Старлинг с доктором Лектером. На их основе «Тэтлер» подготовил и опубликовал серию материалов под общим заголовком «Невеста Дракулы», в которых намекалось, что Старлинг в обмен на информацию «одаряла Лектера откровениями сексуального характера». После этого Старлинг получила «заманчивое» предложение от другого издания — «Бархатные беседы: журнал телефонного секса».

Журнал «Пипл» опубликовал небольшую доброжелательную статью о Старлинг, снабдив ее фотографиями, позаимствованными из Университета штата Виргиния и из лютеранского приюта в Бозмене. Самая лучшая фотография была с лошадью, с той самой Ханной, запряженной в тележку, полную ребятишек.

Старлинг вырезала фотографию Ханны и спрятала в бумажник. Это было единственное, что она решила непременно сохранить.

Мало-помалу она приходила в себя.

60

Арделия Мэпп оказалась прекрасным репетитором. Еще сидя на лекции, она предчувствовала, какой вопрос могут задать на экзамене по той или иной теме, — так леопард за версту чует ослабевшую жертву. Правда, по физподготовке она здорово помочь не могла — сама она бегала неважно. Она объясняла это тем, что якобы «битком набита разными знаниями».

Она, конечно, отстала от Старлинг на беговой дорожке, но быстро нагнала ее в салоне старенького самолета ДС-6, который ФБР использовало для проигрывания разнообразных ситуаций, возникающих при угонах пассажирских лайнеров и при освобождении заложников.

Это было утром в воскресенье. Они уже два дня подряд безвылазно просидели над учебниками и теперь наслаждались свежим воздухом и бледным зимним солнцем.

— Ну, что тебе этот Пилчер сообщил по телефону? — спросила Мэпп, прислоняясь спиной к шасси самолета.

— У него с сестрой есть дом на берегу Чесапик-

ского залива.

— Ну и что?

— Его сестра сейчас там с детьми и собаками и, может быть, даже с мужем.

— И что?

— Они занимают одно крыло дома — это большой старый дом у самого берега. Они его от своей бабки унаследовали.

— Слушай, короче!

— Другое крыло в полном распоряжении Пилчера. И он меня приглашает туда на следующий уик-энд. Говорит, там много комнат. «Сколько душе угодно» — так он, кажется, выразился. И прибавил, что его сестра сама позвонит мне и подтвердит приглашение.

— Вот это да! Я уж думала, такого теперь вообще не бывает!

— Он все предусмотрел — всю программу нашего отдыха. Прогулки по берегу, никакого напряга, полный расслабон. Потом — домой, а там уже горит огонь в камине, а вокруг прыгают собаки, знаешь, с такими огромными лапами, выпачканными в песке.

— Сплошная идиллия! Ну-ну, собаки с огромными лапами, а что еще?

— Довольно много на первый раз, особенно

принимая во внимание, что он мне еще не назначал свиданий. Ну, еще он сказал, что, когда становится действительно холодно, там здорово спать рядом с двумя-тремя собаками. У них, говорит, достаточно собак, чтобы согреть любому и тело, и душу.

— Так, понятно. Расставил тебе настоящую ловушку, да еще с собаками! И ты, конечно, купилась?

— Он еще говорит, что умеет хорошо готовить. И его сестра это подтверждает.

— Ага, значит, она уже звонила!

— Звонила.

— Ну и как?

— Замечательно! Как будто она действительно находится в другом крыле дома.

— И что ты ей ответила?

— Я сказала: да, конечно, большое спасибо.

— Прекрасно, — заметила Мэпп. — Просто отлично! Поешь там крабов вволю. Как приедешь, хватай Пилчера и целуй его взасос. Дай волю инстинктам!

61

Официант бесшумно катил сервировочный столик по толстому ковру, покрывавшему коридоры отеля «Маркус».

Перед дверью номера 91 он остановился и тихо постучал обтянутой перчаткой рукой. Наклонив голову, он прислушался, затем постучал еще раз, погромче, чтобы перекрыть доносившиеся из номера звуки «Инвенций» Баха в исполнении Гленна Гульда.

— Войдите! — раздался наконец голос из номера.

Джентльмен с марлевой повязкой на лице, одетый в халат, сидел у стола и писал.

— Поставьте у окна. И покажите мне вино.

Официант показал ему бутылку. Джентльмен посмотрел ее на свет, поднес к настольной лампе.

— Откройте ее, но на лед не ставьте, — сказал он и записал в поданный счет щедрые чаевые. — Я попробую, потом.

Ему не хотелось, чтобы официант подавал ему вино, — он счел неприятным исходивший от того

запах нового ремешка для часов.

Доктор Лектер был в превосходном настроении. Неделя прошла отлично. Ему вполне успешно удалось несколько изменить свою внешность. Как только пройдут оставшиеся пятна и цвет лица восстановится, он снимет повязку и сделает фотографии для паспорта.

Всю работу он проделал сам. Всего несколько небольших инъекций жидкого силикона в нос. Силиконовый гель можно было купить свободно, но шприц и новокаин без рецепта не отпустили бы ни в одной аптеке. Он справился с этой проблемой, похитив рецепт прямо с прилавка, когда провизор отвлекся, обслуживая другого покупателя. Закорючки, оставленные на бланке врачом, он замазал белилами, которые машинистки используют для исправления опечаток, а затем переснял рецептурный бланк на ксероксе, сделав несколько новых чистых бланков. На первом он восстановил прежний рецепт, который украл, и вернул его в ту же аптеку, чтобы там потом не хватились пропажи.

Распухший нос несколько диссонировал с его тонкими чертами лица, а силикон перетекал с места на место при любом неосторожном движении. Но он решил, что до Рио доберется и в

таком виде.

Еще задолго до первого ареста, когда довольно необычное хобби уже начинало захватывать его целиком, доктор Лектер сделал некоторые приготовления на случай, если ему придется спасаться бегством. Он спрятал приличную сумму денег и полный набор документов на другое имя, включая паспорт, в стене одного из дачных коттеджей на берегу Саскуэханна-ривер. Там же хранился набор косметических средств, которые он использовал, фотографируясь на паспорт. Срок действия паспорта, конечно, уже истек, но его нетрудно будет продлить.

Он решил, что ему будет гораздо удобнее проходить таможенный и паспортный контроль в составе большой группы, с огромным туристическим значком на груди. Поэтому уже записался в тургруппу с чудовищным, на его взгляд, названием «Чудеса Южной Америки», вместе с которой он и попадет в Рио-де-Жанейро.

Он еще раз напомнил себе, что нужно выписать чек за подписью покойного Ллойда Уаймена в уплату по счету за отель. Пока чек попадет в банк, пока они там прочухаются, у него будет дней пять в запасе. Карточкой «Американ экспресс» расплачиваться все же рискованно — компьютер

может сразу засечь подмену.

Сегодняшний вечер он решил посвятить письмам — он уже давно никому не писал. Письма он пошлет через пересылочную службу в Лондоне.

Первым делом он послал щедрый подарок и записку с выражением благодарности Барни — за все услуги, которые тот оказал ему в психушке.

Затем он отправил письмо доктору Фредерику Чилтону, который сейчас отсиживался в какой-то тюрьме под защитой федеральных властей. Доктор Лектер писал, что в ближайшем будущем, вероятно, нанесет ему визит. А после этого визита, подчеркнул он, врачи вполне смогут вытатуировать инструкцию по кормлению пациента Чилтона прямо у него на лбу — для экономии бумаги.

И напоследок, налив себе бокал превосходного бургундского, он принялся за письмо Клэрис Старлинг.

Итак, Клэрис, ягнята теперь молчат?

Вы обещали сообщить мне, если они перестанут блеять, и я хотел бы это сообщение получить.

Вы вполне можете поместить объявление об этом в любой крупной газете

– «Таймс» или «Интернэшнл геральд трибюн» – первого числа любого месяца. И в «Чайна мейл» тоже, так будет еще лучше.

Меня вовсе не удивит, если Ваш ответ будет и «да» и «нет». Ягнята теперь на некоторое время замолчат.

Однако, Клэрис, Вы не вполне верно судите о себе.

Фемида недаром слепа, и весы ее колеблются постоянно. Вам придется вновь и вновь выпрашивать у судьбы это благословенное молчание. Потому что Вами движет чужая беда, Вы видите чужую беду – и это заставляет Вас действовать. Но чужие беды нескончаемы, они существуют вечно.

Я не собираюсь наносить визит Вам, Клэрис. Мир для меня более интересен, пока в нем есть Вы. Ожидаю той же любезности и от Вас.

Доктор Лектер приложил ручку к губам. Поглядел в ночное небо и улыбнулся.

У меня теперь есть окна.

Орион сейчас стоит низко над горизон-

том, а рядом с ним Юпитер. Он очень ярко светит, ярче, чем когда-либо; такого теперь не будет вплоть до 2000 года. (У меня вовсе не возникает желания сообщать Вам, который теперь час и как высоко над горизонтом он находится.) Но я надеюсь, Вы его сейчас тоже видите. Кстати, некоторые звезды в наших гороскопах совпадают.

О, Клэрис!

Ганнибал Лектер

Далеко от отеля «Маркус», на Восточном побережье, на берегу Чесапикского залива Орион сиял в ясном ночном небе высоко над огромным старым домом. В камине на ночь был разожжен огонь, и его пламя чуть колебалось под порывами ветра, задувающего в трубу.

На огромной кровати множество стеганых одеял, а на одеялах и под ними спят несколько огромных собак. Другие возвышения под одеялами вполне могут оказаться — а могут и не оказаться — Ноублом Пилчером. В неярком свете трудно определить точно. Но лицо на подушке, розовое в отсветах огня из камина, явно принадлежит Клэрис Старлинг. Она спокойно и мирно

спит. Ягнята молчат.

Выражая соболезнования Джеку Крофорду, доктор Лектер использует в своей записке строки из стихотворения Джона Донна[54] «Жар», не потрудившись сослаться на автора.

Память Клэрис Старлинг переиначивает строки из стихотворения Т. С. Элиота[55] «Пепельная среда»; ей так больше подходит.

Т. Х.

---

[54] Сноски: 54

Джон Донн (1572–1631) — английский священник и поэт, настоятель собора Св. Павла в Лондоне.

[55] Сноски: 55

Томас Стернз Элиот (1888–1965) — американский поэт, критик и драматург, создатель нового стиля современной лирической и философской поэзии, лауреат Нобелевской премии (1948).